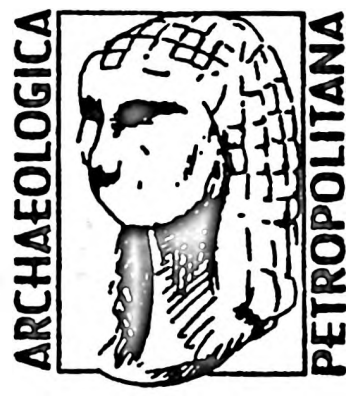

Г. А. МАКСИМЕНКОВ

**МАТЕРИАЛЫ
ПО РАННЕЙ ИСТОРИИ
ТАГАРСКОЙ
КУЛЬТУРЫ**

**RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF MATERIAL CULTURE HISTORY
PROCEEDING. VOLUME VIII**

G. A. MAKSIMENKOV

**MATERIALS ON THE EARLY HISTORY
OF THE TAGAR CULTURE**

**St. Petersburg
2003**

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
ТРУДЫ. ТОМ VIII**

Г. А. МАКСИМЕНКОВ

**МАТЕРИАЛЫ ПО РАННЕЙ ИСТОРИИ
ТАГАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ**

Санкт-Петербург
2003

УДК 930.26(571.1)
ББК Т4(2)275.134

*Утверждено к печати ученым советом
Института истории материальной культуры Российской Академии наук*

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского Гуманитарного научного фонда (проект № 02-01-16134д)*

М17

Ответственный редактор д-р ист. наук Э. Б. Вадецкая

Максименков Г. А. Материалы по ранней истории тагарской культуры. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. — 192 с. (Archaeologica Petropolitana, XIII).

Книга посвящена погребальному обряду, материальной культуре, демографии и социальной организации общества, населявшего бассейн Среднего Енисея в скифское время, на раннем этапе сложения тагарской культуры. Материалом для комплексного исследования послужили три полностью раскопанных могильника на левом берегу Енисея — Гришкин Лог I, Черновая I и Новая Черная I, которые отражают постепенно складывавшиеся культурные и погребальные традиции. До публикации могильников отдельные вещи и антропологические материалы из них уже использовались некоторыми исследователями. Содержащиеся в книге научные наблюдения самого автора раскопок значительно корректируют научные выводы других исследователей.

Редактор и корректор — Т. Г. Бугакова
Технический редактор — Т. В. Чудинова

Издательство «Петербургское Востоковедение»
191186, Россия, Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., 18

Подписано в печать 19.06.2003. Формат 60×90 1/8
Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс»
Печать офсетная. Объем 24 п. л.
Тираж 400 экз. Заказ № 1088

ОТПЕЧАТАНО В РОССИИ

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

ISBN 5-85803-243-5

© Г. А. Максименков, 2003
© Институт истории материальной культуры, 2003
© «Петербургское Востоковедение», 2003

Зарегистрированная торговая марка

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Научная деятельность Глеба Алексеевича Максименкова (1930—1986) была посвящена изучению древней истории Сибири в эпоху энеолита и бронзы. Он участвовал в археологических раскопках и разведках в разных районах Красноярского края, но самые крупные из них были произведены в бытность его начальником отряда Красноярской экспедиции ИИМК РАН, работавшей на Енисее, в зоне Красноярского водохранилища, в 1958, 1960—1970 гг.

Для своих многолетних полевых исследований Г. А. Максименков выбрал небольшой микрорайон между речками Карасук и Черновая (протяженностью около 30, шириной около 10 км), где методично обследовал памятники всех культур эпохи энеолита и бронзы, придавая особое значение расположенным возле р. Черновая или озер Сухое, Варча, Подгорное. По каждой культуре он стремился раскопать один-два могильника полностью или почти полностью либо продолжить исследование уже ранее начатых (Гришкин Лог I, Подгорное озеро). Научной целью этих работ было уточнить периодизацию и относительную хронологию ранних культур Минусинской котловины.

Г. А. Максименков раскопал могильник Черновая VIII [Максименков, 1980, с. 3—26, 92—120], по материалам которого выделил новую (в хронологической схеме минусинских памятников) — окуневскую — культуру. Монография «Окуневская культура» была защищена им в качестве докторской диссертации [Максименков, 1975а]. Около озера Сухого Г. А. Максименков полностью раскопал андроновский могильник (Сухое озеро I) и почти полностью (около 600 могил) карасукский (Сухое озеро II). Анализ первого могильника вошел в его монографию «Андроновская культура на Енисее» [Максименков, 1978], в которой он выделил специфические особенности енисейского варианта культуры, определил ее историческое место и участие в происхождении карасукской культуры. Рукопись «Карасукский могильник Сухое озеро II» с анализом второго памятника еще не опубликована. В ней Г. А. Максименков обосновывает хронологическую типологию керамики собственно карасукской культуры и выделяет несколько этапов внутри ее классического периода.

Г. А. Максименков продолжил раскопки двух эталонных, особенно важных для характеристики ранней тагарской культуры могильников — Гришкин Лог I и Подгорное озеро, начатые еще С. А. Теплоуховым.

В результате применения новой методики на могильнике Гришкин Лог I удалось обнаружить и раскопать все сооружения древнего кладбища, что позволило сделать его полный анализ, включая демографический. Впечатляющие наблюдения побудили Г. А. Максименкова в дальнейшем полностью раскопать еще два хронологически близких могильника, Черновая I и Новая Черная I, и проанализировать их по единому плану. Публикации всех трех могильников посвящается монография «Материалы по ранней истории тагарской культуры». Они относятся ко времени, когда у населения Енисея еще не было устойчивых погребальных традиций, которые стали эталоном позже, на

Г. А. Максименков (1930—1986)

подгорновском этапе тагарской культуры (от конструкций оград и могил до керамики и форм вещей) только ещё складывались (но медленно). Первоначально для этого периода была выделена самая ранняя группа могильников — баиновские могильники, а после раскопок Г. А. Максименкова были выделены поздние баиновские, или черновские, могильники. Наличие черновского этапа упоминается в статьях Г. А. Максименкова, а также в работах других исследователей [Козинцев, 1977, с. 43; Грязнов, 1979, с. 4; Вадецкая, 1986, с. 78—79 и др.]. Однако при публикации могильников «черновского» типа автор ни разу не употребляет название «черновский» или «гришкиноложский» этап. Возможно потому, что, хотя каждый из могильников (согласно приведенным в работе доказательствам) представлял собой единовременное кладбище одного-двух поколений людей и содержал однотипные погребения, функционировали эти кладбища последовательно. На это, по наблюдениям автора, указывают изменяющиеся размеры высоты и площади окружающих могилы оград, а также то, что людей чаще, чем раньше, хоронят в срубах, а не в ящиках. Однако наиболее четким показателем эволюции является керамика, точнее, соотношение типов сосудов. Не употребляя термин «черновский этап», Г. А. Максименков, тем не менее, постоянными сравнениями убеждает читателя в том, что все три могильника моложе тех немногочисленных могильников, которые известны в литературе как баиновские, условно датируемые VII в. до н. э., и древнее самых многочисленных среди тагарских могильников, известных как подгорновские, условно датируемых с V в. до н. э. [Вадецкая, 1986, с. 77—115].

Ценность монографии состоит прежде всего в детальном и комплексном анализе могильников, которые до сих пор остаются единственными полностью раскопанными среди раннетагарских, что позволяет не только судить по ним о материальной культуре, похоронной практике и верованиях населения, но и делать некоторые выводы о демографии и социальных отношениях. Прежде всего это касается могильника в урочище Гришкин Лог, где 3 кургана раскопаны в 1923 г. С. А. Теплоуховым, 11 курганов — в 1958 г. М. П. Грязновым и 11 — в 1960 г. Г. А. Максименковым. Заслуга последнего в том, что он завершил исследование памятника, а также подготовил к публикации и проанализировал материалы за все годы раскопок. В 1958, 1960 гг. на этом могильнике отработывалась методика раскопок не только могил, но и всех еле приметных на поверхности земли оград и пристроек, изучался способ их сооружения и характер разрушения, восстанавливался первоначальный облик могил, покрытий, оград и всего кургана. В дальнейшем та же методика раскопок применялась при исследовании других могильников.

Все могильники анализируются и публикуются по единому плану: материалы раскопок, конст-

рукция оград и могил, посуда, инвентарь и погребальная пища, погребальный обряд. Завершаются публикации демографическими сведениями о населении, оставившем могильник, а также наблюдениями автора, касающимися вопросов социальной организации и датировки.

В работе широко используются половозрастные определения погребенных для того, чтобы установить закономерность расположения мужских, женских и детских могил в ограде, а также разницу в характере инвентаря для мужчин и женщин. С одной стороны, это позволяет автору археологическими методами увеличить число определенных покойников, от которых сохранилось мало костей, а с другой — показать, что каждая половозрастная группа играла определенную роль в жизни древнего коллектива и является источником для реконструкции социальной структуры общества. Автор определяет среднюю продолжительность жизни мужчин и женщин, начало брачного возраста для женщин, половозрастную структуру раннетагарских поселков (см. диаграммы). На каждом могильнике он выделяет группу поздних захоронений (по идентификации керамики, инвентаря, расположению могилы), впущенных в раннетагарские. Эти наблюдения существенно корректируют опубликованные сведения антропологов [Козинцев, 1977], которые, как выяснилось, имели дело со смешанными коллекциями.

Одним из направлений в изучении тагарской культуры является создание групп практически одновременных могильников, чтобы через их относительную хронологию уточнить абсолютный возраст. Это направление отражено в подходе автора к публикуемым могильникам. Доказывается, что для установления хронологии требуется комплексное изучение могильников, включающее исследование конструкции оград и могил, обрядов керамики, иного инвентаря. Для каждого могильника характерны вещи одного назначения, но различающиеся отдельными деталями. При этом все изделия, от украшений (пронизки, бляшки) до оружия, найденные в могильниках Гришкин Лог I, Черновая I, Новая Черная I, известны в могильниках не только следующего, подгорновского, этапа, но и на протяжении еще более позднего сарагашенского этапа. Таким образом, наряду со специфическими для данного исторического периода формами изделий в могильниках встречаются вещи, либо свойственные более раннему времени, либо такие, которые в дальнейшем становятся ведущими. Поэтому инвентарь, как правило, узкой даты не имеет, и относительная хронология могильников выстраивается Г. А. Максименковым, прежде всего по эволюции погребальных конструкций, обряда и по преобладанию тех или иных типов керамики, в следующей последовательности: Гришкин Лог I (начало VI в. до н. э.) — Новая Черная I (середина VI в. до н. э.) — Черновая I (конец VI в. до н. э.).

На фоне обстоятельной и объективной информации, касающейся всего содержания могильников, их абсолютные даты выглядят малоубедительными. Сам автор считает их вероятными лишь в том случае, если VII—VI вв. до н. э. являются общими границами раннего этапа тагарской культуры. Эти даты были общепринятыми до раскопок в Туве кургана Аржан, где среди вещей из 13 разных географических регионов, по мнению М. П. Грязнова, были аналоги минусинским (черновским и подгорновским) не ранее VII—VI вв. до н. э. [Грязнов, 1980, с. 53]. Речь идет о двух категориях изделий (трехжелобчатая пряжка и чекан), единичные экземпляры которых были встречены в баиновских и черновских могилах. Но они же, вместе с другими вещами, имеющими аналоги в кургане Аржан (кинжалы, нож, наконечники стрел, зооморфные бляхи), широко распространены и в более поздних подгорновских могилах, а один тип вещей из Аржана (бронзовые втулки, украшенные на навершиях скульптурками горных баранов) был встречен в еще более поздних элитных сарагашенских курганах. Датировка кургана Аржан дискуссионна. Сам автор его раскопок, М. П. Грязнов, предложил датировать курган не по конкретным вещам, а по выделенному им аржано-черногорскому историческому периоду VIII—VII или IX—VII вв. до н. э., к которому он отнес ряд комплексов от территории Причерноморья до Монголии [Грязнов, 1980, с. 55; 1983, с. 2, 3]. Его предположение о существовании культуры скифо-сибирского типа не с VII в. до н. э., как предполагалось, а раньше основано на том, что бронзовые изделия, найденные в кургане Аржан, принадлежат уже вполне сложившимся формам скифо-сибирского типа

[Грязнов, 1980, с. 56]. Но именно это обстоятельство может свидетельствовать в пользу того, что курган Аржан — позже периода формирования скифо-сибирского единства и следует согласиться с датировкой его VII—VI вв. до н. э. [Членова, 1997]. Сторонники удревнения кургана Аржан ссылаются на даты, полученные радиоуглеродным методом, что не может служить серьезной аргументацией для любой абсолютной даты памятника, поскольку все радиоуглеродные даты курганов Саяно-Алтая сильно расходятся между собой. В этом отношении Аржан не представляет исключения, ибо его даты варьируют в пределах XI—VI вв. до н. э. [Членова, 1997, с. 5—7, 37, 38]. Однако вопрос о датировке публикуемых в работе тагарских могильников остался бы открытым даже в том случае, если бы время сооружения кургана Аржан было установлено, поскольку приношения вождям племен должны отличаться от тех, которые клали рядовому населению, не только богатством и изяществом, но и редкостью только появляющихся форм.

Работа Г. А. Максименкова насыщена большой информацией, множеством конкретных наблюдений, а также методическими разработками, имеющими практическое применение. К ним относятся: методика раскопок, типологии керамики, датирования, реконструкции внешнего вида древнего кладбища и социальной структуры общества. Анализ каждого могильника сопровождается иллюстрациями — чертежами оград и могил, рисунками вещей, таблицами и диаграммами.

При подготовке рукописи к печати большую помощь мне оказал Л. П. Лазаретов, осуществивший компьютерный набор текста и таблиц.

МОГИЛЬНИК ГРИШКИН ЛОГ

ВВЕДЕНИЕ

Начиная с первых научных раскопок древних памятников Минусинской котловины и до 20-х годов нашего столетия основное внимание сибирских археологов было направлено на изучение курганов, которые сейчас относят к тагарской культуре. Их исследование продолжалось и позже, в результате чего накопился огромный материал, особенно после работ Красноярской экспедиции ИИМК РАН (1958, 1960—1975).

Современные представления о тагарской культуре основываются прежде всего на работах С. А. Теплоухова [Теплоухов, 1926, с. 91; 1929, с. 46—49], создавшего первую, не потерявшую значения и до настоящего времени, периодизацию этой культуры; С. В. Киселева [Киселев, 1928, с. 257; 1951, с. 184—276], не только предложившего свою периодизацию, но и с учетом дополнительного материала охарактеризовавшего каждый этап и его особенности, а также М. П. Грязнова [Грязнов, 1968, с. 187—196], который, развивая дальше представления С. А. Теплоухова, дал наиболее обстоятельную характеристику культуры и ее этапов, используя новейшие для того времени данные.

Общий недостаток, характерный для всех классификаций культур, был порожден состоянием источников. Дело в том, что до работ Красноярской экспедиции археологи раскапывали на могильниках только часть имеющихся курганов или даже отдельные могилы. Таким образом, памятники оставались не исследованными до конца. Отсутствие целиком раскопанных памятников заставляло брать за единицу исследования не могильник, а курган или даже могилу и объединять их в группы по аналогичным чертам и вещам. Это обстоятельство открывало простор для различных субъективных построений, так как оставалось неясным, относятся ли к одному или к разному времени вещи и курганы, несколько отличающиеся друг от друга, но входящие в один могильник. В частности, могилы единого памятника Гришкин Лог иногда помещают в разные хронологические этапы [Членова, 1961, с. 280], хотя изложенный в этой работе всесторонний анализ могильника это не подтверждает.

В Минусинской котловине большинство могил частично или полностью ограблены либо еще в древности, либо в результате хищнических раскопок относительно недавнего прошлого. Поэто-

му количество и ассортимент находимых в могилах вещей значительно обеднен по сравнению с тем, что было в них первоначально. Это мешает объективно судить о сочетании различных разновидностей вещей в определенное время, что неизбежно приводит исследователей к более или менее значительным ошибкам. Выход из сложившегося положения только в одном — изучать могильник целиком, беря за единицу исследования его, а не отдельные курганы.

Тагарские могильники очень разнообразны. Одни состоят из нескольких курганов, другие — из сотен. В одних случаях курганы внешне однотипны, в других — неодинаковы. Огромные могильники с курганами, отличающимися своими внешними признаками, как показали раскопки, в большинстве случаев состоят из могильных сооружений разного времени. Место, занятое таким могильником, использовалось для захоронений несколько раз за время существования тагарской культуры. Естественно, что считать единым памятником такие могильники невозможно. Поэтому особое значение приобретают небольшие кладбища, состоящие из одинаковых по внешнему виду курганов и занимающие строго ограниченную площадь. Отсутствие в таких могильниках курганов с признаками, характерными для других периодов тагарской культуры, свидетельствует об относительно коротком времени их функционирования. Изучение небольших компактных и «чистых» могильников дает объективную возможность разобраться и в памятниках, состоящих из разновременных курганов.

Такой подход к тагарской культуре, когда за единицу берется не могила, а могильник, — явление новое. В литературе нет еще ни одного целиком раскопанного и опубликованного могильника раннетагарского времени. Правда, их вообще немного — это Гришкин Лог I, Новая Черная I, Черновая I, Левый берег Черновой I. Кроме того, имеются могильники, где вскрыта большая часть видимых курганов.

Изучение целиком раскопанных могильников, несмотря на довольно плохую сохранность их из-за ограбленности и разрушений, все же позволяет определить ряд черт и особенностей тагарских памятников, которые раньше не были ясны. Удается установить, во-первых, характерные детали

конструкции оград и могил, их видоизменения и варианты, существовавшие одновременно, во вторых, особенности и разновидности отдельных категорий вещей, расширяющие представления об их ассортименте для определенного периода. И в-третьих, более полно и всесторонне выясняются черты погребального обряда, который лучше восстанавливается при сопоставлении даже разрушенных могил одного памятника, чем при изучении отдельных могил разных могильников, так как в последнем случае либо совершенно пропадают, либо неоправданно выпячиваются локальные особенности. Наконец, и это особенно важно, изучение могильника целиком дает материал для демографического анализа и социальных построений.

Сопоставление между собой результатов анализа нескольких памятников, с одной стороны, позволяет наиболее полно выяснить временные и локальные отличия, а с другой — при повторении особенностей отдельных могильников выясняются закономерности для каждого периода.

Все это на современном этапе изучения тагарской культуры заставляет изменить подход к ее памятникам, отказаться от сопоставления разроз-

ненных могил и курганов и заняться всесторонним исследованием могильника как единого комплексного памятника.

Первым целиком раскопанным тагарским могильником является Гришкин Лог I. Три его кургана раскопаны С. А. Теплоуховым в 1923 г., а остальные — в 1958 и 1960 гг. М. П. Грязновым и Г. А. Максименковым. По сравнению с другими памятниками состояние материалов из этого могильника является самым лучшим. Из него происходит значительная серия керамики и вещей, на нем впервые в процессе раскопок проводились исследования конструкции могильных сооружений. Все человеческие останки обработаны антропологами и для всех погребенных имеются данные о поле и возрасте, определены и костные остатки от погребальной мясной пищи. Все это позволяет изучать могильник комплексно и делает его полноценным историческим источником для воссоздания ранней истории тагарских племен.

В раскопках могильника в разное время принимали участие М. Н. Комарова, Ю. Д. Баруздин, М. П. Завитухина, М. Д. Корзухина, М. Н. Пшеницына, С. С. Красновидова.

ГЛАВА 1. МАТЕРИАЛЫ РАСКОПОК

Могильник Гришкин Лог I расположен на левом берегу Енисея, у р. Карасук, на конусе выноса из одноименного лога, по левую (северную) сторону сухого русла водотока (рис. 1). Он занимал площадь около 200×130 м и состоял из 25 курганов, представлявших собой прямоугольные ограды из вкопанных на ребро плит, к моменту раскопок только местами едва видимых на поверхности. Издалека видны лишь немногие уцелевшие на некоторых оградах высокие угловые камни. Курганы либо состояли из одной ограды, либо представляли собой группу из двух, трех и редко четырех или пяти пристроенных одна к другой оград (рис. 2).

В рукописных материалах С. А. Теплоухова имеются краткие описания и крайне схематические рисунки раскопанных им оград с указанием расположения в них могил. В литературе имеются упоминания об этих могилах [Теплоухов 1929б, с. 46; Грязнов 1955, с. 70], а материал из них издан [Членова, 1972, табл. 41, 15—23; 50, 5—17]. Каменные сооружения раскопанных С. А. Теплоуховым оград не были разрушены и хорошо сохранились, поэтому экспедицией 1958 г. были сделаны планы оград и каменных ящиков. В настоящей публикации даются подробные сведения о всех исследованных оградах. Могильник раскопан полностью¹.

Курган 1 (табл. 1, 1) состоит из двух оград — северо-западной, 5.5×5.5 м, и пристроенной к ней юго-восточной, 4.0×4.5 м. В северо-западной оgrade находилось две могилы — в центре могила 16 и к северу от нее могила 17; в юго-восточной — могила 15. Судя по плану сооружений, первой была устроена могила 16, а затем в той же оgrade могила 17 и в пристройке могила 15.

Могила 15. Трапециевидный каменный ящик, 150×80 (СВ) — 70 (ЮЗ) $\times 70$ см, СВ—ЮЗ, из вер-

тикально поставленных плит. Покрыт плитой. Вдоль юго-западной стенки могилы три горшка баночной формы, два из них с отбитым и отсутствующим верхом (табл. 19, 26, 27). Кости скелета юношеского возраста в беспорядке. Среди них ребра барана и полая полусферическая бляшка с отверстием в центре.

Могила 16. Трапециевидный каменный ящик 220×120 (СВ) — 100 (ЮЗ) $\times 100$ см, СВ—ЮЗ, из вертикально поставленных плит. Покрыт плитой. В могиле кости женского и детского скелетов в беспорядке. Среди них кости ноги барана; горшочек на 4 ножках, имитирующий вымя козы (табл. 21, 5), и 2 черепка от другого сосуда; кос-

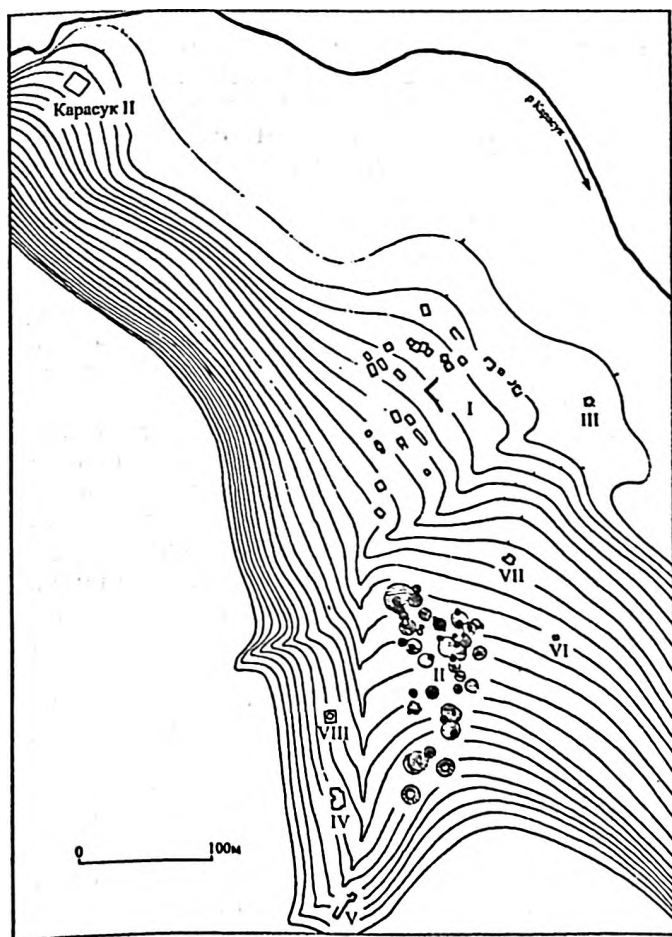

Рис. 1
План расположения могильника Гришкин Лог I

¹ 3 кургана раскопаны С. А. Теплоуховым в 1923 г. (1—3; ГЭ, кол. 4128), 11 (№ 4—14; ГЭ, кол. 2305) — под руководством М. П. Грязнова в 1958 г. и 11 (№ 15—25; ГЭ, кол. 2306) — под руководством Г. А. Максименкова в 1960 г. Часть мелких вещей из раскопок С. А. Теплоухова не сохранились. Пол и возраст погребенных определены С. А. Теплоуховым (1923), М. П. Грязновым (1958), С. С. Красновидовой (1960). Общие результаты исследования черепов могильника Г. Ф. Дебецем, В. П. Алексеевым, С. С. Красновидовой подытожены А. Г. Козинцевым [Козинцев, 1977] уже после написания данной работы Г. А. Максименковым. — Э. В.

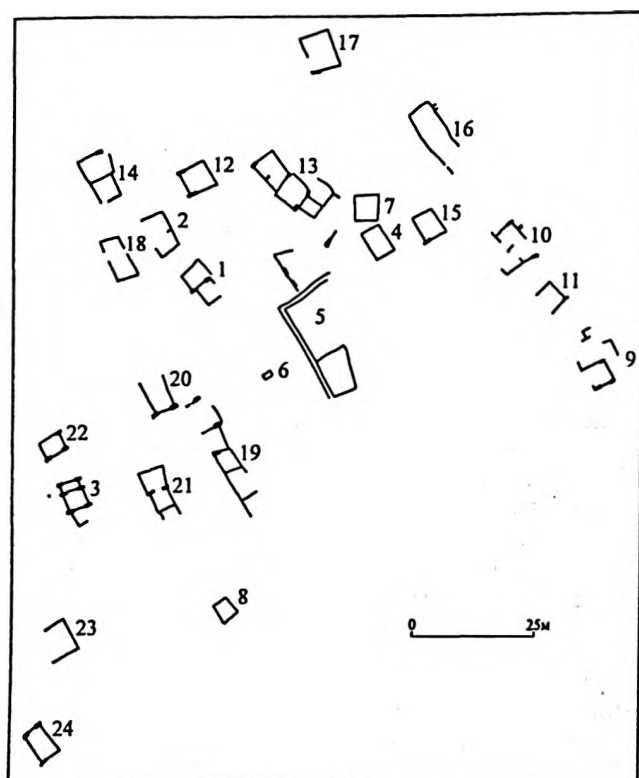

Рис. 2

План могильника Гришкин Лог I

тяной гребень-нож (гребень отломан и отсутствует) (табл. 24, 16); 2 литые бронзовые бляшки с петлями на обратной стороне (табл. 18, 6); трубочка-пронизка, свернутая из медного листа.

Могила 17. Трапециевидный каменный ящик, 170×120 (СВ) — 100 (ЮЗ)×80 см; СВ—ЮЗ, из вертикально поставленных плит. Покрыт плитой. В могиле кости женского и детского скелетов в беспорядке. Среди них большой горшок баночной формы (табл. 21, 18), бронзовое шило с отсутствующей головкой (табл. 23, 1); тонкая полусферическая бронзовая бляшка с отверстием в центре (табл. 27, 1); бронзовая бусина.

Курган 2 (табл. 1, 2). Состоит из двух оград. Первой, возможно, была сооружена юго-восточная ограда 4.5×4.5 м, с могилой 18, а к ней затем пристроена северо-западная, 4.5×4.0 м, с могилой 19.

Могила 18. Прямоугольный каменный ящик, 200×110×100 см, ЮЗ—СВ, из вертикально поставленных плит. Покрыт плитой. Скелет мужчины, на спине, головой на ЮЗ. При нем кости ноги барана, горшок с отбитым и отсутствующим верхом (табл. 20, 6) и цилиндрическая трубочка-пронизка, свернутая из медного листа и покрытая тонким золотом.

Могила 19. Прямоугольный каменный ящик, 180×100×100 см, ЮЗ—СВ, из вертикально поставленных плит, покрытый плитой. В беспорядке кости трех скелетов — мужского, женского и отроческого. Среди них кости ноги барана, черепки трех сосудов баночной формы (табл. 19, 5, 17, 20), две медные полусферические бляшки с отверстием в центре.

Курган 3 (табл. 1, 3). Состоит из трех оград — большой центральной, 5×5 м, с могилой 21, и двух пристроенных к ней малых — северо-западной, 3.0×2.5 м, с могилой 22, и юго-восточной, 3×4 м, с могилой 20. По углам центральной ограды водружены столбообразные плиты, возвышающиеся до метра над землей.

Могила 20. Прямоугольный каменный ящик, 180×80×80 см, ЮЗ—СВ, из вертикально поставленных плит, покрыт плитой. В беспорядке кости пяти скелетов — мужского, двух женских, отроческого и младенческого. Среди них горшок баночной формы (табл. 19, 1).

Могила 21. Прямоугольный каменный ящик, 180×100×100 см, ЮЗ—СВ, из вертикально поставленных плит, покрыт плитой. Скелет мужчины на спине, головой на ЮЗ. При нем горшок баночной формы (табл. 21, 14), 3 полусферические медные бляшки с отверстием в центре (табл. 27, 2—4) и просверленный астрагал сайги (табл. 28, 49).

Могила 22. Прямоугольный каменный ящик, 160×100×60 см, ЮЗ—СВ, поставленный вплотную к стене большой ограды, покрыт плитой. Скелет взрослого человека, на спине, головой на ЮЗ. При нем кости животного, два горшка баночной формы (табл. 20, 5; 22, 8); бронзовый серп (табл. 25, 10), костяной гребень-нож (гребень отломан и отсутствует) (табл. 24, 8), две полусферические медные бляшки с отверстием в центре (табл. 27, 5, 6), четыре гладкие и одна ребристая трубочка-пронизка, свернутые из медного листа (табл. 28, 7—10), яшмовые и белые аргиллитовые бусы (табл. 28, 31).

Курган 4 (табл. 1, 6). Ограда размерами 6×4 м, ориентированная длинной осью СЗ—ЮВ. Стены ограды сооружены из плит красного девонского песчаника. Верхние края плит расположены вровень с поверхностью земли, и только плиты северо-западной короткой стены возвышаются на 20—30 см над землей. Плиты врыты на глубину от 40 до 80 см. Подземные их части полностью сохранили свою первоначальную поверхность, части же, выступающие на поверхности земли, выветрены.

По углам ограды стоят толстые плиты. Две из них в надземной части не сохранились, а две, поставленные по углам северо-западной стены, возвышаются на 60—75 см над землей.

В кургане две могилы — одна (могила 1) внутри ограды, посередине, другая (могила 2) за северо-западной стеной ограды.

Могила 1 (табл. 9, 4). Прямоугольный каменный ящик, 180×120×115 см, ЮЗ—СВ, сооруженный из тонких плит. Могила разграблена. Покрытие не сохранилось. Отсутствует плита юго-восточной стенки. На дне и несколько выше в полном беспорядке кости двух детских скелетов 7-летнего возраста, несколько костей двух молодых барашков (кости двух задних ног, две лопатки, ребра) и черепки трех разбитых горшков: среди них серый баночной формы (табл. 21, 11), красный лощеный с ручкой на боку и чашечка с

обломанными краями (табл. 21, 12). Найдены также обломки раковины беззубки и кусочек медной проволоки (серьга). На височных костях одного скелета — медная зелень.

Могила 2 (табл. 9, 9). На поверхности земли признаков могилы не видно. Обнаружена по каменному покрытию в виде слоя относительно мелких плит, лежащих в два-три ряда на площади размером 3.0×1.5 м. Средняя часть покрытия опустилась на глубину до 45 см от поверхности. Первоначально плиты, видимо, находились на поверхности земли. Покрытие сохранилось не полностью. В северной и юго-западной части его остались на месте только отдельные плитки. Могила — грунтовая яма неправильной овальной формы, 270×120×90 см, ЮЗ—СВ. Под плитками восточной части покрытия, на глубине 45 см, разрозненные кости лошади — обломок бедренной, лучевая, метаподия и копытная фаланга. Могила ограблена. В заполнении ямы встречены отдельные кости лошади — обломки черепа, позвонки, кости ног. На дне ямы в беспорядке разрозненные кости взрослой женщины преклонного возраста и несколько костей ребенка 7 лет.

Сооружение 5 (рис. 3). Сооружение, назначение которого осталось невыясненным. На ровной поверхности земли виднелись только едва заметные среди невысокой травы ребра вертикально поставленных плит, образующих три пристроенные одна к другой ограды, да кое-где несколько лежащих плиток. Центральная ограда квадратная, 13.5×13.0 м. Сохранились западная и северная¹ стены и примыкающие к ним части восточной и южной. Стены образованы двумя параллельными рядами плит, отстоящими на 100—150 см один от другого в западной стене и на 70—80 см в северной и южной стенах. Редкие плиты сохранили свое первоначальное вертикальное положение. В подавляющем большинстве плиты оград в Гришкином Логу наклонены по направлению склона. Здесь же на большом протяжении стен плиты наклонены в разные стороны — плиты внутреннего ряда наклонены внутрь сооружения, наружного ряда — наружу. Очевидно, плиты стен испытывали действие каких-то сил, направленных в противоположные стороны из промежутка между параллельными рядами плит. Так могло быть только в том случае, если промежуток между рядами плит был заполнен землей, следовательно, в этом сооружении были стены до 100—120 см толщиной, с обеих сторон (внутренней и наружной) облицованные плитами. Возможно, плитами была облицована только нижняя часть стен, наиболее быстро разрушающаяся под действием выветривания. Стены вряд ли были высокими. На месте высоких стен должны были сохраниться валы, здесь же на поверхности пологого склона никаких возвышений не наблюдалось. Около южного угла

ограды поверх стен и внутри ограды в почвенном слое находилось довольно большое количество беспорядочно разбросанного плитняка. При этом ближе к центру огражденного пространства слой плитняка постепенно опускался ниже на глубину до 40 см. Вдоль всей западной стены с наружной ее стороны сохранились следы рва или канавы не вполне правильной формы, шириной сверху 80—160 см, глубиной 60—120 см. Заполнение рва — красноватая супесь (продукт разрушения красного девонского песчаника, слагающего гору). Около середины стены слой отмеченного выше плитняка опускался по крутому склону рва почти до самого его дна. Такой же ров проходил вдоль северной стены на западном ее участке от угла до стены северной пристройки. В этом рве тоже лежало несколько сползших по склону плиток. Внутри ограды, на втором метре от западной стены и на шестом от северной, в нижней части почвенного слоя на глубине 25 см найден небольшой обломок бронзовой бляхи с изображением пары быков (табл. 29, 9). На четвертом метре от западной стены и на пятом метре от северной лежали на той же глубине разрозненные кости животного. В юго-восточной четверти ограды, на девятом метре от западной стены и на десятом от северной, на глубине 30 см лежали кучей 20 кружков, изготовленных из тонких песчаниковых плиток, края ко-

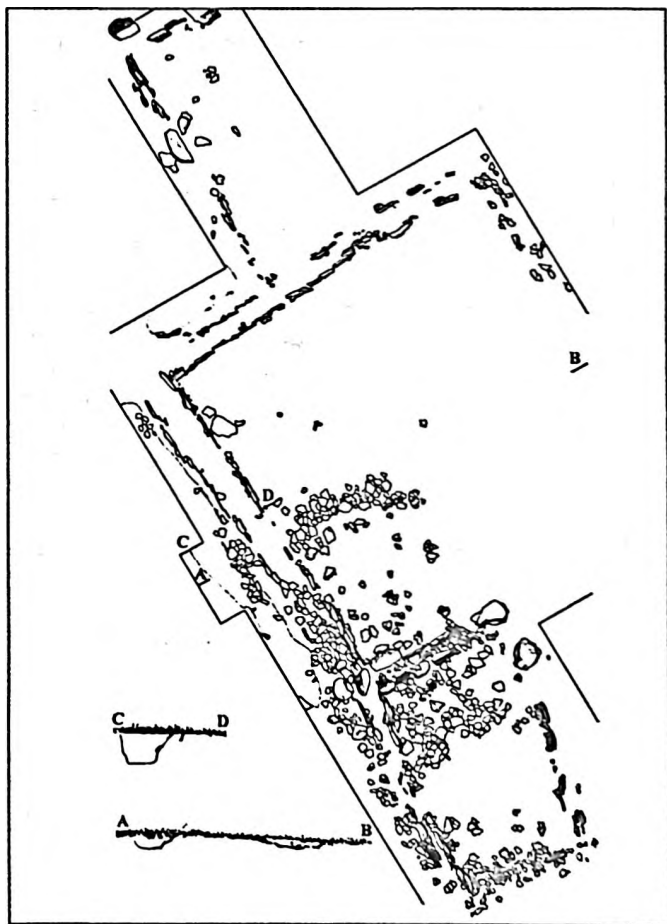

Рис. 3
План сооружения 5

¹ Правильнее было бы сказать — юго-западная и северо-восточная, но для удобства изложения здесь и дальше употреблены менее точные обозначения по странам света.

торых грубо оббиты. Диаметр кружков 8—12 см, толщина 1.0—1.5 см.

Южная ограда значительно меньших размеров неправильной четырехугольной формы. Длина ее по западной стене 7.5 м, по восточной — 8.0 м; ширина по северной стене 5.5 м, по южной — 4.5 м. Северная стена ее общая с центральной оградой, западная служит продолжением западной стены центральной ограды, но несколько тоньше ее — 70—90 см. Южная и восточная стены сохранились плохо, многих плит недостает, однако ясно можно было видеть, что они состояли из одного ряда поставленных на ребро плит. Осталось не установленным, пристроена ли эта ограда к центральной или она была построена одновременно с ней как одно целое. Вдоль западной и южной стен, преимущественно с наружной стороны, находилось довольно много беспорядочно разбросанных мелких плит, залегающих в нижней части почвенного слоя. Северная часть площади внутри ограды была покрыта почти сплошным слоем таких же плит. Среди плит на глубине около 25 см находились немногочисленные разрозненные обломки костей домашних животных.

Северная ограда также меньших размеров, хуже сохранилась, пристроена к северной стене центральной ограды. Западная стена ее длиной 10 м, северная — не менее 4 м. Восточная стена или не сохранилась, или осталась за пределами раскопа (а может быть, ее и не было?). Стены сооружены из поставленных на ребро более крупных плит размером до 90—120 см длиной, до 110—150 см высотой, возвышавшихся в свое время до метра над поверхностью земли.

Никаких следов могильных ям при зачистке грунта внутри оград обнаружено не было. В южной ограде почти по всей ее площади был вынут грунт на глубину 130 см. Всюду шел нетронутый грунт без каких-либо признаков нарушения его человеком. В центральной ограде по ее середине были прокопаны две двухметровые параллельные траншеи от северной стены до южной с 1.5-метровым промежутком между ними, тоже на глубину 130 см. Также всюду был нетронутый грунт. Это самое крупное по размерам сооружение (общая длина оград около 35 м), занимавшее центральное положение в могильнике, так и осталось непонятым (судя по найденному обломку бляхи, оно относится к тесинскому этапу тагарской культуры как впускное захоронение могильника. — Э. В.).

Курган 6 (табл. 9, 3). На поверхности земли были видны ребра плит, образующих прямоугольный каменный ящик, 180×90×40 см, ЮЗ—СВ. Ограды не оказалось. Могила разграблена. Покрытие ящика отсутствует. Северо-западная стенка разрушена, обломки разбитых плит ее в беспорядке разбросаны рядом. Ящик сложен из тонких плит — по одной плите на коротких сторонах и по две на длинных. В западном углу могилы мелкие остатки костей человека, посередине несколько черепков от горшка (табл. 22, 4).

Курган 7 (табл. 1, 5). Ограда неправильной четырехугольной формы. Длина западной стороны ограды 4.5 м, северной — 4.5 м, восточной 5.0 м, южной 4.0 м. Плиты ограды лишь едва выдавались над поверхностью земли, только столбовой камень юго-восточного угла возвышался на 80 см. На поверхности земли виднелась и покрывавшая могилу большая плита размером 200×110 см. В почвенном слое внутри ограды находились обломки костей животных и мелкие черепки.

Могила (табл. 9, 1). Прямоугольный каменный ящик, ЮЗ—СВ, из четырех тонких хорошо подогнанных плит, 120×70×75 см. Поверх ящика по краям могилы уложены мелкие плитки, на которых лежала плита покрытия. Могила ограблена. В заполнении ее находились мелкие угольки, два черепка и много мелкого плитняка, большая часть которого располагалась на 20—80 см выше дна могилы. На том же уровне (20 см от дна) найден обломок тазовой кости взрослой женщины. На дне могилы в полном беспорядке разрозненные кости двух детских скелетов: один, судя по размерам костей, принадлежал ребенку приблизительно пятилетнего возраста, другой — по зубам — ребенку 1.5—2.0 лет.

Курган 8 (табл. 1, 4). Квадратная ограда размерами 4.5×4.0 м. Западная и восточная стены сохранились полностью. Некоторые плиты ограды возвышались над поверхностью земли до 40 см. Угловые плиты ни по размерам, ни по форме не отличаются от остальных. При сооружении стен ограды для их устойчивости с наружной стороны в ровик поставлены мелкие плитки, служившие, очевидно, своего рода клиньями. Такие же «клинья» и также с наружной стороны использовали и для укрепления плит каменных ящиков. Плиты всех четырех стен ограды в большей или меньшей мере повалились по направлению к ее центру.

Могила 1 (табл. 11, 8). Прямоугольный каменный ящик, 220×90×80 см, ЮЮЗ—ССВ. Верхние края плит его выступали на поверхности земли. Длинные стенки ящика сложены из двух больших плит каждая, на торцовые стенки использовано по одной плите. От покрытия сохранились две плиты: одна большая — 140×120 см, другая поменьше, она находилась у восточной половины могилы. Могила ограблена. На месте сохранились в неповрежденном виде кости обеих ног, оба предплечья и одна тазовая кость, принадлежавшие женщине преклонного возраста (40—60 лет), первоначально положенной на спину с вытянутыми вдоль тела руками, головой на ЮЗЗ. Между тазом и правой кистью находились бронзовый нож (табл. 23, 13) и гвоздевидная бляшка (табл. 25, 3); около левого колена кучка костей барана (лопатка, кости задней ноги и нижняя челюсть), а в северо-западном углу ящика — часть глиняного горшка (табл. 22, 12). Остальные кости скелета — и среди них черепки горшка, три тонкие бронзовые полусферические бляшки (табл. 27, 7, 8) и шило без наконечника (табл. 23, 2) — бес-

порядочно разбросаны в западной половине могилы.

Могила 2 (табл. 9, 7). У южной стены ограды. Прямоугольный каменный ящик, 190×80×70 см, ЮЗ—СВ, из вертикально поставленных плит. На дне могилы непотревоженный скелет женщины преклонного возраста (40—60 лет), на спине, головой на ЮЗ. Справа от черепа, в углу могилы, кучка костей барана: лопатка, три ребра, членики грудной кости, бедренная, берцовая и пяточная кости. Кости ноги лежали не в сочленении. Очевидно, задняя нога барана была положена в могилу не целиком, а в расчлененном виде. Рядом, против правого плеча скелета, стоял горшочек (табл. 21, 1), а в другом углу могилы, слева от черепа, второй горшочек с узким горлом и с желобком по тулову (табл. 21, 8). На лбу лежала большая бронзовая полусферическая бляшка, а по бокам, плотно прижатые к вискам, две малые бляшки (табл. 27, 9, 10, 13). Справа, между кистью руки и тазом, бронзовый нож (табл. 23, 14).

Могила 3. За оградой с северо-восточной стороны, около южного угла, обнаружены кости младенца. Судя по положению костей черепа, младенец в возрасте 8 месяцев был погребен на глубине около 30 см, головой на ЮЗ. Никаких признаков могильного устройства не обнаружено; по-видимому, здесь была небольшая ямка, вырытая около самой ограды кургана.

Курган 9 (табл. 2, 5). Несколько оград, пристроенных одна к другой. Стены их сохранились плохо. Только южная и соседняя с ней центральная ограды сохранились несколько полнее, но и на них утрачено около половины плит. Из-за этого невозможно определить последовательность сооружения оград, размеры некоторых из них и даже их число.

Наиболее полно сохранилась южная ограда, квадратная, 5×5 м. От северной и западной стен остались только мелкие плитки, служившие клиньями при установке больших плит. Южная стена сохранилась полностью с двумя угловыми более толстыми и высокими плитами. Одна из них, восточная, возвышалась на 70 см над землей. В ограде две могилы (могилы 1 и 2), расположенные симметрично.

Центральная ограда несколько больше — 5.5×5.5 м, примыкает с севера к предыдущей. Сохранилась только одна плита в западной стене и три в северной, но все стены прослеживаются по мелким плиткам-клиньям, оставшимся на месте после того, как большие плиты были извлечены из земли. Угловых столбов эта ограда не имела. Характерное расположение плит в северной стене (сначала ставятся угловые плиты, а затем к ним последовательно приставляются снаружи остальные) указывает на то, что эта стена сооружена для центральной ограды и примыкающие к ней с севера другие ограды пристроены позже. В ограде две могилы. Могила 4 расположена в центре, а могила 3 устроена в промежутке между могилой 4 и южной стеной.

Восточная ограда небольшая, 3.5×3.5 м, пристроена к восточной стене центральной ограды. Сохранилась плохо. Посередине, близко к общей стене, расположена могила 8.

Еще меньшая ограда, 3×2 м, пристроена к северной стене центральной ограды. Сохранилась западная стена, образованная одной большой плитой, и частично северная. Около стены центральной ограды находится могила 9.

За пределами оград находились еще 3 могилы. Две могилы (5 и 6) располагались за северной стеной центральной ограды и продолжали собой ряд могил, находящихся в двух больших оградах. В углу, образованном восточной стеной центральной ограды и северной стеной восточной ограды, расположена могила 7. Возможно, и эти три могилы были также ограждены каменными стенами, но ограды их не сохранились. Общие размеры всего сооружения — 15×9 м.

Могила 1 (табл. 10, 1). Прямоугольный каменный ящик, 200×100×70 см, ЮЗ—СВ, из нескольких расслоившихся плит. Плиты — большая, покрывавшая могилу, размером 200×120 см, и другая поменьше сброшенные грабителями. Могила ограблена. На дне ее и в нижней части в слое около 25 см оказались немногочисленные кости одного взрослого мужчины (?) преклонного или старческого возраста. Среди них найдены кости барана (обломок грудной и метаподия).

Могила 2 (табл. 10, 5—7). Прямоугольный каменный ящик, 240×120×110 см, ЮЗ—СВ, из хорошо подобранных тонких плит. Южная боковая стена сложена из двух плит, остальные из одной каждая. Покрытие не сохранилось. Вокруг ящика, на уровне верхних его краев, особенно около его северной стороны, много мелкого плитняка. На глубине 70 см открылось беспорядочное нагромождение костей нескольких человек — 4 черепа и другие кости (табл. 10, 5). Местами некоторые кости лежали в сочленении, например, в юго-западном конце могилы, в углу, можно было видеть в сочленении часть грудной клетки, а несколько ближе к середине — две голени и стопы. После снятия первого слоя костей открылось продолжение этого нагромождения, но здесь было больше частей скелетов, лежавших в разных положениях. Так, начиная с юго-запада, можно было отметить следующие части человеческих тел, находившихся в анатомическом порядке: две ноги, лежавшие поперек могилы одна на другой; под ними в углу уже упомянутая вся грудная клетка с левой плечевой костью и всей правой рукой; посередине могилы крестец с примыкающими к нему 10 позвонками и одной тазовой костью; под ними поперек могилы все туловище с головой, левым плечом и всей правой рукой; кости детского скелета, лежащие компактной кучкой, но не в сочленении, черепа нет; около северо-восточного конца могилы правая голень и стопа; наконец, вдоль могилы полный скелет взрослого, на спине, в положении головой на СВ, но без черепа и некоторых мелких костей стоп. Среди кос-

тей и частей скелетов находились отдельные обломки каменных плит. Ниже, на глубине 1 м, лежал на спине, головой на СВ, скелет мужчины юношеского возраста. Кости ног смещены (табл. 10, 6). На этом же уровне находились в юго-западной половине могилы кости таза в сочленении, крестец и бедро от других скелетов, большая берцовая кость коровы, а в западном углу черепки одного большого горшка (табл. 19, 11). Еще ниже, под 30-сантиметровым слоем земли, на дне могилы лежал еще один скелет, принадлежащий мужчине преклонного возраста. Он был положен на спине, головой на ЮЗ (табл. 10, 7). Справа, между предплечьем и тазом, бронзовый нож (табл. 23, 8), около правой стены бронзовое шило (табл. 23, 3). Мелкие кости стоп перемещены грызунами (?) в северо-восточный угол. Могила была устроена, по-видимому, для одного умершего, но спустя некоторое время, когда она заполнилась на 30—35 см землей, в нее снова стали хоронить, сначала юношу, затем, вероятно, одного за другим еще 6 человек, причем полуразложившиеся трупы сдвигали в сторону, прикрывая их камнями и землей. Беспорядок в верхних слоях заполнения могилы произведен, видимо, грабителями, проникшими в могилу еще позже, когда кости были уже совершенно свободны от мышц и связок. Очевидно, верхние погребения относятся к более поздней эпохе. За этой могилкой числится еще один горшок (табл. 22, 14).

Могила 2 (табл. 9, 8). Прямоугольный каменный ящик, 160×80×80 см, ЮЗ—СВ. Три стенки его сделаны каждая из одной хорошо подобранной тонкой плиты и только северо-западная — из двух. Покрытие не сохранилось. Могила ограблена. На дне ее находились в полном беспорядке незначительные останки скелета человека моложе 20 лет и кости барана (большая берцовая, 3 ребра, 3 куса грудины, обломок нижней челюсти), 2 бронзовые полусферические бляшки (табл. 27, 11, 12) и сохранившийся на месте в северо-западном углу горшок (табл. 21, 6). Судя по его положению, можно предполагать, что погребенный первоначально лежал головой на ЮЗ.

Могила 4 (табл. 9, 7). Прямоугольный каменный ящик, 170×100×80 см, ЮЗ—СВ, из хорошо подобранных четырех тонких плит. К югу и западу от него в нижней части почвенного слоя много мелких обломков плитняка и две большие плиты, вероятно, от разрушенного покрытия. Среди этих камней найдены днище и 2 черепка от венчика сосуда (табл. 19, 9, 10), а также плечевая кость взрослого человека. Могила ограблена. В могиле в полном беспорядке на разных уровнях разрозненные кости почти полного скелета подростка 11—12 лет. Некоторые кости находились в вертикальном положении. Среди костей найдены бронзовая полусферическая сильно смятая бляшка (табл. 27, 14), костяной головной нож (табл. 24, 6) и черепки глиняного сосуда (табл. 20, 12). На левой височной кости медная зелень.

К СЗ от могилы 4, в углу центральной ограды, в нижней части почвенного слоя, в беспорядке, на площади около 2 кв. м находились мелкие куски плитняка, черепки от двух горшков (табл. 20, 2, 3), каменная пронизка (табл. 28, 38), 2 круглые грубо оббитые плитки и несколько разрозненных костей человека — плечевая, ключица, 2 ребра и зубы молодого человека 20—30 лет.

Могила 5 (табл. 10, 2, 3). Прямоугольный каменный ящик, 180×90×100 см, ЮЗ—СВ, сложенный из 4 тонких хорошо подобранных плит. В отличие от других могил, плиты коротких стенок на 20—35 см больше ширины ящика. Он покрыт одной относительно тонкой прямоугольной плитой размером 220×130 см. Поверх этой плиты могила перекрыта тремя большими более массивными плитами, положенными поперек нее. Общий размер верхнего покрытия 330×200 см. Несколько плиток, лежавших на нижней плите, были, вероятно, подложены для выравнивания верхних плит. Юго-восточный угол покрытия пробит. В плитах проделано отверстие 50×40 см, однако могила не ограблена. В могиле два скелета в полной сохранности. Верхний, принадлежащий мужчине преклонного возраста (40—60 лет), лежал на правом боку с согнутыми ногами и руками, головой на СВ, верхняя часть туловища с головой завалилась лицом вниз. Был впушен в ящик много позже основного трупа. При этом скелете никаких предметов не обнаружено. Нижний — мужской, юношеского возраста (около 18 лет), на спине, головой на ЮЗ. Ребра частично перемещены, по-видимому, при устройстве верхнего погребения. На лбу погребенного бронзовая полусферическая бляшка, слева между кистью и тазом другая (табл. 27, 15, 16), между поясницей и левым предплечьем бронзовый нож (табл. 23, 15), в северо-восточном углу могилы глиняный горшок с отбитым краем (табл. 20, 8), на тазовых костях два черепка. В разных местах лежали кости барана — лопатка справа около черепа, около левого плеча бедренная и большая берцовая кости — рядом, но не в сочленении, около правой кисти три членника грудной кости и около левого предплечья три ребра.

Могила 6 (табл. 10, 4). Прямоугольный каменный ящик, 210×100×60 см, ЮЗ—СВ, из 4 плит неправильной прямоугольной формы. Дополнительными мелкими плитами выправлены дефекты стен. Могила ограблена. Части плиты покрытия разбросаны около северной стенки ящика, другие оказались в заполнении могилы. Среди последних найдена круглая грубо оббитая плитка и обломок бедренной кости коровы (?). На дне могилы в восточном ее конце в беспорядке разрозненные кости неполного скелета ребенка 6 лет. Около северной стенки, ближе к ее середине — обломок нижней челюсти и ребер лошади.

Могила 7 (табл. 9, 6). Прямоугольный каменный ящик, 110×65×50 см, ЮЗ—СВ. Торцовые стенки его состоят каждая из одной плиты, боковые — из 2—3 плит. Покрытие ящика не сохранилось. В верхней части заполнения могилы встре-

чены два черепка (табл. 21, 9). На дне скелет ребенка 4 лет, на спине, головой на ЮЗ. Вещей нет.

Могила 8 (табл. 9, 5). Прямоугольных очертаний. Каменный ящик и его покрытие не сохранились. Выявлена по более темной окраске заполнения и по оставшимся прижатыми к стенкам ямы небольшим плиткам, служившим, вероятно, «клинья» при установке образующих ящик плит. Размеры 140×60×85 см, ЮЗ—СВ. В верхней части заполнения могилы плечевая кость и ребра ребенка, а также астрагал барана. На дне могилы в беспорядке разбросаны кости скелета 6-летнего ребенка, а в северо-восточном углу лежали в сочленении плюсневые кости и фаланги правой (?) его стопы. Среди костей найдены бронзовая полусферическая бляшка (табл. 27, 17) и две трубчато-пронизки (табл. 28, 11, 12), черепки красноцветного цвета от чашечки, собравшейся полностью (табл. 21, 2), и бедренная кость барана. В юго-западном углу могилы стоял горшок баночной формы (табл. 20, 16). Судя по положению горшка и костей стопы, ребенок первоначально лежал на спине головой на ЮЗ.

К северу от могилы 8, посередине между могилой и стеной ограды, лежала группа плиток, покрывавших площадь 100×70 см. Под ними, на глубине 40 см, находились кости ног, лопатка, тазовые, ребра, позвонки молодого барашка. Одна нога и несколько позвонков лежали в сочленении, остальные в беспорядке.

Могила 9 (табл. 9, 2). Ящика нет, могильная яма не прослежена. Около стены центральной пристройки на глубине 50 см скелет 9-летнего подростка, на спине, головой на ЮЗ. Слева у черепа горшок баночной формы (табл. 20, 11). В области поясницы бронзовый нож (табл. 23, 16). Справа около бедра бедренная кость молодого барана. За этой же могилой ошибочно числится еще один горшок (табл. 20, 13), видимо, из какого-то впускного погребения.

Курган 10 (табл. 2, 4). На поверхности виднелись едва выступавшие ребра некоторых плит ограды и один угловой камень, возвышавшийся на 40 см над землей. Ограда, 9.0×4.5—5.0 м, сохранилась не полностью. Южная стена ее и значительные части западной и восточной не сохранились. Осталось неясным — были ли у этой ограды угловые столбовые камни. В ограде, примерно по ее середине, были расположены симметрично могилы 2 и 3. Посередине восточной стены снаружи была устроена детская могилка 5, видимая по ребрам плит на поверхности. Меньшая ограда, 5.0×3.5 м, примыкающая к первой с запада, была пристроена позже. Полностью сохранилась только южная стена. По обоим углам северной стены столбовые камни. Посередине расположена могила 1, в юго-западном углу вплотную к стенам ограды — могила 4.

Могила 1 (табл. 11, 1, 2). Прямоугольный каменный ящик, 160×90×60 см, ЮЗ—СВ, сооруженный из тонких плит. Стенки северо-восточная и часть северо-западной разрушены. Длинные бо-

ковые стенки были сооружены из одной большой плиты каждая. Могила ограблена. Покрытие не сохранилось. В верхней части заполнения могилы находилось много мелких обломков плит. На глубине 55 см скелет взрослого мужчины на спине, головой на ЮЗ. Кости ног ниже колена смещены, как и развалившийся на части череп и два первых ребра. Скелет лежит так, что первый шейный позвонок его находится всего лишь в 5 см от стенки ящика, что могло получиться в том случае, если тело погребенного было положено в могилу с отчлененной от него головой или если голова была сильно наклонена к груди, а впоследствии свалилась на сторону. Вещей при скелете нет. Только в северо-восточном конце несколько ниже лежал кружок из тонкой грубо оббитой плитки. На дне могилы разрозненно лежали черепки сосуда (табл. 22, 1), ребра взрослого человека и бедренная кость барана. Можно предполагать, что могила была вычищена от первого погребения до того, как было устроено в ней второе, относящееся к другой эпохе.

Могила 2 (табл. 11, 4). Ящика нет, границы могильной ямы не прослежены. В почвенном слое над могилой большая плита, 170×100 см, частично выступавшая на поверхность земли, и много мелких плиток, закрывавших площадь 230×160 см. Под этим покрытием на глубине 100 см скелет взрослой женщины на спине, головой на ЮЗ. Справа, в 20 см от плеча, бронзовый нож (табл. 23, 17) и около локтя бронзовое шило (табл. 24, 5). На костях грудной клетки, справа же, бронзовое зеркало (табл. 26, 11) и около него 5 аргиллитовых и лигнитовых бусин (табл. 28, 33) и 3 бронзовые пронизки (табл. 28, 13—15). Слева, около локтя, в тесной группе 4 подвески из лисьих клыков (табл. 28, 50), аргиллитовая, каменная и две лигнитовые бусины (табл. 28, 37), 2 бронзовые трубочки.

Могила 3 (табл. 11, 3). Прямоугольный каменный ящик, 190×120×90 см, ЮЗ—СВ, из вертикально поставленных плит. Был покрыт, по-видимому, двумя или тремя плитами поперек могилы. Сохранилась только одна, юго-западная, размером 190×110 см, и три небольшие. Могила ограблена. На дне ее в беспорядке разрозненные остатки скелета, черепки от глиняного сосуда и лопатка и бедренная кость барана. В северо-восточном конце могилы оставшиеся, по-видимому, в первоначальном положении мелкие кости стопы. Судя по ним, погребенный лежал головой на ЮЗ.

Могила 4 (табл. 11, 5). Грунтовая яма неправильной прямоугольной формы, 190×70×70 см, ЮЗ—СВ. Покрытие состояло из 3 больших и нескольких мелких плит, занимавших площадь 230×100 см. Стенки ямы земляные, только посередине юго-восточной стенки стояла прижатая к ней небольшая тонкая плита длиной 60 см. Погребение не потревожено. На дне могилы скелет взрослого мужчины, на спине, головой на ЮЗ. На лобной кости бронзовая полусферическая бляшка (табл. 27, 18), под левым коленом бронзовый нож (табл. 23, 18).

Могила 5 (табл. 11, 6). Прямоугольный каменный ящик, 75×50 см, ЮЗ—СВ, составленный из четырех хорошо подобранных тонких плит. На дне могилы незначительные остатки костей ребенка.

Курган 11 (табл. 11, 2). Ограда 5.0×5.5 м. Плиты ограды возвышались до 15—20 см над поверхностью земли. Юго-западная стена не видна.

Могила (табл. 11, 9, 10). Прямоугольный каменный ящик, 250×150×110 см, ЮЗ—СВ. Могила ограблена. От покрытия сохранилась одна, крайняя с северо-востока, расколовшаяся на три части плита. Грабителями потревожена только юго-западная половина могилы, где в беспорядке были разбросаны кости человека. На дне могилы два скелета мужчин старческого возраста, лежавшие рядом на спине, головой на ЮЗ. У скелета, лежавшего справа, потревоженными сохранились все кости ног, у левого — большая часть костей, исключая череп, кости правой руки, кости левой руки ниже локтя, ребра правой половины, крестцовая и левая тазовая кости. В южном и западном углах могилы найдены 2 горшка баночной формы (табл. 20, 17, 22, 15). Между ног погребенных лежали кучкой кости барана — 2 лопатки, 2 бедренные, 2 большие берцовые и ребра. Один комплект костей принадлежал взрослому барану, другой — молодому барашку. Среди потревоженных костей найдены бронзовый нож (табл. 23, 4), две аргиллитовые бусины-пронизки (табл. 28, 36) и имитация раковины каури (табл. 26, 8). Здесь же находились отдельные разрозненные кости третьего скелета, принадлежащие, судя по их размерам, взрослому мужчине (?).

Курган 12 (табл. 2, 3). Ограда четырехугольной формы, 5.5×5.5 м. Ее плиты и угловые камни юго-западного конца повалились внутрь. Угловые камни возвышались над поверхностью земли на 1 м. В центре ограды находилась могила 1 и около юго-восточной стены — могила 2.

Могила 1 (табл. 13, 8). Прямоугольный каменный ящик, 200×80×90 см, ЮЗ—СВ, сложенный из 4 хорошо подобранных плит. Покрытие не сохранилось. Могила ограблена. Разрозненные кости встречались с глубины 50 см, но больше их было на дне. Среди них оказались два черепа — молодой женщины (20—30 лет) и женщины (?) зрелого возраста (40—60 лет). В северо-восточном углу могилы стоял горшок (табл. 20, 18). Его местонахождение указывает, что погребенная была положена головой на ЮЗ. Среди костей человека найдены лопатка, бедренная кость и часть черепа барана, а также обломки горшка (табл. 22, 11), костяной головной нож (табл. 24, 16), 3 бронзовые бляшки (табл. 27, 19, 23), аргиллитовая пронизка и бусинка (табл. 28, 34).

Могила 2 (табл. 13, 3). Прямоугольный каменный ящик, 210×90×100 см, ЮЗ—СВ, сооружен из тонких плит. Северо-восточная стенка могилы не имела плиты. От покрытия сохранилась одна поперечная плита размером 140×90 см, закрывавшая среднюю часть могилы. Могила ограблена. В ее заполнении попадались отдельные

разрозненные кости человека и мелкие черепки. На глубине 60—90 см в восточной части могилы было нагромождение костей от двух скелетов, а в северо-западном углу лежала вверх дном половина горшка (табл. 19, 28). На дне могилы оказались лежащими на своем первоначальном месте кости ног одного скелета кроме левой большой берцовой, а поверх них кости ног ниже колена другого скелета. Следовательно, первый погребенный был положен на дно могилы на спине, головой на ЮЗ, а второй в том же положении был положен прямо на первого. Кости обоих погребенных сохранились полностью. Нижний скелет принадлежал женщине возмужалого возраста (20—40 лет), верхний — мужчине преклонного возраста, близкого к старческому (50—60 лет). Около головки правой бедренной кости нижнего (женского) скелета находились костяной головной нож (табл. 24, 17) и костяной гребешок (табл. 26, 10). Около головки левой бедренной кости — две каменные бусины, синяя и белая (табл. 28, 35). Кроме того, в разных местах, главным же образом на дне посередине могилы, найдены 4 бронзовые биконические бусины (табл. 25, 1), обломки двух полусферических бляшек (табл. 27, 20—22), изогнутая проволока (табл. 28, 27), цилиндрическая трубочка-пронизка, медная позолоченная рубчатая трубочка-пронизка (табл. 28, 16), 5 аргиллитовых пронизок, имитирующих раковины каури (табл. 26, 2), и каменная биконическая бусинка.

Курган 13 (табл. 3). Представляет собой группу из 5 пристроенных одна к другой оград, занимающих площадь 24×9 м. Первоначально были сооружены ограды Б и Д, а затем к ограде Б была пристроена с северо-запада ограда А, а между оградками Б и Д поставлены две стенки, которые образовали маленькую ограду В, и наконец, путем сооружения двух стен к трем оградкам Б, В, Д была пристроена ограда Г. В пяти оградах находилось 9 могил. Кроме того, 2 могилы были устроены за последней оградой Г.

Ограда А, крайняя с севера, пристроенная к ограде Б, 7.0×5.5 м. Некоторые плиты стен ограды возвышались до 20—30 см над поверхностью земли, а северо-западный угловой камень сохранился на высоту около 50 см. В ограде три могилы (№ 1, 2, 3), расположенные в один ряд.

Вне ограды, у ее северо-западного угла, около самых плит в нижней части почвенного слоя находилось большое количество мелких обломков костей домашних животных. Среди них найдены два обломка зернотерки, горшечные черепки и три костяных наконечника стрел (табл. 29, 5—7).

Ограда Б, 6×6 м, содержала одну могилу (№ 4). Образующие ее плиты также возвышались над поверхностью земли до 20—30 см, а угловые камни восточной стены — до 50—60 см.

Ограда В, 4.0×3.5 м. Угловых высоких камней она не имеет. В середине одна могила (№ 5).

Ограда Г, 4×4 м. Пристроена к трем оградкам, угловых камней не имеет. Содержит одну могилу (№ 6), расположенную не в центре.

Ограда Д, 7×6 м. Сооружена из крупных толстых плит. Особенно значительны угловые столбовые плиты размером 200×160 см, возвышавшиеся более чем на метр над поверхностью земли. В центре ограды расположена могила 8 с массивным покрытием из трех огромных поперечных плит, верхние поверхности которых лежали выше уровня земли и не были покрыты землей. Две плиты покрытия и два угловых камня ограды одинаковы по форме и размерам. Они происходят, несомненно, из одного места и получены в результате расслаивания одного блока плитняка. Это указывает на то, что центральная могила и ограда сооружались в одно время, что ограда сооружена ради центральной могилы. Две другие могилы, помещенные в промежуток между центральной могилой и стенами ограды, сооружены позже. Ограда Д, сооруженная из более массивных плит, чем плиты на других оградах, сохранилась хуже других. Значительные участки трех ее стен отсутствуют. Это объясняется, конечно, не разрушением камня, а тем, что, очевидно, камни были взяты отсюда в более поздние эпохи.

Могила 1 (табл. 12, 3). Прямоугольный каменный ящик, 150×75×100 см, ЮЗ—СВ, сложен из 6 тонких плит, по 2 на длинных сторонах могилы и по одной на коротких. Могила ограблена. От покрытия сохранилась закрывавшая северо-восточную половину могилы плита, расколота на части и частично провалившаяся в могилу. Погребение нарушено. На месте сохранились не потревоженные грабителями кости ног и обеих кистей. Судя по их положению, погребенный лежал на спине, головой на ЮЗ. На месте в южном углу сохранилась миска (табл. 20, 9).

Могила 2 (табл. 12, 8). Прямоугольная грунтовая яма, 280×170×120 см, ЮЗ—СВ. Могила ограблена. В юго-западной ее части мелкие плитки, свалившиеся сверху. В заполнении ямы около дна несколько мелких костей и обломков костей взрослого человека и мелкие черепки сосуда (табл. 19, 4).

Могила 3 (табл. 12, 5). Прямоугольный каменный ящик, 185×95×80 см, ЮЗ—СВ, сложенный из 4 тонких хорошо подогнанных плит. Покрыт плитой размером 200×100 см. Плита отодвинута грабителями в сторону так, что юго-западная часть могилы оказалась открытой. Часть этой плиты была видна на поверхности земли. Могила ограблена. Непотревоженными на месте остались только кости ног ниже колена. Остальные кости скелета взрослого человека и черепки горшка (табл. 22, 13) были в беспорядке сгружены в северо-западном углу могилы. Под черепом, лежавшим в перевернутом виде, найдены 2 бронзовые полусферические бляшки (табл. 27, 25, 26). На дне ямы под грудой костей стоял маленький сосудик на поддоне и с приспособлением для подвешивания (табл. 21, 4), а рядом с ним лежала бронзовая трубочка-пронизка.

Могила 4 (табл. 12, 7). Прямоугольный каменный ящик, 225×95×85 см, ЮЗ—СВ, сложенный из 6 довольно массивных плит толщиной до

14 см. На коротких сторонах по одной плите, на длинных — по две. Могила покрыта большой плитой подпрямоугольных очертаний, размером 240×160 см, толщиной 15 см, положенной на мелкие плиты, лежащие по краям могилы. Средняя часть плиты возвышалась над поверхностью окружающей земли. Могила ограблена. Грабители пробили в северо-западном крае плиты полукруглое отверстие, через которое и проникли в могилу. От погребения взрослого человека на месте сохранились кости обеих ног ниже колена, горшочек, стоявший около левой ступни (табл. 21, 13), и бронзовый нож (табл. 23, 19), лежащий на том месте, где должна была находиться пояsnица погребенного. Судя по положению костей ног, погребенный лежал на спине, головой на ЮЗ. Остальные немногочисленные сохранившиеся кости скелета лежали в беспорядке в разных местах могилы. Среди них находились кости барана (части черепа, лопатка) и мелкие черепки глиняного сосуда (табл. 19, 3).

Могила 5 (табл. 12, 1). Прямоугольный каменный ящик, 165×100×100 см, ЮЗ—СВ, сложенный из тонких плит, по одной на коротких сторонах и по две на длинных. Длинные стенки ящика сложены из одной большой плиты и наставленной к ней в юго-западном конце меньшей. Могила была покрыта двумя большими плитами размером 120—150 см. Могила ограблена. Грабители сдвинули плиты. Одна из них провалилась одним концом в могилу и, находясь в положении, близком к вертикальному, возвышалась на 40 см над поверхностью земли. Непотревоженными на месте от скелета мужчины 40 лет сохранились все кости левой ноги и правой ниже колена, судя по которым, погребенный первоначально лежал на спине, головой на СВ. Рядом с костями правой ноги обломок бронзового ножа (табл. 23, 10). Остальные кости скелета находились главным образом в груди посередине могилы, на глубине 50—70 см. На той же глубине в восточном конце могилы находились черепки глиняного сосуда баночной формы (табл. 21, 17).

Могила 6 (табл. 13, 6). Прямоугольный каменный ящик, 175×80×70 см, СВ—ЮЗ, сложенный из 4 тонких плит. Могила ограблена. От покрытия сохранилось несколько небольших плит, оставшихся на своем месте по северо-восточному краю могилы. В заполнении могилы найдены многочисленные кости человека старческого возраста и мелкие черепки от горшка, а также бронзовые трубочки-пронизки (табл. 28, 17, 18) и обломок железного ножа (табл. 23, 9). В юго-западном конце могилы у самой стенки лежали кости стоп, сохраняя частично свой анатомический порядок. Это позволяет предполагать, что погребенный был положен на спине головой на СВ.

Могила 7 (табл. 12, 2). Прямоугольный каменный ящик, 200×90×75 см, СВ—ЮЗ, сложенный из 6 тонких, хорошо подогнанных плит, по одной на коротких сторонах и по две на длинных. Покрытие состояло из двух или трех попе-

речных плит. Сохранилась одна, размером 140×100 см, закрывавшая северо-восточный конец могилы. Могила ограблена. На дне в юго-западной половине беспорядочной кучей лежат разрозненные кости взрослой женщины и среди них обломок челюсти барана и 2 подвески из зуба лисицы (табл. 28, 51). В северо-западном углу стоит горшок баночной формы (табл. 22, 2). Его положение в углу могилы позволяет предполагать, что погребенная была положена головой на СВ, так как горшки ставятся в угол в головной части могилы.

Могила 8 (табл. 12, 4). Прямоугольный каменный ящик, 230×140×90 см, ЮЗ—СВ, сооруженный из 5 массивных плит. Юго-восточная стенка сложена из двух плит, на остальных по одной плите. По краям могилы положены мелкие плиты, а на них покрытие из трех огромных плит размером 230×150×20 см каждая, занимающее площадь 4.5×2.5 м. Могила ограблена. Грабители проникли в могилу, вероятно, приподняв одну из покровных плит, опустившуюся затем на свое прежнее место. Следов пролома в стенках ящика или в плитах покрытия не обнаружено. В заполнении могилы в разных местах встречались отдельные кости человека и мелкие черепки (табл. 22, 6). В восточной части могилы найдена подвеска из клыка лисицы (табл. 28, 52), в центре — костяной трехдырчатый псалий с оформленными в виде птичьих голов концами (табл. 25, 6) — первая находка принадлежности конской сбруи в курганах тагарской культуры. Рядом с псалием найден костяной кочедык (табл. 25, 5) — заостренный конец отростка рога косули с отверстием для подвешивания в основании. На дне могилы скелет мужчины (?) преклонного возраста (40—60 лет), на спине, головой на ЮЗ. Руки его сложены на груди кистями к лицу, левая нога согнута, правая отсутствует. Слева у черепа лежал амулет из зеленовато-голубой яшмы («оселок») (табл. 25, 2). На колене скелета лежал череп с нижней челюстью и рядом несколько костей ребенка 5—6 лет. В северо-восточном конце могилы находились разрозненные кости скелета юношеского возраста около 15—16 лет.

Могила 9 (табл. 12, 6). Прямоугольный каменный ящик, 130×60×55 см, СВ—ЮЗ, сложенный из четырех хорошо подогнанных тонких плит. Покрыт большой тонкой плитой, размером 170×140 см. Могила ограблена. В покрывающей плите пробито круглое отверстие диаметром в 60 см, через которое грабители проникли в могилу. На дне могилы в беспорядке кости подростка 8-летнего возраста. Однако некоторые части скелета — череп, обе плечевые, вся левая нога — лежали, по-видимому, на своем первоначальном месте или лишь слегка были смещены. На первоначальном месте, в восточном углу, стоял горшок баночной формы (табл. 19, 22). Судя по положению костей и черепа, погребенный был положен на спине, головой на СВ. Недалеко от горшка, около левой плечевой кости, бронзовое шило (табл. 23, 6).

Могила 10 (табл. 12, 9). Детская могилка, устроенная за оградой. Прямоугольный каменный ящик, 70×30×50 см, ЮЗ—СВ, из пяти тонких плит — северо-западная стенка из двух плит, остальные — каждая из одной. Покрытие устроено из двух довольно крупных плит размером до 110×65 см и нескольких мелких. На дне могилы скелет грудного младенца в возрасте менее одного года, на спине, головой на ЮЗ. Вещей при нем нет.

Могила 11 (табл. 12, 10). Овальная грунтовая яма, 60×30×60 см, ЮЗ—СВ, покрытая большой плитой (110×80 см) и несколькими меньшими. На дне ее плохо сохранившийся скелет младенца, лежавший головой на ЮЗ. Вещей при нем нет.

Курган 14 (табл. 5, 1). Две смежные ограды. Южная ограда квадратная, 6.0×5.5 м. Угловые камни не сохранились. Почти полностью отсутствуют плиты в северо-восточной и частично в юго-западной и юго-восточной стенах. Плиты ограды укреплены снаружи перпендикулярно поставленными к ним небольшими плитками. На юго-восточной стене 4 плитки, на северо-западной — две. Северная ограда также квадратная, 6×6 м. Угловые камни ее несколько массивнее остальных и поставлены не на ребро, как остальные, а на торец. Надземные части их полностью разрушены. Как угловые, так и промежуточные плиты обеих оград частью совсем скрыты под землей, частью едва выступают над поверхностью земли. В каждой ограде по одной большой могиле, в южной — № 1, в северной — № 2.

Могила 1 (табл. 13, 4). Прямоугольный каменный ящик, 210×100×90 см, ЮЗ—СВ. Длинные стороны его сложены из больших тонких плит в два яруса. Нижняя треть или половина стены выложена из двух-трех плит, а верхняя часть образована длинной тонкой прямоугольной плитой размером 120×70 см. Короткие стенки сложены из двух высоких плит каждая. Покрытие могилы — огромная плита размером 280×170×25 см — лежит на ряде положенных по краям ящика более мелких плит. Могила ограблена. Грабители, видимо, приподнимали плиту, в результате чего надмогильное сооружение оказалось развороченным. Однако и после этого ни большая покровная плита, ни поддерживавшие ее и вдавленные ею в землю плиты не достигли краев каменного ящика. Первоначально надмогильное сооружение представляло собой, очевидно, столообразное каменное возвышение высотой 40—50 см. В могиле в полном беспорядке находились разрозненные кости 4 скелетов — трех мужчин преклонного возраста (40—60 лет) и молодой женщины в возрасте около 20 лет. Кости были сосредоточены в двух грудах в северо-западном и северо-восточном углах. Многих костей скелетов недостает, но черепа сохранились у всех четырех. Среди костей найдены также части разбитых горшков (табл. 20, 19; 22, 19), две бронзовые полусферические бляшки (табл. 27, 24, 27) и бронзовая трубочка-пронизка (табл. 28, 19).

Могила 2 (табл. 13, 7). Прямоугольный каменный ящик, 200×110×100 см, ЮЗ—СВ, сложенный из пяти хорошо подогнанных тонких плит — две в северо-западной стенке и по одной в остальных. От покрытия сохранились несколько плит разных размеров, в том числе одна большая — 160×120 см, образовавших подобие кладки над могилой размером 4×2 м. В заполнении ящика на глубине 80 см в юго-западном конце могилы лежали несколько мелких плиток, а на них в беспорядке — разрозненные кости полного скелета собаки. Несколько позвонков лежало в сочленении. Ниже у дна могилы в двух группах находились также в беспорядке разрозненные немногочисленные кости скелета молодой женщины в возрасте немного более 20 лет, и вместе с ними черепки 2 горшков (табл. 19, 7; 22, 5). Длинные кости конечностей и некоторые другие, а также несколько мелких черепков лежали аккуратной кучкой в нижней части почвенного слоя на северо-западном краю могильной ямы.

Курган 15 (табл. 2, 1). До раскопок были видны выступавшие над поверхностью камни северного угла ограды, вся юго-западная стена и часть камней юго-восточной стены. Внутри ограды лежали две большие плиты. После снятия дернового слоя выяснилось, что плиты сдвинуты со своих первоначальных мест и из-под них выступают края ящиков. Размеры ограды с СВ на ЮЗ — 4.7 м и с СЗ на ЮВ — 5.9 м. Внутри ограды расположено три могилы: могила 1 в центре, могила 2 между могилой 1 и юго-западной стеной ограды, могила 3 — маленький ящик, устроенный в западном углу, могила 4 — за оградой у северо-западной стены.

Могила 1 (табл. 13, 5). Прямоугольный каменный ящик, 205×130×100 см, ЮЗ—СВ, из поставленных на ребро плит. Над ящиком поперек его большая плита 240×180 см, сдвинутая со своего места. Она закрывала только юго-западную часть могилы. В могиле на глубине 55 см от края ящика оказался слой мелких плиток, перемешанных с костями животных. На дне непогребенное погребение женщины лет 25—30. Скелет лежал на спине, головой на ЮЗ, в вытянутом положении. На тазовых костях останки младенца. Правая рука несколько согнута в локте. Судя по положению погребенной, она умерла, не успев родить. В западном углу могилы лежал на боку большой раздавленный горшок (табл. 22, 10), второй, меньших размеров, стоял в восточном углу (табл. 19, 18). На нижней части груди, видимо в кожаном мешочке, лежали зеркало (табл. 26, 5), два ряда каменных белых цилиндрических пронизок (табл. 28, 45), костяной головной нож (табл. 24, 9) и зуб кабарги с бронзовой оковкой (табл. 24, 7). На зеркале бляшка. Две другие справа и слева от головы (табл. 27, 29, 30). У левого колена бронзовый нож (табл. 23, 20) и шило (табл. 23, 7). У левой кисти лопатка барана, у правой — ребра барана.

Могила 2 (табл. 13, 1, 2). Прямоугольный каменный ящик, 230×130×110 см, ЮЗ—СВ, из поставленных на ребро плит. Над северным углом сдвинутая с могилы плита размером 160×140 см. В могиле в полном беспорядке кости трех человек. Неполный скелет мужчины 35—40-летнего возраста. Череп европеоидный с некоторыми чертами монголоидности. Прогнатизм. Неполный скелет женщины 35—40 лет. Череп европеоидный. Прогнатизм. Несколько костей ребенка 10—11 лет. Среди костей найдены обломки горшка (табл. 19, 8), две каменные песчаниковые круглые плитки, две бронзовые бляшки и две бусины (табл. 28, 39, 42). Остатки мясной пищи, положенной умершим: 2 правые и 1 левая голени, правая и левая лопатки двух баранов, членики грудины от двух баранов, 4 ребра.

Могила 3 (табл. 13, 10). Прямоугольный каменный ящик, 70×55×40 см, ЮЗ—СВ. Устроен в восточном углу, так что две его стены — это стены ограды. Небольшая плита сдвинута с места. Находок и костей нет.

Могила 4 (табл. 13, 9). Прямоугольный каменный ящик, 50×35×40 см, ЮЗ—СВ, от него сохранились только северо-западная и юго-западная стенки. Часть костей ребенка. Инвентаря и пищи нет.

Курган 16 (табл. 4). До раскопок на поверхности земли были видны камни трех сторон ограды кроме юго-восточной. В двух местах выступали на поверхность большие плиты, лежавшие на могилах. После снятия дернового слоя и зачистки ограды установлено, что в ней было сооружено 5 могил, расположенных параллельно друг другу. Порядок сооружения могил не устанавливается. Размеры оград с СЗ на ЮЗ — 16.6 м, а с ЮЗ на СВ — 6.4 м. Номера могил идут с севера на юг.

Могила 1 (табл. 14, 3, 4). Прямоугольный каменный ящик, 215×150×100 см, ЮЗ—СВ, из поставленных на ребро плит с небольшим наклоном наружу. Покрытия не было. В могиле кости четырех субъектов в полном беспорядке. На месте части скелета мужчины 30—35 лет. Череп европеоидный. Прогнатизм. Кости и череп лежат в западном углу могилы. С костями ребенка от 1 до 1.5 лет смешаны кости ребенка младше года. Среди костей мужского скелета находился обломок левой плечевой кости еще одного человека. В могиле найдены вещи, принадлежащие одному из впускных погребений: горшок (табл. 20, 14), костяное орудие и трубочка, 2 ворворки, каменное круглое изделие с отверстием, костяная стрела (табл. 29, 3, 4, 11—13). Найдены также кости барана: левое бедро, 2 ребра и пяточная кость.

Могила 2 (табл. 14, 6). Прямоугольный каменный ящик, 210×120×95 см, ЮЗ—СВ, из поставленных на ребро плит. Ящик покрыт каменной плитой размером 240×170 см. На глубине 60—80 см могила заполнена мелкими плитками. На дне в беспорядке кости женщины 20—25 лет, в первоначальном положении находятся только

кости стоп у северо-восточной стены. Среди костей оказалась лобная часть черепа другого скелета. Из вещей найдены только украшения: бронзовый стерженек с золотой обкладкой (табл. 28, 2/), круглая бусина из зеленого камня, маленькая бочонковидная бусина из белого камня, фигурная бусинка из коричневого камня (табл. 28, 4/), бочонковидная бронзовая бусина (табл. 28, 4/). Кости животных представлены 2 ребрами и правой голенью барана.

Могила 3 (табл. 14, 1, 2). Прямоугольный каменный ящик, 200×80×65 см, ЮЗ—СВ, сделанный из мелких поставленных на ребро плит. По краю могилы небольшие плиты лежат плашмя, на них каменная плита размером 225×96 см, а сверху еще ряд небольших плит, образующих в плане овальную выкладку. На дне целый скелет женщины 27—30 лет. Череп европеоидный. Прогнатизм. Скелет на спине, головой на ЮЗ, руки несколько согнуты в локтях, лежат вдоль туловища. У правой кисти череп младенца. В западном углу могилы большой горшок на боку (табл. 20, 2/), нижняя часть второго горшка — миска — у правой ступни (табл. 20, 22). Бронзовый нож (табл. 24, 1/), и гвоздевидное шило (табл. 24, 1) под локтем левой руки. Рядом с ними две фигурные каменные белые подвески (табл. 25, 7). У левого виска бронзовая бляшка (табл. 27, 28), на левой кисти две бронзовые пронизки (табл. 28, 22, 23). У левой ступни кости барана: 4 ребра, 2 бедра и 2 голени, 1 лопатка, 3 альчика.

Могила 4 (табл. 14, 5). Прямоугольный каменный ящик, 215×100×80 см, ЮЗ—СВ, сделанный из четырех плит. Над могилой плита размером 200×140 см. В могиле в беспорядке кости двух субъектов. Женщина 20—25 лет. В первоначальном положении лежат только голени у северо-восточной стены могилы. Среди костей женщины найдены неполная тазовая кость и одна пяточная от другого скелета. Череп женщины европеоидный. В могиле в южном углу стоял большой горшок (табл. 21, 16), в северном углу — маленький (табл. 21, 15). Рядом с большим горшком бронзовое шило и нож (табл. 24, 2, 12), у северо-западной стены бронзовая бляшка (табл. 27, 33). У голени женщины кости коровы: левое бедро и голень, левая лопатка, 3 членника грудины, 3 ребра (все кости молодого животного — эпифизы не приросли); кости барана: правое бедро и голень, правая лопатка, метаподий, членник грудины, обломки правой голени, 3 ребра; кроме того, ребро молодого барана.

Могила 5 (табл. 17, 4, 5). Прямоугольный каменный ящик, 210×115×70 см, ЮЗ—СВ, сделанный из мелких плит, рассыпавшихся при зачистке. Над могилой две плиты. На дне могилы в полном порядке, головой на ЮЗ, скелет мужчины 50—53 лет. В южном и западном углу стояло по горшку (табл. 22, 17, 18), у черепа снизу и сверху по одной бронзовой бляшке (табл. 27, 3/), слева у пояса кинжал (табл. 29, 1) и чекан (табл. 25, 1/), у левой кисти бронзовое зеркало (табл. 26, 4). У ле-

вой руки кости овцы: правая лопатка, левое бедро, левая голень, коленная чашечка, 2 ребра.

Курган 17 (табл. 5, 2). На поверхности почвы прослеживались северо-восточная и юго-восточная стены ограды, в центре была видна большая плита. В ограде две могилы. Могила 1 в центре кургана, над ней плита, которая была видна до раскопок, могила 2 — между центральной и юго-западной стенами ограды. У северного и южного углов ограды найдены кости животных. Размеры ограды: длина с СЗ на ЮВ — 8.95 м, ширина с СВ на ЮЗ — 5.9 м.

Могила 1 (табл. 15, 3). Прямоугольный каменный ящик, 230×115×100 см, ЮЗ—СВ, из поставленных на ребро плит. Ящик покрыт большой каменной плитой, 212×144×9 см. В могиле в беспорядке кости скелета мужчины 60 лет. На месте лежит только правая голень параллельно юго-восточной стене, что указывает на первоначальное положение скелета головой на ЮЗ. Найдены обломки горшка (табл. 20, 15), бронзовая бляшка (табл. 27, 34) и 3 каменные фигурные бусины (табл. 28, 47). Между костями человека кости лошади: правое бедро, лопатка, 2 ребра, астрагал.

Могила 2 (табл. 15, 4, 5). Прямоугольный каменный ящик, 210×100×65 см, ЮЗ—СВ, сделанный из мелких плит, в северо-восточной части могилы лежащих плашмя. Между камнями отдельные куски дерева. Над могилой выкладка из мелких плит. В могиле останки трех людей: женщины 45—48 лет, женщины 25—27 лет и мужчины 30 лет. В южном углу небольшой горшочек (табл. 19, 23), а в других частях могилы обломки другого горшка. Кроме того, найдены кости коровы: диафиз бедра и голени, коленная чашечка, пяточная кость; взрослого барана: левая голень; молодого барана: левое бедро, голень, лопатка.

Курган 18 (табл. 5, 4). На поверхности земли хорошо прослеживались верхние части плит ограды размером с СЗ на ЮВ — 9.6 м, с СВ на ЮЗ — 4 м. Могилы симметрично расположены в ограде. Северная могила № 1, южная — № 2. За юго-восточной стеной ограды обнаружено скопление костей животных.

Могила 1 (табл. 15, 1, 2). Прямоугольный каменный ящик, 215×125×100 см, ЮЗ—СВ, из поставленных на ребро плит. Северо-западная стена завалилась внутрь могилы. Могила покрывала большая каменная плита размером 280×190 см. В ящике в беспорядке кости женщины 20—22 лет и ребенка. Найдены только кости животных: ребро лошади, голень молодой коровы, эпифиз плечевой кости и фаланга барана.

Могила 2 (табл. 15, 6). Прямоугольный каменный ящик, 230×130×115 см, ЮЗ—СВ, из поставленных на ребро плит, которые в настоящее время несколько отвалились наружу. Покрывало не сохранилось. В могиле кости женщины 20 лет и ребенка 5—6 лет. Найдены только кости животных: 2 правые голени и ребра барана.

Курган 19 (табл. 6). Размеры кургана с ЮВ на СЗ — 29 м, а с СВ на ЮЗ — в среднем 9 м. Курган состоит из 4 оградок.

Ограда А северо-западная, приблизительно 8×8 м. До раскопок были видны камни юго-восточной, части северо-восточной и несколько камней северо-западной стен. Внутри ограды прослеживалась большая плита. После снятия дернового слоя удалось установить, что в ограде 3 могилы. Могила 1 в центре ограды, для нее, видимо, она и сооружена; могила 2 у северо-западной стены ограды; могила 3 у юго-восточной стены ограды. Первоначально ограда была самостоятельным курганом.

Ограда Б размером 5.0 м с ЮЗ на СВ и 4.5 м с СЗ на ЮВ. Для ее сооружения использованы северо-западная стена ограды В и юго-восточная стена ограды А, так что она позже указанных двух. Юго-западная и северо-восточная стены ограды Б сделаны из тонких плит. Внутри ограды могилы не обнаружено.

Ограда В. Размеры с ЮВ на СЗ — 4.4 м и с СВ на ЮЗ — 4 м. В середине ограды могила 4. Первоначально являлась самостоятельным курганом. Сохранились все четыре стены.

Ограда Г пристроена с ЮВ к ограде В. До раскопок видны были камни юго-западной и северо-западной стен. Длина ограды — 8.8 м, ширина — 4.0 м. В ограде две симметрично расположенные могилы 5 и 6.

Могила 1 (табл. 16, 2). Прямоугольный каменный ящик, 200×85×80 см, ЮЗ—СВ, от которого сохранилась только юго-восточная стена. В могиле в полном беспорядке кости юноши 18—20 лет. Череп европеоидный. Найдена подвеска из зуба животного (табл. 25, 9) и обломки горшка (табл. 22, 3). Среди человеческих костей найдены кости барана: правая лопатка и 2 ребра.

Могила 2 (табл. 16, 1). Прямоугольный каменный ящик, 230×170×105 см, ЮЗ—СВ, из поставленных на ребро плит. Часть могилы была покрыта каменной плитой, 240×235 см, сдвинутой со своего первоначального места. В могиле нарушенный костяк мужчины 45—50 лет. На месте лежат левое бедро и голень, правая голень и левое предплечье. Череп европеоидный. Погребенный первоначально лежал головой на ЮЗ, на спине. В западном углу могилы стоял горшок (табл. 22, 16), часть другого горшка у правой стопы (табл. 22, 12). У правой ноги находились лопатка, 4 ребра и нога коровы; 4 ребра, лопатка и нога овцы.

Могила 3 (табл. 16, 3, 4). Прямоугольный каменный ящик, 195×90×85 см, ЮЗ—СВ, из поставленных на ребро плит. Плита покрытия не сохранилась. В могиле останки мужчины (?) 60—65 лет, от которого сохранились неповрежденными обе ноги в юго-восточной части могилы, и женщины (?) 18—20 лет, слева от мужчины, от неё в первоначальном положении сохранились правая нога и левое предплечье. Черепов нет. У левого локтя женщины найдены костяной двусторонний гребешок (табл. 26, 6), украшенный концентрическими кружками, костяной головной нож с тем же орнаментом (табл. 24, 10), 10 бронзовых и костяных пронизок (табл. 28, 43, 44, 46),

5 имитаций раковин каури (табл. 26, 1). Кроме того, в могиле найдены 4 бронзовые бляшки (табл. 27, 35—38), 2 бронзовые трубочки-пронизки (табл. 28, 29, 30) и костяной гребешок, подобный первому (табл. 26, 3). Найдены кости двух баранов: молодого (правое бедро, левая голень, левая пятка и таранная) и более старого (правое бедро, правая голень, пятки, 3 ребра).

Могила 4 (табл. 16, 5). Прямоугольный каменный ящик, 210×120×85 см, ЮЗ—СВ, из поставленных на ребро плит. Северо-западная стена наклонена наружу, юго-восточная — внутрь. Плиты покрытия не сохранились. В могиле скелет мужчины 48—53 лет. Неповрежденными сохранились голени, часть позвоночного столба от шеи до пояса и левые ребра. Череп европеоидный. Может быть, был второй погребенный — найден обломок височной кости. В могиле обломки горшков (табл. 19, 13, 19), лопатка, 3 ребра и бедро барана.

Могила 5 (табл. 16, 7). Прямоугольный каменный ящик, 190×115×80 см, ЮЗ—СВ, из поставленных на ребро плит. Юго-западная часть могилы покрыта плитой. В могиле останки мужчины 57—60 лет. Все кости перемешаны, на месте лежат стопы и левая голень. Погребенный первоначально лежал на спине, головой на ЮЗ. Череп европеоидный. В западном углу могилы горшок (табл. 19, 29). У левой ноги левое бедро, левая голень и предплюсна, 2 ребра коровы. Кроме того, по описи Эрмитажа за этой же могилой числятся два горшка (табл. 19, 8, 15).

Могила 6 (табл. 16, 6). Прямоугольный каменный ящик, 195×105×70 см, ЮЗ—СВ, из поставленных на ребро плит. В юго-западной части могилы перекрыта каменной плитой 200×140 см. В могиле останки двух человек. Все кости перемешаны. Мужчина 60 лет. Череп европеоидный. Мужчина 60 лет. Череп с монголоидными чертами. В могиле найдены обломки горшков (табл. 19, 14, 16), правая лопатка, бедренная и пяточная кости овцы.

Курган 20 (табл. 8, 4). До раскопок были видны северо-восточная, юго-восточная и юго-западная стены ограды. После снятия дернового слоя в ограде оказалось две могилы. Размеры ограды 8.8×5.6 м. В 4 м к СЗ от ограды были видны отдельные камни. После зачистки выяснилось, что здесь еще одна могила.

Могила 1 (табл. 17, 2). Прямоугольный каменный ящик, 225×130×90 см, ЮЗ—СВ, из поставленных на ребро плит. В могиле перемешанные кости трех человек: мужчины 40—45 лет, женщины зрелого возраста (40—60 лет) и часть черепа взрослого человека. В могиле найдены обломки горшка (табл. 20, 7), бронзовый вток со следами деревянной рукоятки (табл. 25, 4), бронзовая бляшка (табл. 28, 1), обломок золотой обкладки со следами бронзы с внутренней стороны (табл. 28, 28). Из костей животных: правое бедро, левая голень, левая лопатка, таранная и пяточная кости молодой коровы; правое бедро, голень, ло-

патка и членик грудины телки; левое бедро взрослого барана; 2 бедра, 2 левые голени, правая лопатка и 2 метаподия ягненка.

Могила 2 (табл. 17, Л). Прямоугольный каменный ящик, 190×75×70 см, ЮЗ—СВ, из поставленных на ребро плит. В могиле в полном беспорядке кости ребенка 8—12 лет. Найдены обломки горшка (табл. 20, Л), 3 ребра, обломки бедра, коленная чашечка и пятка барана.

Могила 3 (табл. 17, З). Прямоугольный каменный ящик, 170×90×70 см, ЮЗ—СВ, из поставленных на ребро плит. Плиты юго-восточной стены несколько смещены. Над могилой овальная выкладка из некрупных каменных плиток. В могиле скелет женщины 55—57 лет, в вытянутом положении, на спине, головой на ЮЗ. Череп европеоидный. В западном и южном углах могилы по горшку (табл. 19, 24; 21, 7). В южном углу рядом с горшком бронзовые нож и шило (табл. 24, 4, 13). У головы слева три обломка бронзового предмета (табл. 23, 11). У левой руки правое бедро, голень, правая лопатка, 4 ребра, альчик, 3 членика грудины барана.

Курган 21 (табл. 7). До раскопок на поверхности были видны камни стен четырехугольной ограды, состоявшей из трех частей.

Ограда А северо-западная. Ее размер 4.8×5.2 м. Все стены были ясно видны, в ограде одна могила № 1. Ограда сооружена позже ограды Б.

Ограда Б средняя из трех. Ее размер 4.5×3.7 м. Все стены хорошо видны, имеют наклон внутрь, кроме юго-восточной стены, отклонившейся наружу. В ограде две могилы, в центре могила № 2 и в западном углу детская могила № 5.

Ограда В пристроена к Б. Размер 4.5×6.0 м. В ограде две могилы. Ее стены плохо сохранились.

Могила 1 (табл. 18, 1, 2). Прямоугольный каменный ящик, 190×100×200 см, ЮЗ—СВ, из поставленных на ребро плит. Покрытие могилы не сохранилось. В северо-восточной части могилы на глубине 27 см впускное погребение собаки, лежащей в анатомическом порядке. Внутри могилы останки мужчины 21—25 лет. В юго-западной части могилы непотревоженными сохранились голени и стопы. Погребенный первоначально был положен на спине, в вытянутом положении, головой на СВ. В могиле найдены 3 бронзовые бляшки (табл. 28, 2—4) и обломки сосуда (табл. 19, 6). Кроме того, правое бедро, правая голень, правая лопатка, 3 ребра и 4 членика грудины молодой коровы; правая голень, правое бедро, предплюсна, 2 ребра молодой овцы, все последние кости лежали в южном углу.

Могила 2 (табл. 18, 6, 7). Прямоугольный каменный ящик, 190×80×20 см, ЮЗ—СВ, из поставленных на ребро плит. Юго-восточная стена могилы наклонена внутрь. Плиты покрытия не сохранились. В юго-западной части могилы полуразрушенное впускное погребение собаки. В южном углу три впускных захоронения детей 2, 5 и 6 лет. Все это на глубине 30 см. На дне скелет муж-

чины зрелого или старческого возраста, от него в первоначальном положении сохранилась нижняя часть. Он был положен на спине, в вытянутом положении, головой на ЮЗ. Вещей нет. Найдены коренной зуб и первая фаланга коровы; правая лопатка, правое бедро, правая голень, 4 поясничных позвонка, 2 членика грудины и фаланга овцы; коренной зуб лошади.

Могила 3. Прямоугольный каменный ящик, 210×100×100 см, ЮЗ—СВ, из поставленных на ребро плит. Плиты покрытия не сохранились. На глубине 46 см в северо-восточной части могилы впускное погребение ребенка 2 или 2.5 лет. На дне скелет женщины 27—30 лет, в вытянутом положении, на спине, головой на ЮЗ. Погребение нарушено в средней части. На ногах кости второго погребенного ребенка 2—3 лет. В могиле найдены в северном углу 2 горшка (табл. 21, 3; 22, 7), у черепа и таза по бронзовой бляшке (табл. 27, 32), у правого плеча шило (табл. 24, 3) и обломок бронзового ножа (табл. 23, 9), бронзовая бусина и 2 подвески из зубов животных (табл. 28, 36, 53), ниже пояса бронзовое зеркало (табл. 26, 7). Мясная пища представлена 4 члениками грудины, 4 правыми ребрами, правой лопаткой, правым бедром, правой голенью, поясничными позвонками взрослой овцы.

Могила 4. Прямоугольный каменный ящик, 215×95×95 см, ЮЗ—СВ, из поставленных на ребро плит. Плит покрытия нет. На глубине 39 см три впускных детских погребения. Дети 4, 10 лет и не установленного возраста. На дне, в вытянутом положении, головой на ЮЗ, непотревоженный скелет мужчины 30 лет. В западном и северном углах могилы горшки (табл. 20, 23; 21, 10), на правом запястье бронзовое зеркало (табл. 26, 9), у локтя левой руки чекан (табл. 25, 8), рядом с ним нож (табл. 24, 14) и кинжал (табл. 29, 2). У головы и на правой части груди бронзовые бляшки (табл. 27, 39; 28, 5). У правой ноги правая лопатка, правое бедро, правая голень, 4 членика грудины молодой овцы, обломок правой голени взрослой овцы и зуб коровы.

Могила 5. Прямоугольный каменный ящик, 80×60×65 см, СВ—ЮЗ, сделанный в северном углу ограды. На ящике мелкие плитки. В нем части черепа ребенка 1.0—1.5 лет.

Курган 22 (табл. 5, З). До раскопок на поверхности земли были видны северо-восточная, северо-западная и юго-западная стены ограды и угловые камни. За северо-восточной стеной лежали две плиты. Ограда размером 5.1×4.3 м. Юго-восточная стена не сохранилась. В ограде одна могила.

Могила 1 (табл. 17, 8). Прямоугольный каменный ящик, 200×95×70 см, ЮЗ—СВ, из поставленных на ребро плит. Плита покрытия лежит за северо-восточной стеной. В могиле останки двух человек. Все кости перемешаны. На своих местах ноги женщины 60—65 лет у юго-восточной стены могилы и ноги мужчины 55—60 лет у севе-

ро-западной стены могилы. Погребенные лежали на спине, головами к ЮЗ. В могиле найдены обломки горшка (табл. 19, 25); правое бедро, голень, лопатка, 4 членика грудины, 3 правых ребра взрослого барана; правое бедро, голень, лопатка, пяточная кость, астрагал, 1 ребро, 3 членика грудины молодого барана; правая лопатка, эпифиз правой голени коровы.

Курган 23 (табл. 8, 2). На поверхности были видны камни трех сторон, но не целиком. Северо-западная стена не сохранилась. Размеры ограды 6×6 м. В центре могила 1, для которой и строилась ограда, к югу от нее могила 2, в южном углу детская могила 3.

Могила 1 (табл. 18, 5). Прямоугольный каменный ящик, 220×145×75 см, ЮЗ—СВ, из поставленных на ребро плит. На северо-восточной части могилы остатки покрытия. В могиле перемешаны кости мужчины 40—45 лет. Череп европеоидный. В могиле найдены несколько обломков горшка; правое бедро, голень, 2 ребра, левая лопатка барана; эпифизы бедра, пяточная, таранная кости и 3 правых ребра коровы.

Могила 2 (табл. 18, 8). Прямоугольный каменный ящик, 190×30×70 см, ЮЗ—СВ, из поставленных на ребро плит. В юго-западной части могилы сохранились остатки плит. В могиле кости мужчины 40—45 лет и ребенка 7.0—7.5 лет. Найдены обломки горшка; 2 правые голени, 2 метаподия, правая лопатка, 1 правое ребро, членик грудины барана.

Могила 3 (табл. 18, 4). Прямоугольный каменный ящик, 80×40×40 см, пристроенный к юго-восточной стене ограды. От погребенного ничего не сохранилось. Находок нет.

Курган 24 (табл. 8, 1). До раскопок хорошо были видны все стены оградки, в северном углу наклонная плита. Размеры сооружения 7 м с СЗ на ЮВ и 5 м с ЮЗ на СВ. В ограде две могилы, симметрично расположенные. Последовательность их сооружения не устанавливается. Около северо-западной стены ограды скопление костей животных.

Могила 1 (табл. 18, 9). Прямоугольный каменный ящик, 205×100×75 см, ЮЗ—СВ, из поставленных на ребро плит. Покрывающая ящик плита сдвинута и лежит в северном углу ограды. В могиле в полном беспорядке кости мужчины. Возраст не определяется. В восточном углу могилы горшок (табл. 20, 20). Среди костей бронзовый предмет непонятного назначения (табл. 23, 12). Кроме того, найдены левые бедро и лопатка коровы.

Могила 2 (табл. 18, 3). Прямоугольный каменный ящик, 190×105×80 см, ЮЗ—СВ, из поставленных на ребро плит. Северо-восточная и юго-западная стенки наклонены наружу. Плиты покрытия не сохранились. Могила сильно разграблена. Кости лежат в полном беспорядке. Пол и возраст погребенного не определяются. Найдено несколько фрагментов горшка (табл. 19, 12), левая голень, 4 ребра, часть грудины, позвонок и пяточная кость барана; обломок левой лопатки и 2 обломка ноги коровы.

Курган 25 (табл. 8, 3). До раскопок на поверхности земли был виден только один камень южного угла ограды. После снятия дерна выяснилось, что курган состоит из двух оград. Юго-западная, большая, размером 5.3×5.3 м и пристроенная к ней меньшая размером 3.1×2.8 м. В каждой ограде по одному ящику.

Могила 1 (табл. 17, 6). Прямоугольный каменный ящик, 160×100×80 см, ЮЗ—СВ. Стенки его наклонены внутрь. В юго-западной части могила перекрыта плитой размером 225×160 см. В могиле в беспорядке кости женщины 22—26 лет. Вещей в могиле нет. Много обломков костей, необычных для этого вида могил. Видимо, более позднего происхождения.

Могила 2 (табл. 17, 7). Прямоугольный каменный ящик, 105×60×45 см, ЮЗ—СВ, из поставленных на ребро плит. Плиты покрытия не сохранились. В могиле кости ребенка 3—4 лет, смещенные со своих мест. Вещей и костей животных не найдено.

ГЛАВА 2. ОГРАДЫ И МОГИЛЫ

Могильник Гришкин Лог I занимает небольшую наклоненную к северо-востоку площадку, расположенную на склоне выноса из лога (рис. 1). С севера и северо-востока она ограничена болотистой поймой речки Карасук, с юго-востока руслом сухого водотока, а с запада — подножьем горы. За ее пределами курганов, аналогичных этому могильнику, нет, так же как нет на территории могильника оград, принципиально отличающихся от раскопанных. Расположение могильных сооружений на небольшой и ограниченной территории, их принципиальное сходство и отсутствие резких отличий объектов позволяет рассматривать это древнее кладбище как единый памятник, относящийся к относительно короткому историческому периоду¹.

До работ Красноярской экспедиции конструктивные особенности погребальных памятников практически не изучались. Обычно исследователи производили раскопки только могил внутри оград, не затрагивая самого ограждения. Исключением являются раскопки Д. А. Клеменца 1888 г. у улуса Чебаки, где он исследовал и ограды, детальные раскопки С. В. Киселевым большого Салбыкского кургана в 1956 г.

Поэтому археологи обычно сравнивали курганы только по тем их деталям, которые были видны на поверхности к моменту раскопок, в первую очередь по общей конфигурации и наличию крупных угловых и промежуточных столбов, в силу их массивности лучше сохранившихся на протяжении длительного времени. Сопоставляя между собой курганы, они практически не искали сходства между самими памятниками, с их особенностями и характерными деталями, а сравнивали продукты их многовекового разрушения, без учета того, что за длительный период времени в разных условиях и в силу разных обстоятельств одинаковые памятники могли приобрести разный внешний вид.

На сохранности, и следовательно, на современном виде сказывались различные естественные условия: направление господствующих ветров

и дождей, в силу чего при наличии насыпи одна сторона кургана оказывалась более пологой, а другая крутой; расположение могильника либо на склоне, либо на ровном месте, что определяло характер и направление развала плит. Разрушало тагарские курганы и более позднее население, которое, вместо того чтобы использовать естественный материал для сооружения своих погребальных памятников, выкапывало плиты из рядом расположенных курганов. Определенную роль играл и сам материал. Большинство оград возведены из неоднородного девонского песчаника, что приводит к разной сохранности оград. В одних случаях песчаник легко размокает, слоится и рассыпается, в других — он более плотный и значительно хуже поддается разрушению. Известно, что в тех местах, особенно на западе Минусинской котловины, где ограды сделаны из блоков гранита, значительно более стойкого по отношению к разрушению материала, они, если не были разрушены человеком, почти не изменили своей первоначальной формы и размеров. Правда, высота стен гранитных оград была меньше, чем при сооружении их из плит песчаника.

Отсутствие сведений о конструктивных особенностях тагарских курганов не позволяло исследователям получить представление о первоначальном виде этих памятников, и следовательно, лишало их источника дополнительной и очень важной для решения отдельных исторических вопросов информации, а в некоторых случаях приводило к неверным сопоставлениям и выводам. В связи с этим при раскопках Гришкиного Лога было обращено особое внимание на конструктивные особенности изучавшихся памятников с тем, чтобы воссоздать их первоначальный вид и получить более полное представление о самом могильнике.

До раскопок на поверхности почвы, среди травы, были видны отдельно стоявшие довольно крупные вертикальные камни. При более внимательном осмотре рядом с ними можно было заметить незначительно выступавшие из земли расщепившиеся торцы плит, образовывавшие квадраты и прямоугольники, иногда сетку из этих фигур, но чаще только отдельные части их (рис. 2). Во многих случаях внутри оград проступали на поверхности лежавшие плашмя плиты довольно

¹ Много позже, в период позднейшего этапа тагарской культуры, место кладбища использовано вторично при строительстве наземного сооружения № 5 и захоронений, впущенных в раннетагарские могилы. — Э. В.

значительных размеров. Почти всегда, независимо от сохранности сооружения, можно было хотя бы приблизительно судить о его виде. Но полной ясности о форме, а тем более конструкции ограды только при внешнем осмотре получить не удавалось. Поэтому раскоп закладывали таким образом, чтобы он после снятия верхнего слоя земли и зачистки включал все видимые на поверхности камни. Когда плиты ограды отсутствовали, удавалось зафиксировать их следы в виде темных полос или ровиков, в которых они первоначально стояли. В результате, за очень редким исключением, выяснялись форма ограды и ее размеры.

Ограды представлены в основном двумя разновидностями — одиночными сооружениями и системами из нескольких примыкавших одна к другой оградок. Внутри огражденного пространства располагались одна-две могилы или, очень редко, больше. В зависимости от количества могил изменялась и форма ограды. В тех случаях, когда в ограде находилась одна могила или она первоначально предназначалась для одной могилы, она имеет квадратную форму или очень близка к квадрату с разницей в длине сторон около 0.5 м (табл. 1, 5). Когда же ее возводили для двух или нескольких могил, она имеет прямоугольную в плане форму (табл. 4; 5, 4; рис. 4—6).

Из 24 раскопанных курганов одиночных оград 13 (одна могила не имела ограды — курган 6). В это число входят и два кургана, где за пределами ограды, к СЗ от нее, было расположено еще по одной могиле (табл. 1, 6; 8, 4). Вполне возможно, что они в древности имели деревянные ограждения, не сохранившиеся к моменту раскопок.

Остальные 10 сооружений представляли собой системы с пристройками. Простейшие из них состоят из двух оградок. В двух случаях пристройка сделана у северо-западной стенки (табл. 1, 2; 5, 1), в одном — у юго-восточной (табл. 1, 1), в одном — у северо-восточной (табл. 8, 3). Две системы состояли из трех оград, причем последние были сооружены у северо-западных и юго-восточных стен (табл. 1, 3; 7; рис. 7).

Оставшиеся четыре наиболее сложных сооружения представлены индивидуальными системами, хотя и в них наблюдается определенная закономерность. Курган 10 (табл. 2, 4) состоял, по видимому, из большой ограды и пристройки, расположенной к юго-западу от нее. Курган 19 представлял собой вытянутую с СЗ на ЮВ систему из четырех оград (табл. 6). Две из них первоначально были самостоятельными сооружениями, промежуток между которыми был занят стенами, образовавшими пристройку, а к юго-востоку от второй ограды была сделана еще одна пристройка. Близок к описанному и курган 13 (табл. 3), с той разницей, что здесь пристройка А сделана к северо-западу от одной из основных оград, Б, а между двумя основными оградами Б и Д построены две стены, образовавшие соединительную пристройку В, с северо-востока от которой позже возвели еще три стены четвертой оградки — Г. Наиболее спорным является курган 9 (табл. 2, 5), где плохо сохранилась северная часть. Можно лишь предполагать, что с трех сторон основной ограды — с юго-востока, северо-запада и северо-востока — было сделано четыре пристройки.

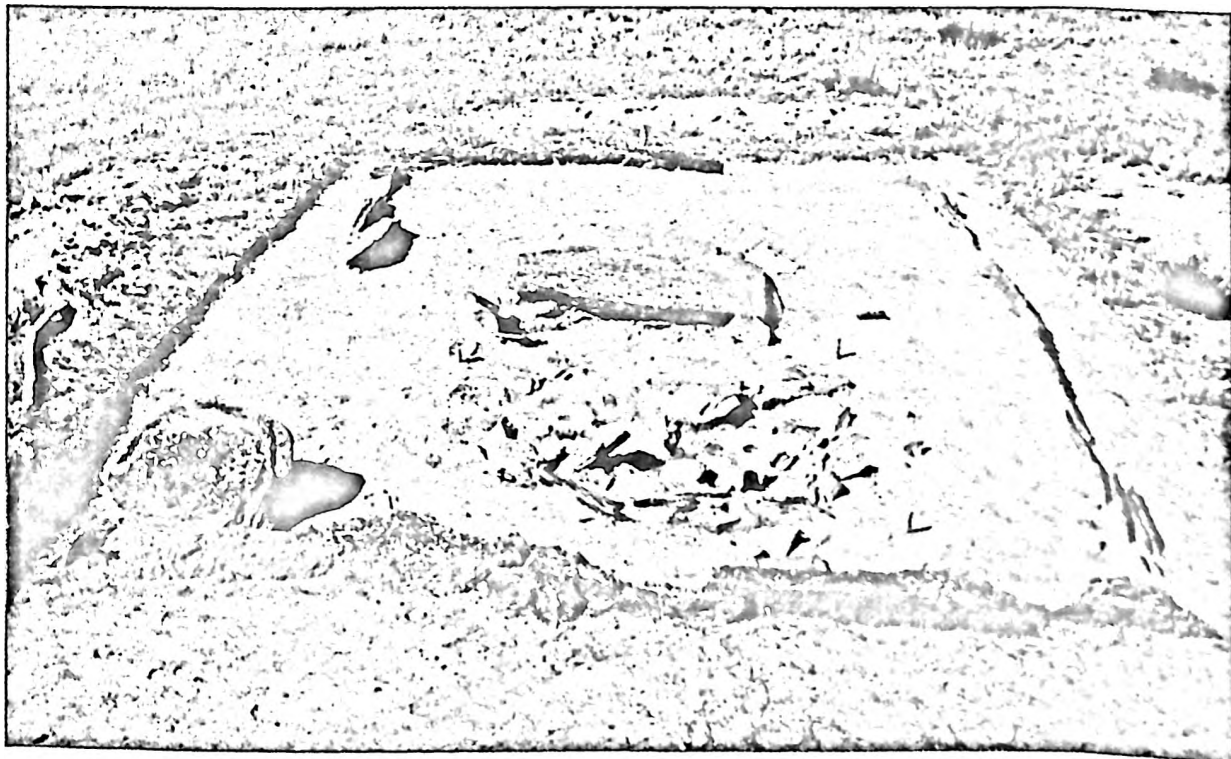

Рис. 4.

Могильник Гришкин Лог I. Курган 17 с прямоугольной оградой

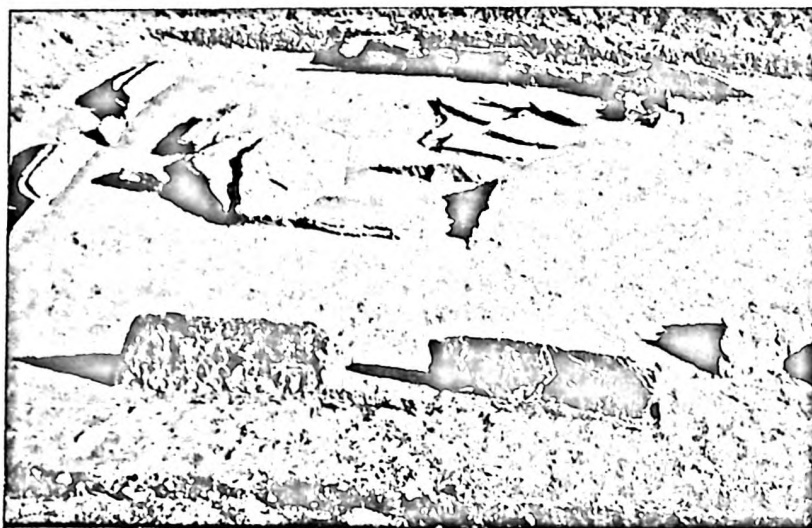

Рис. 5.
Моги́льник Гришкин Лог I. Курган 23 с прямоугольной оградой, фото

Рис. 6.
Моги́льник Гришкин Лог I. Курган 24 с прямоугольной оградой, фото

Рис. 7.
Моги́льник Гришкин Лог I. Курган 21 из трех оград, фото

Рассматривая ограды с пристройками в целом, можно заметить следующую закономерность в их сооружении: чаще всего пристройки делали с северо-западной и юго-восточной сторон и значительно реже с северо-восточной. Пристройки и основные оградки, объединенные в системы, по форме соответствуют одиночным оградкам. Большинство из них также имеет близкую к квадрату

форму. Всего оград и пристроек в могильнике 43, из них квадратных 25, прямоугольных 13. Для 5 форма не установлена из-за плохой сохранности стен. Назначение ограды для одной или нескольких могил определяло и ее размеры. Когда ограду делали не для одной могилы, она вытягивалась по направлению с северо-запада на юго-восток.

Таблица I

Размеры оград

Количество могил		Длина могилы, см										
		3	3.5	4	4.5	5	5.5	6	7	9	9.5	16.5
Основная ограда	1				3	3	2	3				
	2				1		3	2		2	1	
	3								1			
	>3									1		1
Пристройка	1	3	1	3	2	1		1				
	2					2		1		1		
	3											
	>3											

Продолжение табл. I

Количество могил		Ширина могилы, см									
		2	2.5	3	3.5	4	4.5	5	5.5	6	6.5
Основная ограда	1					3	3	2	3	1	
	2					1	1	1	4	2	
	3									1	
	>3					1					1
Пристройка	1	1	1	3	1	3		1		1	
	2				1	1	1	1			
	3								1		
	>3										

Имеющие одну могилу одиночные ограды и основные пристройки в составе систем представляют собой квадрат со стенами длиной от 4 до 6 м или близки к нему. При наличии двух могил ширина ограды не изменяется, а длина в некоторых случаях увеличивается (табл. I). Имеется два вида оград с двумя могилами. К первому виду относятся основная ограда кургана 10 и ограды курганов 17, 18, 20 и 24 (табл. 2, 4; 5, 2, 4; 8, 1, 4), которые содержат по две симметрично расположенные могилы. Большая длина оград свидетельствует о первоначальном намерении разместить в них по две могилы. Ко второму виду относятся ограды, в которых две могилы, но размеры которых соответствуют размерам оград, содержащих только одну могилу. Это курганы 1, 8, 9 (основная ограда), 12, 15, 23 (табл. 1, 1, 4; 2, 1, 3, 5; 8, 2). В та-

ких случаях одна из могил находится в центре ограды, а вторая в промежутке между центральной могилой и стеной. Ясно, что первоначально ограда предназначалась для одной могилы, но потом в силу каких-то обстоятельств в ней сделали вторую.

Аналогичная картина в ограде Д кургана 13 (табл. 3), где оказалось три могилы. Но разница в длине стен незначительная, всего 1 метр. Одна из могил занимает центральное положение, а две другие устроены на свободных местах. Видимо, первоначально эта ограда предназначалась для одной могилы, почему ее размеры и близки к квадрату.

Только в одном несомненном случае (курган 16, см. табл. 4), ограду сооружали для устройства нескольких могил, в силу чего ее построили в виде удлиненного прямоугольника.

Размеры пристроек в большинстве случаев меньше основных и одиночных оград, но и у них наблюдается та же закономерность: пристройка для одной могилы обычно квадратная, а специально сделанная для нескольких — удлиненная, но, как правило, незначительно. Так, пристройка А кургана 13, где оказалось три могилы, имела размеры 7.0×5.5 м (табл. 3). Удлинение оград происходило с СЗ на ЮВ, то есть в том же направлении, что и при сооружении пристроек в системах оград. Отдельные отклонения от строго квадрата в тех случаях, где разница в длине стен составляет от 0.5 до 1.0 м, нельзя рассматривать как специальное удлинение ограды. Об этом свидетельствует, например, различная длина стен ограды 7, где западная и северная стены были длиной 4.5 м, восточная 5.0 м, а южная 4.0 м (табл. 1, 5).

Все это позволяет считать, что основной формой ограды в могильнике Гришкин Лог I был квадрат, в то время как прямоугольник делали лишь в случае одновременного сооружения двух или более могил или тогда, когда первоначально предполагалось сделать несколько в одной ограде.

Все ограды сооружены из плит девонского песчаника, из которого сложена гора, возвышающаяся над могильником. Песчаник лежит наклонными пластами, так что на поверхность в обрывах выходит торцами, образующими как бы обрывы книги. У подножия горы и в логу встречаются его глыбы, отломившиеся от массива. Эти блоки разной формы и величины напоминают собой пачки бумаги и, как последние, могут быть расслоены на листы-плиты. Из таких плит возводили стены, ограды, ящики и покрытия могил. В отдельных случаях, где плиты сохранили свою первоначальную форму, можно видеть, что они получены из одного блока, как, например, в ограде Д кургана 13 (табл. 3). В указанной ограде два угловых камня и две плиты покрытия центральной могилы имеют совершенно одинаковую форму и размеры, позволяющие полагать, что они получены в результате расслоения одного монолитного куска песчаника.

Сооружая ограду, плиты вкапывали в землю, ставя их на торец. К моменту раскопок находившиеся над землей части плит оказались разрушенными. Верхние их края независимо от толщины имели слоистую структуру. В щели между слоями попадала вода, которая при замерзании расслаивала плиту, откалывая от нее куски, и проникала вглубь. В результате за более чем двухтысячелетний период времени верхняя часть плит почти до уровня земли оказалась полностью разрушенной. К моменту раскопок первоначальная поверхность и края сохранились только у подземных частей плит. И лишь иногда над землей возвышались на 20—30 см сильно расслоившиеся наземные их части.

В большинстве случаев плиты не стояли строго вертикально, а имели наклон преимущественно в двух направлениях: по склону подошвы горы в направлении потоков воды и сползания

земли и внутрь сооружения. В некоторых случаях, как, например, в кургане 7, можно было наблюдать развал в обоих направлениях (табл. 1, 6). Здесь три стены наклонены внутрь сооружения, а одна, северо-восточная, по направлению склона.

Характер и причины развала оград удалось установить в результате специального изучения конструкции сооружений и способов их строительства, что было сделано при раскопках курганов 4, 8, 9, 13. Выяснилось, что для возведения стен ограды сначала вкапывали ровик, в который опускали плиты на глубину от 40 до 80 см. Разную глубину, видимо, можно объяснить стремлением получить одинаковую высоту наземной части в случае разного размера плит. Для того чтобы плиты стояли более устойчиво, между ними и внешней стеной ровика забивали камни и небольшие плитки, служившие клиньями и поддерживавшие стенки ограды (табл. 1, 7, 8). Но иногда плиты ставили не параллельно стене, а перпендикулярно к ней, как в кургане 13. Такие плитки служили «контрфорсами», поддерживавшими стену.

Во всех случаях можно было видеть единообразный способ постановки плит. Первоначально устанавливали угловые камни и плиты. В некоторых случаях для этого использовали более толстые и массивные камни, но чаще на углах стояли плиты, аналогичные используемым для стен, иногда, правда, поставленные не на длинную, а на короткую сторону. К ним с наружной стороны приставляли первые плиты ограды и также снаружи все последующие. Такая конструкция наблюдалась на всех курганах и у всех стен (табл. 1, 7, 8). Наличие с наружной стороны подпорок сдерживало развал плит наружу, и они отклонялись в эту сторону только по склону, в остальных же случаях могли наклоняться только внутрь сооружения. В системах оград наклон плит и порядок их установки позволял видеть последовательность сооружения всей системы. У основных оград плиты стен обычно наклонены внутрь, а каждая плита стоит, опираясь на внутреннюю. У пристроек три стены имеют одинаковый наклон, а одна, общая с основной, по отношению к пристройке наклонена еще наружу.

Способ установки плит, видимо, с самого начала придавал стене незначительный наклон, со временем усиливавшийся под действием силы тяжести, но для этого плиты должны были быть довольно высокими. Во всяком случае, их наземная часть должна была быть несколько больше, чем закопанная в землю. О высоте ограды можно судить и по величине угловых камней. В тех случаях, когда ими служили более массивные плиты, которые сохранялись значительно лучше, чем плиты стен, они имели первоначальную или близкую к ней высоту. В одних случаях они достигали 50—60 см, в других — 1 м. В первом из целиком раскопанных курганов (№ 4) угловые камни северной стороны возвышались над землей на 60—75 см, а на южной стороне они разрушились, как и стены ограды. Это позволяет предполагать, что пер-

воначально стена ограды по высоте была равна угловым камням, достигая 80—100 см, и только в некоторых случаях угловые камни выступали над верхним краем стен. Отсутствие у большинства оград ясно видимых более крупных и массивных угловых столбов не может явиться свидетельством того, что их не было первоначально. В этих случаях угловыми камнями служили крайние плиты ограды. Иными словами, угловой камень в ограде для этого могильника и, видимо, для этого периода тагарской культуры еще не выделялся в самостоятельную деталь ограды. В более позднее время угловые камни всегда более массивные и высокие, чем стены. Для них специально подбирали соответствующие камни, в то время как в начале тагарской культуры использовали разный материал. Поэтому отсутствие в ранних оградах тагарской культуры угловых камней является закономерным. В тот период угловой камень как специальная конструктивная деталь только зарождался.

В процессе раскопок курганов Гришкиного Лога объективных наблюдений над последовательностью сооружения ограды и могилы сделано не было. Под тонким почвенным слоем залегает однородный грунт — продукт разрушения девонского песчаника. В этих условиях видеть выкид из могил не представлялось возможным. Все же по косвенным данным и наблюдениям над последовательностью сооружения несколько более поздних памятников можно судить о том, что делали раньше — ограду или могилу. Так, в относящемся к более позднему этапу тагарской культуры могильнике у Подгорного озера хорошо было видно, что могилу выкапывали после сооружения ограды, так как там выкид из ямы располагался внутри ограды и отсутствовал за ее пределами. Можно думать, что эта последовательность была характерна и для более ранних памятников — баиновского этапа тагарской культуры. Этот же прием был отмечен и для культур эпохи бронзы — андроновской и карасукской, причем не только на Енисее, но и в Западном Казахстане [Сорокин, 1962, с. 37]. Косвенно это позволяет предполагать, что и в Гришкином Логу сначала делали ограду, а затем внутри огороженного пространства выкапывали могилу. Эту мысль подтверждает и постоянно наблюдаемая симметрия в расположении могил в оградах. В тех случаях, когда ограда сооружена специально для одной, двух или трех могил, последние симметрично расположены внутри нее. Могилы же более поздние, выкопанные уже после того, как была сделана ограда и первая могила, занимают свободные промежутки между могилой и стеной ограды.

Из сказанного следует, что для строительства ограды создатели могильника Гришкин Лог сначала выбирали площадку, вкапывали угловые камни, к которым снаружи приставляли плиты, образующие стены. Затем в центре или в соответствующих местах, если могил было больше одной, выкапывали ямы. Правда, нет уверенности в том,

были ли сделаны все стены полностью к моменту захоронения. Дело в том, что средние камни прилегают с наружной стороны к соседним, а это вызывает предположение, что последнюю плиту в ограде ставили после совершения захоронения, прикрывая ею выход из ограды.

В могильнике Гришкин Лог I всего было раскопано 80 могил, как заключенных в ограды, так и расположенных за их пределами. Из общего количества только 6 оказались грунтовыми ямами. Остальные представлены в принципе одинаковыми каменными ящиками, но с некоторыми отличиями деталей, связанными, видимо, в первую очередь с наличием подходящего материала.

В большинстве случаев для стен ящиков использовали тонкие плиты и лишь некоторые сделаны из массивных плит толщиной до 15 см. Значительная часть ящиков сооружена из хорошо подогнанных 4 плит, образующих его стены. Реже длинные стены или одна из них составлены из двух небольших плит, так что их боковые грани находятся одна на другую. Только в трех могилах стены ящиков были сооружены из нескольких плит. Так, в могиле 4 кургана 9 плиты, образующие стены, имели неправильную форму, поэтому верх ящика был достроен из мелких плиток. В могиле 5 кургана 13 в нижней части стены находилась большая плита, а в верхней — меньшая. А в могиле 1 кургана 14 низ стены образован несколькими мелкими плитами, а верх сделан из одной большой.

Все эти способы сооружения ящика показывают разнообразие строительных приемов, умение использовать имеющийся материал, но принципиально конструкция могилы остается неизменной.

Вместе с тем имеется четыре могилы (табл. 9, 5; 14, 2; 15, 4, 5; 17, 5), которые также можно называть каменными ящиками, но они по конструкции значительно отличаются от описанных. У них стены образованы несколькими мелкими плитками, иногда стоящими в два ряда. При раскопках Гришкиного Лога не были обнаружены следы крепления этих плит. В процессе расчистки плитки сползали со своего первоначального места и разваливались. В памятниках более позднего времени, например, у Подгорного озера, такие могилы встречаются значительно чаще. Там удавалось всегда обнаружить следы дерева в виде тонких плах, которые образовывали деревянную раму, поддерживавшую плиты изнутри. Можно предполагать, что и в изучаемом могильнике имела место та же конструкция крепления стен из мелких плит, но в силу особенностей местных условий деревянная конструкция не сохранилась. Этот тип ящика необходимо выделить особо, во-первых, потому, что он редок в Гришкином Логу, а во-вторых, потому, что такая конструкция позже становится одной из основных при сооружении тагарских могил.

Независимо от вида каменного ящика, все могилы сооружали примерно одинаково. Сначала

выкапывали яму соответствующей длины и ширины, но несколько большую, чем предполагали сделать ящик. Затем ставили в нее плиты по размерам могилы. Пространство между плитой и стенами ямы засыпали землей, а иногда опускали и мелкие плитки, которые снаружи поддерживали стены ящика. О том, что грунтовая яма была длиннее и шире ящика, свидетельствуют два случая. В могиле 5 кургана 9 (табл. 10, 2, 3) короткие стены выступали на 25—30 см за пределы длинных, а в могиле 2 кургана 21 длинные (табл. 18, 6, 7) стены продолжались за короткими. Можно думать, что ямы были примерно на 25—30 см длиннее и шире самого ящика.

Для захоронения детей часто ящик делали в углу ограды, приставляя к нему две плиты. Иногда же такие небольшие могилы сооружали снаружи ограды, пристраивая к ним три стены.

Могилы Гришкиного Лога довольно значительны по размерам, хотя и сильно варьируют. Так, например, могилы, где погребены взрослые, имеют в длину от 150 до 280 см, в ширину — от 70 до 170 см и в глубину — от 60 до 200 см. В большинстве случаев размеры каждой могилы индивидуальны, тем не менее определенная зависимость размеров могил от их содержания может быть установлена.

Таблица II

Размеры могил в зависимости от пола, возраста и числа погребенных

Пол и возраст погребенных	Длина могилы, см					
	50—100	105—140	150—175	180—200	205—230	235—280
0	1					
2	2					
10		4	1	1	1	
20			3	4	1	
30			1	1	7	
40			1			
50				4	4	
60			1	4	2	1
Муж.			7	7	7	1
Муж., реб.				1	2	
Жен.			2	3	3	
Жен., реб.		2	1		6	
Взр.			5	2	1	
Муж., жен.				2	2	
Неск. взр.				4	3	
Реб.	6	3	1		1	
Подр.		1	2			

Продолжение табл. II

Пол и возраст погребенных	Ширина могилы, см				
	30—50	55—75	80—100	105—130	135—170
0	1				
2	1	1			
10		5	1		
20			6	1	
30			6	2	
40			1	3	
50			4		
60			4	1	3

Муж.			6	4	
Муж., реб.			2	6	3
Жен.			6		1
Жен., реб.		1	4	2	
Взр.		1	7	4	
Муж., жен.			3		1
Неск. взр.			6	1	
Реб.	4	6	1	1	
Подр.		2			

Окончание табл. II

Пол и возраст погребенных	Глубина могилы, см			
	30—50	55—70	75—100	105—200
0	1	1		
2	1	1	1	1
10	2	4	1	1
20	2	4	5	2
30		1	6	2
40		1	1	
50		1	6	1
60		5	3	
Муж.		3	10	3
Муж., реб.		1	2	
Жен.		2	7	
Жен., реб.		1	5	3
Взр.	1	3	4	1
Муж., жен.		1	2	1
Неск. взр.		2	4	1
Реб.	5	5	1	
Подр.		3	1	

Довольно четко выделяется группа могил для захоронения детей. Подавляющее их большинство имеет длину, не превышающую 140 см, основное же количество короче 100 см. И только две больше указанных размеров. Ширина детских могил до 70 см, но две были шире. А глубина за редким исключением не достигала 70 см. Размеры могил этой группы зависели от возраста погребенных детей. В ящиках длиной более 100 см и шириной более 60 см похоронены дети от 2 до 10 лет, а в более мелких — младенцы. Глубина же могил не зависит от возраста и определялась, видимо, в первую очередь материалом, из которого она сделана, и местом, занимаемым могилой.

В больших могилах найдено от одного до нескольких погребенных, как взрослых, так и взрослых с детьми. Поэтому интересно выяснить зависимость размеров как от пола погребенных, так и от сочетаний их в одной могиле.

Могилы, где похоронены одиночные мужчины, наиболее значительны по размерам: их длина от 165 до 240 см, ширина от 90 до 170 см и глубина от 70 до 200 см, но это крайние пределы и представлены они единичными случаями. Основное же количество могил имели несколько меньшие размеры. Подавляющее большинство могил, где захоронены мужчины или мужчины с детьми (последнее, как показывают наблюдения, не сказывалось на величине могилы), имели длину от 180 до 220 см, ширину от 30 до 120 см и глубину от 70 до 100 см.

Могилы с погребенными женщинами и женщинами с детьми незначительно отличаются от предыдущих. Их длина колеблется от 160 до 220 см, ширина — от 80 до 120 см, а глубина — от 70 до 100 см. Но в отдельных случаях могилы этой группы бывают и крупнее.

Соответствуют по размерам рассмотренным могилам и те, где пол погребенных неясен, но известно, что похоронен взрослый.

Вторая большая группа могил содержала захоронения либо мужчины и женщины, либо нескольких взрослых. Размеры этой группы могил полностью соответствуют могилам с одиночными погребениями, как это видно из таблицы II. Более того, в этой группе меньше отклонение в сторону увеличения длины могил и совсем не изменяется их ширина. Можно с полным основанием говорить, что количество погребенных не отражается на размерах могил.

Не зависят они и от возраста погребенных людей. Ящики, где похоронены люди от 20 лет и старше, не дают сколько-нибудь заметных вариаций в размерах. Все это позволяет говорить только о могилах для взрослых и детей.

После захоронения могилы закрывали. В подавляющем большинстве случаев к моменту раскопок покрытия могил были нарушены — разбиты или сдвинуты с места. Тем не менее по отдельным сохранившимся покрытиям или их нетронутым деталям можно достаточно точно восстановить их первоначальный вид. Могилы во всех случаях были перекрыты каменными плитами, обычно значительных размеров. Самая крупная из сохранившихся плит — 280×190 см, но чаще они были несколько меньше: $200\text{--}240$ см в длину и от 100 до 200 см в ширину, а толщина достигала 15—20 см.

Способ перекрытия могил в принципе был единым, но представлен несколькими наиболее часто встречающимися вариантами. Простейший из них состоял в том, что на ящик, стены которого несколько не доходили до края ямы, сверху

укладывали одну плиту или поперек могилы две, а иногда и три плиты. Чаше же вокруг ящика с помощью мелких плит выравнивали окружающую поверхность, а потом на эти плитки укладывали перекрытия. Выравнивание поверхности вокруг ящика применялось довольно часто. Иногда сверху клали не одну, а несколько плит в 2—3 ряда. В отдельных случаях, когда рядом лежали две или три плиты, неплотно прилегающие друг к другу, щели между ними сверху закладывали мелкими плитками (табл. 17, 4). Покрытие, сделанное из не очень крупных плит, по всей видимости, поддерживалось положенными поперек деревянными лагами, после сгнивания которых плиты оседали вниз. К моменту раскопок такое покрытие выглядело как каменная «розетка».

В связи с естественными условиями расположения могильника на склоне осталось до конца неясным — покрывали ли каменную конструкцию еще и земляным сооружением. Отклонение плит внутрь ограды свидетельствует о том, что земли там было немного, иначе разваливающееся надмогильное земляное сооружение давило бы на стенки ограды изнутри и не давало бы им возможности наклоняться в эту сторону. Это наблюдение может указывать на то, что над каменным покрытием больше ничего не было. Но, с другой стороны, закладка щелей между плитами свидетельствует скорее о том, что поверх них выкладывали из дерна невысокий панцирь. Незначительные размеры земляного сооружения не могли серьезно мешать развалу плит ограды, а расположение курганов на склоне приводило к тому, что со временем земляная конструкция могла быть смыта. В результате к моменту раскопок надмогильные плиты оказались на поверхности почвы.

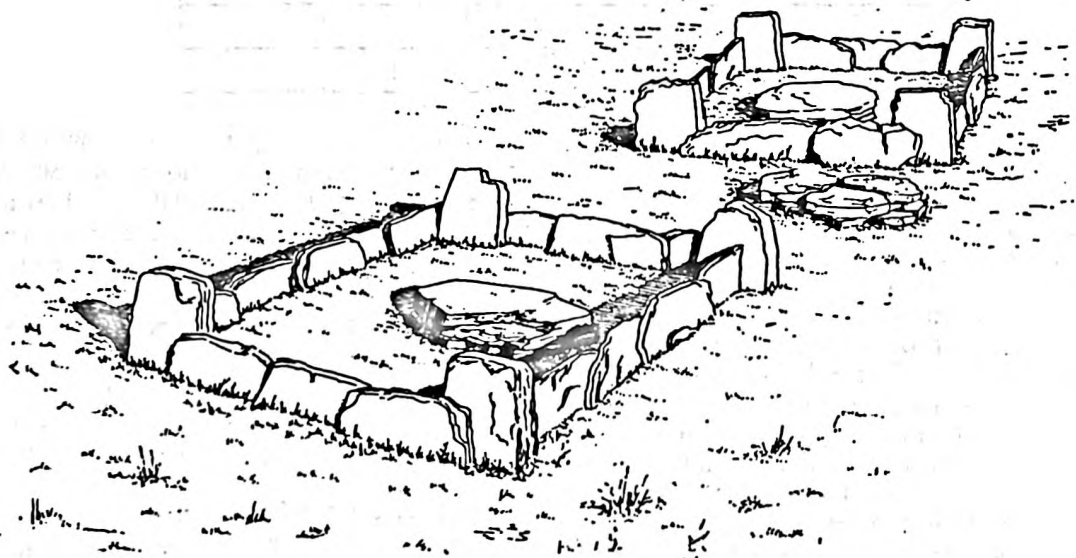

Рис. 8.

Могильник Гришкин Лог I. Реконструкция внешнего вида ограды (чертеж)

Современное состояние покрытий позволяет судить о некоторых способах ограбления могил. В трех случаях при не сдвинутой с места плите содержимое могилы было разграблено. Грабители пробивали в плите круглое отверстие диаметром 40—60 см, через которое проникали внутрь ящика. В тех случаях, когда плиты были очень толстыми и их трудно было пробить или когда покрытие состояло из нескольких плит, их приподнимали с помощью ваг, а потом под край подкладывали мелкие плитки и проникали в могилу через образовавшуюся щель. Таким образом была ограблена центральная могила ограды Д кургана 13. Но чаще покрытие разбирали, а плиты сдвигали в сторону. Можно допустить мысль, что разные способы проникновения в могилы отражают неоднократное посещение могильника с целью ограбления в разные исторические периоды.

Изучение конструктивных особенностей ограды, порядка ее сооружения, последовательности и характера разрушений, приведших к современному виду, а также конструкция могил и покрытий

позволяют воссоздать первоначальный облик курганов Гришкиного Лога I, а следовательно, и облик раннетагарских памятников.

В целом курган этого времени представлял собой квадратную оградку из толстых плит девонского песчаника, возвышавшихся над окружающей поверхностью земли на 80—100 см. Специальные угловые камни, игравшие самостоятельную роль, еще не возникли, и вместо них использовали более массивные плиты. Внутри ограды выкапывали яму, в которой сооружали, также из плит, но значительно более тонких, каменный ящик, поверх которого клали одну или несколько покровных плит, предварительно выравнивая поверхность вокруг могилы. Иногда плиты укладывали в два или три слоя, закрывая промежутки между ними более мелкими обломками. Поверх каменного сооружения выкладывали из дерна панцирь, внешне выглядевший как низкая усеченная пирамида, занимавшая центральную часть ограды. Реконструкция каменных деталей оград Гришкиного Лога была дана в процессе раскопок 1958 г. М. П. Грязновым (рис. 8).

ГЛАВА 3. ПОСУДА, ИНВЕНТАРЬ И ПОГРЕБАЛЬНАЯ ПИЩА

Раскопки могильника Гришкин Лог I показали, что многие могилы плохо сохранились из-за ограбления. Поэтому значительная часть вещей, первоначально находившихся в них, была утрачена. Тем не менее, в результате того, что могильник исследован полностью, был получен большой вещевой материал, позволяющий провести анализ инвентаря. Обычно исследователи кроме описания и типологии вещей используют инвентарь для определения времени памятника. Однако предпринятые в последнее время, особенно в работах Н. Л. Членовой [Членова, 1967; 1972], прямые сопоставления тагарских вещей с вещами других культур и территорий для установления времени первых нельзя рассматривать как удачный путь для выяснения вопросов датировки.

Основная ошибка Н. Л. Членовой состоит в том, что для сопоставления берутся отдельные, разрозненные вещи и могилы и не учитывается сочетание в памятнике разновидностей вещей одного назначения. В результате встречающиеся вместе вещи у нее оказываются разновременными, хотя на самом деле они найдены в одном памятнике. Для того чтобы избежать подобных ошибок, необходимо в первую очередь рассмотреть особенности инвентаря могильника, выявить ведущие формы вещей и их варианты. Лишь после изучения нескольких могильников можно выяснить относительную последовательность изменения форм вещей на протяжении определенного исторического периода. И только после этого следует искать пути для определения более строгих абсолютных дат.

Естественно, что на материалах одного могильника получить необходимые исходные данные для абсолютной датировки трудно. Поэтому в настоящем разделе основное внимание будет направлено на изучение разновидностей форм вещей, их качественного и количественного соотношения, на выяснение наиболее характерных и специфических черт инвентаря. Все это позволит охарактеризовать более полно и всесторонне материальную культуру данного памятника, а следовательно, и особенности определенного периода тагарской культуры.

При изучении вещей Гришкиного Лога нет необходимости сопоставлять их с находками в курганах и могилах, которые исследователи отно-

сят к тому же периоду тагарской культуры, что и изучаемый могильник. Такое сопоставление было обоснованным до завершения его полных раскопок, так как можно было сгруппировать отдельные курганы на основании встречаемости в них аналогичных или близких вещей, без абсолютной уверенности в правильности таких сопоставлений. В настоящее время могильник Гришкин Лог стал своеобразным эталоном для раннего периода тагарской культуры. После публикации памятника можно будет именно к нему привязывать отдельные разрозненные тагарские комплексы, а не наоборот. Это позволит более определенно судить об относительном времени тех или иных отдельных курганов и могил.

К е р а м и к а. Самой многочисленной группой находок являются глиняные сосуды. Они найдены в большинстве могил, так как не являлись объектами, привлекавшими внимание грабителей. Правда, поскольку могилы разрушены, глиняная посуда находится в них в битом или фрагментарном состоянии. Но все же можно думать, что большинство первоначально поставленных в могилу горшков в той или иной степени сохранились, что позволяет дать более или менее полную характеристику посуде.

Сохранность найденной посуды даже после реставрации различна. Одни из них восстановлены полностью, другие частично, но их первоначальная форма устанавливается по фрагментам всех частей сосуда — от венчика до дна. От третьей группы сохранились только верхние части сосудов, с венчиком и стенками. Четвертые же представлены лишь дном и придонной частью. Если первые три группы сосудов с несомненностью указывают, что первоначально в могиле стоял целый горшок, то сосуды четвертой группы — донца с придонной частью — именно в таком виде и были помещены в могилу. Об этом свидетельствуют иногда встречающаяся заглаженность краев обломанных стенок; отсутствие черепков от других частей тех же горшков; постоянные сочетания в одной могиле целого горшка и придонной части другого, причем последний в сохранившихся могилах почти всегда стоит у ног погребенного.

Все это с несомненностью указывает на то, что тагарцы ставили в могилы нижние части разбитых горшков, используя их в новом качестве —

как миски. Это позволяет посуду Гришкиного Лога разделить на две большие группы — миски и горшки.

Горшки наиболее многочисленная группа посуды, их несколько больше 80 %. На первый взгляд, большинство из них мало чем отличаются друг от друга за исключением нескольких сосудов индивидуальных форм. Остальные — баночной формы, гладкостенные, чернолощенные, в большинстве случаев без орнамента. Но вместе с тем среди них можно видеть отдельные разновидности, отличающиеся друг от друга в первую очередь способом оформления верхней части сосуда. Именно эта деталь позволяет разделить их на несколько видов.

Первый вид — 16 сосудов (табл. 20), целых и в обломках, представляют собой гладкостенные горшки «закрытой» формы. У них стенки от дна плавно расходятся вверх, а на высоте примерно трети от венчика так же плавно загибаются внутрь сосуда. Срез венчика обычно прямой, реже скругленный. Донце прямое, с мягкими углами при переходе в стенки. Толщина стенок и дна в большинстве случаев одинаковая. Орнамент встречается редко и представлен на 4 сосудах линией ямок, идущих под венчиком. Пропорции и размеры этих горшков индивидуальные. Наибольший из них имеет в высоту 31 см, а самый маленький всего 6 см. Но все же некоторые общие черты можно заметить. Обычно высота на 1—2 см меньше диаметра венчика. У половины из них диаметр венчика примерно в два раза больше диаметра дна, у других же дно относительно более широкое и только у одного в три раза меньше диаметра венчика. Всего сосудов первого вида 17,9 %.

Второй вид — 7 сосудов (табл. 21, 11, 13—18), целых и в обломках, представляющих собой гладкостенные горшки «открытой» формы. У них стенки от дна плавно поднимаются вверх, а не доходя примерно трети до венчика идут почти строго вверх или даже образуют подобие шейки, очень незначительно отклоняясь наружу. Венчик прямой или чуть косо срезанный. Днище прямое, почти всегда с мягкими углами при переходе в стенки. Орнамента нет. Толщина стенок и дна одинакова и несколько увеличивается только у самого венчика. Пропорции и размеры, как и у первого вида, индивидуальные, если можно об этом достаточно определенно судить по пяти сохранившимся сосудам, но они более крупные. Высота и диаметр венчика совпадают или разнятся на 1—2 см. Диаметр дна у четырех из них в два раза меньше диаметра венчика, а у одного равен двум его третям. Эти горшки по отношению ко всем найденным в могильнике составляют 7.3 %.

Третий вид — 22 целых и фрагментированных сосуда (табл. 19) — представляют собой горшки, венчик которых снаружи имеет карниз. У них стенки, как и у предыдущих, плавно расходятся от дна, а на уровне одной трети высоты от венчика либо едва заметно сближаются, либо идут вертикально вверх. Венчик скругленный или не-

сколько заостренный, утолщенный снаружи, нависает над линией стенки. Толщина стенок и донца одинакова. Донца прямые, с плавным переходом к стенкам. На шести сосудах имеется простой орнамент. В четырех случаях это идущие под венчиком в один ряд наклонные короткие бороздки, в одном — ряд ямок, в трех — группы по несколько ямок с промежутками между ними. У двух сосудов ямки образуют треугольники. Половина горшков довольно крупных размеров — от 20 см и выше, другие несколько меньше — 14—17 см. У большинства сосудов высота и диаметр венчика совпадают, хотя у некоторых разнятся на 1—2 см, а диаметр дна примерно равен половине диаметра венчика, незначительно отклоняясь в ту или иную сторону. Этот вид горшков наиболее многочислен и составляет 24,7 %.

Четвертый вид — 7 целых и фрагментированных сосудов (табл. 22, 1, 4, 7, 8, 11, 15, 16) — горшки, под венчиком которых идет широкий, а в одном случае узкий кольцевой желобок. Их можно назвать «одножелобчатыми». У этих горшков, как и у предыдущих, наблюдается плавный переход от дна к стенкам, поднимающимся вверх и в верхней трети идущим почти параллельно. Толщина стенок везде одинакова, и только под венчиком она значительно утолщается. Край венчика скошен наружу, а под карнизом идет желобок. Последний является единственным украшением рассматриваемых сосудов. Пропорции этого вида горшков более стабильны. У четырех из пяти высота и диаметр венчика одинаковы, а диаметр донца у всех равен половине диаметра венчика. Горшки этого вида составляют 7.9 %.

Пятый вид — 9 целых и фрагментированных сосудов (табл. 22, 2, 3, 6, 9, 10, 12—14, 17) — сосуды, под венчиком которых идут два широких, а в одном случае узких желобка. Их можно назвать «двужелобчатыми». Переход от дна к стенкам плавный, стенки постепенно расходятся, а на высоте одной трети от венчика идут почти вертикально вверх. Толщина стенок везде одинакова, только к венчику они значительно утолщаются. Сам край венчика изнутри закругленный, наружу срезанный, под ним идут два кольцевых желобка, между которыми имеется возвышение. Орнамент встречен только на одном сосуде в виде групп из трех насечек, расположенных ниже желобков. Пропорции этого вида стабильны, как и у предыдущего, у них высота равна диаметру венчика, а диаметр дна в два раза меньше. Пятый вид представлен 10.1 % всех сосудов.

Шестой вид — 3 сосуда (табл. 22, 5, 18—19), два из которых сильно фрагментированы, а один, небольшой, — целый. Этот вид отличается от двух предыдущих тем, что здесь имеется три параллельных желобка, идущих один под другим. Все остальные его характеристики соответствуют описанным выше. Его можно назвать «трехжелобчатым». Эти сосуды составляют 3.4 %.

Седьмой вид представлен четырьмя сосудами (табл. 21, 4, 5, 8, 10) на поддонах. Каждый из них

обладает своими индивидуальными особенностями в строении тулова, венчика или поддона и пропорциями. Некоторые имели красный цвет. У трех поддон в виде кольцевого налета, а у одного (табл. 21, 5) в виде трех ножек или сосочков, отчего он напоминает вымя. У двух шарообразное раздутое тулово и отогнутый наружу венчик (табл. 21, 8, 10). По тулову одного из них идет горизонтальный кольцевой желобок. У самого маленького сосуда из этой группы (табл. 21, 4) вытянутые в высоту пропорции, а под венчиком имеется отверстие, видимо, для подвешивания. У сосуда на ножках закрытая форма, отогнутого венчика нет, а под краем идут два узких желобка. Несмотря на разные детали, рассматриваемую группу можно называть сосудами на поддоне. Они составляют 4.6 %.

Восьмой вид — 2 сосуда (табл. 21, 6, 7), которые можно назвать кувшинами. Они имеют плоское дно с мягким переходом к расширяющимся стенкам, на высоте двух третей сосуда круто суживающимся и образующим плечики. Венчик у них также круто отогнут наружу и закруглен. Они имеют приземистые пропорции, так как высота меньше наибольшего диаметра. Эти сосуды составляют 2.2 %.

Девятый вид — 3 сосуда (табл. 21, 1—3) — миски. Они имеют круглое дно, вертикальные или немного загнутые внутрь верхние края. Одна из мисок украшена под венчиком орнаментом, нанесенным зубчатым штампом. Они составляют 3.4 %.

Десятый вид — это 13 мисок, сделанных из нижних частей горшков (табл. 19, 16—20, 27, 20, 6—9, 15, 22; 21, 12). Так как характер нижней части горшков рассмотренных видов одинаков, то определить, из какого вида сделана та или иная миска, невозможно. Нужно думать, что миски делали из разных горшков, если верхняя часть разбивалась. Как можно видеть, сосуды, имея специфические особенности, что позволило разделить их на отдельные виды, обладали и общими чертами и принадлежат к одному типу баночных горшков. Их пропорции, в принципе, одинаковы, как одинаковы и тесто, из которого они сделаны, лощение поверхности и, видимо, технологические приемы и обжиг, о чем говорит их черный цвет.

Более того, между отдельными видами можно заметить и переходные черты. Так, например, у сосудов с желобком над ним, а иногда и под ним имеется утолщение стенки, что создает впечатление как бы намечающегося второго желобка. То же самое можно сказать и о сосудах с карнизом. В тех случаях, где он очень массивный, под ним имеется как бы в зачаточном виде желобок. Все это говорит о близости отдельных видов горшков Гришкиного Лога. Можно найти переходные формы и у сосудов с гладкими стенами без карниза и желобков. В то же время отсутствием рельефных деталей они отличаются от других видов горшков.

Таким образом, наличие отдельных черт, связывающих некоторые виды, и отсутствие общих

черт между другими видами позволяет несколько укрупнить деление посуды Гришкиного Лога, объединив некоторые виды в типы.

Первый тип — гладкостенные сосуды — объединяет первые два вида. Для них характерна некоторая неустойчивость пропорций и отсутствие резких деталей на поверхности. Таких сосудов 25.8 %.

Второй тип соответствует третьему виду — сосудам с карнизом. Эта группа представлена 24.7 %.

Третий тип — желобчатая керамика — соответствует четвертому—шестому видам. Керамика с такими деталями становится в несколько более поздних памятниках ведущей. Желобчатая посуда этого могильника представлена 21.4 %.

Четвертый тип — индивидуальные сосуды. Он несколько искусственный, так как объединяет разнообразную по форме посуду, но каждый из горшков очень редок, и все они составляют в целом 10.2 %.

Пятый тип — миски из придонных частей горшков (к ним для полного учета присоединены три неясных обломка). Всего таких мисок 18 %.

Если же взять только сами горшки, не учитывая последнего, пятого, типа, то, соответственно, их процентное соотношение будет следующим: первый — 31.5 %, второй — 30.1 %, третий — 26 %, четвертый — 12.3 %.

Приведенный подсчет показывает, что первые три типа примерно в равной степени характерны для Гришкиного Лога, хотя керамика без желобков явно преобладает над желобчатой.

Несмотря на то что не во всех могилах найдена посуда, в могильнике нет ни одного кургана, откуда происходил бы только какой-нибудь один тип горшков. Обычно же в кургане находятся сосуды минимум двух типов, но чаще и нескольких. Более того, в могилах, где найдено два или больше горшков, встречается разное сочетание типов, что говорит об их одновременности. Все это свидетельствует об единстве памятника, о его временной монолитности и не позволяет, во всяком случае на основании посуды, выделять отдельные могилы и относить их к разным периодам.

У всех описанных видов посуды отмечалось отсутствие утолщения стенок горшков в нижней части и мягкость перехода дна в стенки. В процессе реставрации сосудов и наблюдений над их фрагментами было установлено, что горшки лепили из широких лент, накладывая одну на другую, а после изготовления швы заглаживали. Начинали лепку с венчика, а заканчивали дном. Причем дно в процессе изготовления было не плоским, а округлым. Только после завершения лепки дно сосуда уплощали. Это приводило к тому, что у некоторых горшков дно недостаточно ровное, а переход к стенкам не очень резкий. Об этом же говорит и асимметричность нижней части некоторых сосудов и даже их кривобокость (табл. 20, 18; 22, 17). Эти дефекты — результат способа изготовления, а не особый тип посуды, как считает Н. Л. Членова [Членова, 1967, с. 193, 195].

При использовании горшков в быту, а может быть еще и при обжиге, некоторые из них трескались. Такую посуду не выбрасывали, а ремонтировали. Для этого по сторонам трещины делали сквозные отверстия, через которые пропускали бечевку или ремень, и с их помощью горшки стягивали. Такой способ ремонта известен и в настоящее время, но используют для него металлические скобки. Ни в одной из тагарских могил, во всяком случае в Гришкином Логу, таких скобок не найдено, а из 89 сосудов и фрагментов оказалось более 12 реставрированных горшков. У некоторых из них трещина идет от венчика до дна, а иногда и значительная часть стенки сосуда вываливается. Для их скрепления отверстия делали не только в верхней, но и в нижней части горшка. При скреплении органическим материалом в таких горшках готовить пищу было невозможно и их, видимо, использовали для хранения продуктов и готовой пищи. Вполне возможно, что такие горшки чаще, чем целые, ставили и в могилу. Использовали для этой же цели и разбитые горшки, если у них сохранялась нижняя часть. Края дополнительно обламывали или подправляли, превращая разбитый горшок в миску.

Посуда Гришкиного Лога в целом бедна орнаментами, а если он имеется, то нанесен только в верхней части, под венчиком. В пяти случаях это один ряд ямочек, круглых или четырехугольных (один горшок) (табл. 19, 6; 20, 2, 3, 18, 19), в четырех — ряд наклонных коротких бороздок (табл. 19, 1, 4, 14, 26), в трех — редкие группы из нескольких ямочек (табл. 19, 21, 24, 29), в одном — группы из нескольких бороздок (табл. 22, 9) и в одном — несколько рядов зубчатого штампа (табл. 21, 1). За исключением последнего, все орнаменты нанесены концом острой круглой или четырехгранной палочки.

К своеобразным тагарским украшениям керамики можно отнести желобки, видимо, сделанные пальцем и только в редких случаях прочерченные палочкой.

Красота посуды достигалась в этой культуре не использованием штампов, а лощением поверхности, которая становилась блестящей и гладкой, что придавало сосудам нарядный вид.

Рассматривая в целом посуду Гришкиного Лога, можно высказать несколько соображений, возникающих в связи с ее изучением. По всей видимости, набор форм не отражает полностью истинного соотношения их для этого времени. Наличие среди горшков редких индивидуальных сосудов хорошо выработанного специализированного типа свидетельствует о том, что у тагарцев в живом коллективе ассортимент посуды был разнообразнее. Например, сосуды восьмого типа — кувшины или девятого — сосуды на поддонах, по форме близкие к кувшинам, редко попадая в могилы, использовались в быту для каких-то совершенно определенных целей. Скорее всего, в них хранили жидкости. То же можно сказать и о сосудах девятого вида — круглодонных чашах. В жи-

ни именно такая посуда могла использоваться для принятия пищи, а мертвым ставили для той же цели чаши, сделанные из нижней части разбитого горшка. Что касается горшков, то их использовали в первую очередь для приготовления и временного хранения пищи. Это свидетельствует о специфическом наборе погребальной посуды и о том, что она не отражает истинного соотношения типов, характерных для живого общества. Обращает на себя внимание также и то обстоятельство, что среди горшков много реставрированных, негодных для использования по их прямому назначению в быту, это в связи с чашами-обломками горшков, видимо, отражает какую-то сторону обряда, позволявшую ставить умершим «мертвые» вещи или вещи, заменяющие настоящие.

Глиняными сосудами, видимо, не исчерпывался весь набор посуды, попадавшей в могилы. Почти в каждой из них находятся кости животных от погребальной мясной пищи. Иногда под ними можно было наблюдать некоторое изменение цвета земли или следы тлена. Почти с уверенностью можно говорить, что куски мяса были на что-то положены. При раскопках более позднего тагарского кургана у с. Тесь в 1971 г. были найдены обломки деревянных блюд. Нужно думать, что и здесь куски мяса лежали на блюдах, истлевших к моменту раскопок.

Все это свидетельствует о том, что тагарцы имели разнообразную посуду как из глины, так и из других материалов, и не только из дерева, но, возможно, из кожи и бересты.

Но если набор керамики из могил не отражает всего многообразия бывшей в употреблении у тагарцев, то это еще не значит, что он создает искаженное представление о ней. Так, горшки представлены во всем разнообразии их видов, существовавших в то время. В пользу такого утверждения говорит наличие починенных горшков. Различные виды горшков в равной мере ломались и трескались в процессе их использования в быту, а в результате попадали в могилу. Поэтому судить о видах горшков для приготовления пищи можно объективно. Именно они (так как тагарскую культуру приходится изучать по могильным памятникам) являются основным и самым массовым и главным видом посуды и поэтому могут быть использованы при решении некоторых вопросов истории и культуры этого общества.

В могилах Гришкиного Лога найдены разнообразные вещи. Их можно разделить на несколько групп: предметы производственного назначения и оружие: ножи, шилья, кинжалы, чеканы, вток, серп, псалий, кочедык; предметы туалета: зеркала, гребни, головные ножи; украшения: бляшки, пронызки, бусы, застёжки, а также отдельные вещи или их части, не входящие в серию. Кроме того, имеется группа вещей, найденных за пределами могил и, видимо, непосредственно к тагарскому могильнику отношения не имеющих.

Ножи. Это самая многочисленная категория вещей. В могильнике найдено 12 целых экземп-

ляров и 5 обломков клинков и наверший. Все ножи индивидуальны, отличаются размерами и характером завершения рукоятки. По этому послед-

Рис. 9.

Могильник Гришкин Лог I. Ножи и шилья: 1, 4 — к. 16, м. 3; 2, 3 — к. 20, м. 3., фото

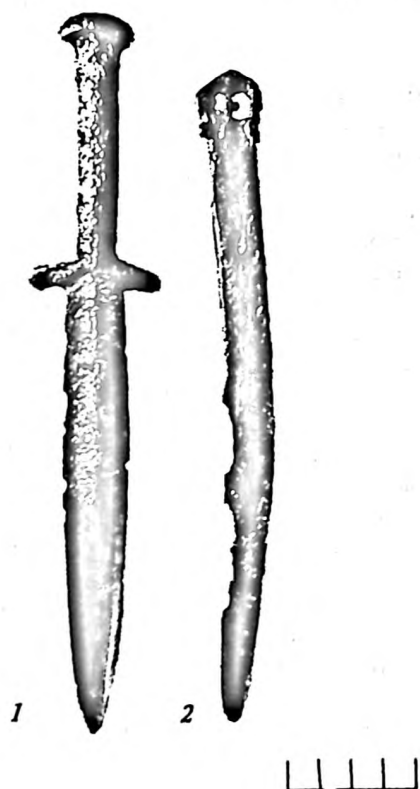

Рис. 10.

Могильник Гришкин Лог I: 1 — кинжал (к. 16, м. 5); 2, 3 — нож с фигурным наконечником (к. 16, м. 4), фото

нему признаку их можно разделить на два вида: ножи с выступающим за плоскость рукоятки наконечником и ножи гладкие.

Первый вид включает шесть целых экземпляров. Все они представляют собой слабоизогнутую довольно массивную пластину, сужающуюся к острому концу. Длина рукоятки и клинка одинакова, насколько об этом можно судить, учитывая неполную сохранность вещей. Края рукоятки параллельны. Три ножа завершаются небольшим кольцом, диаметр которого равен ширине рукоятки, но толщина кольца больше ее толщины, в результате чего кольцо выступает над щеками рукоятки (табл. 23, 14, 15; 24, 11; рис. 9, 1). Один нож завершается квадратом, также более толстым, чем рукоять, но по длине равным ее ширине (табл. 23, 13). Пятый нож в качестве наконечника имеет полую трубочку, как бы лежащую на торце рукоятки, и здесь длина наконечника равна ширине рукоятки (табл. 23, 10). Последний, шестой нож увенчан фигурой непонятного животного (скорее всего кабана), как бы подвешенного за спину в области лопаток (табл. 24, 12; рис. 10, 2). Ноги его вытянуты и опущены вниз, охватывают с двух сторон рукоятку, голова опущена. Фигура животного, как и другие наконечники, толще рукоятки. Длина четырех ножей от 19 до 20 см, а двух — 14—15 см, ширина и толщина у всех примерно одинакова и разнится на миллиметры.

Второй вид представлен шестью целыми экземплярами и обломками двух рукояток. Это слабоизогнутые массивные пластины, сужающиеся к острому концу. Длина рукоятки и клинка у них примерно одинакова, боковые грани рукоятки параллельны. Верхний край рукоятки у четырех ножей и одного обломка двускатный (табл. 23, 10, 18—20, 24, 14), у одного прямой (табл. 23, 17) и у одного ножа и обломка закругленный (табл. 23, 11; 24, 13; рис. 9, 2). В верхней части рукоятки имеется каплевидное сквозное отверстие. Длина этих ножей от 15.5 до 17.5 см, ширина и толщина соответствуют первому виду.

Как можно видеть, оба вида ножей отличаются только формой наконечника, в то время как рукоять и клинок у них одинаковы. Поэтому два обломка клинков трудно отнести к какому-либо виду. Третий же обломок железный, более поздний (табл. 29, 8), из впускного захоронения.

Одинаков для всех ножей и способ их изготовления. Судя по следам литейных швов на обухах и по рельефным наконечникам, эти ножи изготавливались в двусторонней литейной форме. На одном из обломков наконечника второго вида (табл. 23, 10) имеется наплыв металла, который свидетельствует о том, что последний заливали сверху. После отливки литок убирали, а сам нож дополнительно обрабатывали. В первую очередь убирали дефекты и следы швов, отковывали с двух сторон лезвие, а потом его затачивали. Отсутствие двух совершенно одинаковых экземпляров может говорить о том, что здесь имело место литье с потерей формы.

Шилья — вторая по величине группа находок. Они представлены семью целыми экземплярами и четырьмя обломками. Шилья также индивидуальны, но могут быть разделены на два вида по характеру завершения. Первый вид — гвоздевидные шилья. Они представляют собой четырехгранный заостренный стержень длиной 6 см и наибольшей шириной под шляпкой 5 мм. Шляпка грибовидная, непосредственно завершает стержень, края шляпки выступают за грани. Таких два экземпляра (табл. 23, 2, 3). Второй вид — шилья с шейкой (табл. 24, 1—4; рис. 9, 3, 4). В отличие от первых, у них стержень не непосредственно переходит в шляпку, но между ними имеется круглая в сечении шейка, длина их рабочей части от 8.0 до 4.5 см, а длина шейки 1.0—1.5 см. Грибовидная шляпка аналогична шильям первого вида.

Близко к этому виду одно шило (табл. 24, 5), также имеющее шейку, но завершенное не шляпкой, а двойной головкой. Четыре обломка рабочей части шильев не позволяют судить об их первоначальном виде (табл. 23, 1, 5—7).

Чеканы. Найдены два экземпляра. Один из них с небольшой массивной втулкой, заканчивающейся сверху муфтой, круглым бойком, заточенным на острие несколькими гранями, и овальным в сечении обушком с продолговатым продольным отверстием (табл. 25, 8). Второй, скорее, секира (табл. 25, 11). Он представляет собой толстую массивную бронзовую пластину удлиненно-прямоугольной формы, разделенную почти посередине, но ближе к обушку, круглой, почти не выступающей за верхний и нижний края втулкой. Боек плоский, прямоугольный в сечении, шириной 2.5 см и длиной 7.0 см, заточенный со стороны широких граней на лезвие. Обушок длиной 5 см, прямоугольный, на конце закругленный. Посередине имеет удлиненно-овальную прорезь.

Кинжалы. Найдено два экземпляра. Оба принципиально одинаковые. У них валиковые навершия, плоско-овальные гладкие рукоятки, узкие пластинчатые с несколько опущенными книзу концами перекрестия и ромбические в сечении клинки. Последние, правда, несколько отличаются своей конфигурацией. У кинжала из могилы 5 кургана 16 (табл. 29, 1; рис. 10, 1) клинок с почти параллельными лезвиями, а у кинжала из могилы 4 кургана 21 (табл. 29, 2) он книзу несколько расширяется, а затем суживается на острие. Отмеченные особенности носят сугубо индивидуальный характер, связанный, скорее всего, с дополнительной обработкой изделия после отливки.

Вток длиной 6.5 см, параболической в плане формы, с мягко закругленным концом. Сбоку имеется отверстие для прикрепления к рукоятке (табл. 25, 4).

Серп (табл. 25, 10). Бронзовая пластина длиной 24 см. Верхняя часть обушка примерно с половины орудия прямая, а затем обушок плавно изгибается. Верхняя треть представляет собой рукоятку с почти параллельными сторонами, несколько сужающимися кверху, который закруг-

лен и напоминает завершение ножей второго вида. На нем имеется отверстие. Две трети орудия — слабоизогнутый клинок, удлиненно-треугольный в сечении.

Псалий. Единственная находка такого рода в могилах (табл. 25, 6). Представляет собой роговую пластину с тремя круглыми отверстиями в одной плоскости. Одна сторона дугообразно изогнута. Вторая прямая, с двумя небольшими шипами и закругленными концами, несколько напоминающими птичьей головки, но очень сильно стилизованными, так что характер изображения можно определить только предположительно.

Кочедык — изогнутый роговой стержень длиной 10.5 см, в верхнем толстом конце сквозное отверстие (табл. 25, 5). Нижний острый рабочий конец круглый в сечении, хорошо обработан мелкими срезами.

Говоря о бронзовых предметах первой группы, нужно отметить их относительную массивность и, в отличие от более поздних тагарских вещей, находящихся в могилах, «натуральность». Все они являются полноценными орудиями, явно бывшими в употреблении при жизни их владельцев.

Зеркала. В могильнике найдено 5 экземпляров. Все они представляют собой плоские круглые диски диаметром от 8 до 11 см. На обратной стороне у них имеется ручка-петелька, через которую пропускался кожаный ремешок. Зеркала можно разделить на два вида. Первый — зеркала массивные, с бортиком, который идет по краю диска (табл. 26, 5, 3). Второй вид — зеркала без бортика (табл. 26, 7, 11). Они значительно более тонкие, суживающиеся к краю.

Гребни. Найдено три экземпляра. Один полукруглый, с небольшими зубцами на прямой стороне (табл. 26, 10), над ними идет дугообразная прорезь. Гребень украшен циркульным орнаментом с точками внутри. Два других гребня двусторонние, в виде двух описанных выше простых, сложенных тыльными сторонами и соединенных планкой (табл. 26, 3, 6). Они также имеют дугообразные прорезы над зубцами и два круглых отверстия по краям соединительной планки. Поверхность одного украшена циркульным орнаментом с точками в кружках (рис. 11, 1), а у другого — только точками.

Головные ножи представлены восьмью экземплярами. Это костяные пластинки с отверстием для подвешивания или привязывания. Два из них (табл. 24, 10, 15) по форме напоминают бронзовые ножи, другие же менее определены (табл. 24, 6, 8, 9, 16, 17). Один из ножей сделан из клыка кабарги, на верхний конец которого надета бронзовая муфта (табл. 24, 7; рис. 11, 2). Рабочие концы ножей заглажены и залощены. Один из них первоначально, видимо, представлял собой комбинированный предмет, состоявший из ножа и гребня, но последний был отломан (табл. 24, 8). Два ножа, как и гребни, украшены циркульным орнаментом (табл. 24, 10, 15; рис. 11, 3). У одного кружочки идут вдоль пластины в два ряда в шах-

матном порядке, у другого — нанесены группами по пять кружочков: один в центре, а четыре по его сторонам.

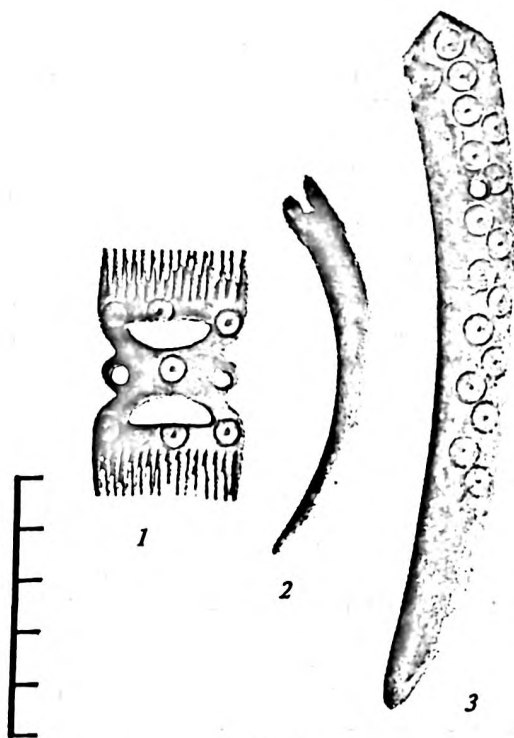

Рис. 11.

Могилиник Гришкин Лог I. 1 — гребень (к. 19, м. 3); 2, 3 — головные ножи (к. 15, м. 1; к. 19, м. 3), фото

Бляшки. Найдено более 50 целых и в обломках (табл. 27; 28, 1—5). Все они сделаны из тонкого выпуклого бронзового листка. В центре бляшек имеются отверстия, через которые проходили тонкие кожаные ремешки. С их помощью бляшки крепили к головному убору. По краю большинства бляшек изнутри выдавлены бугорки. Самые крупные бляшки в диаметре 4.5—5.0 см, самые маленькие — 1.5 см, но преобладают бляшки средних размеров диаметром около 3 см. В большинстве могил найдено по одной бляшке (хотя не всегда можно быть уверенным, что и первоначально их было столько же), в шести — по две бляшки одинаковых размеров, в пяти — по три, причем обычно одна отличалась по размеру от двух других, в одной могиле найдены 4 одинаковые бляшки.

Пронизки. Найдено 20 экземпляров целых и в обломках (табл. 28, 7—23, 29, 30). Все они представляют собой небольшие трубочки, свернутые из тонкого бронзового листка. Только две из них, из кургана 19, имели в длину 6.6 см (табл. 28, 29, 30), остальные были меньше. Первоначально в могилах, видимо, было от двух и более пронизок, но в связи с ограбленностью погребений и хрупкостью трубочек они плохо сохранились. Одна из пронизок (табл. 28, 21) имела рифленую поверхность и была покрыта тонким листком золота.

Бусы каменные. Представлены четырьмя видами. Бочонковидные (табл. 28, 31, 35, 39, 41, 43, 44) найдены в пяти могилах. Некоторые из них сделаны из коричневой яшмы, остальные из светлого камня. Дисковидные (табл. 28, 33, 35, 36, 41) в виде нетолстых каменных кружочков, происходят из четырех могил. «Поясковые» (табл. 28, 38, 40, 47) представляют собой трубочки, в середине которых имеется утолщение, а концы либо прямые, либо расширяются раструбом. Они изготовлены из мягкого камня, вероятно из агальматолита. Найдены в трех могилах. Цилиндрические (табл. 28, 32, 34, 37, 42, 45, 46) — в виде длинных трубочек, сделаны из белого камня или пасты. Происходят из шести могил. Эти последние схожи с такими же бусами из карасукских могил.

Бусы бронзовые. В могиле 2 кургана 12 (табл. 25, 1) найдены четыре бронзовые бусины, составленные из двух конусов, соединенных широкими основаниями, отчего в середине у них имеется выступающее ребро.

Подвески. В качестве бус, подвесок или амулетов служили зубы и кости животных. Они найдены в шести могилах. Чаще других для этой цели использовались клыки (табл. 28, 50—52), у которых в коренной части делали отверстие для подвешивания. В другом случае подвески сделаны из атрофированных резцов марала (табл. 28, 53). В одной из могил оказался резец лошади (табл. 28, 48), у которого на коренной части сделана бороздка для привязывания. Той же цели служил и астрагал (табл. 28, 49) с просверленным для подвешивания отверстием.

Застежки. Из могилы 3 кургана 16 происходят две каменные, видимо агальматолитовые, застежки (табл. 25, 7). Одна сторона у них плоская, другая выпуклая рельефная. На концах имеются выпуклые полукруглые головки, а в центре два ребра, между которыми находится бороздка, где проходил ремешок для прикрепления застежки. Видимо, застежкой же является и клык животного, обрезанный по краям и имеющий в середине кольцевую бороздку для привязывания (табл. 25, 9). Третий предмет, который также можно считать застежкой (табл. 23, 12), представляет собой бронзовую поделку, несколько напоминающую двух птичек, соединенных клювами. В месте соединения имеется круглая в сечении шейка, за которую этот предмет привязывали. По краям шейки расположены утолщения с круглыми отверстиями, имитирующими глаза, от каждого утолщения в стороны отходит круглый стержень.

Имитации раковин каури. Найдены в трех могилах (табл. 25, 1, 2, 8). Все сделаны из белого камня или пасты. Такие вещи характерны для карасукской культуры и в тагарских памятниках встречаются редко.

Отдельные вещи. Среди находок встречаются вещи и их обломки, представленные единичными экземплярами. Это бронзовая рифленая обоймочка на ремень (табл. 28, 28); подвеска в ви-

де конуса с крючком на конце (табл. 28, 24); неясные обломки тонких бронзовых вещей (табл. 28, 25, 26). Кроме того, в могиле 8 кургана 13 найден амулет (табл. 25, 2) в виде каменного оселка с отверстием для подвешивания. В могиле 1 кургана 8 оказалась грибовидная шляпка от неясного предмета (табл. 25, 3). Возможно, что она является самостоятельным предметом, так как в одной из могил Черновой I найдены четыре такие вещи.

Описанными вещами исчерпывается инвентарь, принадлежность которого именно к этому могильнику не вызывает сомнения. В то же время в двух местах — в ограде А кургана 13 и в заполнении могилы 1 кургана 16 — оказались костяные вещи, резко отличающиеся от рассмотренных. Они являются более поздними, как и обломок бронзовой бляхи из сооружения 5 с изображением борьбы животных (табл. 29, 9).

Эти вещи представлены роговыми и костяными поделками, каменным диском с отверстием в центре, двумя костяными ворворками и четырьмя костяными наконечниками стрел. Последние имеют удлиненное ромбическое в сечении перо и плоский черешок (табл. 29, 5—7, 10).

Говоря в целом об инвентаре могильника Гришкин Лог, нужно отметить, что, за исключением явно поздних вещей, в нем нет предметов, по своему типу или специфическим деталям резко отличающихся от других, что могло бы указывать на их иную культурную принадлежность или другое время. Можно отметить только два вида украшений, хотя и встречающихся в тагарских памятниках, но не тагарских по происхождению. Это имитации раковин каури и цилиндрические белые бусы, являющиеся характерными карасукскими украшениями. В Гришкином Логу они представлены не вариантами, которые можно было бы считать результатом переработки карасукских украшений в тагарское время, а вещами, полностью соответствующими карасукским. Они могли попасть к тагарцам в результате раскопок последними карасукских могил [Максименков, 61]. Вместе с тем, поскольку тагарцы ценили находимые в могилах своих предшественников вещи и использовали их в быту, нужно и эти украшения рассматривать как тагарские.

Кроме вещей, из могил происходит большое количество костей животных, которые являются остатками мясной погребальной пищи. В тех случаях, когда могила не ограблена или потревожена только отчасти, эти кости находятся в кучке, чаще всего у ноги погребенного. Причем в этих случаях иногда удается установить, что крупные куски мяса, такие как задняя нога животного, были расчленены на куски, видимо для того, чтобы можно было их поместить на деревянную миску. В большинстве же могил кости животных находились в перемешанном состоянии вместе с костями лю-

дей. Набор костей в разных могилах был довольно устойчивый. Это позволяет считать, что умершим клали определенные куски мяса. Чаще всего это была задняя нога барана, реже — коровы и в исключительных случаях — лошади. Вместе с ногой находятся лопатки и несколько ребер, а также членики грудины. Только в некоторых могилах вместе с этим обычным набором встречаются другие кости: метаподии, пятки, фаланги, изредка части черепа и зубы.

В качестве погребальной пищи использовали мясо как старых, так и молодых животных, но последних значительно меньше. В подавляющем большинстве могил находились кости барана в характерном наборе, но в некоторых вместе с ними были и кости коровы в том же сочетании.

Кроме костей — остатков пищи, в некоторых могилах найдены кости животных, не имеющие отношения к погребениям. Так, в трех могилах оказались впускные погребения собак: курган 14, могила 2; курган 21, могилы 1 и 2 (табл. 22, 7; 18, 1, 6). Аналогичные захоронения известны из других памятников Енисея, начиная с андроновского времени, но во всех случаях они являются впускными.

Анализ инвентаря могильника и других находок свидетельствует об их однородности. Несмотря на различные виды отдельных категорий вещей, все они обладают определенными чертами сходства. В керамике это способ изготовления и украшения горшков, их размеры и пропорции, а также сочетание разных видов в одних и тех же могилах и курганах. У бронзовых предметов — их относительная массивность, «натуральность», сходство в отдельных деталях и способах изготовления. У украшений — изготовление одинаковых по форме вещей из разных материалов. Все это позволяет говорить, что комплекс могильника Гришкин Лог I археологически единый, а все входящие в него вещи одновременны. То же можно сказать и о погребальной мясной пище, кости от которой свидетельствуют об определенном устойчивом наборе клавшихся умершему кусков мяса.

Разнообразие видов одной и той же категории вещей с несомненностью указывает, что в тагарское время в течение определенного промежутка, в данном случае времени функционирования могильника, одновременно существовало несколько разновидностей одних и тех же вещей. Можно допустить, что в живом коллективе их ассортимент мог быть и еще большим. Поэтому каждый, даже относительно небольшой период тагарской культуры должен характеризоваться не отдельными вещами, обладающими конкретными деталями, а целым комплексом однородных предметов, хотя для каждого периода некоторые виды являлись ведущими, другие же — им сопутствовали.

ГЛАВА 4. ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД

Проведенный в предыдущей главе анализ посуды, вещей и остатков погребальной пищи, установление их особенностей, видов и типов позволяют перейти к изучению погребального обряда. Действительно, все то, что найдено в могилах, оказалось там не случайно, а в силу существовавших у тагарцев требований погребального обряда.

Под обрядом погребения нужно понимать не только способ помещения умершего в могилу и его ориентировку, но весь тот комплекс действий, основанный на представлениях о дальнейшей судьбе умершего, который совершали живые по отношению к мертвому. Поэтому обряд погребения включает в себя конструкцию ограды, могилы и надмогильного сооружения и то, где, в какой части ограды тот или иной человек должен быть погребен, как поместить труп в могилу, что необходимо дать мертвому с собой, какую пищу поставить, как сопровождающий инвентарь должен быть размещен в могиле, какие магические действия совершали живые при погребении и по прошествии определенного времени после него.

Естественно, что не о всех сторонах погребального обряда можно судить по полученным в результате раскопок наблюдениям, так как не все действия оказались о вещественными в археологических памятниках. Но именно поэтому необходимо с особой тщательностью проанализировать имеющиеся погребения с тем, чтобы получить как можно больше информации, которая позволила бы реконструировать особенности погребального обряда в тагарское время. На пути к решению поставленной задачи возникает ряд трудностей. Первая и основная из них — сохранность памятника. Из 80 могил только 15 сохранились в первоначальном виде или почти полностью, а 22 — частично, то есть в них отдельные части скелетов, а иногда горшки или другие вещи оказались не на своих первоначальных местах. Такое состояние заставляет с осторожностью судить о тех или иных чертах отдельных групп погребений, так как опираться при их анализе можно только на отдельные наблюдения, а следовательно, нет полной уверенности в том, что проявляющиеся особенности несомненно отражают закономерность, а не случайность.

Вторая трудность — расхождение в определении пола и возраста некоторых погребенных, что

отмечено для 8 могил. Иногда эти расхождения касаются хорошо сохранившихся могил, что вносит дополнительные затруднения, устранить которые можно только выделением особенностей той или иной группы погребений.

Третья трудность, касающаяся, правда, только могил, где найдены останки нескольких людей, в большинстве случаев состоит в отсутствии прямых данных для установления порядка захоронения в таких могилах.

Все же, несмотря на указанные трудности, анализ погребального обряда можно произвести. При этом, правда, необходимо учитывать, что в силу указанных причин выводы в отдельных случаях могут оказаться не до конца аргументированными.

Рассматривая в целом все погребения, можно ясно увидеть, что они делятся на две большие группы. Наиболее многочисленными являются индивидуальные захоронения. Значительно меньше могил, в которых найдены останки нескольких погребенных. Причем если в первой группе можно наблюдать повторяемость определенных видов погребений: одиночных мужчин, женщин или детей, то вторая — дает самые разные сочетания. Поэтому анализ погребений необходимо начинать с более многочисленных одинаковых случаев погребений, а затем с их позиций анализировать и оценивать другие, менее многочисленные или индивидуальные захоронения.

Для проведения анализа обряда все захоронения можно предварительно разделить на несколько групп по составу погребенных: мужские погребения, женские погребения, женские погребения с детьми, погребения детей, неясные одиночные погребения и погребения нескольких человек. Эти группы предварительные, ибо они основываются только на полученных во время раскопок наблюдениях, а не на установлении истинных, имевших место в тагарское время, видов погребений, что может выясниться только в результате анализа. Так, например, неясные одиночные захоронения можно будет отнести к той или иной группе только после выяснения особенностей каждого из них. И естественно, что эти неясные погребения будут распределены по соответствующим истинным группам.

Каждую из предварительно выделенных групп необходимо рассмотреть с разных сторон. Нужно выяснить особенности в положении и ориентировке мужских, женских и детских погребений и то общее, что для них характерно. Установить, какой инвентарь, в каком количестве клали в зависимости от пола и возраста погребенного, в какой части могилы его помещали, имелись ли отличия в форме вещей в зависимости от пола и возраста. Все это должно привести к выяснению особенных черт разных погребений и общих требований к обряду.

Установление общих закономерностей обряда могильника, выясненных в результате анализа индивидуальных погребений, дает возможность более обоснованно заняться изучением могил с несколькими людьми с тем, чтобы выяснить особенности и закономерности коллективных захоронений. Все это позволит хотя бы приблизительно воссоздать обряд погребения раннетагарского времени.

Наиболее многочисленными являются могилы, содержавшие одиночные мужские захоронения, таких 20 (к. 2, м. 18; к. 3, м. 21; к. 9, м. 1, 2, 3, 5; к. 10, м. 1, 4; к. 13, м. 3, 4; к. 16, м. 5; к. 19, м. 1, 2, 4, 5; к. 21, м. 1, 2, 4; к. 23, м. 1; к. 24 м. 1) (рис. 12, 13).

Причем в 16 из них были найдены части скелета только одного мужчины, а в четырех кроме останков основного погребенного встречены кости других людей. Так, в к. 9, м. 2 в верхней части могилы (табл. 10, 5—6) находились останки семи погребенных, а ниже их под слоем земли в 30—35 см на дне могилы лежал погребенный мужчина (табл. 10, 7). Не вызывает сомнения, что погребение мужчины является основным, в то время как верхние — более поздние. В могиле 5 того же кургана на дне оказался юный мужчина (табл. 10, 3), а сверху погребение другого человека без инвентаря (табл. 10, 2). И здесь ясно, что могила была сооружена для основного мужского захоронения. В к. 21, м. 4 на дне лежал мужчина (табл. 18, 2), над ним на 45 см выше находились трое детей. Так что и эта могила сооружена для погребения мужчины. Аналогичная картина и в м. 2 того же кургана (табл. 18, 6, 7). Все это позволяет последние 4 основных погребения относить к группе одиночных мужских. Из 20 могил 7 содержали почти неповрежденные захоронения, а в 8 они сохранились частично. Остальные были полностью нарушены.

Среди погребенных мужчин 6 умерли в возрасте до 35 лет, 9 — в зрелом возрасте, от 35 до 55 лет, 4 были старше 55, а возраст одного неясен.

Рис. 12.
Могильник Гришкин Лог I, к. 16, м. 5.
Захоронение мужчины, фото

Рис. 13.
Могильник Гришкин Лог I, к. 21, м. 4.
Захоронение мужчины, фото

Таблица III

Расположение могил в оградах в зависимости от пола и возраста погребенных (Гришкин Лог I)

Курган	Ограда	К-во могил	Могилы			
			северная	центральная	южная	в углу
1	2	3	4	5	6	7
1	Основная	2	Женщина			
			Ребенок			
				Женщина		
	Южная	1	Женщина			
2	Основная	1		Мужчина		
	Северная	1	Мужчина			
			Женщина Ребенок			
3	Основная	1		Мужчина		
	Северная	1	Женщина			
	Южная	1				
4	Основная	1		Женщина Ребенок		
	Северная	1		Ребенок Ребенок		
7	Основная	1		Ребенок Ребенок		
8	Основная	3		Женщина		
					Женщина	
						Ребенок
9	Основная	3		Ребенок		
					Мужчина	
						Ребенок
	Южная	2		Мужчина		
					Мужчина	
	Северная	3		Мужчина		
			Ребенок	Ребенок		
	Восточная	1		Ребенок		
10	Основная	2				
				Мужчина		
	Западная	2		Мужчина	Женщина	

Продолжение табл. III

1	2	3	4	5	6	7
11	Основная	1		Мужчина Женщина		
12	Основная	2			Женщина Мужчина	
				Женщина		
	Основная	1		Мужчина		
	Северная	3	Женщина			
					Мужчина	
13	Основная	3	Женщина			
				Мужчина		
					Ребенок	
	Северная	1		Женщина		
	Северная	3		Женщина		
						Ребенок
						Ребенок
14	Основная	2		Женщина		
				Женщина		
				Женщина		
				Ребенок		
15	Основная	3			Мужчина Женщина Ребенок	
						Ребенок
	Северная	1				Ребенок
16	Основная	5		Женщина		
					Женщина Ребенок	
			Мужчина			
					Мужчина	
					Женщина	
17	Основная	2		Женщина		
18	Основная	2	Женщина Ребенок			
					Женщина Ребенок	

Продолжение табл. III

1	2	3	4	5	6	7
19	Основная	3		Мужчина	Женщина Ребенок	
			Мужчина			
	Основная	1		Мужчина		
	Южная	2	Мужчина			
					Мужчина	
20	Основная	2		Мужчина Женщина		
					Ребенок	
	Северная	1		Женщина		
21	Основная	2		Мужчина		
						Ребенок
	Северная	1		Мужчина		
					Мужчина	
	Южная	2		Женщина Ребенок		
22	Основная	1		Мужчина Женщина		
23	Основная	3		Мужчина		
					Женщина Ребенок	
						Ребенок
24	Основная	2	Мужчина			
25	Основная	1		Женщина		
	Северная	1		Ребенок		

Таблица IIIa

Состав погребения	Основные ограды			
	северная	центральная	южная	в углу
1	2	3	4	5
Мужчина	3	9	2	—
Женщина	1	7	2	—
Ребенок	—	1	2	5
Мужчина + женщина	—	3	2	—

Продолжение табл. IIIa

1	2	3	4	5
Мужчина + женщина + ребенок	—	—	1	—
Женщина + ребенок	2	3	3	—
Ребенок + ребенок	—	1	—	—

Таблица IIIб

Состав погребения	Пристройки			
	северная	центральная	южная	в углу
Мужчина	1	4	4	—
Женщина	3	3	1	—
Ребенок	1	3	—	3
Мужчина + женщина + ребенок	1	—	—	—
Женщина + ребенок	—	1	—	—
Ребенок + ребенок	—	1	—	—

Могила, содержавшие мужские захоронения, в 10 случаях занимали центральное положение в оградах или пристройках, то есть именно для них была сооружена данная оградка (табл. IIIa, б). Кроме того, в двух оградах с симметрично расположенными могилами обе могилы были мужскими. В двух случаях в оградах с несколькими могилами мужские были устроены к северу от основной, в трех — к югу от основной. В к. 16 из пяти могил мужская являлась самой южной. Одна могила в к. 10 сооружена в углу в западной ограде. У одной могилы, в к. 9, место в ограде не определяется из-за разрушенности последней. В центральных могилах в 6 случаях погребены мужчины зрелого возраста, два молодых и один старый. В боковых — 3 молодых, 3 зрелых и 1 старый. В двух оградах с симметрично расположенными могилами похоронены старики (табл. III).

Положение погребенных, судя по их останкам в сохранившихся полностью или частично могилах, везде строго определено. Труп положен на спине с вытянутыми вдоль тела руками и ногами, головой на ЮЗ. Только в одной могиле (к. 21, м. 1) (табл. 28, 2), судя по сохранившимся голеням, погребенный лежал головой на СВ.

Глиняная посуда найдена не во всех мужских могилах, что можно объяснить разрушенностью

погребений. Только в одном случае (к. 10, м. 4), где погребение оказалось сохранившимся, мужчине не были поставлены горшки (табл. 11, 5). Посуда, найденная в этих погребениях, представлена всеми разновидностями и типами, за исключением только круглодонных мисок. Преобладают же горшки с карнизом и с желобками, в то время как горшков первых двух видов найдено всего 3.

В могилах горшки стоят по углам, но установить строгую закономерность в их размещении из-за плохой сохранности могил не удастся. В одном случае два горшка стояли по углам северо-западной стены (к. 24, м. 4), в другом — у юго-западной по обеим сторонам головы (к. 16, м. 5) (табл. 17, 5), в третьем — в западном и восточном углах, то есть слева у головы и справа у ноги (к. 19, м. 2) (табл. 16, 1). В двух случаях в полуразрушенных могилах горшки находились слева у головы в западном углу, а в двух других — у одного справа у ноги в восточном углу, а у другого слева у ноги в северном. Обычно у ноги стоит либо миска, сделанная из обломанного горшка, либо маленький горшок, у головы же большой горшок. Нужно считать, что когда погребенному ставили в могилу один или несколько горшков, то один из них всегда помещали слева у головы, в западном углу могилы. Второй же горшок, в силу

пока неясных причин, могли поставить и в другой угол. Зависимость вида горшка и занимаемого им места от возраста погребенного не устанавливается.

Инвентарь мужских погребений небогат и представлен несколькими экземплярами вещей. Чаще всего в могиле находятся бронзовые бляшки, которые в сохранившихся погребениях лежат на черепе или рядом с ним. Их бывает от одной до трех, но установить зависимость количества бляшек от возраста погребенного или от сочетания с другим инвентарем, положенным в могилу, не удается.

Ножи найдены в четырех могилах, они представлены обоими видами — с выступающим навершием и с петелькой. В трех могилах ножи находились в области пояса (причем у двух погребенных в сохранившихся могилах лежали слева), а в одной — на левой ноге погребенного (табл. 11, 5). Можно думать, что при жизни мужчины носили нож подвешенным к поясу у левого бедра. Только у погребенного в м. 3 к. 9 нож и единственное из мужских могил шило лежали у правой кисти (табл. 10, 7).

В двух могилах оказались nepотреboванные погребения воинов (табл. 17, 5). Они были вооружены чеканами и кинжалами, подвешенными слева у пояса. У одного на правой, а у другого на левой кисти лежали зеркала. Несмотря на то что таких погребений в могильнике только два, все же можно видеть определенное сочетание видов инвентаря. У обоих погребенных было по две бляшки, по чекану, кинжалу и зеркалу. По всей видимости, такой набор вещей был и у других воинов. Правда, в Гришкином Логу, может быть, за исключением еще одного погребения, в котором найден вток, других захоронений воинов не было. Наличие сохранившихся погребений без оружия свидетельствует, что не всем мужчинам его клали. Можно, конечно, допустить, что в некоторых полностью разрушенных и ограбленных могилах могли быть погребения воинов, но инвентарь их был потом похищен.

Из другого инвентаря мужских могил можно указать на подвески из зубов лошади, атрофированных резцов марала и астрагалов. Следовательно, можно считать, что основным инвентарем мужских могил были ножи и украшавшие головной убор бляшки, а в случае погребения воина — оружие.

Большинству погребенных мужчин клали в могилу куски мяса в рассмотренном уже характерном сочетании: задняя нога, лопатка, грудина, ребра. Преобладают кости барана, но в четырех могилах вместе с бараньими найдены и кости коровы. Судя по сохранившимся могилам, четко определенного места для пищи не было. В к. 16, м. 5 кости лежали у правой руки (табл. 17, 5), в к. 19, м. 2 и м. 5 и к. 21, м. 4 — у левой ноги (табл. 16, 1, 7), а в к. 9, м. 5 (табл. 10, 3) — четырьмя группами: две вдоль левой руки и две вдоль правой. Зависимость занимаемого мясной пищей места в могиле от возраста погребенных не устанавливается. Обращает на себя внимание, что в четырех могилах — к. 3, м. 21; к. 9, м. 2; к. 10,

м. 4 и к. 13, м. 3, — несмотря на то что три из них сохранились почти полностью, а четвертая частично, остатков мясной пищи не было. Можно предполагать, что какой-то группе мужчин класть мясную пищу не полагалось, хотя это могло зависеть и от определенного времени года, когда ее старались не употреблять. Однако установить причину наблюдаемого явления не удается.

Вторая группа индивидуальных могил — погребения одиночных женщин. Такие захоронения, где антропологами определены женщины, содержали 10 могил. В четырех могилах погребены женщины от 20 до 25 лет, в трех — от 35 до 57—60, в одной — старуха и в двух — возраст точно не определен. Три могилы сохранились почти полностью и три частично (рис. 14—16).

Три женские могилы являлись центральными в оградах, причем в двух из них находились останки молодых женщин, а в одной — старой. В трех оградах могилы с женщинами были северными и в двух — южными; в ограде 16 из пяти могил вторая с юга была женской, а в к. 20 могила находилась за пределами ограды (табл. III). Судя по могилам, сохранившимся полностью или частично, положение скелетов везде одинаково. Умершую укладывали на спине, в вытянутом положении, головой на ЮЗ. Только в одной могиле (к. 13, м. 6) стопы старой женщины лежали в юго-западной части могилы, так что она была положена головой на СВ (табл. 13, 6).

Глиняная посуда найдена не во всех могилах. В четырех остатков горшков не обнаружено, в том числе и в полностью сохранившейся м. 2 к. 10 (табл. 11, 4). Всего в могилах с женщинами найдено 10 сосудов, которые представляют все типы керамики могильника, хотя и не все ее виды. В трех случаях сосуды представлены индивидуальными формами. Из-за небольшого количества наблюдений установить в этих могилах, как и в мужских, строгую закономерность в размещении посуды трудно. В двух могилах (к. 8, м. 2 и к. 20, м. 3) горшки стояли в головной части могилы в западном и южном углах (табл. 11, 7; 17, 3). В к. 16, м. 4 один из горшков стоял справа у головы в южном углу, а второй в северном, слева от ноги (табл. 14, 2). В северном же углу стоял и горшок в м. 7 к. 13 (табл. 12, 2). А в м. 1 к. 13 он находился в южном углу, справа от головы погребенной (табл. 13, 3).

В половине женских могил оказались ножи, они представлены обоими видами: с петельками и с выступающими навершиями. В четырех случаях ножи лежали справа от погребенной. В к. 8, м. 3 (табл. 11, 7) нож находился у правой кисти, в к. 10, м. 2 (табл. 11, 4) у правого плеча, в к. 20, м. 3 и к. 16, м. 4 — в южном углу рядом с горшком (табл. 14, 5; 17, 3). В трех могилах оказались шила, которые лежали рядом с ножами. Несмотря на небольшое количество наблюдений, можно все же сделать вывод о том, что, в отличие от мужчин, женщинам клали нож и шило справа от погребенной. А так как оба предмета расположены

рядом, можно думать, что они первоначально находились в общем чехле. Кроме ножей и шильев, в к. 10, м. 2 найдено бронзовое зеркало, но в отличие от мужских могил оно лежало не на кисти руки, а справа на груди погребенной. В этом же погребении рядом с зеркалом оказались три бронзовые трубочки-пронизки, четыре подвески из клыков лисицы и каменные бусы в виде кружочков и трубочек (табл. 11, 4).

Пронизки найдены еще в двух женских погребениях. Три найдены в к. 16, м. 2, причем одна из

них рифленая, покрытая золотом, и одна — в к. 14, м. 2. В первом из упомянутых курганов оказались также каменная бочонковидная бусина в виде колечка и бусы с раструбами. Кроме того, в двух женских могилах найдены бляшки. В к. 8, м. 2 их было три — одна большая и две маленькие, а в к. 16, м. 4 — одна средняя.

Остатки мясной пищи обнаружены только в пяти могилах, причем в богатой вещами полностью сохранившейся м. 2 к. 10 ее также не было. В четырех других могилах найдены обычные на-

Рис. 14.

Могильник Гришкин Лог I, к. 16, м. 3.
Захоронение женщины с младенцем у правой руки, фото

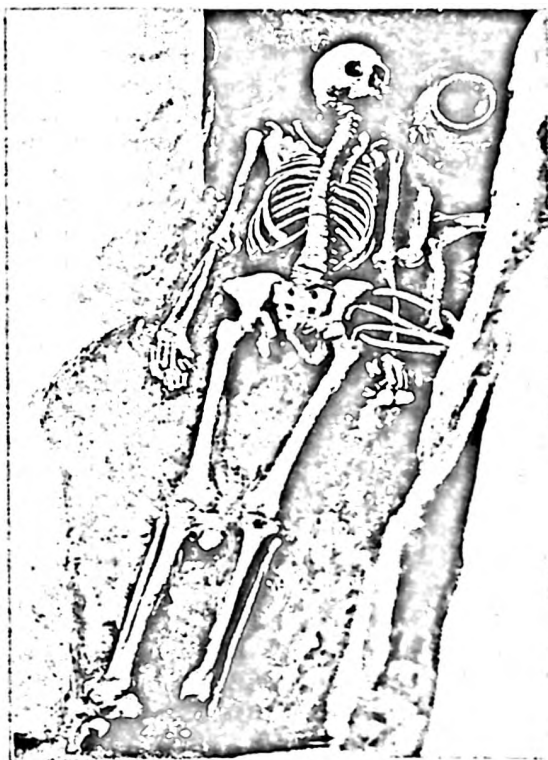

Рис. 15.

Могильник Гришкин Лог I, к. 20, м. 3.
Захоронение женщины, фото

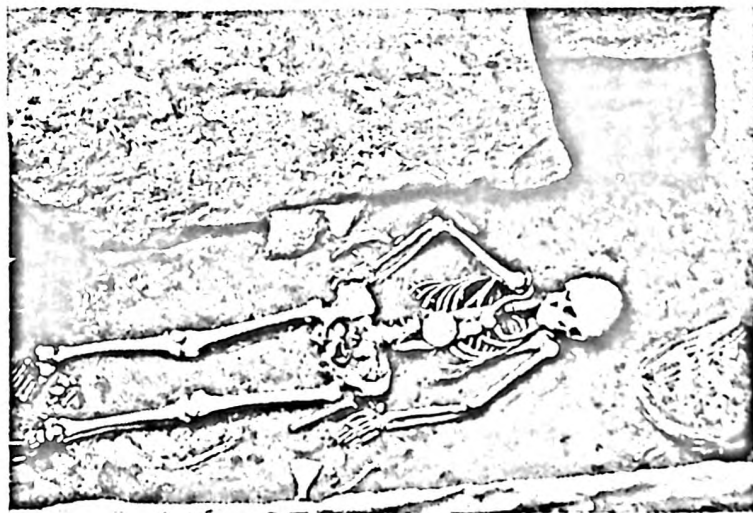

Рис. 16.

Могильник Гришкин Лог I, к. 15, м. 1.
Захоронение женщины с неродившимся ребенком, фото

боры костей: нога, лопатка, грудина и ребра барана. А в одной из них было два набора, принадлежавших молодому барану и корове. Но в двух могилах оказались необычные кости — обломки челюстей барана. Не удастся наблюдать и строгого размещения пищи в могиле: в одной она находилась справа у головы (табл. 11, 7), в другой — слева у таза (табл. 17, 3), в третьей — по обеим сторонам ног (табл. 14, 5).

Разрозненность наблюдений не позволяет делать категорических выводов об особенностях женских погребений, но все же можно отметить некоторые черты, не наблюдавшиеся в мужских могилах. Это сочетание ножей и шильев и их нахождение справа от погребенной; наличие в женских могилах украшений — пронизок и бус.

Чтобы закончить рассмотрение женских погребений, необходимо остановиться на м. 6 к. 13 (табл. 13, 6). Выше было отмечено, что похороненная там старая женщина, судя по положению стоп, лежала головой на СВ. Из этой могилы происходит бронзовое шильце без навершия и обломки железного ножа (табл. 29, 8). Последняя находка совершенно необычна для раннетагарских памятников. Железные ножи появляются в самом конце тагарской культуры и в таштыкское время. К сожалению, могила полностью разграблена, но, учитывая находки и ориентировку погребенной, можно предположить, что первоначальное погребение было выброшено, от него сохранился только обломок шила. Позже в могиле похоронили, головой на СВ, старую женщину, к которой относится нож. Но и это погребение потом нарушено грабителями.

Третья группа индивидуальных погребений — это одиночные захоронения детей. Они обнаружены в 17 могилах. Четыре из них сохранились почти полностью и три частично. Возраст погребенных детей различен. В трех могилах лежали младенцы, не достигшие года, в одной — двух лет, в одной — 3—4 лет. В трех случаях детям было по 6 лет, в одном случае — 7, в двух — 8, по одному — 9 и 11—12 лет. Отсюда можно заключить, что для детей разного возраста сооружали специальные могилы.

В четырех случаях дети старше 6 лет находились в центральных могилах оград и пристроек, и в одной пристройке в могиле был погребен ребенок 3—4 лет. К северу от основной найдена только одна могила, но ее ограда не сохранилась. К югу от основной найдены две детские могилы. Три могилы были сооружены в углах ограды, две из них младенческие и одна для ребенка 9 лет. Четыре младенческие могилы оказались пристроенными снаружи к оградке. Последние два наблюдения говорят о том, что для младенцев в большинстве случаев специальных оград не строили, а хоронили их либо в углах уже существующих, либо выкапывали ямки снаружи у ограды (табл. III).

Судя по сохранившимся и частично сохранившимся могилам, детей, как и взрослых, укладывали в вытянутом положении, на спине, голо-

вой на ЮЗ. Горшки и инвентарь оказались только в 7 могилах, а в пяти из них найдены и кости животных. Причем во всех семи могилах с инвентарем были погребены дети не моложе 6 лет. Отсюда следует, что детям, не достигшим этого возраста, класть вещи и мясо и ставить горшки не полагалось. А этот вывод позволяет предполагать, что в четырех могилах, где возраст погребенных не определен и где не оказалось инвентаря, были похоронены дети, не достигшие 6 лет.

Несмотря на то что горшков найдено немного, они все представлены первым типом и, кроме одного, принадлежат одному виду — гладкостенных закрытых сосудов. Кроме того, найден один сосуд индивидуальной формы и миски из нижней части горшка. Несмотря на то что горшки принадлежат одному виду, делать заключение о том, что именно этот вид ставился детям, преждевременно из-за небольшого количества наблюдений.

В детских могилах вещей немного: нож первого вида, шильце с отломанным навершием, костяной головной нож, две пронизки и в двух могилах было по одной бляшке. Некоторые из вещей — головной нож, пронизки, шило — могут указывать на пол погребенного ребенка. Эти вещи найдены преимущественно в могилах женщин. Так что можно предполагать, что в м. 4 и 8 к. 3 и в м. 9 к. 13 погребены девочки.

Мясная погребальная пища представлена обычным комплектом. В четырех могилах это были кости барана, причем в м. 1 к. 4, где погребены два ребенка, найдены и два комплекта костей. В одной могиле оказалось бедро коровы, а также ребра и нижняя челюсть лошади. Последняя может также указывать на женский пол погребенного, так как челюсти животных найдены только с женщинами. В тех могилах, где кости животных оказались в первоначальном положении, они лежали в одном случае слева у бедра, в другом — справа (табл. 9, 2) и в одном — у правой стопы (табл. 9, 5). Здесь, как и в могилах взрослых, определенного места для погребальной пищи не наблюдается.

Анализ индивидуальных погребений могильника Гришкин Лог I дает некоторый материал для выяснения пола погребенных по косвенным признакам в тех случаях, где он не был установлен антропологами путем прямого определения. Но прежде чем это делать, необходимо рассмотреть еще одну группу погребений — захоронения взрослых с детьми. Погребения взрослых с детьми представлены семью захоронениями женщины и ребенка. Только две могилы оказались сохранными, остальные разрушены. В четырех могилах с детьми погребены женщины до 80 лет, причем дети не достигли еще 6 лет. В одной могиле найдены кости женщины преклонного возраста и ребенка 7 лет, а в двух — возраст женщин и детей неясен.

Могилы с женщинами и детьми занимают разное место в курганах. В трех случаях они явля-

лись центральными в основных оградах, а в одной, где было две могилы, располагались симметрично относительно центра. В к. 1 такая могила находилась к северу от основной, а в к. 4 — за пределами ограды, рядом с ней (табл. III).

Судя по сохранившимся могилам, женщины, как и в индивидуальных погребениях, были положены в вытянутом положении, на спине, головой на ЮЗ. Дети же лежали в разных местах. В к. 15, м. 1 у женщины на тазовых костях лежали кости младенца (табл. 13, 5). В к. 16, м. 3 скелет младенца находился у правой кисти и бедра (табл. 14, 2).

Горшки из этих могил представлены по одному экземпляру ведущих типов. Кроме того, в одной могиле оказался индивидуальный сосуд седьмого вида и две миски из нижних частей горшков. В двух сохранившихся могилах целые горшки стояли слева у головы в западном углу могилы, а миски — справа у стопы в восточном углу (табл. 13, 5; 14, 2).

Из вещей найдены в двух могилах бронзовые ножи обоих видов и вместе с ними шилья. В одном случае они лежали у левого колена (табл. 13, 5), а в другом — у левого локтя между рукой и грудной клеткой (табл. 14, 2). На груди женского скелета в м. 1 к. 15 находилось зеркало с бортиком. В двух могилах оказались головные ножи. Один из них сделан из кости и украшен циркульным орнаментом, другой — из зуба кабарги с бронзовой оковкой.

Остальные вещи — предметы украшений. Это бронзовые бляшки (причем в м. 1 к. 15 были найдены три такие бляшки), каменные пуговицы, белые каменные трубчатые бусы, бронзовые пронызки и бронзовые бляшки с петелькой. Мясная пища оказалась не во всех женских могилах, ее остатков не обнаружено в м. 1 к. 17. В двух могилах были найдены кости лошади: в одной кости ног, а в другой сочетание голени коровы, плеча барана и ребра лошади. В м. 2 к. 18, где погребены женщина и ребенок 5—6 лет, найдены две ноги барана, видимо, по ноге для каждого погребенного. Мясная пища в двух сохранившихся могилах лежала в разных местах. В м. 1 к. 15 две кучки костей находились по сторонам погребенной у кистей, а в к. 16, м. 3 — у левой стопы.

Погребения женщин с детьми, как можно видеть, рисуют картину, аналогичную индивидуальным женским захоронениям. Отличие состоит только в том, что здесь нож и шило оказались слева от скелетов. Инвентарь, положенный с погребенными, представлен одним комплектом вещей, которые имеют отношение непосредственно к женским захоронениям, так как дети, положенные с ними, не достигли еще 6 лет. Только в одной могиле, где ребенок был старше этого возраста, лежали две ноги барана, которые могли быть положены каждому из погребенных. Следовательно, эти могилы в части детских захоронений подтверждают наблюдения, сделанные над погребениями одиночных детей.

То, что в погребениях женщин с детьми проявляются закономерности, отмеченные при анализе индивидуальных захоронений, позволяет и их использовать при рассмотрении неясных или спорных случаев.

М. 3 к. 21 северная в ограде с двумя симметрично расположенными могилами. Здесь погребен взрослый. По определению С. Красновидовой — это женщина, а по сведениям, полученным от А. Г. Козинцева, — мужчина. Могила сохранилась почти полностью. В ней в вытянутом положении, на спине, головой на ЮЗ, лежал скелет человека 27—30 лет, между ног которого находился скелет ребенка. У правого плеча нож и шило, на поясе зеркало, у головы бляшки, найдены украшения из зубов животных. Слева у ноги в северном углу два горшка. Набор вещей, положение зеркала, наличие украшений, а также отсутствие достоверных захоронений мужчины и ребенка позволяют считать погребенного женщиной.

М. 2 к. 23 (табл. 18, 8) содержала разрушенное погребение взрослого 40—45 лет и ребенка 7—7.5 лет. В могиле найдены обломки горшка и кости двух баранов. По определению С. Красновидовой, это мужчина, по данным А. Г. Козинцева — женщина. Отсутствие серии погребений мужчин и детей скорее свидетельствует в пользу женского пола погребенной. Так как ребенок старше 6 лет, ему положен кусок мяса.

В могиле к. 7 (табл. 9, 1) в верхней части найден обломок таза женщины, а на дне кости двух детей 5 и 1.5—2 лет. Длина могилы — 120 см — свидетельствует, что она сооружена для погребения детей, женский таз попал сюда случайно.

В м. 1 к. 8 (табл. 9, 8) лежала нижняя часть скелета взрослого человека 40—50 лет, у правой его кисти — нож, в северном углу — горшок, рядом — кости барана; найдены также 3 бляшки. По одним определениям, здесь похоронена женщина, по другим — мужчина. Положение ножа справа от погребенного и очень редкий для мужских захоронений случай нахождения горшка слева у ноги, в северном углу могилы, скорее свидетельствует, что здесь погребена женщина. Аналогичная картина и в м. 7 к. 13 (табл. 12, 2). Погребение разрушено, но в нем найдены челюсть барана и украшения, а горшок, сохранившийся на месте, стоял в северном углу. Так что и здесь погребена скорее женщина.

То же можно сказать и о м. 5 к. 13 (табл. 12, 1), где определения антропологов расходятся. Двумя специалистами определена женщина, одним — мужчина. В могиле нож находился справа от ноги погребенной, так что скорее всего здесь лежала женщина.

Видимо, женщина погребена и в разрушенной могиле 1 к. 17 (табл. 15, 3). В ней, кроме горшка, бляшек и костей лошади, найдены бусы, не встречающиеся в мужских погребениях.

Еще в одной могиле удастся определить пол погребенного. Это м. 22 к. 3, раскопанная С. А. Теплоуховым в 1923 г.; здесь, кроме горшков, бля-

шек, пронизок и бус, найден серп. Весь набор инвентаря свидетельствует о женском поле погребенной.

В пяти же могилах с останками одного погребенного пол не устанавливается. В них найдены горшки и кости животных, но отсутствует инвентарь (к. 1, м. 15; к. 6; к. 10, м. 3; к. 13, м. 2; к. 24, м. 2.). Только в отношении м. 15 к. 1 можно высказать предположение, что там похоронена женщина, так как горшки стоят у одной стены, что в двух случаях наблюдалось в женских могилах.

Таким образом, в результате анализа отдельных могил, для которых нет антропологических определений или они расходятся, удалось установить, что в семи из них были похоронены женщины, в одной — 2 ребенка, в четырех могилах пол погребенных и по косвенным признакам не устанавливается, а в одной, предположительно, похоронена женщина.

Рассматривая в целом группу индивидуальных захоронений и погребений женщины и ребенка, можно видеть, что независимо от пола и возраста умершего всегда укладывали в вытянутом положении, на спине, головой на ЮЗ. Имеющиеся два случая с обратной ориентировкой вызывают сомнения в принадлежности погребенных к тому же времени. Ярко проявляются некоторые особенности мужских и женских погребений, в первую очередь, в наличии у последних украшений, а также сочетания ножа и шила, расположенных рядом. Для мужчин характерно помещение вещей слева от погребенного, а для женщин справа. Разное место в погребениях занимают зеркала, у мужчин они на кистях, у женщин на груди или животе. Выясняются и особенности обряда в зависимости от возраста. Инвентарь и пища встречаются в могилах детей, начиная с 6 лет, а для более молодых ничего в могилу не клали. Что же касается погребальной пищи, то ее набор у всех одинаков и зависимость вида животного от пола или возраста не проявляется. Можно только отметить, что для женских погребений известны случаи находки в могиле челюстей животных, чего в мужских не бывает. Нет отличий в керамике, хотя индивидуальные виды сосудов найдены преимущественно в женских могилах.

Кроме одиночных, в пяти могилах оказались коллективные погребения. В трех из них найдены кости двух скелетов — мужского и женского (к. 12, м. 2; к. 22, м. 1 и к. 19, м. 3.), а в двух — трех скелетов: мужчины, женщины и ребенка (к. 2, м. 19; к. 15, м. 2.).

Небольшое количество таких погребений и некоторые индивидуальные их черты, а также расхождения в определении пола заставляют рассматривать их каждую в отдельности. В м. 2 к. 12 (табл. 13, 3) на дне могилы находились остатки скелета женщины 20—35 лет. От нее сохранились ноги. Непосредственно на них лежали голени, принадлежащие мужчине 50—55 лет. Оба погребенных были положены в вытянутом положении, на спине, головой на ЮЗ. Инвентарь погребения

довольно богатый: каменные и бронзовые бусы, пронизки, одна из них позолоченная, имитации раковин каури, гребень и головной нож, а в северном углу ящика часть горшка. Как можно видеть, весь инвентарь можно отнести к женскому, первому в этой могиле погребению. Мужчине в этой могиле ничего не положено. Это позволяет допустить мысль, что второе погребение, несмотря на то что, казалось бы, кости мужского скелета находятся непосредственно на женских, является более поздним, впускным. В этой могиле могла быть первоначально погребена одна женщина.

Вторая могила (к. 22, м. 1) (табл. 17, 8) также содержала останки двух погребенных. В ящике параллельно лежали у юго-восточной стены кости ног женщины 60—65 лет, а у северо-западной — мужчины 55—60 лет. Первоначально оба трупа были положены в вытянутом положении, на спине, головой на ЮЗ. Инвентарь могилы небогат — найдены только обломки горшка. Но кости животных представлены двумя комплектами от старого и молодого баранов и, кроме того, здесь оказались отдельные кости коровы. Набор остатков погребальной пищи с несомненностью свидетельствует о том, что в этой могиле и первоначально похоронены два человека — мужчина и женщина.

В третьей могиле с двумя погребенными (к. 19, м. 3) (табл. 16, 3, 4) у юго-восточной стены лежали кости ног мужчины 60—65 лет, а к северу от них — правая нога и левое предплечье женщины 18—20 лет. У предплечья находились гребешок, головной нож, бусы и раковины каури. Кроме того, в могиле найдены 4 бронзовые бляшки, две пронизки, гребешок и имитация раковин каури. Инвентарь могилы в основном женский. 4 бляшки ни у одной из женщин не найдены. Можно считать, что здесь два комплекта бляшек, по две на человека. Несколько удивляет наличие двух гребешков, что в других женских могилах не встречалось, однако исключить такую возможность также трудно. Основная неясность в составе этой могилы заключается в том, что в поле С. Красновидова определила одного из погребенных как мужчину 60—65 лет, а по данным А. Г. Козинцева этот же погребенный оказался женщиной 20—35 лет. Такие серьезные расхождения в возрасте можно объяснить только какой-то путаницей, происшедшей впоследствии. Поэтому приходится считать первые определения правильными и видеть в этой могиле погребение мужчины и женщины.

Состояние двух могил, где найдены останки трех людей, одинаково. Кости погребенных оказались в полном беспорядке и определить их первоначальное положение не представилось возможным. Однако инвентарь и остатки погребальной пищи позволяют внести некоторую ясность. В первой могиле (к. 2, м. 19) с останками мужчины старше 55 лет, женщины 35—55 лет и ребенка 8 лет найдены 2 бляшки, 3 горшка и кости барана. Этот инвентарь может относиться как к одному человеку, поскольку в могилах с одним погре-

бенным встречаются 3 горшка, так и к трем, если каждому было поставлено по горшку.

Во второй, аналогичной могиле, к. 15, м. 2 (табл. 13, 1, 2), с мужчиной и женщиной в возрасте 35—40 лет и ребенком 10—11 лет найдены 2 бронзовые бляшки, 2 бусины и кости барана. Последние представлены двумя правыми и одной левой голенью двух баранов и другими обычно встречающимися костями. Следовательно, здесь имеются три ноги. Несмотря на то что инвентарь можно отнести к одному погребенному — женщине, количество погребальной пищи указывает, что она положена для трех человек. Этот же вывод подтверждает и наблюдение антропологов. У взрослых на черепах имеется прогнатизм, часто встречающийся у населения, оставившего Гришкин Лог. Все это позволяет говорить о том, что в данной могиле похоронили двух взрослых и ребенка. Учитывая это, можно и в первой могиле предполагать аналогичное захоронение.

Четыре из рассмотренных нами погребения можно считать особой группой и назвать их парными. Погребения эти редки, но, по всей видимости, не случайны. У них есть и свои особенности. Во всех могилах инвентарь принадлежит только женщине, а мужчины похоронены без инвентаря. Набор вещей полностью соответствует индивидуальным погребениям, так же как и мясная пища. В этих могилах не видно выработки особых черт, характерных именно для погребения пар. Они производят впечатление двух независимых индивидуальных погребений в одной могиле, так как каждому положено то, что кладут и в одиночных захоронениях, причины появления таких совместных погребений неясны, однако несомненно, что люди, оставившие могильник, в каких-то случаях практиковали захоронения двух или трех людей в одной могиле.

Таким образом, изучение индивидуальных и парных погребений показывает, что последние, по сути, мало чем отличаются от первых, так как здесь соблюдаются требования к индивидуальным погребениям. Так, характеристика, которая была дана выше в связи с индивидуальными захоронениями, может быть отнесена к каждому из похороненных в могилах с двумя людьми.

Все рассмотренные могилы содержали серии однотипных погребений, и хотя количество случаев в каждой серии различно, их постоянная повторяемость свидетельствует о неслучайности. Это те виды захоронений, которые являются основными и ведущими для данного могильника. Однако наряду с ними имеется несколько могил, в которых состав погребенных индивидуален и каждая из которых имеет свои особенности. В отдельных случаях своеобразие их лежит на поверхности и легко объясняется, в других — требуется специальный анализ для установления характера погребений. В этой группе могил всегда погребено больше одного человека, поэтому их предварительно можно назвать «коллективными» погребениями.

Лучше всего начать рассмотрение таких могил с наиболее ясных случаев. В двух могилах, которые уже были рассмотрены в разделе, посвященном одиночным мужским погребениям (к. 21, м. 2 и 4), наблюдалась одинаковая картина. На дне находились одиночные мужские погребения, а над ними, изолированные примерно полуметровым слоем земли, оказались захоронения детей. В м. 2 на глубине 30 см были три ребенка — 2, 5 и 6 лет, а в м. 4 на глубине 40 см тоже три ребенка — 4, 10 лет и неясного возраста. Более поздний впускной характер этих захоронений не вызывает сомнения. Однако точный хронологический разрыв между ними и основными захоронениями неясен. Здесь необходимо вспомнить, что детям 6 и старше лет в могилу клали инвентарь или пищу. В этих погребениях, несмотря на наличие детей старше 6 лет, с ними не оказалось никакого инвентаря, что указывает на другой обряд, не свойственный основным погребениям могильника Гришкин Лог I. Отсюда можно сделать вывод, что эти детские погребения значительно более поздние и непосредственно к основе могильника отношения не имеют. Косвенно это подтверждается и тем, что основное погребение в м. 2 было наполовину разрушено еще до того, как над ним образовался слой земли, изолирующий от него впускные погребения. Следовательно, времени между основным и впускным погребениями прошло довольно много, и впускные детские захоронения относятся уже к другой эпохе.

О том, что такой вывод правомочен, свидетельствуют три другие могилы. В первой, к. 9, м. 5 (табл. 10, 2, 3), на дне лежал мужчина, а над ним второй погребенный, в скорченном положении, на правом боку, головой на СВ. Положение, ориентировка и отсутствие при верхнем скелете вещей указывают на отличный от основных погребений могильника обряд. Во второй могиле, к. 10, м. 1 (табл. 11, 1, 2), на дне разрозненный скелет мужчины, а на 25 см выше — скелет другого мужчины, в вытянутом положении, на спине, головой на ЮЗ, но положенный так, что места для головы не осталось: плечами он упирался в стенку могилы. При нем нет инвентаря, но на этой глубине найден кружок из тонкой плитки, точная принадлежность которого к погребению достоверно доказана не может быть. Хронологический разрыв между обоими захоронениями несомненен. Основное захоронение было разграблено, потом образовался слой земли в 25 см и только позже был погребен второй человек. В третьей могиле, к. 19, м. 6 (табл. 16, 6), разрознены кости двух мужчин, но один из них европеоидного типа, а второй монголоид. Население, оставившее могильник Гришкин Лог, европеоидно, так что второй мужчина был погребен значительно позже.

Для всех трех более поздних погребений характерно отсутствие инвентаря. Отсюда следует, что все впускные погребения совершены в другую эпоху, оставлены другим населением и непосредственного отношения к могильнику не имеют.

В двух могилах найдены останки трех людей. В первой, к. 11, м. 1 (табл. 11, 3, 10), на дне сохранившиеся отчасти кости двух скелетов. По определению антропологов, они принадлежали мужчинам старческого возраста. В могиле найдены горшок и плошка, нож, имитация раковины каури, аргиллитовые бусы, пронизка и кости двух баранов, молодого и старого. Положение погребенных, набор вещей, характерный для женщин из парных погребений, и два комплекта костей барана говорят о том, что здесь были захоронены двое. От третьего же скелета сохранились только отдельные разрозненные и поломанные кости, которые принадлежали, по мнению антропологов, также мужчине. Судя по положению костей двух первых скелетов, третьему места в могиле не было. Видимо, он был похоронен выше первых и является впускным. Разная сохранность скелетов свидетельствует о том, что могила была разграблена после захоронения третьего человека, но так как он находился выше, его скелет был разрушен больше, а кости поломаны. Что же касается основных погребений, то здесь, по косвенным признакам — инвентарю, должна была быть женщина. И основное погребение можно рассматривать как парное.

Во второй могиле, к. 20, м. 1 (табл. 17, 2), кости мужчины 40—45 лет и женщины 40—60 лет, а также обломки черепа взрослого человека. Вместе с ними найдены вток, бляшка, золотая обкладка, горшок, кости коровы, телки, барана и ягненка. Здесь вырисовывается картина, характерная для парных погребений, а находка втока свидетельствует, что мужчина был воином. Обломки же черепа взрослого могли попасть в могилу случайно, как это имело место в детской могиле к. 7, где оказался обломок таза женщины. Однако точно установить, как появились в могиле обломки черепа, невозможно. Три могилы содержали погребения нескольких человек. Основное погребение, к. 9, м. 2 (табл. 10, 5—7), было отнесено к мужским, согласно определению пола антропологами. Над ним находился 30-сантиметровый слой земли, выше которого лежал мужчина 16—17 лет головой на СВ, а над ним найдены отдельные части скелетов мужчины возмужалого возраста, двух мужчин зрелого возраста, трех женщин зрелого возраста и ребенка 8 лет. Здесь, следовательно, все погребенные, начиная с юноши, захоронены значительно позже. Некоторые из них лежали поперек могилы. У них отсутствует инвентарь. Все это свидетельствует о значительно более позднем времени, а совершенно другие черты обряда говорят о другой эпохе. Эти погребения аналогичны одиночным впускным захоронениям, рассмотренным выше.

Во второй могиле, к. 14, м. 1 (табл. 13, 4), оказались перемешанными кости четырех скелетов: трех мужских 40—80 лет и одного женского 30 лет. С ними найдены обломки двух горшков, две бляшки и пронизка. Инвентарь этой могилы женский, можно считать, что первоначально в

могиле была погребена женщина, а позже в нее были впушены три мужских захоронения. Их, видимо, по аналогии с предыдущими нужно рассматривать как значительно более поздние.

Третья могила (к. 20, м. 3) также содержала перемешанные кости мужчины, двух женщин зрелого возраста, ребенка 14 лет и младенца. Кроме того, с ними найден горшок. Установить по археологическим данным, кто был первым похоронен в могиле, невозможно. Единственно, о чем можно говорить, по аналогии с предыдущими, это что большая часть погребенных здесь является поздней, впускной.

Четыре могилы содержали индивидуальное сочетание погребенных. В м. 3 к. 17 (табл. 15, 4, 5) в ящике найдены останки трех людей: мужчины 30 лет и двух женщин 25—27 и 45—48 лет; с ними оказались два горшка, кости ноги старого барана и набор костей молодого барана. Установить, кто был похоронен в могиле первоначально, трудно, можно только допустить, что хотя бы один из погребенных — поздний.

В м. 1 к. 12 (табл. 13, 8) найдены скелет женщины 40—60 лет и череп женщины 20—30 лет. С ними оказались горшок, 3 бляшки, бусы и набор костей барана. Инвентарь и погребальная пища свидетельствуют о том, что в могиле был похоронен один человек, в данном случае взрослая женщина. Появление здесь черепа другой женщины остается неясным.

В м. 1 к. 16 (табл. 14, 3) оказались в полном беспорядке останки четырех погребенных: мужчины 30—35 лет, двух детей — 1.0—1.5 года и младше года и плечо еще одного субъекта. Здесь найдены горшок, набор костей от мясной погребальной пищи, а также костяные поделки и стрела. Последние вещи ни в одной другой могиле не встречены. Основным в могиле было погребение мужчины: его череп имеет следы прогнатизма, что характерно для людей этого могильника. Что же касается детей, то их захоронения могут быть более поздними впускными. Такие случаи выше уже были отмечены и, кроме того, ни одного несомненного погребения мужчины с ребенком в могильнике нет. Видимо, с этими детьми в могилу попали и необычные костяные вещи.

В м. 8 к. 13 (табл. 12, 4) на дне лежал неполный скелет мужчины головой на ЮЗ с руками, сложенными на груди. С ним находились обломки горшка, псалий, кочедык, каменный амулет, подвески из зубов лисицы, в ногах лежали кости подростка 15—16 лет и ребенка 5 лет. Найденный инвентарь явно относится к мужчине, а подростку и ребенку ничего не положено. Необычное место, занятое подростком (если бы он был положен с женщиной, то лежал бы параллельно), говорит о том, что детское и юношеское погребения впускные, более поздние, аналогичные выше рассмотренным.

Анализ могил с «коллективными» захоронениями показал, что во всех без исключения случаях коллективность является результатом вто-

ричных захоронений. Из 14 могил, содержащих такие погребения, только в двух не удалось достоверно определить, кто был похоронен в ней первоначально.

Если не говорить о четырех мужских основных погребениях, уже рассмотренных при анализе аналогичных захоронений, то в 10 оставшихся могилах первоначально были похоронены: в четырех — одиночные мужчины (к. 10, м. 1; к. 13, м. 8; к. 16, м. 1; к. 19, м. 8), в двух — одиночные женщины (к. 12, м. 1; к. 14, м. 1), в двух — мужчина и женщина (к. 11, м. 1; к. 20, м. 1) и две остались неясными (к. 3, м. 20; к. 17, м. 2).

Следовательно, в могильнике выделяются два слоя. Ранний слой, к которому относятся все курганы и могилы с первоначально погребенными в них людьми, — это кладбище людей, соорудивших сам могильник. Поздний слой представлен впускными захоронениями. Эти погребенные положены часто в скорченном положении, на боку, головой во многих случаях к СЗ, без сопровождающего инвентаря. Среди них было 6 одиночных захоронений мужчин, одно одиночное захоронение женщины, в четырех могилах лежало от двух до трех детей разного возраста и в трех — по несколько взрослых. Всего впускными в ранние могилы было 14 мужчин, 6 женщин и 14 детей, это своеобразное кладбище какого-то коллектива древних обитателей Минусинской котловины. Несомненно, что эти люди жили значительно позже создателей могильника, но точно установить временной промежуток по археологическим данным трудно.

Можно, правда, высказать одно предположение. На территории могильника находится сооружение, названное к. 5 (рис. 3). Никаких следов захоронений в нем не обнаружено. Конструктивно оно отличалось от курганов могильника и скорее всего может быть определено как жилище, на территории этого сооружения найдены круглые грубо оббитые песчаниковые плитки, аналогичные найденной в м. 1 к. 10. Это единственное свидетельство связи непонятого сооружения и впускных захоронений. Естественно, что его недостаточно для утверждения такой связи, хотя видеть ее очень заманчиво. Тогда можно было бы предположить, что люди, жившие или оставившие сооружение, названное к. 5, хоронили своих умерших в рядом расположенных курганах более раннего времени. Само же сооружение точной даты не имеет, если не считать найденного обломка бронзовой бляхи с двумя быками, которая относится к самому концу тагарской эпохи. Близкие по характеру и сюжету бронзовые четырехугольные бляхи Забайкалья датируются разными исследователями II—I вв. до н. э.—I в. н. э. Поэтому если существует связь сооружения с впускными могилами, то и они, следовательно, должны относиться к тому же времени. Предположительно эти впускные захоронения нужно считать тесинскими. С последними их сближает то, что внутри могилы погребенные как бы переложены плитка-

ми. Кроме того, известны случаи, когда тесинцы использовали ранние тагарские курганы для своих захоронений, как это имело место у Мохова Улуса. На этом, собственно, можно разбор поздних впускных захоронений закончить и перейти непосредственно к основным погребениям могильника Гришкин Лог.

Анализ погребений и установление разновремениности захоронений показал, что для раннетагарского могильника Гришкин Лог I неизвестны коллективные погребения. Собственно, это было известно и раньше, но после раскопок Гришкиного Лога и некоторых других могильников того же или близкого времени, где встречались могилы со многими погребенными, типа м. 2 к. 3, возникло представление, не получившее, правда, освящения в печати, что в отдельных случаях и в раннетагарское время совершали в одной могиле захоронения нескольких человек. Сейчас очевидно, что возникшее представление было неверным.

Выясняется также, что для этого времени существует несколько устойчивых видов погребений. Наиболее многочисленными являются захоронения одиночных мужчин. Таких, после проведенного анализа, в могильнике насчитывается 23. Второй вид — одиночные женские захоронения, их 17. Третий вид погребения — захоронения женщины и ребенка. Они обнаружены в 9 могилах. Четвертый вид — погребения мужчины и женщины, женщины и ребенка, их 7. Пятый вид — одиночные детские захоронения, их 18. 6 могил остались неясными из-за неустановления пола погребенных и отсутствия данных о первоначальном захоронении в могилах с несколькими людьми. Второй и третий виды, по существу, можно объединить в один — погребение женщины. Тогда получится, что в могильнике имеются погребения мужчин, женщин, детей и пар, именно они являются характерными для раннетагарского могильника.

Особенности погребений каждой группы были в общих чертах уже отмечены выше. Дополнения, полученные в результате анализа коллективных захоронений, никаких новых сведений не дали. Поэтому приведенная выше характеристика остается в силе. Нужно сказать, что кроме выделения группы могил с детьми до 6 лет, которых хоронили без инвентаря, других особенностей, связанных с возрастом, проследить не удалось.

После 6 лет начинают проявляться особенности, связанные с полом погребенного. В некоторых детских могилах, так же как и в могилах с двумя погребенными, встречается инвентарь, характерный для женских захоронений.

Половые и возрастные особенности, наблюдаемые при анализе различных погребений Гришкиного Лога, чрезвычайно важны для понимания некоторых особенностей раннетагарского общества, о чем речь пойдет ниже. Здесь же необходимо отметить, что общие черты, свойственные всем видам погребений, позволяют говорить о единстве памятника и дают возможность воссоздать, правда

в общих чертах, картину погребального обряда, характерного для этого времени.

Рассматривая инвентарь всех могил, можно без труда заметить, что в его составе, как и в составе украшений, нет особых вещей. Основной их набор все время повторяется и в общем небогат. Отсюда следует, что специальных вещей, приготовленных для погребения, у ранних тагарцев не существовало и в могилы попадали только те вещи, которые и при жизни всегда находились с их владельцами. А это значит, что умершего хоронили с его повседневными вещами, и следовательно, их набор отражает реальные занятия человека при его жизни в тех случаях, когда об этом можно судить. Видимо, тагарцы считали, что и после смерти умерший будет вести такой же образ жизни, как до смерти. Наиболее наглядным примером этого положения могут служить захоронения мужчин-воинов, похороненных с оружием.

Все это позволяет говорить о том, что после смерти человека его обряжали в обычные для него одежды, хотя не исключено, что последние могли быть и праздничными. В его уборе находились те вещи, которыми он пользовался при жизни и которые являлись его личными вещами, в известной мере отражавшими его место в обществе. Класть с погребенным орудия производства не полагалось, за исключением некоторых особых случаев, как, например, серп с одной из женщин. Поэтому в могилах оказались украшения, зеркала, ножи и шилья, всегда носимые при себе. После обрядования человека укладывали в позу спящего на спине и, видимо, совершали какие-то обряды, связанные с проводами в загробный мир. При этом убивали животных, мясо которых съедали за исключением определенных частей: ноги, лопатки и части грудины с ребрами при погребении клали непосредственно самому умершему.

На кладбище в то же время выбирали участок для сооружения могилы. Можно допустить мысль, что в зависимости от положения человека в обществе и его семейных связей либо строили новую ограду, либо пристраивали ее к уже существующей. Об этом в какой-то мере может свидетельствовать то, что в отдельных курганах оказались погребенными только женщины — к. 14, либо женщины и дети — к. 1, 4, 8, 18, 25, либо мужчины и дети — к. 9, и близкий к нему по составу к. 19, где только в одной могиле было парное погребение, а остальные пять содержали одиночные мужские захоронения (табл. 3).

Для ограды выкапывали ровик, в который ставили плиты, видимо, оставляя в центре одной из сторон проход. Внутри ограды копали могилу и строили каменный ящик. Затем в могилу помещали труп погребаемого, по всей видимости, не на землю, а на специальную подстилку. Погребенного укладывали на спине, головой к ЮЗ, а лицом к СВ, то есть к восходу солнца. Рядом с трупом, чаще всего у головы, помещали горшки с жидкой, скорее всего молочной, пищей или напитками. В ногах ставили миску, в которой также

могло находиться питье. Интересно, что часто горшки, не говоря уже о мисках, изготовленных из разбитых горшков, были разбитыми. Возможно допустить мысль, что с мертвым можно было ставить и мертвые вещи. Все украшения и другие вещи находились непосредственно на одежде погребаемого: у мужчин слева у пояса, у женщин в каком-то мешочке, который чаще всего клали справа от них. На свободных местах в деревянных чашах или на подносах раскладывали оставленные умершему куски мяса либо в одном месте, чаще у ног, либо на нескольких посудилах в разных местах.

По завершении этого могилу закрывали заранее приготовленной плитой или несколькими плитами, а затем сверху все это покрывали дерновой кладкой. Сооружение это было невысоким, видимо, дерновая обкладка являлась своего рода внешней облицовкой, призванной герметически закрыть надмогильное сооружение из камней, между которыми имелись щели. После завершения строительства в стене ограды устанавливалась последняя плита, возможно, в каждой новой ограде или пристройке такой временный вход оставляли с разных сторон для того, чтобы душа погребенного потом не могла его найти.

Внутри оград не найдены кости животных и специально оставленные или разбитые сосуды, которые могли бы указывать на следы тризны. Если и существовали поминальные обряды, то они совершались не на кургане, а где-то в другом месте. Сами создатели могильника больше к могилам не прикасались. Во всяком случае, нет вторичных подправок, дополнительных захоронений в могилах и т. д. Правда, в отдельных случаях ограду использовали для сооружения других могил, но при этом делали их, не затрагивая уже существующую.

Так выглядят общие черты погребального обряда и действий, совершавшихся тагарцами при захоронении умерших.

Выяснение черт погребального обряда, характерного для могильника Гришкин Лог I, имеет важное значение для изучения раннетагарских памятников в целом. До раскопок могильников целиком нельзя было с достаточной определенностью судить о видах тагарских погребений раннего времени, ибо разрозненные отдельные курганы и даже несколько курганов, раскопанных в одном могильнике, не позволяли делать обоснованные выводы в этом плане. Гришкин Лог показал наличие в ранней тагарской культуре совершенно определенных видов погребений. Он также позволил установить их однородность во многих чертах и особенности, зависящие от пола и возраста покойников.

Наиболее важным в этом плане является вывод об однородности погребений. Вывод этот влечет за собой признание того факта, что могильник — памятник относительно короткой эпохи и объективно отражает определенный короткий период истории тагарских племен. Становится совершенно ясным, что на основании отдельных

вещей нельзя его делить на несколько этапов, как это сделала Н. Л. Членова [Членова, 1963, с. 49]. Все захоронения в нем исторически одновременны. Только впускные являются значительно более поздними, и по отношению к основным погребениям могильника их можно рассматривать как чужеродные.

Все остальные погребения представляются монолитными, едиными по своим особенностям. Могильник, следовательно, нужно рассматривать как памятник определенной короткой эпохи в истории раннетагарских племен. На основании его

изучения можно строить выводы о раннетагарском обществе и его истории, а также и о характерных особенностях инвентаря этого времени. Последнее даст возможность привязать к нему ряд ранее раскопанных курганов и выделить, таким образом, объективно памятники короткого исторического периода. Большое значение имеет и установление времени этого периода, однако объективных и независимых данных пока нет. Можно только говорить об относительном месте памятников типа Гришкиного Лога.

ГЛАВА 5. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ОБЩЕСТВА, ОСТАВИВШЕГО МОГИЛЬНИК

Изучение оград, могил, инвентаря и обряда погребения даст возможность всесторонне охарактеризовать культуру населения, оставившего памятник. Но кроме этого в результате такого исследования появляются сведения, проливающие свет на образ жизни, социальные отношения, занятия и хозяйство людей. Это позволяет, опираясь на результаты анализа погребальных памятников, предпринять попытку с их помощью восстановить отдельные стороны конкретной истории людей прошлого.

Однако на пути исследователя встает ряд трудностей. В археологии, особенно когда речь идет о могильных памятниках, это в первую очередь односторонность информации, ибо в памятниках этого рода отражены далеко не все аспекты жизни и быта древних людей. Поэтому переходя к изучению исторических вопросов, нужно сразу сказать, что получить исчерпывающее представление или хотя бы в достаточной степени осветить многие из них на имеющемся материале не удастся.

Правда, можно было бы, используя аналогии из близких культур, попытаться воссоздать общую картину, затронув большинство из интересующих вопросов. Но такой путь необходим тогда, когда речь идет об определенной эпохе и цель работы состоит в том, чтобы дать как можно более полное представление о ней. При изучении же конкретного памятника он непригоден, так как затушевывает бы своеобразие и особенности исследуемого могильника, создал бы неверное представление о его возможностях для решения поставленной задачи и привел бы к не оправданным материалом выводам. Поэтому в настоящей главе будут затронуты только те вопросы, для решения или хотя бы для обоснованной постановки которых имеется материал.

§ 1. Демографические сведения о населении, оставившем могильник Гришкин Лог I

Раскапывая древние могильники, археологи получают не только предметы материальной культуры и сведения о конструкции погребальных памятников и могил, но также и скелеты людей, создателей самого могильника. Обработанные антропологами костные остатки дают дополнитель-

ные сведения для решения многих важных вопросов и позволяют полнее и лучше разобраться в археологическом материале.

Одним из вопросов, который можно решить только имея определения пола и возраста погребенных на кладбище, является демографическое описание оставившего его населения. Такое исследование имеет не только самостоятельное значение, но его результаты способствуют более правильному пониманию условий жизни людей, дают возможность судить о путях развития изучаемого населения, об его обновлении, увеличении или вымирании и, кроме того, содержат дополнительную информацию, необходимую для выяснения вопросов социальной организации конкретного древнего коллектива.

Однако материал, полученный в результате раскопок могильников, всегда несравненно малочисленнее, чем тот, которым оперируют демографы, изучая современное население или же население недавнего прошлого. Поэтому использовать его можно только в очень узких пределах, что не дает возможности применять многие приемы исследования, принятые в демографии. Тем не менее даже те материалы, которыми располагают археологи, если они являются почти или полностью исчерпывающими, позволяют дать общее представление о характере движения древнего населения и некоторых его особенностях.

В этом смысле могильник Гришкин Лог находится в редком для археологических памятников положении. Здесь был антропологами установлен пол и возраст почти всех погребенных, за исключением нескольких случаев, когда от них остались только отдельные не поддающиеся точному определению кости.

В предыдущей главе при анализе погребений были сделаны отдельные дополнения и уточнения в первую очередь в отношении пола похороненных в некоторых могилах. Учитывая данные антропологов и результаты анализа, можно дать общие сведения о почти всех погребенных в этом могильнике, что представлено в таблице IV.

Таблица IV

Основные погребения могильника

Курган	Могила	Пол	Возраст
1	2	3	4
1	15	Жен.(?)	16—20
	16	Жен.	35—55
		Реб.	?
	17	Жен.	взр.
		Реб.	?
2	18	Муж.	55
	19	Муж.	55
		Жен.	35—55
		Реб.	8
3	20	?	?
	21	Муж.	взр.
	22	Жен.	взр.
4	1	Реб.	7—8
		Реб.	7—8
	2	Жен.	40—60
		Реб.	7—8
6		?	?
7		Реб.	5
		Реб.	1.5—3
8	1	Жен.	35—60
	2	Жен.	40—60
	3	Реб.	до 1
9	1	Муж.	55—60
	2	Муж.	35—55
	3	Муж.	16—20
	4	Реб.	10—12
	5	Муж.	18—20
	6	Реб.	6
	7	Реб.	4—6
	8	Реб.	6
	9	Реб.	8—9
10	1	Муж.	20—35
	2	Жен.	35—55
	3	?	?
	4	Муж.	35—55
	5	Реб.	до 2

Продолжение табл. IV

1	2	3	4
11		Муж., жен.	взр.
12	1	Жен.	40—55
	2	Муж.	50—55
		Жен.	20—35
13	1	Жен.	35—55
	2	?	?
	3	Муж.	35—55
13	4	Муж.	35—55
	5	Жен.	20—35
	6	Жен.	55—60
	7	Жен.	взр.
	8	Муж.	40—55
	9	Реб.	8
	10	Реб.	1—1.5
	11	Реб.	1
14	1	Жен.	20
	2	Жен.	20—35
15	1	Жен.	25—30
		Реб.	неродившийся
	2	Муж.	35—40
		Жен.	35—40
		Реб.	10—11
	3	Реб.	?
	4	Реб.	1
16	1	Муж.	30—35
	2	Жен.	20—25
	3	Жен.	27—30
		Реб.	до 1
	4	Жен.	20—25
	5	Муж.	50—55
17	1	Жен.	55—60
	2	?	?
18	1	Жен.	20—25
		Реб.	?
	2	Жен.	20
		Реб.	5—6

Окончание табл. IV

1	2	3	4
19	1	Муж.	18—20
	2	Муж.	45—50
	3	Муж.	60—65
		Жен.	18—20
	4	Муж.	48—53
	5	Муж.	55—60
20	1	Муж.	40—45
		Жен.	40—45
	2	Реб.	8—12
	3	Жен.	55—57
21	1	Муж.	21—25
	2	Муж.	35—55
	3	Жен.	20—35
		Реб.	2—3
	4	Муж.	30
22		Муж.	55—60
		Жен.	55—60
23	1	Муж.	40—45
	2	Жен.	40—45
		Реб.	7—8
	3	Реб.	?
24	1	Муж.	35—55
	2	?	?
25	1	Жен.	22—26
	2	Реб.	3—4

В таблицу включены сведения только об основных погребенных, что было установлено в результате проведенного анализа. Всего в могильнике похоронено 100 человек. Из них 30 мужчин, у 28 из которых определен возраст; 33 женщины, из них у 29 установлен возраст, и 31 ребенок неясного пола, но у 25 из них возраст известен. Кроме того, в 6 могилах осталось невыясненным основное погребение. К сожалению, ни прямым, ни косвенным образом не удалось в подавляющем большинстве случаев установить пол детей.

Тем не менее материалы Гришкиного Лога дают возможность сделать некоторые важные демографические заключения. Этот памятник уже служил объектом изучения в работе А. Г. Козинцева [Козинцев, 1971, с. 148], который пришел к некоторым выводам в отношении смертности и продолжительности жизни у людей, оставивших

могильник. В распоряжении А. Г. Козинцева имелись материалы по нескольким памятникам, что позволило ему сопоставить данные по отдельным объектам. С одной стороны, это дало возможность представить в общих чертах движение тагарского населения, а с другой — несколько его затушевало, так как использовались могильники разного времени и особенности каждого исторического периода не были выделены.

В подсчеты А. Г. Козинцева вошли все погребенные Гришкиного Лога, включая и более поздние, впускные, что очень отразилось на общих выводах. Поэтому следует проанализировать чистый материал и посмотреть, как влияет включение впускных погребений на результаты исследования. Для этого в нижеприведенной таблице V даны сведения о впускных погребениях.

Таблица V

Впускные погребения могильника

Курган	Могила	Пол	Возраст, лет
3	20	Муж.	35—55
		Жен.	35—55
		Жен.	35—55
		Реб.	14
		Реб.	до 1
9	2	Муж.	35—55
		Муж.	20—35
		Муж.	16—17
		Жен.	35—55
		Жен.	35—55
		Жен.	35—55
		Реб.	8
11		Муж.	35—60
12	1	Жен.	20—30
13	8	Жен.	15—20
14	1	Муж.	40—55
		Муж.	40—55
		Муж.	40—55
16	1	Реб.	1.5
		Реб.	1
		Реб.	?
17	2	Жен.	45—48
		Жен.	25—27
		Муж.	30
20	1	Взр.	?
21	2	Реб.	2
		Реб.	5
	3	Реб.	2
	4	Реб.	4
		Реб.	10
		Реб.	?

Всего же среди впускных оказалось 33 погребенных: 12 детей (10 с установленным возрастом), 11 мужчин, 10 женщин, один взрослый неясного пола. Нужно, правда, учесть, что в двух могилах (к. 3, м. 20 и к. 17, м. 2) среди впускных захоронений одно является основным, но установить, какое именно, из-за разрушенности могил не удастся.

Как известно, в демографии используются данные о возрасте, поэтому весь имеющийся материал был разбит на несколько возрастных

групп. Определения возраста погребенных в могильнике Гришкин Лог I сделаны разными антропологами и даны, как правило, описательно, по принятым в советской антропологической литературе градациям: 20—35 лет; 35—55 лет; старше 55 лет. Значительно реже возраст указан в абсолютных цифрах.

Демографией установлено, что характер смертности в раннем детском возрасте отличается от других возрастов, поэтому были выделены три груп-

пы детских погребений: 0—1 (от 0 до 2 исполнившихся лет), 2—9 и 10—14 лет. Четыре возрастные группы выделены для взрослых: 15—19 (от 15 до 20 исполнившихся лет), 20—39, 40—59 и старше 60 лет. Значительное число погребенных имело воз-

раст 35—55 лет. Они были равномерно разделены по двум соседним группам — 20—39 и 40—59 лет (табл. VI). Исходя из тех же принципов даны суммарные сведения возрастных групп как по основным, так и по впускным погребениям (табл. VII).

Таблица VI

Распределение основных погребенных в зависимости от пола и возраста

Возраст	Дети	%	Мужчины	%	Женщины	%
0—1	8	9.8				
2—9	14	17.1				
10—14	3	3.7				
15—19			3	3.7	4	4.9
20—39			8	9.7	13	15.8
40—59			16	19.5	12	14.6
60 и старше			1	1.2		
Всего	25	30.6	28	34.1	29	35.3

Таблица VII

Распределение всех погребенных в зависимости от пола и возраста

Возраст	Дети	%	Мужчины	%	Женщины	%
0—1	13	11.5				
2—9	17	15				
10—14	5	4.5				
15—19			4	3.5	5	4.5
20—39			11	9.7	18	15.9
40—59			23	20.3	16	14.2
60 и старше			1	0.9		
Всего	35	31	39	34.4	39	34.6

Одним из возникающих при изучении демографии древних обществ вопросов является продолжительность жизни. Интерес к нему определяется тем, что продолжительность жизни позволяет представить в общем виде ее условия. По данным А. Г. Козинцева, средняя продолжительность жизни всех тагарцев составляет 26.5 лет, а населения, оставившего могильник Гришкин Лог I, — 29—29.7 лет [Козинцев, 1971, с. 152]. Последняя цифра получена им с учетом всех погребенных в могильнике. Метод А. Г. Козинцева состоит в том, что «продолжительность жизни вычисляется путем умножения середины каждого возрастного класса на долю этого класса» [Козинцев, 1972, с. 25; 1971, с. 152].

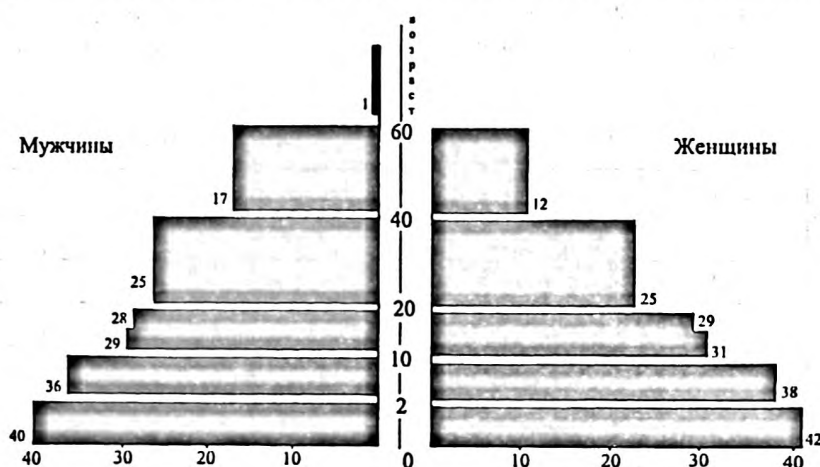
Однако имеется и другой путь для установления продолжительности жизни. В демографии есть понятие «вероятной продолжительности жизни». Для достижения этой продолжительности новорожденный имеет один шанс из двух [Пресса, с. 128]. Отсюда следует, что если имеется какое-нибудь поколение (то есть группа людей, ро-

дившихся в течение одного года, в одно время), то тот год жизни, когда останется половина родившихся, будет являться величиной вероятной продолжительности жизни.

Рассматривая погребенных Гришкиного Лога, можно допустить, что все они относятся к одному поколению. Такое допущение правомочно, так как демографический режим для определенных эпох в общем был неизменным. Правда, сюда могли вмешиваться различные факторы типа эпидемий или войн, но если брать в целом эпоху, то в конечном счете эти колебания нивелировались. Считая, что в раннетагарскую эпоху демографический режим был одинаковым для всех, можно допустить, что в один год родились (в данном случае одновременно) все погребенные в могильнике Гришкин Лог, а затем под действием свойственных ранним тагарцам демографических явлений происходило постепенное вымирание этого поколения. Второе уточняющее допущение необходимо для построения диаграммы Лексиса как для одного человека [Пресса, с. 23 и след.] (табл. VIII).

Таблица VIII

Диаграмма возрастных групп погребенных могильника Гришкин Лог I

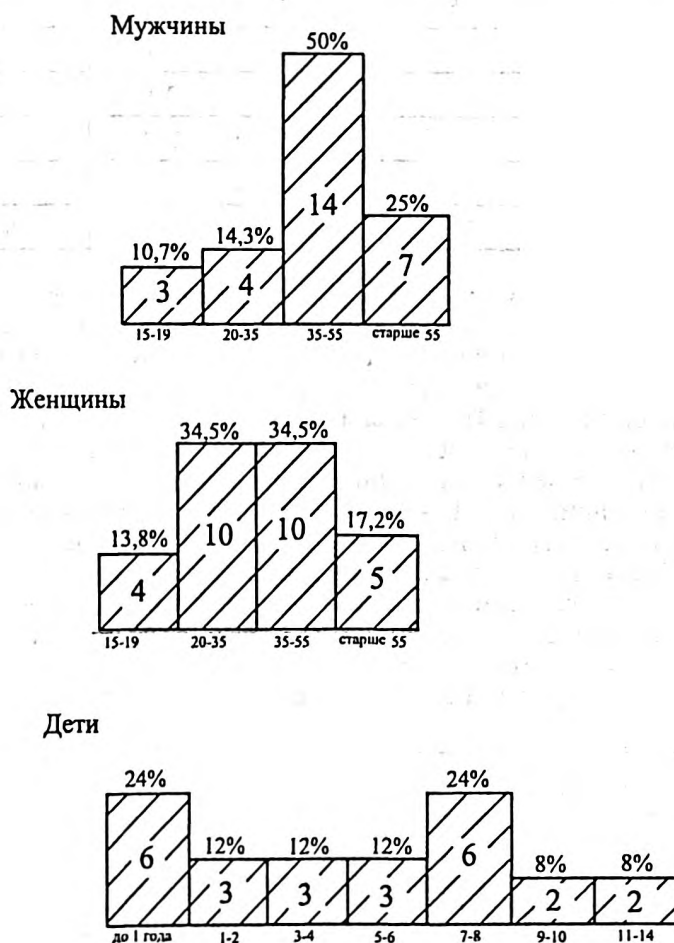

На приведенной диаграмме видно, как от одной возрастной группы к другой происходит вымирание поколения, которое вначале насчитывало 82 человека (в этом случае взяты только основные погребенные). К 20 годам из 82 осталось 50, а к 40 — 29 человек. Отсюда следует, что где-то на протяжении этого периода вымерла

половина родившихся. Считая, что на протяжении всего времени процесс шел равномерно, можно подсчитать, что половина поколения исчезнет к 29 годам. В данном случае это и будет вероятная продолжительность жизни рассматриваемого населения.

Таблица IX

Половозрастная структура могильника Гришкин Лог I

Если в тагарском обществе основные демографические процессы были неизменными, в том числе в первую очередь величина рождений и условия смертности, то можно сказать, что это общество было близко к стационарному населению. В таком населении средняя продолжительность жизни является обратной величиной коэффициента смертности, который равен и коэффициенту рождаемости. В данном случае этот коэффициент будет составлять 34,5 на 1000 человек в год.

Приведенные выше таблицы VI и VII, где все погребенные Гришкиного Лога распределены по возрастным группам, позволяют сделать некоторые заключения о характере смертности в это время, что показано на таблице. На первом графике на горизонтальной оси отмечен возраст в годах, а на вертикальной — количество умерших в разном возрасте, выраженное в процентах ко всем умершим. Из него следует, что в течение двух первых лет жизни умирали около 10 % родившихся детей. На протяжении следующих восьми лет умерли 17 % и около 4 % детей умирали от 10 до 15 лет. В целом же за период детства умирали 30 % родившихся и только 70 % достигали начала взрослого возраста. В первые пять лет этого периода наблюдаются значительные изменения в характере смертности по сравнению с предыдущим пятилетием. Хотя уже здесь начинает чувствоваться возрастание смертности у женщин по сравнению с мужчинами. Но особенно наглядным этот процесс становится на протяжении следующих двух десятилетий в возрасте 20—40 лет. Этот наиболее продуктивный период жизни характеризуется почти двойным перевесом смертности женщин по сравнению с мужчинами. Зато в последний период жизни в зрелом и старческом возрасте мужская смертность превосходит женскую.

Из приведенного графика становится ясным, что для женщин по достижении ими взрослого возраста складывались такие условия, при которых они подвержены большему риску умереть. Если к 15 годам, по данным графика, из 70 % людей, оставшихся в живых, 35 % составляли женщины, то к 40 годам они составляли только около 15 %. Повышенная смертность женщин в этом возрасте, по существующим представлениям, связана с деторождением, которое в условиях первобытного общества, при отсутствии санитарных мер, вызывало преждевременную смерть. Что касается мужчин, то наибольшее их количество умирали в зрелом и старческом возрасте, когда начинали проявляться эндогенные причины, связанные со старением организма.

Превышение смертности мужчин в зрелом и старческом возрасте над смертностью женщин свидетельствует не о том, что женщины меньше подвергались эндогенным причинам смертности, а только о том, что к этому возрасту мужчин оставалось больше и, следовательно, они относительно чаще умирали.

На этом же графике показан рассмотренный выше процесс и с учетом всех захороненных в

Гришкином Логу. Как можно видеть, общая картина не нарушается, а изменения касаются только отдельных конкретных цифр, зависящих от количества имеющихся случаев. Само же изменение смертности по возрастам остается без изменения.

Тот же процесс демонстрирует и второй график, где на горизонтальной оси также отложены прожитые годы, а на вертикальной — количество смертей в каждой возрастной группе в год, исходя из предположения, что для каждой возрастной группы смертность в течение ее периода была равномерной. Точки на графике отмечены в середине каждого возрастного периода. Здесь ясно видно, что после того как новорожденный пережил первые два года жизни, кривая смертности резко снижается до возраста 15 лет. Оставляя пока в стороне характер детской смертности, можно рассмотреть ее процесс у взрослых. Смертность мужчин в 15—20 лет остается на уровне, достигнутом к 15 годам, в следующие же 20 лет сначала понижается, а затем начинает неуклонно расти, достигая максимума в зрелом и старческом возрасте. Женская смертность достигает максимума в 15—20 лет, а затем остается практически неизменной на протяжении всего периода, еле заметно снижаясь к его концу. Аналогичную картину дает тот же график, построенный с учетом всех погребенных. Разница состоит только в абсолютных цифрах в связи с большим количеством наблюдений. Из этого графика видно, что возрастающая смертность мужчин по сравнению с женщинами в последний период жизни связана только с большим количеством доживших до 40—60 лет мужчин.

Третий график, где на горизонтальной оси даны возрасты, а на вертикальной — абсолютные цифры умерших в каждом возрасте, несколько дополняет полученную ранее картину. Здесь также видно, что начиная с 15—20 лет происходит возрастание смертности у мужчин равномерно и постепенно, достигая максимума в старческом возрасте, а у женщин — в зрелом, после чего начинается некоторое снижение, связанное с уже отмеченными причинами. К концу старческого периода женская смертность резко падает, так как только немногие женщины доживали до этого возраста. В начальный же период, начиная с 15 лет, женская смертность растет значительно более быстрыми темпами по сравнению с мужской.

Если на женскую смертность оказывало влияние в первую очередь деторождение, в связи с чем она в продуктивном возрасте резко увеличивалась, то на мужскую, судя по постепенному ее возрастанию, на протяжении всей жизни влияли одни и те же не зависящие от возраста причины. Можно думать, что это связано в первую очередь с образом жизни и занятиями мужского населения.

Рассмотрение процесса смертности у тагарцев Гришкиного Лога будет не полным, если обойти вопрос о ее проявлении в детском возрасте. На третьем графике детская смертность представлена абсолютными цифрами умерших в том или ином

возрасте. Она выглядит как постепенное увеличение количества умерших от группы 0—2 года к группе 2—9 лет, а затем как резкое снижение к группе 10—14 лет. По существу, близкую картину дает и первый график, где количество умерших дано в процентах. Здесь также происходит нарастание от 9,8 % в первой возрастной группе к 17 % во второй. Однако, давая количественное выражение случаев смерти в детском возрасте по отношению к другим возрастам, эти графики не раскрывают существа процесса и даже внешне противоречат обычным представлениям об его характере. На первый взгляд они свидетельствуют о возрастании смертности во второй детской группе. На самом же деле процесс был прямо противоположным.

Демографией установлено, что как в древности, так и даже в настоящее время пик детской смертности приходится на младенческий возраст, когда на нее оказывают влияние эндогенные причины, связанные с самим процессом рождения и нежизнеспособностью организма. С окончанием действия эндогенных причин относительно возрастает зависимость смерти от экзогенных причин, так как последние действовали и одновременно с первыми. Следовательно, прекращение действия первых приводит к уменьшению детской смертности.

Рассматривая детскую смертность в первые два года жизни, можно видеть, что она относительно очень велика. Действительно, за 2 года умирали почти 10 % родившихся. В этом возрасте, как свидетельствует демография, большинство смертей приходится на начало периода, а к концу его смертность понижается. За второй период, охватывающий 8 лет, умирали всего 7 %, то есть каждые два года умирало в 4 раза меньше детей, чем за первые два. Постепенное и неуклонное снижение детской смертности по прошествии первых двух лет жизни наглядно демонстрирует второй график, где ясно видно, что после того как ребенок пережил первый период, детская смертность неуклонно падает и достигает своего минимума в возрасте между 10—15 годами.

По материалам Гришкиного Лога не удастся отметить какого бы то ни было повышения смертности в один из более коротких периодов детства, что было отмечено А. Г. Козинцевым [Козинцев, 1971, с. 149]. Такая картина могла получиться в силу неполноты материала и слишком дробного деления по возрастам. Во всяком случае, объективных причин, которые могли бы действовать избирательно только в возрасте 8—9 лет, приводя к повышенной смертности именно в этом возрасте, не наблюдается.

Картина, которую рисует второй график, соответствует характеру детской смертности, отмеченному демографами. Только с переходом ребенка в группу взрослых появляются действующие в этой возрастной группе новые причины, которые постепенно приводят к повышенной смертности.

Несомненный интерес при изучении демографии тагарского населения, оставившего могильник Гришкин Лог, представляет его возрастная структура. Обычно для выяснения этого вопроса строят возрастную пирамиду, но имеющийся материал не позволяет использовать этот прием, так как отсутствуют сведения о половой принадлежности детей. Вместе с тем сделать некоторые заключения о возрастной структуре все же возможно, исходя из наличных данных.

В тагарском обществе, как и в других, действуют свойственные каждому обществу особые причины, заставляющие население вымирать в определенной последовательности. Следовательно, в результатах этого процесса отражается и структура реального населения. Если вспомнить первое допущение, то есть рассматривать всех тагарцев как относящихся к одному поколению, то живой коллектив мог состоять из следующих трех классов, характеризующих возрастную структуру:

от 0 до 15 лет было 30,5 %,
от 15 до 40 лет было 34 %,
от 40 и старше было 35,3 %.

Такая структура свидетельствует о старом населении, но в данном случае это распределение недостаточно точное. Дело в том, что в последнюю группу попало значительное количество людей, относящихся еще к активному населению, способному к воспроизводству. Приведенные данные обусловлены только грубыми границами определенного возраста. Если же считать, что переходным рубежом от зрелости к старости был возраст в 50 лет, то тогда получается, что:

молодых — до 15 лет, — было 30,5 %,
зрелых — до 50 лет — было 46,1 %,
старых — старше 50 лет — было 17,1 %.

Соотношение зрелых и старых возрастов является показателем обновления населения. Если оно меньше 1, то такое население является вымирающим, так как не происходит замещения более старых молодыми. При данных подсчетах можно говорить, что тагарское население развивающееся, так как указанное соотношение равно 2,7 %.

В приведенных расчетах учитывались только данные по основным погребениям могильника. Если же взять всех погребенных, то разница будет практически незаметной, так как составляет десятые доли процента.

Таким образом, изучение демографии тагарского населения по данным могильника Гришкин Лог I позволило получить некоторые сведения о характере смертности, продолжительности жизни и возрастной структуре населения.

§ 2. Вопросы социальной организации

Изучая определенный древний коллектив, в данном случае оставивший могильник Гришкин Лог I, небезынтересно выяснить особенности его социальной организации, а также занимаемое место и роль отдельных групп людей в его общественной жизни.

Социальная структура общества является показателем степени развития общественных отношений. В настоящее время представления о них в раннетагарское время базируются на самых общих соображениях, ибо разрозненные факты, полученные в результате раскопок отдельных курганов в различных могильниках, не могут достаточно объективно говорить о конкретных чертах тагарского общества. Только анализ целиком раскопанного памятника содержит в себе информацию, способную показать более или менее правильно соотношение отдельных социальных или производственных групп в составе древнего населения.

Могильник Гришкин Лог является, пожалуй, первым памятником, позволяющим поставить и рассмотреть вопросы социальной организации. Основными материалами для ее изучения являются данные анализа погребального обряда, вскрывшего некоторые особенности в деталях погребений отдельных членов этого древнего коллектива, свидетельствующие о том месте, которое занимал тот или иной человек. Кроме того, значительную помощь оказывают и демографические сведения. Дело в том, что причины экзогенной смертности в разных группах населения действуют по-разному. Если такие общие для всех экзогенные причины, как эпидемии, в равной степени характерны для всего населения, то другие действуют избирательно и прямо связаны с местом, занимаемым человеком в социальной или производственной системе. Примером может служить воин, который подвержен большему риску смертности в связи с родом своих занятий, чем рядовой общинник, занимающийся только скотоводством или земледелием.

Естественно, что подобные вещи могут заметно проявиться в больших популяциях, в то время как в мелких они почти незаметны. Но различия в смертности мужчин и женщин являются более яркими и опять-таки связаны с той ролью, которую они играют в жизни древнего коллектива, поэтому на них действуют разные внешние причины смертности.

Учитывая эти общие замечания, можно перейти к анализу материалов могильника Гришкин Лог. Однако ожидать выяснения всех сторон социальной и семейной организации населения не приходится, хотя некоторые из них можно поставить и рассмотреть.

При изучении погребального обряда была выделена устойчивая группа захоронений женщин и детей в одной могиле. Ясно, что такие погребения не являются случайными. Они, видимо, отражают какие-то реальные отношения, связывавшие этих погребенных при жизни. Можно допустить мысль, что здесь имеют место погребения матери и ребенка, хотя доказать объективно их прямое родство невозможно. Но так или иначе все женщины древнего коллектива являлись матерями, так как основным их назначением было воспро-

изводство потомства, если, конечно, некоторые из них в силу каких-то причин не были бесплодны. Даже если женщина не являлась матерью того ребенка, который лежит с ней в могиле, то и тогда ее можно считать матерью, так как она должна была относиться именно к этой общественной группе в силу принадлежности к женскому полу. Поэтому такие погребения можно рассматривать как одновременные захоронения матерей и детей.

Одновременность подобных захоронений доказывается археологически. В сохранившихся могилах нет никаких нарушений, что обязательно наблюдалось бы при последовательном захоронении. Поэтому можно считать, что их смерть наступила одновременно.

В могилах, где находились рассматриваемые погребения, захоронены женщины и дети разных возрастов. В них встречены как молодые, начиная от 20 лет, так и старше — до 40—60 лет. Нужно отметить, что возраст многих женщин определен в широких пределах, так что точно сказать, сколько им было лет к моменту смерти, затруднительно. Правда, можно предполагать, что женщина не может быть моложе нижнего возрастного предела, определенного антропологами, поэтому для дальнейших подсчетов будут использованы нижние границы возраста.

Что же касается детей, то они в этих могилах представлены от младенцев до 10—11 лет. Их возраст определен со значительной точностью, часто в пределах года, поэтому при подсчетах берется верхний предел определенного антропологами возраста.

Такой выбор данных диктуется необходимостью попытаться установить наименьший возможный возраст женщины, когда она могла в тагарское время стать матерью. Не каждое погребение женщины и ребенка может дать ответ на этот вопрос, так как там, где похоронены зрелые или старые женщины, удастся установить только приблизительный их возраст, когда мог родиться лежащий с ними ребенок. Значительно больший интерес представляют молодые матери. Отнимая от их возраста возраст погребенных с ними детей, можно вычислить, сколько лет было женщине, когда она стала матерью.

Об этом лучше всего можно судить по двум могилам. В одной из них, м. 2 к. 18, погребена женщина 20 лет и ребенок 5—6 лет. Здесь, учитывая сказанное выше, женщина могла родить в возрасте 14 лет. Во второй могиле, м. 3 к. 21, с женщиной 20—35 лет находился ребенок 2—3 лет. Аналогичные первому подсчеты дают возраст 17 лет. Однако между рождением ребенка и вступлением женщины в брак должен был пройти нейтральный период в 9 месяцев. Следовательно, начало брачного возраста должно быть отодвинуто еще минимум на этот срок. Однако, как показывают подсчеты при наблюдениях над данными, полученными в обществах, не практикующих искусст-

венного ограничения рождения, например, у французов в Канаде в XVIII в., период от вступления в брак до первого рождения варьирует в среднем между 15 и 17 месяцами [Пресса, с. 245]. Связано это с явлением пониженной плодовитости женщин в молодом возрасте, известным под названием «бесплодия незрелых женщин». Нам неизвестен период полового созревания тагарских женщин, но все же использовать при подсчетах данные населения, не ограничивающего рождения, по-видимому, стоит. С учетом этих данных (15 месяцев) в первом случае женщина могла вступить в брак в 12,5 лет, а во втором — в 15,5 лет. Такие ранние браки в недавнем прошлом широко известны у многих отсталых народов [Плосс, 1898, с. 407 и след.] и не могут вызвать особых возражений. Но в данном конкретном случае необходимо учитывать и то обстоятельство, что возраст женщин определен недостаточно точно, так что возможны некоторые колебания в сроках начала брачного возраста.

Некоторые уточнения начала брачного возраста у женщин Гришкиного Лога дает анализ второго графика (табл. X). Если сравнить смертность детей в 10—15 лет со следующим возрастом — 15—20 лет, то можно ясно видеть, что для мужчин в 15—20 лет она остается неизменной по сравнению с предыдущей возрастной группой, в то же время в этом возрасте увеличивается смертность женщин. Следовательно, в их жизни происходят серьезные изменения, приводящие к повышенной смертности. Такими, свойственными только женщинам, внешними причинами могут быть, как уже отмечалось, роды. О том, что именно они являлись одной из самых важных причин смерти, может наглядно свидетельствовать пример погребенной женщины из м. 1 к. 15, на тазовых костях которой находились кости скелета младенца. Можно с большой долей вероятности считать, что в данном случае смерть женщины наступила в связи с ее беременностью или даже родами.

Но возрастание смертности женщин в 15—20 лет указывает на то, что в этом возрасте они могли становиться матерями. Следовательно, брачный возраст, по этим данным, должен начинаться где-то около 15 лет, а может быть и несколько раньше.

Таким образом, имеется совпадение в результатах, полученных путем подсчета лет по возрасту матери и ребенка и по данным демографического анализа. А это позволяет более определенно говорить, что где-то около 15 лет начинался брачный возраст у тагарцев Гришкиного Лога.

Выходя замуж и становясь матерью, женщина выполняет, пожалуй, самую важную функцию — воспроизводство людей. То, что рассматриваемое общество развивалось, было показано при анализе демографических явлений. Однако интересно хотя бы приблизительно выяснить, сколько могло быть детей у тагарских женщин. А. Г. Козинцев пред-

принял такую попытку, сопоставив количество умерших детей и женщин, и пришел к выводу, что каждая женщина должна была родить минимум троих детей, а учитывая различные отрицательные факторы, он считает, что эту цифру нужно увеличить вдвое [Козинцев, 1971, с. 151]. Подобные расчеты проводятся с живыми людьми, при небольших популяциях имеет значение показатель отношения наиболее молодых возрастов к женщинам [Пресса, с. 353]. Археология же имеет дело с умершими. Тем не менее интерес к этому вопросу остается, и следовательно, необходимо найти пути для его решения.

Хотя нет уверенности в том, что приводимые ниже расчеты являются совершенно правильными, можно попытаться вычислить количество детей в среднем на одну женщину. Изучение популяций недавнего прошлого, где не применялось искусственных мер для предотвращения беременности, показало, что между предыдущим и каждым последующим рождением проходит определенное количество месяцев, зависящее от разных условий: выживание ребенка, время кормления и т. д. Причем интервалы эти во времени колеблются, и обычно последние более продолжительны, чем первые. В среднем же можно считать, что промежуток между рождениями равен примерно 25 месяцам [Пресса, с. 245 и след.].

Если представить себе, что с момента вступления в брак и до смерти или до момента, когда женщина в силу физиологических причин становится бесплодной, она продолжала все время рожать, то можно по количеству прожитых ею месяцев, начиная с 15 лет, вычислить, сколько она теоретически за это время могла иметь детей. Подсчеты эти чрезвычайно условны и приближительны, так как могло быть много причин, которые приводили женщину к бесплодию. Но в данном случае можно предположить, что все умершие и похороненные в Гришкином Логу женщины не были бесплодны и производили на свет одного ребенка за другим в течение всей своей жизни до 40 лет. Следовательно, можно, беря наименьший определенный антропологами предел возраста, подсчитать, сколько та или иная женщина, начиная с 15 лет, могла произвести на свет детей, учитывая 25-месячный промежуток между рождениями, что представлено в таблице X.

Разделив количество детей на количество женщин, можно получить искомую цифру. Она будет равна 6. Получается, что в среднем на каждую женщину должно было приходиться до 6 детей. Однако, как видно из таблицы, примерно несколько меньше половины их достигали этого уровня, другие же умирали значительно раньше. Видимо, среди семей тагарцев, живших в поселке, чьим могильником был Гришкин Лог, были семьи как многодетные, так и с небольшим количеством детей.

Таблица X

Количество детей, которых могли родить все женщины,
похороненные в могильнике Гришкин Лог I

Наименьший возраст, лет	Количество случаев	Возможный промежуток между родами, мес.	Количество рожденных детей
16	1	12	1
18	1	36	1.4
20	10	60	2.3
22	1	84	3.2
27	1	144	5.4
35	6	240	9
40	9	300	11
Всего	29		187

В этом обществе существовал как бы замкнутый круг. С одной стороны, значительная смертность женщин и в общем небольшая средняя продолжительность жизни приводили к тому, что взрослыми люди становились в относительно молодом возрасте. Женщина считалась взрослой по достижении 15 лет, возраста, когда ее организм не был еще достаточно сформированным и крепким, а это, в результате ранних браков, являлось прямой причиной преждевременной их смерти, что приводило к нехватке женщин. В целом можно жизнь тагарской женщины разделить на три больших периода: период детства — до 15 лет, период активной жизни, если она не умирала, — от 15 до 40—45 лет и старость. Видимо, с таким делением связывалось и ее участие в общественной и производственной сфере и выполнение ею определенных функций.

В процессе воспроизводства населения принимали участие и мужчины, однако их роль в нем могла быть им и неизвестной. И если связь матери и ребенка осознавалась тагарцами, что нашло выражение в совместных погребениях, то связь мужчин и детей отражения в погребальных памятниках почти не нашла. Роль мужской части населения проявлялась в первую очередь в хозяйственной и социальной жизни тагарского общества. Именно эта сторона фиксируется в погребениях.

Сообщая о результатах раскопок могильника Гришкин Лог I на ежегодном Пленуме в Москве в 1961 г., автор высказал мысль о том, что все мужчины, погребенные на кладбище, не только занимались непосредственно хозяйством, но также являлись воинами. Основой для такого заключения послужили неразграбленные могилы с оружием и большое количество мужских погребений, частично или полностью разрушенных. Предполагалось, что первоначально и в них могло находиться оружие, которое было позже украдено. Сейчас же, в результате анализа погребений, эту мысль нужно считать неверной.

Рассматривая сохранившиеся мужские погребения, можно видеть, что в некоторых нетронутых

грабителями могилах лежат мужчины без оружия. Таких на кладбище оказалось 5 могил, в них найдены ножи, бляшки, горшки и кости животных. Совершенно ясно, что никаких других вещей с ними не было. Возраст погребенных различный — от 18 до 60 лет, то есть в них представлены все возрастные группы. Это позволяет говорить, что в данных могилах погребены рядовые мужчины, занятые непосредственно в хозяйстве поселка.

Наряду с ними имеются две неразрушенные и одна разграбленная могилы, где найдены предметы вооружения. Две первые содержали одиночные мужские захоронения, а последняя — парное. Инвентарь этих погребений богаче, из них происходят 2 зеркала, 2 чекана, 2 кинжала и вток, нож, бляшки, по 2 горшка, кости барана и коровы. Этот набор вещей не оставляет сомнения, что в данном случае погребены воины. В разрушенном парном погребении, где найден только вток, можно предполагать первоначальное нахождение и чекана, позже украденного. Возраст погребенных воинов от 30 до 50 лет.

Возможно допустить, что некоторые разрушенные могилы могли содержать аналогичные захоронения, однако никаких свидетельств этому нет. В других же, судя по находкам отдельных вещей, лежали рядовые общинники.

Несколько особняком стоит м. 8 к. 13, где обнаружено полуразрушенное погребение с необычными вещами: каменным амулетом, псалием, кочедьком и двумя подвесками из клыков лисы. В ней не оказалось оружия и в то же время набор вещей отличался от всех остальных могил. Присутствие же в ней культовых предметов позволяет высказать мысль, что в данном случае имеет место захоронение человека, отправлявшего и при жизни религиозные обряды. Возраст его зрелый — 40—55 лет.

Рассмотренные три вида мужских захоронений позволяют высказать несколько соображений о социальных отличиях в тагарском обществе Гришкиного Лога. Из них можно заключить, что общество было неоднородным, в нем ясно видно

разделение общественных функций. Наиболее многочисленную группу составляли рядовые общинники, в обязанности которых входило занятие сельским хозяйством, в первую очередь, видимо, скотоводством. Судя по тому, что среди них имеются люди всех возрастов, нужно думать, что мужчина, переходя в группу взрослых, начинал заниматься хозяйством.

Вторую группу составляли воины, в обязанности которых входила охрана общинной собственности. Судя по небольшому количеству воинов, погребенных на кладбище, нужно думать, что они исполняли свои функции не только по отношению к их родному поселку. По всей видимости, они являлись «дружинниками» какого-то племенного объединения, охватывавшего несколько поселков, из жителей которых и состояла «дружина». После смерти воинов могли хоронить на их родовом кладбище. Пока невозможно говорить о том, передавалась ли эта общественная функция по наследству от отца к сыну, так как в изучаемом могильнике нет молодых воинов, только что перешедших в группу взрослых людей. Скорее всего можно считать, что воинами становились наиболее сильные, зрелые люди. Их особое положение подчеркивается только погребенным с ними инвентарем, указывающим на род их основных занятий. В то же время в конструкции могил и оград никаких особых отличий нет. Их захоронения внешне ничем не отличаются от погребений рядовых членов общества. Это в известной мере может косвенно указывать на то, что наследственной передачи функций еще не было. Не было еще и ярко выраженной имущественной дифференциации, которая начинает себя проявлять со следующего, подгорновского этапа и расцветает уже на сарагашенском, судя по наличию богатых и внешне отличающихся от рядовых курганов.

Третий вид захоронений — это погребение человека, отправлявшего культ. Видимо, в каждом поселке имелся человек, в обязанности которого входило заниматься религиозными действиями. Был ли это старейшина, шаман или колдун — сказать трудно, но то, что он занимал особое положение — несомненно, хотя его конкретные обязанности и недостаточно ясны.

Рассмотрение мужских погребений показывает, что раннетагарское общество четко делилось на социальные группы, каждая из которых исполняла свои особые общественные функции. Поселок содержал воинов, которые непосредственно хозяйством не занимались. Если бы функции воина и пастуха были совмещены, то это нашло бы выражение и в погребальном обряде, и в инвентаре.

Таким образом, жизнь тагарца, после того как мальчик переходил в группу взрослых мужчин, начиналась с участия его в хозяйственной деятельности. Наиболее сильные и подготовленные при достижении соответствующего возраста могли стать воинами, но основная часть мужчин продолжала заниматься сельским хозяйством. И

только отдельные люди, видимо, в силу еще только своих личных качеств, становились служителями культа.

Последняя группа погребений, дающая некоторую информацию об организации тагарского общества, — это захоронения детей. Здесь совершенно четко проходит граница между похороненными с инвентарем и без него. Граница эта возрастная. Все дети до 6 лет не имеют инвентаря, а старше этого возраста лежат с ним. Правда, инвентарь этих могил, как и наличие пищи, не дает возможности дифференцировать погребения по полу, хотя в отдельных случаях, где в детской могиле оказались украшения, можно говорить о захоронении девочек. Но таких погребений немного. Единственный объективный вывод из этого наблюдения состоит в том, что возраст 6 лет являлся переломным. Ясно, что у тагарцев существовали две группы детей — до 6 лет и старше. Возможно, что была и еще одна группа детей — более старшего возраста, но она в погребениях не отмечается.

Детские погребения, видимо, несут в себе и еще дополнительную информацию, значение которой пока остается неясным. Но отметить ее необходимо.

В могильнике, как было показано, имеется два вида детских погребений — захоронений с матерью и отдельно. Естественно допустить, что если смерти были одновременны, то ребенка хоронили с женщиной, а в других случаях — отдельно. Однако могут быть и другие объяснения этого явления.

Можно было бы предположить, что до определенного возраста ребенка хоронили с матерью, а в более старшем возрасте — отдельно. Однако такому предположению противоречит возраст погребенных с женщинами детей, так как в этих могилах лежат дети от 1 до 10—11 лет. И такие же возрастные пределы имеют дети, погребенные отдельно.

В Гришкином Логу имеется три вида курганов, отличающихся половозрастным составом погребенных. В курганах 1, 4, 8, 14, 18, 25 погребены только женщины и дети или женщины с детьми в одной могиле. В кургане 9 — только мужчины и дети. В остальных — смешанные захоронения. Является ли отмеченное положение случайностью, или за ним кроется определенная закономерность, на материалах могильника решить пока нельзя.

Можно, правда, высказать предположение, что девочек хоронили с женщинами, а мальчиков — отдельно. В могильнике имеется 18 одиночных погребений, причем 7 из них — дети до 2 лет. С женщинами же похоронены 10 детей. Известно, что мальчиков рождается больше, чем девочек, и что мальчики в раннем возрасте умирают в большем количестве, так что это неравенство в конце концов выравнивается. Если видеть в отдельно похороненных детях мальчиков, то к 10—15 годам количество мальчиков и девочек стано-

вится примерно одинаковым, о чем можно судить по количеству умерших в этом возрасте, которое одинаково. С этих позиций можно объяснить и появление кургана 9, где лежат мужчины и дети-мальчики. Все сказанное выше призвано не решить вопрос, а только обратить внимание на наблюдаемое явление.

В целом, анализ погребений в социальном плане позволяет сделать некоторые общие заключения о структуре общества. В нем четко видны половые и возрастные отличия. Дети по возрасту делятся как минимум на две группы — до 6 лет и старше. Можно предположить, что, начиная с этого возраста, мальчиков готовят к будущему исполнению ими обязанностей взрослых мужчин, а девочек — к исполнению обязанностей женщин. Начиная с 15 лет, дети переходят в группу взрослых людей. Девочки выходят замуж и становятся матерями, мальчики начинают заниматься общественно полезным трудом. Наиболее выдающиеся из них по достижении зрелого возраста становятся воинами, а некоторые и старейшинами в данном микроколлективе. До старости доживали немногие, и эта немногочисленная группа состоит в основном из стариков, в то время как старых женщин почти нет.

Несмотря на отсутствие имущественной дифференциации, можно все же говорить, что общество было неоднородным, что в нем, несомненно, существует социальное расслоение и четкое разделение общественных функций. Появление особой группы воинов свидетельствует о зарождении у тагарцев военной демократии и, соответственно, о патриархальных отношениях.

Таким образом, данные погребального обряда и демографии, позволившие в общих чертах представить структуру тагарского коллектива, являются полноценным источником для реконструкции социальных отношений древности.

§ 3. Вопросы датировки могильника

Говоря о времени функционирования могильника Гришкин Лог, нужно отметить, что этот вопрос можно рассматривать в двух аспектах. Во-первых, установление хронологических границ этапа тагарской культуры, к которому относится этот могильник, и во-вторых, выяснение точной даты самого памятника. В литературе уже назывались обе даты, и в дальнейшем они будут детально рассмотрены.

Прежде чем пытаться установить точное время памятника, необходимо выяснить его относительное место среди других. По единодушному мнению всех исследователей, Гришкин Лог I относится к начальному этапу тагарской культуры. Принадлежность его к этому периоду была установлена первоначально на основании трех курганов, раскопанных С. А. Теплоуховым. По сходству их инвентаря с другими отдельными курганами этот могильник был отнесен к раннетагарской группе С. А. Теплоуховым, С. В. Киселевым, М. П. Гряз-

новым, а Н. Л. Членова отнесла его даже к группе предтагарских памятников [Членова, 1972, с. 130].

В то время, когда определяли относительное место памятника по трем раскопанным на его территории курганам, сопоставление их с другими отдельными курганами иных могильников было закономерным. Сейчас же, когда могильник раскопан целиком и является пока единственным крупным комплексно исследованным памятником, его не нужно сопоставлять с другими отдельными курганами либо последние с Гришкиным Логом. Дело в том, что ни в одном другом из известных раннетагарских памятников нет такого разнообразия инвентаря, что определяется, конечно, только степенью изученности памятника. Поэтому отдельные курганы и не полностью изученные могильники могут найти себе полные аналогии в инвентаре и особенностях могильника Гришкин Лог, в то время как при обратном сопоставлении создается впечатление, что материалы Гришкиного Лога отличаются от других памятников. А это рождает совершенно неверные хронологические представления, так как индивидуальные черты отдельных курганов необоснованно принимаются некоторыми исследователями за хронологические особенности [Членова, 1963; 1972].

Как показало все исследование, комплекс Гришкиного Лога един. В нем нет черт или вещей, которые резко выделялись бы и могли служить показателем разновременности. Единство и, следовательно, кратковременность функционирования памятника делает его эталоном, позволяющим с его помощью выделять среди других аналогичные ему комплексы. Это можно было бы сделать уже сейчас, однако выявление полностью аналогичных памятников не является целью настоящей работы. Кроме того, относя Гришкин Лог к начальному — байновскому этапу, нужно сказать, что сейчас он уже не выглядит так однородно, как это было еще несколько лет назад. На очереди стоит специальное исследование всех известных ранее и раскопанных в последние годы близких по материалу памятников, чтобы можно было объективно разделить их на более четкие группы.

Но прежде чем это делать, необходимо исследовать имеющиеся теперь целиком раскопанные другие раннетагарские памятники, ибо повторение закономерностей, наблюдаемых на материалах Гришкиного Лога, если оно будет отмечено и в других могильниках, явится тем основным аргументом, который заставит отбросить субъективный подход при распределении памятников по хронологическим или иным группам. Привлечение же материалов других курганов для решения вопросов датировки Гришкиного Лога ничего нового в настоящее время дать не может, так как это уже неоднократно делалось другими исследователями.

Несомненно, однако, что могильник Гришкин Лог является одним из ранних памятников тагар-

ской культуры, что можно считать строго установленным.

При создании первой научной классификации древностей Минусинской котловины С. А. Теплоухов разделит тагарскую культуру, которую он называл минусинской курганной, на четыре последовательных этапа. В общих границах она была датирована в пределах I тыс. до н. э. [Теплоухов, 1929б, с. 46—49].

Более детальная датировка была дана С. В. Киселевым. Он, опираясь на скифские и ананьинские аналогии, разделит тагарскую культуру на три этапа и датировал наиболее ранний из них X—VII вв. до н. э. [Киселев, 1929, с. 259]. Эта первая классификация С. В. Киселева была неудачной, поэтому он в своей монографии предложил другую, молча отказавшись от более ранней. Первую стадию в новой работе С. В. Киселев датирует VII—V вв. до н. э. В основе датировки лежат аналогии клевцам из Ананьинского могильника, сходство и параллельность развития стрел с древнескифскими и параллельность в развитии мотивов звериного стиля [Киселев, 1951, с. 250—251, 190, 192].

Несмотря на то что с этой датой раннетагарских памятников согласились все исследователи, в основе датировки лежит серьезная методическая ошибка. Она очень ярко проявилась в первой работе С. В. Киселева, но оказалась затушеванной во второй. Речь идет о том, что прежде чем утверждать строгую параллельность развития форм наконечников стрел в Минусинской котловине и у скифов Причерноморья и сопоставлять их, необходимо установить последовательность развития форм стрел в Минусинской котловине независимо от скифских аналогий путем. Ибо при расставлении по скифской шкале наконечников стрел, а следовательно и комплексов, где они найдены, создается искусственная последовательность памятников Сибири. Это и привело С. В. Киселева к тому, что в первом его этапе оказались разные по времени памятники, а характеристика начального этапа в конечном счете недостаточно верна.

Более правильное деление раннетагарских памятников сделано М. П. Грязновым в рукописи «Минусинская курганная культура». М. П. Грязнов делит ранние памятники на два этапа — баиновский и подгорновский, объединенные С. В. Киселевым в одну стадию. Время баиновского этапа, по М. П. Грязнову, VII—VI вв. до н. э. Эту дату он приводит в связи с датировкой памятников большереченского этапа, где сопоставляет последние с могильниками Минусинской котловины (там же дан и их перечень) и памятниками Алтая май-эмирского этапа [Грязнов, 1956, с. 70—71]. Эта же дата приводится М. П. Грязновым и в более поздних работах [Грязнов, 1965, с. 62; 1968б, с. 187].

Вопросами датировок раннетагарских памятников много занималась Н. Л. Членова. Построив таблицу, в которой сопоставляются названия мо-

гильников с различными видами вещей, найденных в них, она разделила памятники на 4 этапа. Поводом для отнесения к определенному этапу того или иного памятника служила степень близости его инвентаря к карасукскому или тагарскому. При этом она некритически пользуется терминами «карасукский» и «лугавский». Так, бронзовые коленчатые ножи лугавского этапа она называет карасукскими, хотя последние никогда в собственно карасукских памятниках не встречаются. Аналогично она поступает и с другими вещами. В результате создается произвольная культурная атрибуция отдельных предметов, в том числе и тех, которые лежат в основе ее таблицы, что серьезно запутывает все построения.

Таким путем ею выделены баиновский — X в. до н. э., ильинский — IX в. до н. э., кокоровский — VIII—VII вв. до н. э. этапы и раннетагарские памятники VII—VI вв. до н. э. [Членова, 1961, с. 279; 1963, с. 48].

Позже Н. Л. Членова отказалась от этой периодизации и датировки ранних памятников тагарской культуры, предложив новую, согласно которой выделенные ранее группы памятников не являются этапами, а отражают разную степень влияния на тагарские памятники со стороны карасукской культуры, которая, по Н. Л. Членовой, доживает до VII—VI вв. до н. э. [Членова, 1972, с. 88]. Она выделяет баиновскую группу VIII—VII или VIII—VI вв. до н. э., подкунинско-кокоровскую VII в. до н. э., смешанные карасукско-тагарские памятники VII—VI вв. до н. э. и раннетагарские с карасукско-тагарскими пережитками VII—VI вв. до н. э. [Членова, 1972, с. 129]. Не рассматривая здесь ни оснований для выделения названных групп памятников, ни конкретных датировок их, нужно сказать, что общие границы ранних тагарских памятников в первом случае были ею определены как X—VI вв. до н. э., а во втором — VIII—VI вв. до н. э. То есть в конечном счете Н. Л. Членова дает примерно ту же дату для раннетагарских памятников, что и другие исследователи, только несколько удревяя их начало.

Так как все исследователи относят Гришкин Лог I к числу раннетагарских памятников, то, следовательно, к нему применима та датировка, которая для них принята, т. е. могильник должен относиться к VII—VI вв. до н. э. Эта датировка, признанная всеми, все же, как было показано, не имеет бесспорных доказательств. Вместе с тем, по общим современным представлениям, эта дата кажется наиболее вероятной.

Если в распоряжении исследователей не оказалось достаточного материала даже для установления времени группы памятников, относящихся к раннему этапу, то для конкретной датировки Гришкиного Лога данных еще меньше. Поэтому такой вопрос можно было бы и не рассматривать. Но могильник Гришкин Лог в литературе еще до публикации получил свою персональную дату, и это вынуждает остановиться на ее обосновании.

После раскопок 1958 г. М. П. Грязнов в отчете о них отнес могильник к VII—VI вв. до н. э., не приводя развернутой аргументации этой даты, а исходя из уже сложившихся у него представлений о времени байновского этапа тагарской культуры, одним из представителей которого он считал этот могильник. Позже, в информации об экспедиции, он, сохраняя ту же дату, утверждает, что вещевой материал этого могильника «принадлежит частью к поздним формам байновского этапа, частью формам, вполне характерным уже для следующего подгорновского этапа» [Грязнов, 1965, с. 62, 68, 69].

Несколько дат для отдельных могил Гришкиного Лога, раскопанных еще С. А. Теплоуховым, приводит в своих работах Н. Л. Членова. Так, в статье о памятниках переходного карасукско-тагарского времени она говорит, что этот могильник не укладывался в ее шкалу и поэтому был разбит на два комплекса: более ранний (м. 15—17) и более поздний (м. 18—22), т. е. если использовать общую нумерацию, курган 1 — ранний, а курганы 2 и 3 — поздние [Членова, 1963, с. 49]. В таблице 1, где сопоставляются названия могильников с их инвентарем, в этой же работе м. 15—17 помещены в ильинский этап — IX в. до н. э., а м. 18—22 — в раннетагарские памятники VII—VI вв. до н. э. В таблице 2 те же названия сопоставляются с конструкциями и обрядом. Из нее вытекает, что м. 18—22 относятся не к раннетагарским памятникам, а к кокореваским VIII—VII вв. до н. э. [Членова, 1961, с. 279; 1963, табл. 1 и 2]. Таким образом, если даже допустить мысль, что Н. Л. Членова права в датировке отдельных могил, то в целом дата памятника будет IX—VI вв. до н. э., то есть время его существования — 300—400 лет, что, с учетом небольших размеров могильника и его однородности, представляется совершенно нереальным. Следовательно, и метод, с помощью которого можно было прийти к подобным выводам, нельзя считать правильным.

Есть, правда, еще один путь уточнения времени Гришкиного Лога I, исходя из предпринятой той же Н. Л. Членовой детальной датировки отдельных тагарских вещей.

В основе ее метода лежит положение о том, что оружие, в частности кинжалы, наиболее быстро меняющийся элемент культуры. Но так как тагарские кинжалы схожи со скифскими, то по последним можно точно датировать и тагарские, опираясь на работы, посвященные скифскому оружию и их точным датам [Членова, 1967, с. 13]. Здесь, следовательно, та же идея, о которой говорилось в связи с датировками С. В. Киселева. Не доказав сначала последовательности развития тагарских кинжалов, нельзя говорить о строгой параллельности пути развития их и скифских кинжалов. А отсюда ясно, что нельзя прямо переносить датировки скифских вещей на тагарские. Этот методически неверный исходный момент всех построений Н. Л. Членовой сразу ставит под сомнение правильность ее датировок. Тем не менее остановимся на том, как она датирует вещи, аналогичные найденным в Гришкином Логу I.

Оба кинжала с прямыми, несколько опущенными книзу концами перекрестия и валиковыми навершиями, по Н. Л. Членовой, должны относиться к VII—VI вв. до н. э. [Членова, 1967, с. 14—15]. Чеканы с круглым бойком и таким же круглым в сечении обушком очень быстро выходят из употребления, просуществовав как будто только в VII и в начале VI в. до н. э. [Членова, 1967, с. 27]. Однако эта датировка никакой конкретной аргументацией не подтверждена. Такая же картина и с втоками, которые датируются уже теми погребениями, в которых они найдены. Однако, как было показано, сами погребения или памятники, в которые они входят, не имеют точных конкретных дат [Членова, 1967, с. 38].

То же самое можно сказать и о псалях (табл. 25, 6) из рассматриваемого могильника. Разбирая конский убор, Н. Л. Членова дважды упоминает эту находку [Членова, 1967, с. 66, 72], однако нигде не говорит о конкретной дате. В то же время, характеризуя звериный стиль VII—VI вв. до н. э., она как относящийся к этому времени предмет называет те же псаля, и здесь не обосновывая дату [с. 113]. А несколько дальше пишет: «Повидимому, в VII в. до н. э. появляется в тагарской культуре рельефное изображение головки хищной птицы» [с. 114]. «К этому же времени относятся плоские схематические головки животных или птиц на концах костяного двудырчатого псаля» [с. 115]. В той же работе Н. Л. Членова приводит ряд таблиц А—М [с. 145—165], где дает обоснование датировок отдельных сюжетов тагарского звериного стиля, в частности, в таблице А под № 4 [с. 145] приводит псаля из могильника Гришкин Лог (к. 1, м. 13), хотя нигде даты этого кургана она не дает. В результате в сложном переплетении построений оказываются псаля и звериный стиль, друг друга датирующие. Совершенно ясно, что таким методом можно установить любую желательную дату, однако научного обоснования она все-таки иметь не будет.

Обращаясь к зеркалам, можно вспомнить, что в могильнике найдены два их вида — с бортиком и с тонким краем. По Н. Л. Членовой, первые датируются VII—VI вв., а вторые — V в. до н. э. [Членова, 1967, с. 82], но в могильнике они найдены в едином историческом комплексе. Кроме того, и для зеркал Н. Л. Членова не приводит обоснованных аналогий. Она дает экскурс о зеркалах разных районов, однако прямой связи с тагарскими в ее рассуждениях нет.

Наиболее многочисленной категорией тагарских вещей являются ножи. Н. Л. Членова считает, что установление их времени не представляет затруднений, так как их можно датировать комплексами с оружием, деталями, сходными с кинжалами и типологически [Членова, 1967, с. 167]. Иными словами, их можно датировать теми комплексами, в которых они найдены. Ножи могильника, как было показано, представлены двумя разновидностями — с рельефным навершием и с петлей. Первые, по Н. Л. Членовой, класс II/10,

датируются VII и началом VI в. до н. э. Их дата определяется отсутствием их в комплексах с оружием VI в., массивностью, близостью к ножам с аркой на кронштейне [Членова, 1967, с. 173].

Что же касается дат керамики, то они целиком базируются на времени комплексов, откуда происходят, но последние, как было показано, дат не имеют [Членова, 1967, с. 193 и след.]. Кроме того, за хронологический признак выдаются дефекты производства — кособокие сосуды, что может вызвать только недоумение. Естественно, что этот признак служить хронологическим не может.

Если теперь суммировать даты по отдельным вещам, то окажется, что могильник Гришкин Лог I надо датировать VII—VI или VII—V вв. до н. э. Такая дата кажется вполне правомочной и на первый взгляд может показаться, что путем датировок отдельных вещей можно установить время могильника. Однако это далеко не так. Взяв за основу оружие и с его помощью датировав отдельные комплексы, Н. Л. Членова повторила путь С. В. Киселева 1929 г., от которого он сам отказался. В результате, дав дату по аналогии отдельным памятникам, она к ним привязала все остальные, а потом уже на основании как бы датированных комплексов датировала вещи и наоборот. Получился заколдованный круг, научная ценность которого по меньшей мере сомнительна.

Тем не менее, если говорить о дате могильника, то нужно сказать, что его общая датировка, данная М. П. Грязновым после первых раскопок, вряд ли может вызвать сомнение. Он действительно должен, если дата раннетагарских памятников верна, относиться к этому периоду. Однако это не значит, что его хронологические рамки — VII—VI вв. до н. э. Это тот исторический период, в котором он где-то находится. Его же границы значительно уже.

Исходя пока только из общих представлений об особенностях и характере раннетагарских памятников с учетом полностью раскопанных, можно, пока не приводя развернутой аргументации, сказать, что Гришкин Лог I не является самым ранним из известных тагарских могильников, как правильно отметил М. П. Грязнов [Грязнов, 1965, с. 68, 69]. В нем уже имеются все выработанные тагарские формы, хотя и не полностью завершенные. Это самый конец сложения классических тагарских вещей, получивших распространение на следующем, подгорновском, этапе, отражающем расцвет этой культуры. Все это позволяет считать Гришкин Лог I одним из самых поздних раннетагарских памятников. И если VII—VI вв. до н. э. являются общими границами этапа и определены правильно, то Гришкин Лог I должен относиться к VI в. до н. э. Все же при отсутствии совершенно бесспорных обоснований дата эта предположительна и основана пока на общих представлениях¹.

¹ От редактора. Позже М. П. Грязнов, основываясь на предполагаемой дате кургана Аржан в Туве — начало VIII в. до н. э., предложил для ранних тагарских памятников байновского этапа датировку около VIII в. до н. э., а для могильника Гришкин Лог I и других, ниже публикуемых, комплексов черновского этапа — VII в. до н. э. [Грязнов, 1979, с. 4]. Н. Л. Членова, напротив, отказалась от конкретной датировки могильника и определила его в рамках первой стадии тагарской культуры VII—VI вв. до н. э. [Членова, 1997, с. 23].

МОГИЛЬНИК ЧЕРНОВАЯ I

ВВЕДЕНИЕ

При анализе одиночных могильников можно получить представление об особенностях только конкретного памятника, и следовательно, о чертах тагарской культуры какого-то относительно короткого периода времени, но нельзя установить закономерностей в развитии самой культуры. Для последнего требуется сопоставление результатов анализа нескольких памятников, проведенного по одной и той же схеме, что позволит наблюдать как изменения конструкций и обряда, так и последовательность появления тех или иных ведущих форм инвентаря и керамики. Это даст возможность выяснить, какие черты наиболее подвержены изменениям, что можно считать характерными и характеризующими особенностями конкретного короткого исторического периода. Лишь после этого, опираясь на несомненные факты, можно объединить в группы и ранее раскопанные курганы и исключить субъективизм таких построений. Наблюдаемые изменения в развитии культуры, проявляющиеся в разных памят-

никах, позволят выяснить и механизм процесса перехода от одного периода к другому: являлся ли он, переход, скачкообразным и действительно ли существовали в тагарской культуре этапы с характерным набором черт и особенностей, или же они на самом деле отражают только уровень наших знаний, носят служебный характер, позволяя глубже понять развитие самой культуры, а сам процесс перехода от одного этапа к другому носил эволюционный характер, как это предполагает М. П. Грязнов [1965, с. 69].

В связи с изложенным, всестороннее изучение даже небольшого могильника, каким является Черновая I, приобретает важное значение. Каждый такой памятник, являясь источником объективной информации, становится частью фундамента для реконструкции истории тагарской культуры.

Анализ памятника проведен по той же схеме, что и анализ могильника Гришкин Лог I.

ГЛАВА 1. МАТЕРИАЛЫ РАСКОПОК

Могильник Черновая I был открыт и раскопан в 1962 г. при разведке долины речки Черновой, правого притока Енисея, протекающего на современной северной границе Хакасской Республики и Новоселовского района Красноярского края. Здесь на террасе правого берега р. Черновой оказалось несколько памятников разных исторических эпох. В течение нескольких сезонов были открыты и раскопаны афанасьевский, окуневский и карасукский могильники, каменоложские курганы и ряд тагарских курганов различного времени. Изучаемый могильник занимал ограниченную площадь. Между ним и другими тагарскими курганами находились памятники предшествующих культур, как бы отделяющие Черновую I от остальных тагарских курганов. Было ясно видно, что люди, оставившие этот могильник, выбрали свободную от других сооружений площадку, находившуюся на краю террасы в 1.3 км от берега Енисея вверх по течению р. Черновой (рис. 17).

Могильник состоял из 9 курганов, у которых не было явно выраженных земляных насыпей¹.

Курган 1 (табл. 30, 5). До раскопок на поверхности земли проступали все камни оград и угловые столбы. Ограда, состоявшая из двух частей, вытянута с ССЗ на ЮЮВ. После снятия земли выяснилось, что южная ограда Б является более ранней, а к ней с севера пристроена позже ограда А.

Ограда А. Прямоугольная 7 (С—Ю)×6 (З—В) м, сооружена из не очень крупных плит, поставленных на ребро. На северном углу и в середине северной стены стояли высокие камни. В ограде две могилы, а между ними впускная могила таштыкского времени.

Могила 1 (табл. 32, 1). Прямоугольная грунтовая яма 150×80×90 см, ВСВ—ЗЮЗ, с остатками сруба. На дне разрушенный скелет ребенка 15 лет, на месте правая голень, судя по которой, погребенный первоначально лежал в вытянутом положении, на спине, головой к З. Лоб пробит, отчего наступила смерть. В северо-западном углу стоял

горшок (табл. 35, 1Л), а у середины северной стены — второй, меньших размеров (табл. 35, Л). У южной стены кости барана.

К югу от могилы 1, захватывая ее юго-восточный угол, находилась впускная могила — яма, видимо, таштыкского времени. В ней отдельные кости ребенка и два горшка (табл. 35, 5, 6).

Могила 2 (табл. 32, 2). Прямоугольный каменный ящик, 200×150×100 см, ВСВ—ЗЮЗ, из поставленных на ребро плит. На дне в куче кости скелетов мужчины 20 лет, женщины 20—25 лет и ребенка до 1 года. В северо-западном углу лежал пробитый череп мужчины. Рядом с ним бронзовый нож и шило (табл. 36, 6, 1Л). В заполнении могилы черепки двух горшков. В юго-восточном углу кости молодой коровы, правая большая берцовая кость и правая лопатка барана.

Ограда Б. Прямоугольная, 6.4 (С—Ю)×5.2 (В—З) м, сооружена из крупных каменных плит, врытых на ребро. Все плиты наклонены внутрь ограды. На трех углах, кроме северо-восточного, сохранились угловые высокие камни. Имеется промежуточный камень на южной стене. В ограде две могилы.

Могила 3 (табл. 32, 3). Прямоугольный каменный ящик 240×120×100 см, ВСВ—ЗЮЗ, из поставленных на ребро плит, перекрыт плитой, упавшей внутрь могилы. На дне ящика береста. В могиле целый скелет женщины 30 лет, в вытянутом положении, на спине, головой к ВСВ. Она была убита, между позвонками остался обломок бронзового предмета. В юго-восточном углу стоял большой горшок (табл. 35, 1Л), в северо-восточном — фрагменты другого, а на уровне левого бедра — маленький горшочек на поддоне. На черепе скелета лежала бронзовая бляшка (табл. 37, Л), справа на плече одна, а слева — две бронзовые трубочки-пронизки (табл. 37, 20—22), в области сердца вторая бронзовая бляшка (табл. 37, 2), на правой части груди бронзовое зеркало (табл. 37, 26), на левой клык кабарги (табл. 37, 25), под тазом бусина (табл. 37, 27), под черепом бронзовая проволочка. У южной стены найдены бронзовые нож и шило (табл. 36, 8, 12). В заполнении могилы обнаружены костяной гребешок (табл. 37, 18) и золотая пронизка. Между левой ногой и южной стенкой ящика лежали кости молодой коровы — правая лопатка, задняя нога, 3 ребра — и 2-лет-

¹ Археологический материал хранится в ГЭ, кол. 2450. Используемые определения антропологического материала сделаны В. П. Алексеевым. После написания рукописи А. Г. Козинцевым [Козинцев, 1977] изданы неопубликованные данные Г. Ф. Дебеца. — Э. В.

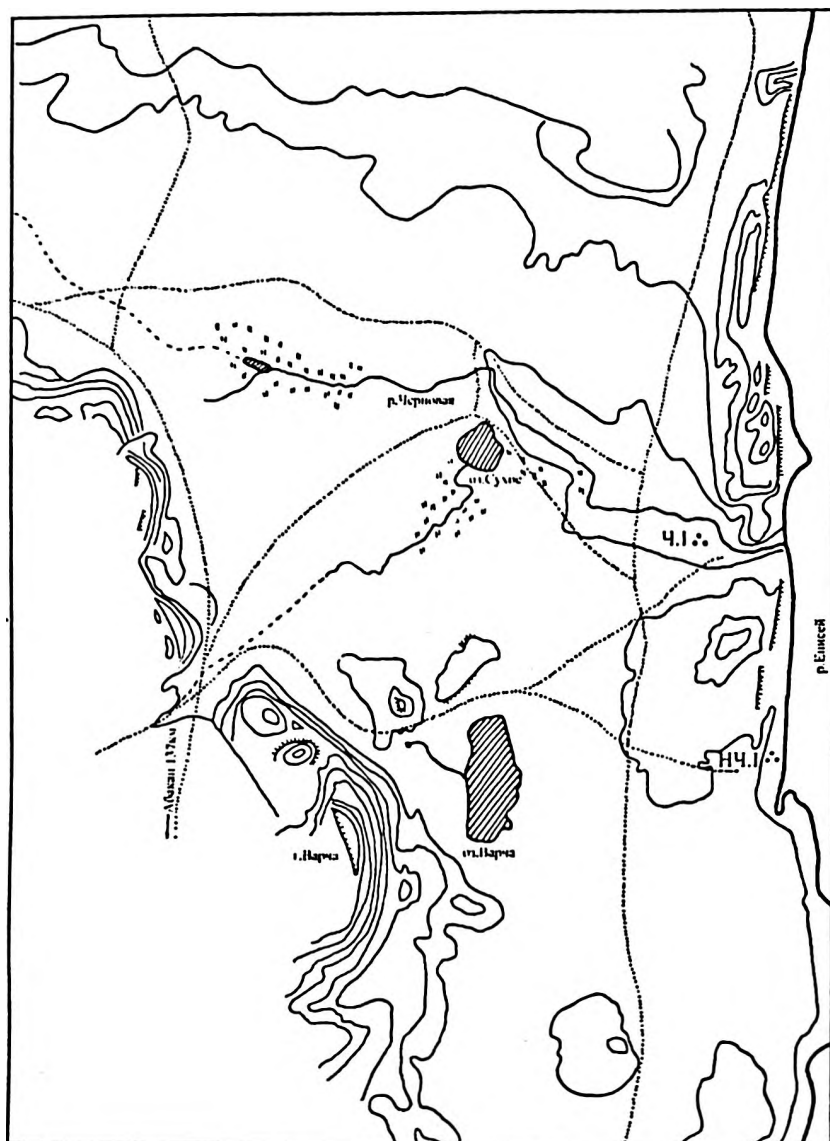

Рис. 17.

Ситуационный план расположения могильников Черновая I и Новая Черная I

него барана — правая лопатка, задняя нога и 4 ребра.

Могила 4 (табл. 32, 4). Грунтовая прямоугольная яма, 225×135×100 см, ВСВ—ЗЮЗ, с остатками сруба в три венца. Над могилой завал из мелких плит, а под ними довольно крупные плиты. Скелет мужчины разрушен. В заполнении ямы найдены обломки двух горшков. Грубое каменное орудие и оббитая галька. Среди человеческих оказались кости взрослых и молодых животных: коровы, барана, лошади.

Курган 2 (табл. 31, 4). На поверхности до раскопок были видны отдельные камни ограды. Раскопом выявлена прямоугольная ограда, 9.5×5.0 м, ССЗ—ЮЮВ. Стены ограды сохранились не полностью. В ограде три могилы.

Могила 1 (табл. 34, 1). Прямоугольный каменный ящик, 200×100×100 см, ВСВ—ЗЮЗ, из поставленных на ребро плит. Над северо-восточной частью ящика остатки плит покрытия, юго-западная стена разрушена грабительским хо-

дом. В могиле потревоженный скелет взрослого мужчины. На месте ноги, судя по которым, погребенный был положен в вытянутом положении, на спине, головой на ЗЮЗ. На ногах в разных местах четыре бронзовые бляшки-гвоздя (табл. 36, 1—4). В заполнении могилы и в грабительском ходе найдены 2 бронзовые полусферические бляшки (табл. 37, 3, 4) и фрагменты двух горшков (табл. 35, 12). На уровне правой голени кости животных: от взрослого барана — правые лопатка и берцовая; от лошади — правая лопатка, 4 ребра и левая задняя нога. В заполнении оказались фрагменты женского черепа.

Могила 2 (табл. 33, 5). Прямоугольная грунтовая яма, 270×135×100 см, ВСВ—ЗЮЗ, со срубом в один венец, перекрытая деревом, на дне кости скелета женщины 18 лет, на месте голени, судя по которым, погребенная была положена в вытянутом положении, на спине, головой на ЗЮЗ. У правой голени — обломки горшка, тоже в западном углу. У левой голени кости коровы — лопатка и бедро, а также нога и лопатка барана.

Могила 3 (табл. 33, 2). Прямоугольный каменный ящик, 70×50×45 см, СЗ—ЮВ, пристроенный к юго-западному углу ограды. В нем остатки скелета ребенка, лежавшего в вытянутом положении, на спине, головой на СЗ.

Курган 3 (табл. 30, 4). До раскопок на поверхности земли проступали отдельные камни ограды.

Раскопом выявлена разрушенная ограда прямоугольной формы, 8×6 м, ССЗ—ЮЮВ, южная и западная стена которой почти не сохранилась. Ограда сооружена из врытых вертикально не очень крупных плит. В ней две могилы.

Могила 1 (табл. 32, 6). Прямоугольная грунтовая яма, 240×130×100 см, ВСВ—ЗЮЗ, стенки которой укреплены деревянными плахами и мелкими плитками. Над могилой развал из мелких плит, под ними две большие плиты, упавшие на дно, одна из них 160×130×20 см. В могиле скелет мужчины 50 лет, в вытянутом положении, на спине, головой на ЗЮЗ. Большой горшок (табл. 35, 17) стоял в северо-западном углу, маленький — раздавленный — в юго-восточном (табл. 35, 18). В нижней части груди бронзовая бляшка (табл. 37, 5). На поясе зеркало (табл. 37, 30), а рядом бронзовые нож (табл. 36, 9) и кинжал (табл. 36, 15), на зеркале красная бусина (табл. 37, 27), слева у пояса кельт (табл. 36, 7), под черепом еще одна бляшка (табл. 37, 9). У левой ноги кости живот-

ных: от молодой коровы — правая лопатка, задняя нога и 3 левых ребра; от взрослой коровы — правая лопатка, задняя нога и 3 левых ребра; от взрослого барана — правая лопатка, задняя нога и 3 ребра.

Могила 2 (табл. 32, 5). Прямоугольный каменный ящик, 170×85×85 см, ЗЮЗ—ВСВ, из поставленных на ребро плит. Над западной частью могилы каменная плита. На дне разрушенный скелет женщины 45—50 лет, на месте правая нога, левая голень со стопой, судя по которым, погребенный был положен в вытянутом положении, на спине, головой на ЗЮЗ. В северо-западном углу разбитый горшок, в юго-восточном небольшой целый (табл. 35, 3). В заполнении найдена бронзовая полусферическая бляшка (табл. 37, 6) и кости животных: от взрослой коровы — задняя правая нога; от молодого барана — правые лопатка и 2 ребра, левая задняя нога.

Курган 4 (табл. 31, 1). До раскопок на поверхности земли проступали отдельные камни всех четырех сторон. Раскопом выявлена четырехугольная ограда, 8×6 м, С—Ю, из вертикально врытых плит с обломанными верхними концами. В ограде одна могила.

Могила 1 (табл. 33, 3). Прямоугольный каменный ящик, 230×100×80 см, В—З. Над могилой обломки плит покрытия разной величины. На дне разрушенный скелет женщины. На месте кости голени в восточной части могилы, судя по которым, погребенная была положена в вытянутом положении, на спине, головой на З. В юго-восточном углу горшок, рядом с правой ногой бронзовая полусферическая бляшка (табл. 37, 17). У левой голени кости взрослого барана: правая задняя нога и левая лопатка.

В западной части могилы впускные поздние погребения, которые были отделены вертикальной плитой. Два скелета — мужчины 25—30 лет и мужчины 35—40 лет — лежали в скорченном положении, на боку, лицом друг к другу.

Курган 5 (табл. 30, 1). До раскопок был виден только один камень. Раскопом выявлена прямоугольная ограда, 5,4 (ЮЗ—СВ)×4,5 (СЗ—ЮВ) м, из вертикально врытых плит. Юго-юго-восточная стена ограды не сохранилась. На западном и восточном углах стояли камни. В ограде одна могила.

Могила 1 (табл. 33, 4). Прямоугольная грунтовая яма, 230×140×80 см, ЗЮЗ—ВСВ, перекрытая плитами разной величины. Самая большая из них — 180×160 см. В могиле перемешаны кости трех скелетов: мужчины 40—45 лет, женщины 40—45 лет и ребенка 1—2 лет. На месте ноги мужчины, судя по которым, он лежал в вытянутом положении, на спине, головой на ВСВ. В западном углу стоял большой горшок (табл. 35, 19), а над ним маленький (табл. 35, 9), рядом лежал бронзовый чекан, украденный посетителями. В южном углу оказалась нижняя часть горшка (табл. 35, 10). В заполнении могилы найдены

бронзовая бляшка (табл. 37, 10), две бронзовые пронизки (табл. 37, 29), две бусины (табл. 37, 13). Кости баранов: старого — правая лопатка и левая задняя нога; молодого — правое бедро и 3 ребра.

Курган 6 (табл. 30, 3). До раскопок прослеживались части северо-восточной и юго-западной стен. Раскопом выявлена двойная ограда, сооруженная из вертикально врытых плит. Южная ограда Б была сооружена первой, а затем к ней пристроена северная А.

Ограда А — 5,6×5,4 м, у нее плохо сохранилась восточная стена. В ограде одна могила.

Могила 1 (табл. 34, 1). Прямоугольный каменный ящик, 200×80×80 см, СВ—ЮЗ, из поставленных на ребро плит. Над могилой разбитые плиты перекрытия. На дне кости скелета мужчины 45—50 лет. Среди них обломки горшка и кости животных.

Ограда Б — 4,8×5,4 м, у нее сохранились западный и восточный угловые камни. В ограде две могилы, расположенные одна над другой.

Могила 2 (табл. 34, 3). Прямоугольная грунтовая яма, 190×90×50 см, СВ—ЮЗ, со срубом в три венца, над ней обломки плит покрытия. На дне кости скелета женщины. На месте стопы и левая рука, судя по которым, погребенная была положена в вытянутом положении, на спине, головой на ЮЗ. У левого предплечья стоял горшок (табл. 35, 7), у правого предплечья — бронзовые нож и шило (табл. 36, 5, 11) и костяной головной нож (табл. 37, 16). Между левым плечом и стеной — три бронзовые пронизки (табл. 37, 23), три биконические бронзовые бусины (табл. 37, 14), длинная бронзовая трубочка (табл. 37, 19) и две бусины (табл. 37, 12). На уровне левой голени кости барана — лопатка и нога.

Могила 2а (табл. 34, 3). Восточная половина могилы 2 превращена в детскую. Одна стена — обломок плиты перекрытия, другие обложены деревом, размеры могилы 75×50×40 см, СВ—ЮЗ. В ней обломки костей ребенка до 1 года.

Курган 7 (табл. 30, 2). До раскопок были видны отдельные камни ограды. Раскопом выявлена прямоугольная ограда, 4,8×3,6 м (ЮВ—СЗ), из небольших вертикально врытых плит. Западная и южная стены ограды сохранились плохо. По углам стояли не очень высокие камни. В ограде одна могила.

Могила 1 (табл. 34, 5). Прямоугольный каменный ящик, 190×100×75 см, СВ—ЮЗ, из поставленных на ребро плит. Над могилой и в ней обломки плит перекрытия. В могиле в вытянутом положении, на спине, головой на ЮЗ, скелет женщины 14 лет. Это впускное позднее погребение. От основного полностью разрушенного погребения (женщины 60 лет) сохранились отдельные кости. В заполнении могилы обломки горшка и кости животных.

Курган 8 (табл. 31, 3). До раскопок были видны только несколько камней. Раскопом выявлена разрушенная ограда, от которой сохранилась часть южной стены, несколько камней восточной

и угловой северо-западный камень. В ограде две могилы.

Могила 1 (табл. 34, 2). Прямоугольный каменный ящик, 155×75×85 см, из поставленных на ребро плит. Над могилой каменная плита, 180×120 см. Скелет женщины 16 лет, в вытянутом положении, на спине, головой на З. В северо-западном углу горшок (табл. 35, 16), второй, раздавленный, у правой голени (табл. 35, 8), справа у пояса бронзовый нож (табл. 37, 13), в заполнении могилы бронзовая бляшка (табл. 37, 8). У правой голени кости барана: ребра, лопатки и нога.

Могила 2 (табл. 34, 4). Прямоугольный каменный ящик, 170×90×85 см, ЗЮЗ—ВСВ, из поставленных на ребро плит. Над могилой обломки плит перекрытия. Западная стена ящика разрушена. Вверху в ящике впускные погребения — найдены остатки 5 взрослых: женщины 35—40 лет, мужчины 50 лет и четырех детей, трем из них не было и 1 года, а один 5—6 лет. Все кости перемешаны. Установить, для кого сооружена могила, не удалось.

Курган 9 (табл. 31, 2). До раскопок на поверхности были видны отдельные камни ограды. Раскопом выявлена сильно разрушенная прямоугольная ограда, 8.0×7.4 м, СЗ—ЮВ, из вертикально врытых плит. В ограде одна могила.

Могила 1 (табл. 34, 6). Прямоугольная грунтовая яма, 240×100×130 см, СВ—ЮЗ, со срубом в три венца. Над могилой груда камней, а под ними остатки деревянного перекрытия. На дне скелет женщины 40 лет, в вытянутом положении, на спине, головой на ЮЗ. В западном углу большой горшок (табл. 35, 14), в восточном — нижняя часть другого горшка (табл. 35, 4). У головы бронзовая полусферическая бляшка (табл. 37, 7), на уровне правого плеча бронзовый нож (табл. 36, 14), на поясе зеркало (табл. 36, 11), бусы (табл. 37, 24), бронзовая пронизка и обломок костяного гребешка, справа у пояса большая каменная красная бусина (табл. 37, 28). Слева и справа на груди трубочки-пронизки. У левой голени кости животных: коровы — правые лопатка, задняя нога и 3 ребра; барана — правые лопатка, задняя нога и 3 ребра.

ГЛАВА 2. ОГРАДЫ И МОГИЛЫ

Занимая небольшую площадку, могильник изолирован от других, расположенных в некотором отдалении от него. Эта площадка с севера и востока ограничена обрывами, образованными руслом реки Черновой, а с запада и юга — оградами окуневской культуры.

Курганы могильника расположены компактной группой. Среди них нет сооружений, которые бы своим видом или конструктивными особенностями отличались от других. На поверхности были видны выступавшие торцами плиты, иногда образовывавшие прямоугольники, но чаще план оград до раскопок был недостаточно ясен. Вокруг видимых камней разбивался раскоп, включавший все плиты. Затем внутри раскопа земля снималась на один или полтора штыка с тем, чтобы оголить все каменные конструкции, а по линии разреза с наружной стороны ограды делались траншеи для определения заглубления плит (рис. 18—19). В результате можно было видеть открытыми остатки сооружения, установить приемы его возведения и провести необходимые наблюдения над его конструкцией.

Сооружения представлены двумя видами: одиночными оградами и оградами с пристройками. Четыре ограды из девяти имели четырехугольную форму и заключали по одной могиле (табл. 30, 1, 2; 31, 1, 2; рис. 20). В двух оградах (табл. 30, 4; 31, 3) по две могилы, а в одной — три (табл. 31, 4), причем в последнем случае могила находилась в углу. Две последние представлены системами из двух оград. В к. 1 (табл. 30, 5; рис. 21) с ССЗ была сделана пристройка, а в к. 6 (табл. 30, 1) она находилась с ЮЮВ. В этом могильнике по сравнению с другими наблюдается небрежность сооружения оград. Обычно в тагарских могильниках они почти правильной формы, с прямыми стенами и пропорциональными размерами. Здесь нет, практически, ни одного кургана со строгими геометрическими очертаниями. Стены неровные и все разной длины, но все же можно видеть, что в основе лежит квадрат, который превращается в прямоугольник только в случае, если ограду с самого начала сооружали для двух могил.

Размеры оград, за двумя исключениями, близки к квадрату, как это можно видеть по таблице I.

Таблица I

Длина и ширина оград и пристроек в зависимости от количества могил

Количество могил		Длина							Ширина					
		5	5.5	6	6.5	7	8	9.5	3.5	4.5	5	5.5	6	7.5
Основная ограда	1	1	2	1			1		1	1		1	1	1
	2				1		1				1		1	
	3							1			1			
Пристройка	1		1								5			
	2					1					1			
	3													

Больше половины оград и пристроек имеют стены от 5 до 6 м, причем разница в длине и ширине составляет около 1 м. Такое расхождение можно объяснить отсутствием строгих измерений, а учитывая небрежность сооружений этого могильника, можно такой разностью пренебречь и считать ведущей формой квадрат. Исключением

являются к. 2 (табл. 31, 4), сделанный для двух могил, у которых разница длины сторон составляет 4 м, и к. 3 (табл. 30, 4), хотя первоначально и предназначавшийся для одной могилы, но имевший длину на 2 м больше ширины, что не может явиться случайностью. Следовательно, можно говорить, что в основе могильных сооружений Чер-

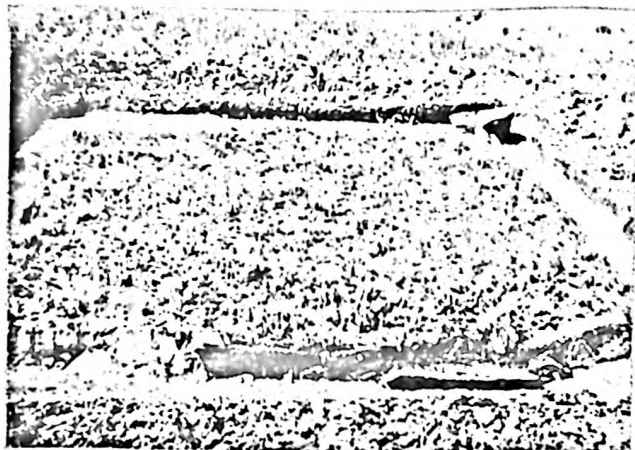

Рис. 18.
Моги́льник Черновая I.
Курган 1 в процессе раскопки ограды, фото

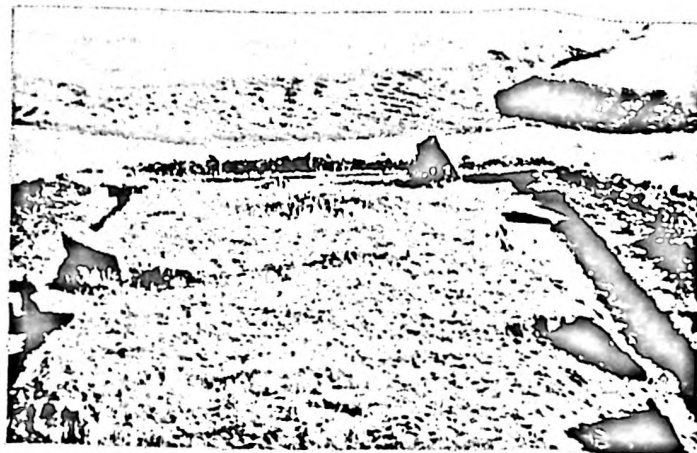

Рис. 19.
Моги́льник Черновая I.
Курган 4 в процессе раскопки ограды, фото

Рис. 20.
Моги́льник Черновая I.
Одиночная ограда кургана 4, фото

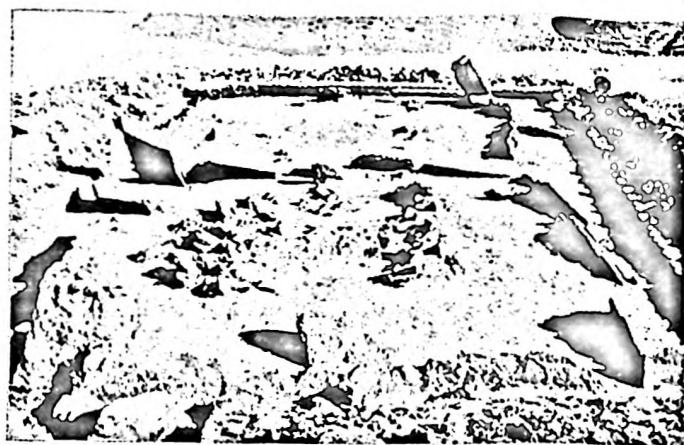

Рис. 21.
Моги́льник Черновая I.
Ограда с пристройкой кургана 1, фото

новой I лежит квадрат, который, не изменяя своей ширины, превращается в прямоугольник в зависимости от того, для какого количества могил делали ограду.

Ориентировка оград довольно устойчива. В большинстве случаев их более длинная ось направлена с СССЗ на ЮЮЮВ и только в одном случае курган ориентирован сторонами по сторонам света. Пристройки независимо от места, занимаемого по отношению к основной ограде, имеют ту же ориентировку, что и ограды.

Все ограды возведены из плит девонского песчаника, который брали рядом с моги́льником, т. к. окружающие холмы сложены из этого материала. Для получения плит обвалившиеся блоки песчаника расслаивали с помощью клиньев. Плиты оград в большинстве случаев не очень крупные, и только некоторые из них имели значительные размеры.

Ограды в целом плохой сохранности, почти у всех не хватает либо стены целиком, либо отдельных ее частей. Видно, что это результат более поздних разрушений. Последующее население

вытаскивало из них наиболее пригодные плиты для возведения своих сооружений.

Сохранность плит различна. Если они значительно выступали над поверхностью земли, их верхние края разрушены. Это результат попадания в щели воды, что после замерзания приводило к расслаиванию верхней части плит. Но таких случаев немного, и это характерно для курганов 1 и 2 (табл. 30, 5; 31, 4), плиты оград которых почти по всему периметру выступали над землей. У большинства других курганов верхние края плит гладкие и ровные. Это получилось потому, что вскоре после возведения оград их плиты оказались покрытыми землей, предохранявшей их от разрушения. Такая консервация могла произойти только в том случае, если внутри ограды находилось более или менее значительное земляное сооружение, развал которого перекрыл плиты.

В процессе раскопок трудно было точно установить уровень древней поверхности почвы, так как насыпь возводили из дерна. Поэтому заполнение ограды и ее ближайшее окружение совершенно однородны и не содержат прослоек. Вме-

сте с тем, можно полагать, что могилу внутри оград выкапывали с уровня древней поверхности, следовательно, с известной долей достоверности можно считать древним уровнем тот горизонт, на который выходят верхние края могилы. Плиты с неразрушенными верхними краями оград лучшей сохранности возвышались над этим уровнем в среднем на 25—30 см, и только в отдельных случаях можно предполагать, что их первоначальная высота достигала 50 см. Подземные части плит в тех случаях, где удалось установить, имели те же размеры, то есть плита наполовину была закопана в землю.

Для сооружения оград по линии предполагаемой стены строители выкапывали небольшой ровик глубиной от 20 до 50 см, в зависимости от ширины плит. Их установку начинали от углов, а последующие плиты ставили с внешней стороны внахлест. В связи с такой техникой, с тем чтобы плиты не разваливались уже в процессе строительства, им придавали некий наклон внутрь оград, который со временем мог несколько увеличиться. Так как плиты имели небольшую высоту, здесь почти не применяли дополнительных креплений клиньями или контрфорсами. Только в одном случае (табл. 30, 2) в к. 7 плита северного угла северо-западной стены снаружи и изнутри была укреплена контрфорсами, т. к. она играла роль углового камня и к ней прилегали другие плиты оград.

Почти во всех курганах, в тех случаях, где углы оказались в сохранности, можно видеть, что для них использовались более толстые и высокие камни по сравнению с простеночными. В отдельных случаях углы оград к моменту раскопок оказались пустыми. По всей видимости, стоявшие здесь когда-то камни позже были изъяты. Наличие в каждой из оград по углам более крупных камней или плит позволяет говорить о том, что в оградах этого могильника имеется специальная конструктивная деталь — угловые камни. Последние всегда толще и выше стен оград. Они возвышались над уровнем стен в зависимости от высоты последних от 50 до 100 см, но в любом случае были выше стены не менее чем на 20 см.

Как уже говорилось, однородность заполнения внутренней части оград не позволила произвести точных наблюдений над последовательностью сооружения оград и могилы. Но все же, по аналогии с тем, что известно по другим памятникам с хорошей стратиграфией, можно говорить, что первоначально делали ограду, а затем внутри нее выкапывали могилу.

Характер оград, ее конструкция и направление наклона плит позволяют устанавливать последовательность сооружения оград и пристроек. В данном могильнике имеются две системы.

В к. 1 (табл. 30, 5) южная часть оград имеет наклон всех плит внутрь, в то время как у северной три стены наклонены внутрь, а общая с южной оградой — наружу. Здесь ясно, что северная часть является пристройкой. Основная ограда этой системы интересна еще и тем, что на северной и южной ее стенах стоят более толстые и высокие плиты, служившие промежуточными камнями. Такие конструкции получают широкое развитие в середине тагарской культуры.

Вторая система — к. 6 (табл. 30, 1). Здесь у северной оград наклонены внутрь все стены, а у южной — только три стены. Можно с уверенностью говорить, что северная является основной, а южная — пристройкой.

В могильнике Черновая I оказалось 17 могил. 7 из них — это грунтовые ямы, а 10 — каменные ящики. Для всех видов могил внутри оград выкапывали яму.

Для сооружения ящика в яму вдоль ее стен ставили относительно тонкие каменные плиты — одну большую или несколько мелких. Судя по тому, что каменные стены в некоторых могилах оказывались длиннее ящика (табл. 32, 3, 5; 34, 2), яма для его сооружения по размерам первоначально была больше самого ящика. После установки плит промежутки между ними и стенкой ямы засыпали землей, а иногда и опускали туда мелкие плитки.

В тех случаях, когда ящик отсутствовал, стены могилы укрепляли деревом. Сохранность его плохая, но все же по отдельным не сгнившим до конца кусочкам можно видеть, что внутри ямы сооружалась рама в один-три венца. Когда она была несколько меньше ямы, то между ней и стенками ставили небольшие плитки, удерживавшие раму от развала.

Как в ящиках, так и в ямах хоронили людей независимо от пола и возраста, во всяком случае, никаких закономерностей в составе погребенных в зависимости от конструкции могилы не наблюдается. Размеры могил независимо от конструкции примерно одинаковы. Как видно из таблицы II, длина могил для взрослых колеблется от 170 до 240 см. Две из них были несколько короче — 155 см, и одна длиннее — 270 см. Ширина могил от 80 до 135 см, а глубина — от 80 до 100 см. Несколько отличаются своей шириной (140 и 150 см) две могилы, где похоронены три человека. За исключением отмеченных двух случаев зависимость размеров от состава и возраста погребенных взрослых не наблюдается. Что же касается детских могил, то их в могильнике всего две: размеры одной 150×80×90, а второй 70×50×45 см, но из-за небольшого количества таких могил установить их особенности не удается.

Таблица II

Размеры могил в зависимости от пола, возраста и числа погребенных

Состав и возраст погребенных	Длина могилы, см					
	70	150—155	170—190	200—225	230—240	270
Реб.	1	1				
Муж.				2	1	
Жен.		1	3		3	1
Взр.			1			
Муж., жен.				1		
Муж., жен., реб.		1		1	1	
0						
2						
10						
15		1				
20		1		1		1
40			1	1	4	
60			1			

Продолжение табл. II

Состав и возраст погребенных	Ширина могилы, см						
	50	75—80	85—90	100	120	125—135	150
Реб.	1	1					
Муж.		1				2	
Жен.		1	2	3	1	1	
Взр.			1				
Муж., жен.				1			
Муж., жен., реб.						1	1
0							
2							
10							
15		1					
20		1				1	1
40			2	1	1	2	
60				1			

Окончание табл. II

Состав и возраст погребенных	Глубина могилы, см				
	45—50	75—80	85—90	100	130
1	2	3	4	5	6
Реб.	1		1		
Муж.		1		2	
Жен.	1	1	3	2	1
Взр.			1		

1	2	3	4	5	6
Муж., жен.				1	
Муж., жен., реб.		1		1	
0					
2					
10					
15			1		
20			1	2	
40		2	1	2	1
60		1			

Почти все могилы были в той или иной степени потревожены, во всяком случае покрытия всех могил нарушены. Все же можно судить о том, что после совершения захоронения могилу перекрывали одной или несколькими каменными плитами, щели между которыми закрывали мелким плитняком, как это имело место в отчасти сохранившемся перекрытии могилы в к. 5 (табл. 30, л). В двух случаях для перекрытия могил использовали дерево. Но из-за плохой сохранности размеры и конструкции таких перекрытий не устанавливаются. Если же судить по остаткам покрытия м. 2 к. 2 (табл. 33, з), то плахи лежали вдоль ямы. В к. 9, судя по большому количеству мелких плиток, поверх деревянного перекрытия был еще сделан своеобразный панцирь из мелких плиток.

Наличие во многих случаях слоя черной земли на плитах оград, а также внутри оград позволяет сделать вывод, что над могилой возводили земля-

ное сооружение. Установить его высоту и размеры, а также занятую им первоначально площадь затруднительно. Тем не менее можно думать, что оно не занимало всей площади ограды, так как в нескольких случаях рядом с основной могилой позже выкопана вторая, но и она впущена с древнего горизонта. Количество земли внутри ограды и то, что ею покрыли стены, позволяет предполагать, что само земляное сооружение было довольно высоким. Форма же его скорее всего имела вид усеченной пирамиды.

Если говорить о первоначальном виде кургана могильника Черновая I, то это была невысокая — до 25—30 см, каменная ограда, по углам которой стояли небольшие, высотой до 50 см каменные столбы или толстые плиты. Внутри ограды находился земляной холм, под которым лежала плита, перекрывавшая каменный ящик или грунтовую яму со срубом.

ГЛАВА 3. ПОСУДА, ИНВЕНТАРЬ И ПОГРЕБАЛЬНАЯ ПИЩА

Несмотря на то что большинство могил ограблены в древности, могильник все же дал значительную серию различных вещей и керамики. Анализ материалов Гришкиного Лога I показал, что, несмотря на единовременность памятника, одновременно существовало несколько разновидностей вещей одного и того же назначения. Этот вывод расширил представления об облике культуры в определенный исторический период.

Поэтому, переходя к анализу материалов Черновой I, нужно провести его по тем же принципам, по которым он был сделан и для могильника Гришкин Лог I. Это необходимо в первую очередь для того, чтобы результаты были сопоставимы, что позволит выяснить особенности могильника и его сходство с другими. Кроме того, такое сопоставление даст возможность, в конечном счете, установить пути и характер изменения инвентаря и керамики от могильника к могильнику, расположить последние в определенный ряд и, соответственно, выяснить их относительную последовательность или их локальные особенности.

Наиболее многочисленными находками являются горшки. Они не были предметами ограбления и поэтому сохранились почти во всех могилах, хотя и в разбитом виде. Горшки оказались в 15 из 17 могил. Всего по отчету и полевым записям были найдены остатки 28 сосудов, однако в коллекции Государственного Эрмитажа поступило только 20 сосудов, а остальные были утеряны. Так как они были найдены в разбитом состоянии, то в поле получить о них представление было трудно. Поэтому при анализе посуды приходится оперировать только наличным материалом.

Все имеющиеся горшки восстановлены полностью, что позволяет судить о их форме и орнаменте. Большинство из них на первый взгляд мало чем отличаются друг от друга, за исключением сосудов индивидуальных форм. Все они черные и со следами лощения, принципиально близки по форме и отличаются в первую очередь характером верхней части. Это последнее дает возможность разделить их на несколько видов.

Первый вид представлен двумя сосудами (табл. 35, 14, 15). Это гладкостенные горшки «закрытой» формы. У них стенки от дна плавно расходятся вверх, а на высоте примерно двух третей несколько загибаются внутрь. Край венчика пря-

мой. Днище прямое с несколько смягченными при переходе в стенки углами. Толщина стенок везде равномерная, может быть, только немного утолщается к венчику. Орнамент отсутствует. Сосуды большие, высотой более 30 см. Их высота и диаметр венчика почти равны, хотя точно и не совпадают, а диаметр дна несколько больше половины диаметра венчика. Эти горшки составляют 10 %.

Второй вид представлен четырьмя сосудами (табл. 35, 2, 3, 12, 13). Это гладкостенные горшки «открытой» формы, у которых стенки от дна плавно расходятся вверх, а на высоте примерно двух третей от дна идут вертикально вверх или же образуют некоторое подобие шейки. Венчик прямо срезанный или несколько скругленный. Дно прямое с мягким переходом в стенки. Орнамента нет. Толщина стенок везде одинакова, хотя у венчика она незначительно утолщается. Пропорции их несколько варьируют, но в принципе высота равна диаметру горла, а дно несколько меньше половины диаметра горла. Два горшка большие — высотой 26 см, а два другие — 13 и 8 см. Эти горшки составляют 20 %.

Третий вид представлен тремя сосудами (табл. 35, 7—9). Это гладкостенные горшки с «карнизом». У них стенки плавно расходятся от дна кверху, а на высоте двух третей от дна идут параллельно вверх. Стенки одинаковой толщины, но венчик утолщен и с наружной стороны над стенкой нависает карниз. Венчик косо срезан и заострен с внутренней стороны. Дно прямое с мягким переходом в стенки. Орнамент отсутствует. Все они одинаковой величины — 14—15 см. Их пропорции стабильны. Высота равна диаметру венчика, а дно — половине диаметра венчика. Таких горшков 15 %.

Четвертый вид представлен тремя сосудами (табл. 35, 17—19). Это горшки, у которых под венчиком идет кольцевой желобок, в одном случае широкий, а в двух — узкий. Эти сосуды можно назвать «одножелобчатыми». У них, как и у предыдущих, стенки плавно расходятся вверх, но на высоте примерно одной трети от венчика идут почти параллельно. Толщина стенок везде одинакова, только значительно утолщается к венчику. Венчик косо срезан наружу, образуя карниз, под которым расположен желобок. На одном сосуде

под желобком идет орнамент в виде линий из группы ямок. Дно прямое с мягким переходом в стенки. Два сосуда имеют в высоту более 20 см, а один — около 10 см. Пропорции стабильны, насколько об этом можно судить по небольшому количеству горшков. Высота и диаметр венчика равны, а донце наполовину меньше диаметра венчика. Таких горшков 15 %.

Пятый вид представлен одним горшком (табл. 35, 16). У этого горшка под венчиком идут два параллельных желобка, что позволяет называть его «двужелобчатым» и отличает его от сосудов четвертого вида. У него стенки так же плавно поднимаются вверх, такой же мягкий переход от дна к стенкам. Его высота 18 см. Пропорции такие же, как и у предыдущего. Горшок украшен под желобками орнаментом. Это группы косых крестов по три в ряд и один под ними. Горшок в древности был разбит, а потом скреплен. Он составляет 5 %.

Шестой вид представлен одним горшком (табл. 35, 17). Он имеет три желобка, идущие один под другим. Все его характеристики полностью соответствуют горшкам двух предыдущих групп. Отличие кроме трех желобков состоит и в том, что под ними имеется орнамент, представленный группами насечек, образующими треугольник. Две насечки сверху и одна под ними. Высота горшка 23 см. Он составляет 5 %.

Седьмой вид представлен одним сосудом (табл. 35, 1). По всей видимости, таких сосудов было два, но один утрачен. Это небольшой, высотой 8 см, краснолощеный горшочек на кольцевом поддоне. У него сильно раздутые бока, которые на середине тулова сужаются к устью. Выше начала сужения тулово опоясано кольцевым желобком, над которым стенка идет вертикально вверх, образуя шейку. Край венчика закруглен и имеет незначительный карнизик. Он составляет 5 %.

Восьмой вид представлен одним сосудом (табл. 35, 5). Это горшочек черного цвета на кольцевом поддоне высотой 8 см. У него стенки в верхней части несколько загнуты внутрь. Толщина стенок везде одинакова, но к венчику она становится значительно тоньше. Сосуд такого вида впервые найден в раннем тагарском могильнике. Они появляются в конце тагарской культуры. В данном случае он происходит из впускного погребения. Он составляет 5 %.

Девятый вид представлен одним сосудом (табл. 35, 6). Это горшок черного цвета высотой 13 см. Его высота меньше диаметра венчика, а диаметр дна значительно больше его половины. Горшок производит впечатление приземистого и широкого. Под венчиком у него находится ряд выдавленных изнутри бугорков. Пропорции сосуда и его орнамент не известны в ранних тагарских памятниках. Он составляет 5 %.

Десятый вид представлен тремя сосудами (табл. 35, 4, 10). Это нижние части горшков. Они служили мисками. Так как нижние части рассмотренных видов горшков одинаковы, то выяс-

нить, из какого сосуда сделана та или иная миска, невозможно. Миски составляют 15 % от всех сосудов.

Как можно видеть, несмотря на некоторые особенности каждого вида горшков, они имеют много общего. Тесто, характер обработки поверхности, лощение, пропорции свидетельствуют о их близости. Между отдельными видами имеется и более близкое сходство. Так, первые два вида не имеют рельефных деталей на поверхности и отличаются только направлением стен в верхней трети. Четвертый, пятый и шестой виды отличаются количеством желобков, а остальные их характеристики одинаковы. Все это позволяет отдельные виды объединить в более крупные группы — типы.

Первый тип объединяет первые два вида. Для него характерна некоторая неустойчивость пропорций, отсутствие рельефных деталей. Этот тип можно назвать «гладкостенным». Он представлен 30 % посуды.

Второй тип соответствует третьему виду керамики с карнизом. Таких горшков 15 %.

Третий тип можно назвать «желобчатым». Он включает четвертый, пятый и шестой виды. У них более стабильны пропорции и имеются рельефные детали на тулове. Сосуды этого типа представлены 25 %.

Четвертый тип — индивидуальные сосуды. В данном случае он представлен только одним горшком на поддоне, так как два другие являются посудой более позднего этапа тагарской культуры и попали сюда со впускным погребением. Что же касается красного глиняного горшка, то он, отличаясь от всех остальных в могильнике, не является инородным, так как такие же сосуды в небольшом количестве встречаются и в других, близких по облику, могильниках, в том числе и в Гришкином Логу I. Он составляет 5 %.

Пятый тип — миски из придонных частей горшков — их 15 %.

Как можно видеть, ведущими для этого могильника являются горшки первого и третьего типов, в то время как горшков второго типа значительно меньше. Сосуды разных типов и видов встречаются совместно в одном кургане или даже в одной могиле, что свидетельствует об их одновременности.

При рассмотрении отдельных видов керамики неоднократно отмечался мягкий переход от дна к стенкам, без четко обозначенного угла. Связано это со способом изготовления горшков. Их начинали лепить с венчика и заканчивали дном. Причем в процессе лепки дно было не плоским, а округленным. После завершения лепки дно уплощали. При этом способе дно не всегда было параллельным венчику, и горшки поэтому получались несколько кривобокими (табл. 35, 12, 14, 15, 19).

Пятая часть поставленных в могилу горшков оказалась разбитой и починенной еще в древности. Об этом свидетельствуют отверстия в стенках сосудов, с помощью которых связывали разбитый горшок. Отсутствие в могилах металлических ско-

бок говорит о том, что скрепляли горшки с помощью каких-то органических материалов — веревки или ремешка. При таком способе реставрации горшки были непригодны для варки пищи. Видимо, в них хранили уже готовую пищу. Вполне возможно, что именно битые горшки в первую очередь ставили в могилы, отчего их процент во всех памятниках довольно велик. Битые же горшки приспособляли и для изготовления мисок, если нижняя часть их оставалась целой.

Только в трех случаях горшки Черновой I были украшены бедным орнаментом. Это группы косых крестов, тройные насечки и горизонтальные полосы из неглубоких ямок. Основным украшением этой посуды являлось лощение, которым покрыты все горшки. К украшениям же, видимо, нужно отнести и желобки под венчиком.

Наличие, как и в Гришкином Логе I, сосудов индивидуальных и хорошо разработанных форм свидетельствует, что в могилы помещали далеко не все виды посуды, существовавшей у тагарцев. Ее ассортимент, видимо, был значительно большим и специализированным. В могилы же ставили только кухонные горшки и миски. Но последнее, судя по разбитым и починенным сосудам, представляют все их разновидности. Можно думать, что наряду с глиняной посудой в могилы ставили и сосуды из органических материалов, которые к моменту раскопок не сохранились.

Из могил Черновой I происходит небольшой, но разнообразный материал, который можно разделить на несколько групп по назначению вещей: орудия труда и оружие представлены ножами, шильями, кинжалом, кельтом и украденным чеканом; предметы туалета — зеркалами, головными ножами, гребнем; украшения — бляшками, бусами и пронизками.

Ножи. Из могильника происходит 6 экземпляров разной сохранности. Принципиально все ножи представлены одним видом, но индивидуальные по размерам и некоторым несущественным деталям, таким как, например, степень изогнутости обушка или форма отверстия в рукоятке. Все ножи представляют собой слабоизогнутую бронзовую пластинку, сужающуюся к концу клинка, и не имеют резкого перехода от рукоятки в клинок.

Три ножа крупные (табл. 36, 9, 10, 14), а три других меньших размеров (табл. 36, 11—13). Первые имеют длину 22.0, 18.5 и 19.0 см. У них рукоятка на 3—4 см короче клинка. Длина вторых от 14 до 16 см. В двух случаях ручка короче клинка на 2 и 3 см, а в одном только на 0.5 см. Края рукояток у всех ножей параллельны. Верх рукоятки у четырех экземпляров закруглен, у одного двускатный и у последнего ножа косой, неправильной формы. В верхней части рукоятки имеется сквозное отверстие неправильной овальной формы и только у одного ножа оно круглое.

Способ изготовления всех ножей одинаков, они, судя по литейным швам и профилю, отлиты в двусторонней форме. После отливки нож до-

полнительно обрабатывали, убирали швы и другие дефекты, а клинок расковывали и затачивали лезвие. Отсутствие одинаковых ножей указывает на то, что их изготавливали с утерей формы. Судя по сохранности ножей, в могилы клали не специально отлитые для погребения вещи, а те, которые до этого использовали в быту.

Шилья. Представлены тремя экземплярами (табл. 37, 5, 6, 8). Все они одного типа. Их рабочая часть представляет собой четырехгранный стержень длиной 6.5, 10.0 и 11.0 см. Завершаются шилья грибовидной шляпкой. Между стержнем и шляпкой в двух случаях намечается не слабо выраженный шейка. У одного шила (табл. 37, 5) на этом месте отсутствуют грани стержня, он как бы закруглен, у другого (табл. VIII, 8) грани сохраняются, но сам стержень в этом месте несколько тоньше.

Кинжал (табл. 37, 15). Найден один экземпляр общей длиной 21 см. Длина рукоятки с навершием 8 см. Кинжал натуральный, а не уменьшенный, довольно массивный. Рукоятка плоская, удлиненно-овальная в сечении. Навершие в виде грибовидной шляпки, слитой с рукояткой. Перекрестие прямое с закругленными углами. Концы его несколько опущены. Клинок овальный в сечении, с прямыми параллельными сторонами, сужающимися только к самому острию.

Кельт (табл. 37, 7). Найден один экземпляр, в сечении прямоугольный, с закругленными углами. В плане почти прямоугольный, несколько сужающийся к лезвию. Профиль в виде симметричного клина, его длина 8.5 см, а ширина по втулке 4.5 см. С боков имеются два полукруглых ушка, которые расположены на 1 см ниже края втулки. На боковой плоскости вдавленный орнамент в виде квадратов, расположенный в полосе ушек. Под ними идут рельефно выступающие ребра — одно посередине плоскости и два по самым ее краям. Этот кельт относится к выделенному М. П. Грязновым IV типу минусинских кельтов [Грязнов, 1941, с. 248]. Правда, украшение в виде висящих ребер сближает его с III типом, где этот орнамент является ведущим.

Чекан. Был найден один, но украден еще в поле. Он не был отдельно зафиксирован, так что судить о его форме и деталях невозможно. Однако он был массивным, а не миниатюрным.

Зеркала. В могильнике найдены три экземпляра. Это плоские бронзовые диски с ушком-петелькой на обороте. Одно из зеркал диаметром 10 см массивное, с невысоким бортиком по краю (табл. 37, 11). Второй вид представлен двумя более тонкими дисками без бортика, с утонченными краями (табл. 37, 26, 30). Первое из них диаметром 7.5 см, а второе 11 см.

Гребешок (табл. 37, 18). Костяной двусторонний. Сверху и снизу пластины прорезаны небольшие зубья, а над ними имеются сквозные отверстия полулунной формы, обращенные друг к другу выпуклыми сторонами. Поверхность гребня украшена циркульным орнаментом, это кружочки

с ямками в центре. Ряд из трех кружочков проходит между отверстиями, и по ряду, также из трех кружочков, находится между зубьями и отверстиями.

Головные ножи (табл. 37, 16, 25). Найжены два экземпляра. Один из них длиной 14 см, представляет собой костяную удлинненно-треугольную пластину, а второй сделан из зуба кабарги. На верхнем широком конце у последнего имеется круглое отверстие для подвешивания. Рабочие концы ножей залощены и заглажены.

Бляшки (табл. 37, 1—10, 17). Представлены 11 экземплярами. Все они сделаны из тонкого выпуклого бронзового листа. В центре бляшек имеются отверстия для пропуска тонкого кожаного ремешка, с помощью которого бляшка крепилась к головному убору. 8 бляшек по краю украшены выдавленными изнутри бугорками. Почти все бляшки одинаковы по диаметру, который равен 2.5—3.0 см, и только две были по 4 см. В четырех могилах найдено по одной бляшке, а в четырех других — по две.

Пронизки (табл. 37, 19, 20—22, 23, 29). Всего найдено 10 штук. Все они представляют собой бронзовые трубочки, свернутые из тонкого листа. Две из них крупные — 8.5 и 9.0 см, украшены по краю пластины выпуклостями. У них на широком верхнем конце имеется подобие муфточки. Остальные пронизки небольшие, от 3 до 5 см в длину, без орнамента. Возможно, что две наиболее крупные являлись не пронизками, а игловниками, но игл в них не оказалось.

Бусы. Бронзовые (табл. 37, 14), найдены в одной могиле. Они представляют собой как бы два конуса, составленные широкими основаниями, в результате чего в центре у них образовалось ребро.

Каменные бусы представлены тремя разновидностями: большими дисковидными красного цвета с широкими отверстиями (табл. 37, 27, 28), небольшими дисковидными (табл. 37, 12, 13, 24) и трубчатыми (табл. 37, 15, 24).

Гвоздевидные бляшки (табл. 37, 1—4). Они происходят из одной могилы. Все четыре штуки имеют широкую круглую шляпку и относительно короткий и толстый стерженек. Назначение этих вещей неясно.

Рассмотренными вещами исчерпывается инвентарь могильника. Как можно было видеть, среди них нет таких, которые бы чем-то принципиально отличались от других. Даже индивидуальные предметы — кинжал, кельт, чекан — по своим формам обычны для всего остального инвентаря. Все это свидетельствует об единстве комплекса, а следовательно, и об одновременно.

Кроме керамики и вещей из могил происходят кости животных, которые являются остатками мясной погребальной пищи, положенной умершим. В тех случаях, когда могилы оставались в

первоначальном состоянии или были не до конца разрушены, можно видеть, что кости животных лежат в кучке. Видимо, для того, чтобы поместить куски мяса на блюда, большие его куски расчленили по суставам, так как сами кости не разбиты. В других могилах кости животных оказались перемешанными с человеческими. Чаще всего в могилах встречаются кости барана, они найдены в 13 могилах. В двух случаях это были молодые бараны, а в остальных старые. На втором месте стоят кости коровы, которые найдены в 7 могилах. В трех случаях это была молодая корова. В двух могилах найдены кости лошади.

В могилах всегда находились одни и те же куски мяса: лопатки, задняя нога и несколько ребер. Всего найдено 16 лопаток от 11 баранов, 4 коров и 1 лошади. В 11 случаях это были правые лопатки, в 1 — левая, а в остальных 4 неясно. Задних ног животных найдено 18, из них 11 бараньих, 6 коровьих и 1 лошадиная. 6 ног оказались правыми, 3 левыми, а остальные не определены. Ребра найдены от 10 животных: 6 баранов, 3 коров и 1 лошади.

В отличие от могильника Гришкин Лог, где в могиле находится чаще всего один комплект костей, здесь в большинстве случаев их бывает два. Только в четырех могилах, трех женских и одной детской, найдено по одному набору костей барана. В одном парном погребении оказалось два комплекта костей баранов. Во всех остальных могилах найдено по два комплекта. Обычно один из них принадлежал барану, а другой корове. В одной из мужских могил было два комплекта из костей лошади и барана, а в другой найдены кости барана, коровы и лошади.

Таким образом, в этом могильнике часто погребенным клали куски мяса как от барана, так и от коровы, которых, видимо, убивали специально для погребения. Кости лошади встречены только в мужских погребениях. Зависимость набора костей от возраста погребенных не устанавливается.

Рассмотрение находок из могильника Черновая I показывает, что его посуда, кроме двух горшков, которые выделяются своей формой и орнаментом, однообразна по способу изготовления, характеру обработки поверхности, по тесту и сочетанию форм, известному и по могильнику Гришкин Лог, что среди бронзовых вещей нет таких, которые выделялись бы своей формой, все они массивные, «натуральные» и представлены экземплярами, явно использовавшимися при жизни их владельцами, что набор украшений устойчивый и повторяется в разных могилах, то же самое можно сказать и о наборе костей от погребальной пищи. Все это свидетельствует, что комплекс могильника един, а следовательно, сам памятник одновременен. Могильник функционировал, по-видимому, в течение короткого периода времени.

ГЛАВА 4. ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД

Переходя к изучению погребального обряда, необходимо напомнить, что он включает в себя все те действия, которые совершают живые по отношению к мертвым. Многие стороны погребального обряда не могут быть выяснены в силу того, что не все действия оказались материализованными в памятниках. Поэтому то, что дошло до нас, приобретает особое значение, так как чем больше удастся извлечь из погребальных памятников сведений, тем полнее можно будет восстановить не только погребальный обряд, но и представления тагарцев о загробной жизни и их мировоззрение.

Однако состояние источников сильно затрудняет решение многих вопросов, так как на этом небольшом кладбище большинство могил разграблены, и все же изучить особенности могил в зависимости от пола и возраста погребенного необходимо. В процессе раскопок наблюдаются определенные повторяющиеся явления, но без детального их изучения нельзя быть уверенным, что это не только наблюдения, но факты, на основе которых можно строить те или иные выводы.

До сих пор речь шла о материалах из основных погребений могильника. Однако из протокольной части видно, что в нем имеются и более поздние впускные захоронения, которые совершались уже после того, как могильник был оставлен его создателями, а могилы отчасти заполнились землей. Говоря о погребальном обряде, приходится рассматривать не только основные захо-

ронения, но и впускные, для установления их особенностей и отличий от ранних, а в связи с отсутствием инвентаря также и для получения сведений, которые позволят хотя бы приблизительно выяснить время поздних погребений.

Все основные захоронения можно разделить на четыре группы по их составу, что облегчается наличием антропологических определений пола, а в большинстве случаев и возраста погребенных.

Первая группа — погребения одиночных мужчин. Они найдены в четырех могилах, две из которых были ящиками, а две другие — ямами со срубками: к. 1, м. 4; к. 2, м. 1; к. 3, м. 1; к. 6, м. 1. Только одна из них сохранилась полностью.

Три другие были почти целиком разграблены. В одной из могил погребен мужчина 50 лет, в другой — 45—50 лет, а в двух точный возраст захороненных не установлен. Могилы с мужчинами в трех оградах занимали центральное место (табл. III). В системах из двух оград они находились в основных. В ограде, где находились две симметрично расположенные могилы, лишь в одной был похоронен мужчина, а в другой женщина. В двух других оградах — к. 1 в северной могиле основной ограды и к. 3 в южной могиле — оказались погребенными женщины. А в к. 6 женщина была погребена в пристройке (табл. III). Такое расположение мужских и женских могил свидетельствует о том, что после смерти женщины ее подхоранивали к мужчинам.

Таблица III

Расположение могил в оградах в зависимости от пола и возраста погребенных

Курган	Ограда	К-во могил	Могила			
			северная	центральная	южная	в углу
1	2	3	4	5	6	7
1	Основная	2	Женщина			
				Мужчина		
	Северная	2	Ребенок			
				Мужчина		
				Женщина		

1	2	3	4	5	6	7
2	Основная	3	Мужчина			
					Женщина	
						Ребенок
3	Основная	2		Мужчина		
					Женщина	
4	Основная	1		Женщина		
5	Основная	1		Мужчина		
				Женщина		
				Ребенок		
6	Основная	1		Мужчина		
	Южная	1		Женщина		
7	Основная	1		Женщина		
8	Основная	2	Женщина			
9	Основная	1		Женщина		

Основные ограды

Состав погребения	Могила			
	северная	центральная	южная	в углу
Мужчина	1	3	—	—
Женщина	2	3	2	—
Ребенок	—	—	—	1
Мужчина + Женщина + Ребенок	—	1	—	—

Пристройки

Состав погребения	Могила			
	северная	центральная	южная	в углу
Женщина	—	1	—	—
Ребенок	1	—	—	—
Мужчина + Женщина	—	1	—	—

Судя по лучше сохранившимся могилам, умершего укладывали в вытянутом положении, на спине, с вытянутыми вдоль тела руками, головой на ЗЮЗ. В двух случаях слева у головы в западном углу могилы стояло по горшку, а если был второй, обычно меньший по размеру, он был помещен справа у ноги, в восточном углу. Посуда представлена разными типами горшков и разными их сочетаниями. В связи с разрушенностью могил вещей в них немного. В сохранившейся м. 1 к. 3 (табл. 32, 6) в области пояса на левой части таза находилось зеркало (табл. 37, 30), а на нем большая красная бусина (табл. 37, 27), между

тазом и левым предплечьем лежали, видимо, первоначально находившиеся на поясе кинжал, нож и кельт (табл. 36, 7, 9, 15), у черепа и около названных вещей найдены две бляшки (табл. 37, 5, 9). В отчасти сохранившейся м. 1 к. 2 (табл. 33, 1) у ног погребенного лежали гвоздевидные бляшки (табл. 36, 1—4). Этим исчерпывается инвентарь мужских могил. Остатки мясной пищи в двух могилах находились на первоначальном месте. Видимо, нетронутой оказалась и часть костей в разрушенной м. 4 к. 1 (табл. 32, 4). Судя по этим случаям в двух из них пища была положена справа у ноги, а в одном слева. Во всех трех могилах

набор костей барана, в двух — коровы и в двух — лошади.

Состояние мужских захоронений не позволяет делать каких-либо обобщений. Из их особенностей можно отметить только наличие оружия у одного из погребенных и костей лошади в качестве остатков погребальной пищи.

Вторая группа — погребения одиночных женщин. Они оказались в восьми могилах: к. 1, м. 3; к. 2, м. 2; к. 3, м. 2; к. 4; к. 6, м. 2; к. 7, м. 1; к. 8; м. 1; к. 9 (рис. 22, 23).

Рис. 22.
Могильник Черновая I, к. 1, м. 3.
Захоронение женщины, фото

Рис. 23.
Могильник Черновая I, к. 8, м. 1.
Захоронение женщины, фото

Пять могил представляют собой каменные ящики, а три — грунтовые ямы с остатками деревянных креплений. Погребенные женщины имели разный возраст, только в двух случаях он не был установлен. В шести могилах похоронены женщины — 16, 18, 30, 40, 45—50 и 60 лет.

Могилы с женщинами занимают разное место в оградах (табл. III), в трех из них они находились в центре, но других могил в ограде не было. В двух — женские могилы расположены симметрично по отношению к центру. В двух случаях они находились в промежутке между центральной, мужской, могилой и оградой, в одном — в пристройке. Все это свидетельствует о том, что если женщину не хоронили одновременно с мужчиной, то ее потом подхоранивали к нему. Что же

касается отдельно похороненных женщин, то, видимо, они умерли раньше мужчин, рядом с которыми должны были быть погребены. Женщин, как и мужчин, укладывали в вытянутом положении, на спине, головой на ЗЮЗ, и только в одном случае ее положили в противоположном направлении, головой на ВСВ (табл. 32, 3). При погребении женщинам ставили горшки всех видов. Там, где горшки сохранили свое первоначальное положение, можно видеть, что один из них всегда стоит слева от головы в западном углу могилы (табл. 32, 5; 34, 2, б) и в одном случае слева же у головы в восточном углу (табл. 32, 3). При наличии двух горшков второй ставили справа у ноги в восточном углу могилы (табл. 32, 5; 33, 3; 34, б), в трех случаях, или справа у головы (табл. 32, 3). Только в одном случае, в последней из названных могил, слева у бедра стоял третий маленький красноглиняный горшочек.

Инвентарь женских могил значительно богаче, чем мужских. За исключением двух, во всех остальных найдены какие-либо вещи. Везде встречены бляшки по две или по одной. В четырех могилах оказались ножи, в трех из них ножи лежали слева от погребенной, на уровне предплечья, а в одной — справа у таза. В двух могилах рядом с ножом находилось шило. Сочетание ножа и шила и их расположение рядом говорит о том, что оба предмета находились в одном чехле. В двух могилах у женщин оказались зеркала. У одной оно лежало на правой части груди (табл. 32, 3), а у другой справа на поясе (табл. 34, б). Рядом с зеркалом в м. 3 к. 1 находились клык кабарги и бусы, в к. 9 обломок гребня, бусы, пронизки и большая красная каменная бусина. По всей видимости, и эти вещи могли находиться в одном мешочке. Головной нож из м. 2 к. 6 найден рядом с ножом и шилом. В трех могилах в области верхней части груди или рядом с ней лежали бронзовые пронизки, которые, возможно, свисали на кожаных ремешках от головного убора.

Во всех могилах были найдены кости животных. Они представлены характерным набором. В трех могилах находилось только по одному комплекту костей барана, а в четырех — по два комплекта от барана и коровы. В тех случаях, где кости животных лежали на первоначальном месте, можно видеть, что их помещали между левой голенью и стеной могилы (табл. 32, 3; 33, 3; 34, б) и только в одной (м. 1, к. 8) они лежали справа, но также у голени (табл. 34, 2).

Говоря в целом о женских погребениях, можно отметить некоторые характерные для них детали. В большинстве случаев ножи и шилья находились справа от погребенной, зеркала также лежали на правой части скелета, в области груди находились подвески. Для этих погребений характерны находки украшений. Кости животных преимущественно находятся у левой голени, а из горшков один всегда стоит слева у головы, второй — справа у ноги.

Третья группа — погребения одиночных детей. Таких всего два: к. 1, м. 1; к. 2, м. 3.

Обе могилы сохранились только отчасти (табл. 32, 1; 33, 2). В них погребены ребенок 15 лет и ребенок неопределенного возраста. В кургане 1 могила находилась между основной и стенкой ограды, как в других случаях расположены женские могилы. В к. 2 она была пристроена во внутреннем углу ограды (табл. III). Судя по отдельным сохранившимся костям, погребенные лежали в к. 1 головой на ЗЮЗ, а в к. 2 — на СЗ, по всей видимости, в вытянутом положении, на спине. В первой могиле в западном углу стоял горшок, как обычно, слева у головы, вторая не имела инвентаря. В могиле с горшком найдены и кости барана, находившиеся справа у ноги. Положение погребенного, расположение костей барана, их состав и место, занимаемое могилой, в известной мере могут свидетельствовать о том, что это погребение молодой женщины. Что же касается второй могилы, то там, видимо, захоронен младенец.

Четвертая, последняя, группа — погребения мужчины, женщины и ребенка. Таких могил две: к. 1, м. 2; к. 5. Обе они в древности разграблены (табл. 32, 2; 33, 4). В одной из них погребены мужчина 20 лет и женщина 20—25 лет с ребенком 1 года, а в другой обоим взрослым было по 40—45 лет и ребенку 1—2 года. Могила к. 5 оказалась единственной в ограде и занимает в ней центральное положение. Что же касается второй, то она была центральной в северной пристройке (табл. III). Состояние могил не позволяет установить первоначальное положение погребенных. Правда, в к. 5 две ноги одного из них, кажется, не были потревожены, и если судить по ним, то один из похороненных лежал головой на СВ, но размещение остатков горшков указывает на противоположное направление. Можно все же думать, что независимо от направления погребенные лежали рядом, в вытянутом положении, на спине, как и в других могилах. Обе эти могилы самые широкие и явно рассчитаны на захоронение не одного человека. Место, которое занимали в могилах дети, совершенно не устанавливается. В обеих могилах найдены горшки, но из к. 1 оба утрачены. В к. 5 их было три. Два стояли в западном углу, а один в южном. Вещей сохранилось немного. В к. 1 в западном углу найдены рядом лежащие нож и шило, по всей видимости, принадлежавшие женщине. В могиле к. 5 также найдены женские вещи: пронизки и бусы, но кроме них оказались бляшки и чекан. По наборам вещей могилы как бы соединяют в себе черты одиночных мужских и женских погребений. Здесь, следовательно, наблюдаются не особые черты обряда, свойственные парным погребениям, а как бы совмещение черт, характерных для погребений людей разного пола. Что же касается мясной пищи, то она в обеих могилах представлена двумя комплектами костей: в одной — костями коровы и барана, а в другой — двух баранов. В общем можно сказать, что никаких специфических черт в могилах, где похоронены два взрослых и ребенок, наблюдать не удается.

Все рассмотренные погребения являются основными в Черновой I. Именно для них их родичами создан этот могильник. Можно видеть, что в целом обряд погребения является одинаковым для всех похороненных. Не зависит от пола и возраста конструкция могил, одинаково положение погребенного — за редким исключением все лежат головой на ЗЮЗ, одинаково расположение горшков у головы и у ног, не отличается и набор костей животных, свидетельствующий, что независимо от пола и возраста умершему клали только определенные части туши жертвенного животного. Место, занимаемое мясной пищей, почти всегда одно и то же — около ноги. Отличия же состоят в наборе вещей, указывающих на род занятий, а соответственно, и пол погребенного. Все это говорит о том, что могильник и по обряду погребения един и одновременен.

Кроме основных погребений в нем оказались захоронения явно другого облика и времени. Они обнаружены в четырех могилах: к. 4; к. 6, м. 2а; к. 7; к. 8, м. 2.

В к. 4 в западной части могилы над разрушенным основным погребением находились два мужских скелета, лежавшие лицом друг к другу, с сильно скорченными руками и ногами, таким образом, что пятки были прижаты к тазу (табл. 33, 3). У них не оказалось инвентаря. Место, занимаемое этими скелетами, и то, что они в отличие от основного, были лучшей сохранности, хотя сами кости были более хрупкими, указывает на их более позднее время.

В м. 2 к. 6 восточная половина верхней части ямы была преобразована в отдельную детскую могилу (табл. 34, 3), отграниченную вертикально стоявшей плитой. При ребенке также не было инвентаря. Ясно, что эту могилу могли сделать либо уже после того, как основная была ограблена, либо одновременно с ее разрушением, используя плиту покрытия для сооружения стенки.

В к. 7 на дне лежал в вытянутом положении, на спине, скелет женщины 14 лет со сложенными на груди руками (табл. 34, 5). В заполнении же находились кости женщины 60 лет. Здесь также ясно, что похоронить молодую женщину могли только после разрушения основного погребения. Инвентаря при ней нет. Положение рук погребенной необычно для раннетагарских захоронений. Вообще в целиком раскопанных могильниках этого времени вторичных подхоронений в могилу не встречалось. Все это позволяет считать, что, несмотря на вытянутое положение погребенной, это захоронение не может относиться к основным и является более поздним впускным.

Последний случай таких погребений имел место в м. 2 к. 8 (табл. 34, 4). Здесь в разрушенной западной части ящика один под другим находились останки 9 погребенных — пяти взрослых и четверых детей. В тех случаях, где удалось зафиксировать первоначальное положение скелетов, можно было видеть, что они были предельно скорченными, так что пятки касались таза. Ин-

вентаря с ними не оказалось. В этой могиле осталось неясным, кто первоначально был похоронен. Судя по размерам могилы, здесь должен был лежать взрослый, а учитывая, что могилы в этом кургане расположены симметрично по отношению к центру ограды и что в м. 1 оказалось захоронение женщины, по аналогии с оградой 2 можно предполагать, что в этой могиле должен был лежать мужчина.

Всего во впускных захоронениях оказалось 13 человек, включая сюда и основного погребенного из м. 2 к. 8. Среди них было трое мужчин — 25—30, 34—40 и 50 лет; две женщины — 14 и 35—40 лет, трое взрослых неясного возраста и пятеро детей: трем из них не исполнилось еще и 1 года, один годовалого возраста и один 5—6 лет.

Все рассмотренные погребения объединяет лучшая по отношению к основным из тех же могил сохранность и нарушение первоначальных захоронений, что с несомненностью указывает на более поздний их возраст. Отсутствие какого бы то ни было инвентаря, а также другой обряд погребения и положение умерших свидетельствуют о культурном отличии поздних захоронений от ранних.

Никаких прямых указаний на время этих погребений нет. Можно только предполагать, по аналогии с другими могильниками, что захоронения совершены в конце тагарской эпохи, что они могли быть оставлены тесинцами.

В известной мере об этом можно судить по впускной могиле, отчасти затронувшей м. 1 к. 1. Здесь в небольшой грунтовой ямке с костями ребенка найдены два горшка (табл. 35, 5, 6), схожие с тесинскими.

Рассматривая в целом могильник Черновая I, можно видеть, что он является двухслойным. Ранние его погребения составляют его основу, и именно для них древние тагарцы сооружали ограды и могилы. Поздние — все впускные, и для них использовали уже имеющиеся готовые сооружения, которые вскрывали для захоронений. Сопоставление ранних и поздних погребений лишний раз

подчеркивает монолитность и единокультурность каждой группы, можно поэтому говорить, что основная часть могильника принадлежит к относительно короткому историческому периоду и характеризует культуру ранних тагарцев.

Умершего для погребения обряжали в одежды, может быть праздничные, но в общем обычные, с принадлежавшими ему вещами и украшениями, придавали ему позу спящего на спине человека. Для погребения убивали животных, чаще всего барана и корову. Основную часть мяса съедали, а три куска от каждой туши клали с погребенным. В могиле человека укладывали на спине головой на ЮЗ, а лицом на СВ, к восходу солнца. Слева у головы ставили горшок, видимо, с жидкой пищей, а справа у ноги миску. У левой, реже — у правой голени на каком-то деревянном подносе или блюде клали куски мяса. А затем закрывали могилу плитой и возводили над ней земляное сооружение.

Внутри оград не встречаются обломки керамики или кости животных. Нужно думать, что после погребения внутри ограды никаких поминальных приношений не делали. Если же и были поминки, то их отмечали где-то в другом месте. Не наблюдается и вторичных подправок и подхоронений в одну и ту же могилу. Можно считать, что после совершения захоронения и завершения строительства ограды и могилы тагарцы к ней больше не притрагивались, боясь гнева умершего. Даже если в оgrade позже сооружали вторую могилу, первая оставалась нетронутой.

Изучение Черновой I показывает, что памятник этот един. Его материалы объективно отражают определенный этап в истории раннетагарских племен. Поэтому результаты его изучения можно использовать для характеристики культуры и общества этого времени. Соответственно, он становится одним из эталонов, наряду с другими целиком раскопанными памятниками, что позволит в дальнейшем привязать к нему отдельно раскопанные курганы и могилы.

ГЛАВА 5. НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ О СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ ОБЩЕСТВА, ОСТАВИВШЕГО МОГИЛЬНИК

Изучение особенностей могильника и погребального обряда позволило получить некоторые данные для суждения о социальной структуре общества, оставившего могильник.

Дополнительные сведения можно было бы извлечь при рассмотрении демографических вопросов. Хотя сделать это на имеющемся материале трудно. Несмотря на то что почти для всех погребенных имеются определения пола и возраста, количество людей, захороненных на этом кладбище, чрезвычайно мало для проведения анализа. Кроме того, в могильнике оказалось очень немного детей. Такое положение, видимо, требует определенного объяснения, к чему позже придется вернуться.

Но если состояние материала не позволяет рас-

сматривать в полной мере вопросы демографии, то наметить для некоторых из них хотя бы негативное решение возможно. В этом могут помочь результаты исследования демографии Гришкиного Лога I, являющегося эталоном, с которым можно сравнить данные по изучаемому могильнику.

Данные о поле и возрасте захороненных в могильнике приведены в описании, но там содержатся определения не только основных, но и впускных погребенных. Поэтому в таблицах IV и V даны раздельно сведения о поле и возрасте этих двух групп погребенных. В том случае, когда основное погребение остается неясным, данные о нем входят в общие сведения о более поздних погребениях.

Таблица IV

Основные погребения могильника

Курган	Могила	Пол	Возраст	Курган	Могила	Пол	Возраст
1	1	Реб.	15	4		Жен.	?
	2	Муж.	20	5		Муж.	40—45
		Жен.	20—25			Жен.	40—45
		Реб.	1			Реб.	1—2
	3	Жен.	30	6	1	Муж.	45—50
	4	Муж.	?		2	Жен.	?
2	1	Муж.	Взр.	7		Жен.	60
	2	Жен.	18	8	1	Жен.	16
	3	Реб.	?		2	?	?
3	1	Муж.	50	9		Жен.	40
	2	Жен.	45—50				

Таблица V

Впускные погребения могильника

Курган	Могила	Пол	Возраст	Курган	Могила	Пол	Возраст
1	2	3	4	5	6	7	8
1	1a	Реб.	?	8	2	Жен.	35—40
4		Муж.	25—30			Муж.	50
		Муж.	35—40			?	Взр.

1	2	3	4	5	6	7	8
6	2а	Рсб.	до 1			?	Взр.
		Жен.	14			?	Взр.
						Рсб.	до 1
						Рсб.	до 1
						Рсб.	до 1
						Рсб.	5—6

Из данных таблицы IV, где приведены сведения об основных погребениях, видно, что мужчин в два раза меньше, чем женщин. На первый взгляд такое соотношение кажется необычным, тем более что в Гришкином Логу количество мужчин и женщин было одинаковым. Однако если учесть возраст погребенных мужчин и женщин, то картина несколько проясняется. Из четырех мужчин, у которых известен возраст, одному оказалось 20 лет, а трое 40—45, 45—50 и 50 лет. Отсюда, несмотря на небольшое количество случаев, следует, что мужчины больше умирали в зрелом и старческом возрасте. Среди женщин было четыре молодых — 16, 18, 20—25 и 30 лет и столько же пожилых — 40, 40—45, 45—50 и 60 лет. Можно видеть, что женщины умирали в большом количестве в возмужалом и зрелом возрасте. По данным Гришкиного Лога, из всех родившихся к 15 годам оставалось в живых 70 % людей и из них половину составляли мужчины и половину женщины. К 40 годам из женщин в живых оставалось только 15 %. На протяжении 25 лет, следующих за детским возрастом, вымирало большинство женщин, в то время как мужчины умирали значительно реже. И только начиная с 40 лет происходило пропорциональное умирание мужчин и женщин.

Небольшие размеры могильника, его, так сказать, молодой возраст и, следовательно, относительно короткий срок функционирования рисует картину ускоренного вымирания женщин в ранних возрастах по сравнению с мужчинами. Поэтому на кладбище оказалось в два раза меньше мужчин, чем женщин, и половина последних представлена молодыми возрастными. Отсюда следует, что, несмотря на небольшое количество наблюдений в Черновой I, проявляется та же закономерность, что и в Гришкином Логу: ускоренное вымирание женщин в молодом возрасте по сравнению с мужчинами. Причины этого явления подробно разобраны в связи с Гришкиным Логом. Здесь можно только напомнить, что это связано в первую очередь с деторождением, которое при низком уровне санитарного состояния приводило к повышенной смертности женщин в раннем возрасте.

Что же касается детской смертности, которая должна быть довольно высокой, а следовательно, и на кладбище должно быть много детских захоронений, то можно предположить, что детей хоронили либо в другом месте, либо по другому обряду, как это было зафиксировано М. П. Грязновым

для андроновских памятников Оби [Грязнов, 1956, с. 24], хотя пока специальных детских кладбищ для тагарской культуры не зафиксировано.

В то же время соотношение взрослых и детей в разных тагарских могильниках не одинаковое, что уже было отмечено А. Г. Козинцевым [Козинцев, 1971, с. 149]. Если непропорциональное количество погребенных мужчин и женщин, исходя из данных Черновой I, можно попытаться объяснить продолжительностью функционирования могильника: чем меньше мужчин и больше женщин, тем короче период его использования, то незначительное число детей пока удовлетворительного объяснения не находит.

Что же касается впускных погребений (табл. V), то они представляют собой кладбище небольшого коллектива, где соотношение мужчин, женщин и детей в принципе соответствует обычной картине, характерной для древних могильников. Несомненно, что и это кладбище функционировало недолго, но детей в это время погребали там же, где и взрослых. Кроме того, на этом позднем кладбище похоронено больше младенцев, чем детей других возрастов, а это обычное явление, хорошо известное в демографии.

К сожалению, имеющийся материал не позволяет ставить вопросы продолжительности жизни или возрастной структуры населения. Но все же, судя по соотношению мужских и женских погребений основной части могильника, можно предполагать, что установленная для Гришкиного Лога продолжительность жизни должна быть такой же и у населения, оставившего Черновую I. И на то и на другое действовали одни и те же причины, что и выразилось в наблюдаемом явлении. Можно думать, что демографический режим жизни обоих коллективов был одинаковым. Отсюда и другие демографические показатели едва ли отличались от тех, которые установлены на материалах Гришкиного Лога.

Опираясь на наблюдения, полученные при анализе погребального обряда, и некоторые замечания по демографии населения, оставившего могильник, можно перейти к рассмотрению некоторых черт социальной организации. Но и здесь, как и в вопросах демографии, сказываются небольшие объемы памятника, что затрудняет получение достаточно обоснованных выводов, вместе с тем результаты аналогичного анализа других могильников позволяют контролировать выводы и

предположения, основанные на имеющемся материале, и делают их более достоверными.

Один из вопросов, рассмотренных при изучении Гришкиного Лога, касался возраста женщины, после которого она могла вступать в брак. Там была серия погребений женщин с детьми и несколько парных погребений с ребенком. В данном могильнике погребений женщин с детьми нет, имеются только два захоронения взрослых с ребенком. В одной из этих могил ребенку исполнился 1 год, а женщине 20—25 лет, в другой — ребенку было 1—2 года, а женщине 40—45 лет. Второй случай из-за очень значительного возрастного разрыва непригоден для установления начала брачного возраста, но вместе с тем свидетельствует, что и в возрасте около 40 лет тагарская женщина могла еще становиться матерью. В первой же могиле разрыв не столь велик. Применяя тот же прием, что и при решении этого вопроса на материалах Гришкиного Лога, то есть отнимая от наименьшего возраста женщины наибольший возраст ребенка, можно установить, что женщина должна была его родить в 19 лет. А если это был первый ребенок, родившийся сразу после вступления ее в брак, то последнее событие должно было произойти на 17-м году жизни. Правда, ни утверждать прямую родственную связь женщины и ребенка, похороненных вместе, ни установить, каким по счету у нее был этот ребенок, невозможно. Но в данном случае важно только одно — указание на относительно молодой возраст матери.

В могильнике имеются погребения и других молодых женщин 16 и 18 лет. Если предположить, что причина их ранней смерти связана с деторождением, то тогда начало брачного возраста должно относиться примерно к 15 годам, как это было установлено и для могильника Гришкин Лог I. Несмотря на слабость приведенных рассуждений, их результаты не противоречат более полно обоснованным выводам, полученным на материалах другого памятника. Поэтому, с известной долей вероятности, можно говорить о том, что и у коллектива тагарцев, оставивших могильник Черновая I, наблюдались ранние браки, что, в свою очередь, приводило к преждевременной смерти молодых женщин.

Если попытаться установить количество детей, которых могли родить погребенные здесь женщины от начала брачного возраста, и считать, что промежутки между рождениями каждого последующего ребенка равны примерно 25 месяцам, окажется, что в среднем на каждую женщину, по данным этого могильника, приходилось по 4 ребенка. Это меньше, чем результаты, полученные для Гришкиного Лога, где эта цифра равна 6. Здесь с несомненностью сказывается значительно меньшее количество наблюдений. Но в то же время и этот показатель, с учетом сказанного, свидетельствует, что особой разницы между обоими древними коллективами, видимо, на самом деле не было.

Среди женских могил не выделяется какая-либо группа погребений, имевших особенности в инвентаре или других чертах, которые позволили бы судить об отличном от других положении захороненных или их специфических занятиях. В этом плане все женские погребения однородны, что свидетельствует о социальном и производственном единстве и исполнении женщинами одних и тех же общественных функций.

В отличие от женских погребений — мужские, на основании найденного с ними инвентаря, делятся на две группы. Всего, как указывалось, мужские захоронения обнаружены в шести могилах, четыре из них индивидуальные погребения, а два — парные. За исключением одной могилы, все остальные разграблены. В них не было металлических вещей, но найдены только горшки и кости животных. В парных же погребениях оказались и отдельные бронзовые вещи. Можно было бы думать, что первоначально во всех могилах находился металлический инвентарь, но анализ могил Гришкиного Лога показал, что по составу и количеству вещей мужские погребения отличались одно от другого.

Действительно, рассматривая полностью сохранившуюся м. 1 к. 3 (табл. 32, б), можно видеть, что в ней погребен мужчина 50 лет с характерным набором вещей. Его головной убор был украшен двумя полусферическими бляшками, слева у пояса находилось зеркало, а левее его кинжал, нож и кельт. Наличие оружия свидетельствует, что в данном случае погребен воин. По всей видимости, симметричные кельты тагарской эпохи использовали не только в качестве орудий труда, но и как оружие, такая его функция в данной могиле несомненна.

Погребение воина 40—45 лет оказалось и в парной могиле к. 5. Несмотря на то что она была разрушена, в ней найден чекан, указывающий на характер занятий мужчины. Таким образом, несомненно, что в двух могилах были погребены воины.

Что же касается остальных могил, где инвентаря не найдено, то хотя и можно допустить мысль, что все до единой вещи были при ограблении изъяты, все же, скорее всего, там их и не было. В этих безынвентарных погребениях можно видеть захоронения рядовых общинников, как это имело место в Гришкином Логу. В безынвентарных могилах погребены мужчины разных возрастов. Воины же имеют зрелый возраст.

Материалы этого могильника подтверждают мысль, что воинами становились не все мужчины данного поселка, а только некоторые из них, обладавшие необходимыми для этого качествами, что выдвигало их из среды общинников. Эти люди, исполняя определенные общественные функции, не занимались хозяйством, а находились как бы на содержании общества, защищая и охраняя его достояние. Небольшое их число говорит о том, что не каждый поселок имел свою «дружину», а она состояла из представителей разных общин, входивших в какое-то объединение.

Появление специальной группы воинов в это время, по всей видимости, неслучайно и оправданно. Во всяком случае, материалы могильника позволяют судить об этом достаточно определенно. В к. 1 в трех могилах найдены захоронения убитых людей. В м. 1 у ребенка 15 лет был пробит острым предметом череп, в м. 2 мужчина также был убит ударом в голову, в м. 3 у женщины с богатым инвентарем между позвонками оказался бронзовый предмет, видимо, обломок ножа, которым она была убита. Все эти случаи убитых и погребенных в одном кургане не случайны и, можно думать, связаны между собой.

Курган состоит из двух пристроек. В основной оgrade, в центральной могиле, для которой ограда сооружена, захоронен мужчина. Позже между стеной ограды и центральной могилой, к северу от нее, сделана вторая могила, где похоронили убитую женщину. В северной пристройке центральная могила содержала парное погребение с убитым мужчиной, а в северной могиле лежал убитый ребенок.

Реконструируя события, связанные с этими погребениями, можно представить их в следующем виде. После смерти мужчины, для которого создана ограда, его похоронили в центре, по прошествии некоторого времени произошли трагические события, повлекшие смерти как-то связанных с ним людей. В результате женщину захоронили к нему в ограду, а для других сделали пристройку. Вряд ли можно думать, что женщина была убита и предназначена для сопровождения первого мужчины. Если бы смерти их произошли одновременно, их, как и в двух других случаях, могли похоронить в одной могиле. И кроме того, эта женщина имела один из самых богатых наборов инвентаря и украшений, что указывает на ее довольно высокое положение в обществе. Скорее всего, в этом кургане похоронены люди, убитые при нападении на поселок врагов, для защиты от которых и существовала объединенная, состоявшая из воинов разных общин, дружина.

Подхоранивание женщины в ограду к мужчине также нельзя считать случайностью. Скорее всего она являлась при жизни его женой. Несмотря на небольшие размеры памятника в нем нет ни одного кургана, где был бы погребен только мужчина. В могильнике имеются парные погребения

в одной могиле, в двух случаях в оградах в центральной могиле лежит мужчина, а в боковой женщина, прихороненная позже к нему, в одном случае в центральной оgrade мужчина, а в пристройке женщина, в одной оgrade в двух симметричных могилах мужчина и женщина и еще одна аналогичная ограда остается недостаточно ясной, но скорее всего во второй могиле был погребен мужчина (таблица III). Отсюда следует, что если умирал мужчина и одновременно с ним женщина, их хоронили в одной могиле, если мужчина умирал раньше женщины, ее потом к нему прихоранивали. Если же женщина умирала раньше мужчины, то ее хоронили отдельно, а мужчину потом к ней не подхоранивали. Следовательно, принцип парности проявляется не только в парных погребениях, но и в оградах и расположении могил.

Наблюдаемое явление свидетельствует о том, что в это время происходит укрепление парной семьи, причем в первую очередь за счет зависимости женщины от мужчины. Женщина и после его смерти остается связанной с ним. В случае же смерти женщины мужчина теряет связь с ней. Такое положение говорит о далеко зашедших патриархальных отношениях.

В связи с отсутствием в могильнике серии детских погребений выяснить их особенности в зависимости от пола и возраста трудно. Можно только предполагать по отсутствию специального инвентаря, положенного детям в парных погребениях, что, как и в Гришкином Логу, им до определенного возраста ничего класть не полагалось. Но установить возрастную границу, после которой отношение к детям менялось, на этом материале нельзя.

В целом же, рассматривая структуру коллектива, оставившего могильник Черновая I, можно сказать, что она очень близка тому, что наблюдалось в Гришкином Логу. Здесь также имели место четкие половозрастные различия и, соответственно, разделение общественных функций. Но если женщины составляют единую группу, то мужчины представлены двумя общественными группами: общинников и воинов, между которыми распределены разные функции. Это общество было явно патриархальным, с подчиненным положением женщины по отношению к мужчине.

ГЛАВА 6. ВОПРОСЫ ДАТИРОВКИ МОГИЛЬНИКА

Как уже говорилось при рассмотрении аналогичного вопроса в связи с могильником Гришкин Лог, достоверных и объективных данных для конкретной датировки памятников тагарской культуры нет, хотя имеется дата, принятая для всей культуры. Что же касается дат отдельных этапов, то они, по современным представлениям, являются служебными, позволяя в определенных хронологических рамках определять время тех или иных памятников.

Подходя к датировке памятника, в первую очередь необходимо выяснить его относительный возраст для отнесения его к определенному этапу. Сделать это можно, беря как эталон могильник Гришкин Лог I и сравнивая с ним Черновую I.

Рассматривая конструкцию оград обоих памятников, можно увидеть некоторые их различия. В Гришкином Логу ограда высокая, до 1 м, с отсутствием угловых столбов как особой конструктивной детали. В Черновой I ограда низкая, 25—30 см, а по углам и в некоторых случаях посередине сторон стоят толстые камни-столбы. Такая конструкция ограды становится ведущей на подгорновском этапе тагарской культуры, то есть в несколько более позднее, чем Гришкин Лог, время.

Над могилой в Гришкином Логу делали небольшое земляное сооружение из дерна, прикрывая им покрытие могилы. Это сооружение в процессе разрушения почти никаких следов не оставило. В Черновой I земляное сооружение было более крупным. Его развал перекрывал плиты ограды, что способствовало сохранению их верхних краев и позволило установить первоначальную высоту. Относительно крупные земляные сооружения получают широкое распространение также в подгорновское время.

Ведущим типом конструкции могил в Гришкином Логу является каменный ящик, перекрытый плитами. Там из 75 могил оказалось всего 6 грунтовых ям, внутри которых находилась деревянная рама, укрепленная снаружи мелкими плитками. В Черновой же из 17 могил 7 были представлены грунтовыми ямами с деревянными рамами. В первом случае этот тип могил составляет 8 %, а во втором — 41 %. Такая конструкция могил с одним или несколькими венцами также становится часто употребляемой на подгорновском этапе.

Следовательно, говоря о конструкции оград и могил Черновой I, можно ясно видеть, что в этом могильнике наблюдаются отличия от Гришкиного Лога, причем такие, которые становятся ведущими на следующем этапе развития тагарской культуры. По этим чертам Черновая I должна относиться к более позднему, чем Гришкин Лог, времени.

Рассматривая керамику обоих памятников, нетрудно заметить, что виды и типы ее в общем одинаковы для них. И хотя по количеству горшков Гришкин Лог намного превосходит Черновую и поэтому прямые сопоставления не могут иметь совершенно объективного значения, они все же позволяют в общих чертах представить положение. Так, тип гладкостенных горшков в равной степени характерен для рассматриваемых могильников. Горшков с карнизиком в Черновой меньше, чем в Гришкином Логу, но это могло произойти и из-за потери некоторых сосудов. Количество желобчатой керамики в обоих могильниках пропорционально.

Индивидуальных форм в Гришкином Логу больше, и представлены они разнообразнее, но опять-таки здесь может сказаться общее большее количество посуды. Мисок, сделанных из нижней части горшков, примерно одинаковое количество.

Таким образом, принципиальных различий в посуде Гришкиного Лога и Черновой наблюдать не удастся, по этому виду инвентаря они очень близки между собой.

Ассортимент орудий труда почти одинаков. В Гришкином Логу было два вида ножей: пластинчатые, отлитые в двусторонней форме с отверстием в верхней части ручки, и такие же по форме, но с навершием, выступающим за плоскость рукоятки. В Черновой найден только первый тип ножей с отверстием в рукоятке. Отсутствие в памятнике ножей с выступающим навершием, которое все исследователи рассматривают как довольно ранний признак, свидетельствует, что Черновая по виду ножей несколько более поздний могильник, чем Гришкин Лог. В то же время в подгорновских памятниках пластинчатые ножи хотя и близки к рассматриваемым, но изготавливались в односторонней форме. Все это позволяет считать Черновую более поздней, но не дает оснований значительно омолаживать ее по сравнению с Гришкиным Логом.

Шилья в обоих памятниках простые, гвоздевидные и принципиально не отличаются, хотя в Гришкином Логу они выглядят несколько разнообразнее, видимо, за счет их большего количества.

Кинжалы обоих памятников одинаковы и относятся к виду с валиковым навершием и прямым или несколько опущенным перекрестием. Между ними принципиальных различий нет. Чеканы, хотя чекан из Черновой утерян, также близки в первую очередь своей массивностью и натуральностью размеров. Кельт из Черновой, несмотря на то, что он относится к IV типу по классификации М. П. Грязнова [Грязнов, 1941, с. 258], в орнаменте имеет еще некоторые черты — свисающие ребра по сторонам и середине шек, — характерные для III типа, по времени предшествующего IV [Грязнов, 1941, с. 256]. Таким образом, в орудиях производства и оружии резких отличий не наблюдается, что свидетельствует о временной близости обоих могильников.

Зеркала, как и предметы туалета, одинаковы. И там и здесь представлены оба их вида — с валиком и с тонким краем, имеются костяные головные ножи и двусторонние гребни, украшенные кружковым орнаментом, что позволяет судить об идентичности этих вещей.

Все украшения, найденные в Черновой I, полностью соответствуют украшениям Гришкиного Лога. Одинаковы бляшки, пронизки, бусы и крупные гвоздевидные бляшки. И по этому виду инвентаря отличий не наблюдается.

Набор погребальной пищи, состоящий из задней ноги, лопатки, ребер, в принципе одинаков. Отличия состоят в том, что в Гришкином Логу имеется еще кусок грудины, и там часто в могиле находится один комплект костей. В Черновой грудина отсутствует, а комплектов костей чаще всего два. Но эти различия могут носить не временной, а локальный, этнографический характер, принципиальных же отличий по этим чертам между памятниками нет.

В обряде погребения также можно видеть общие черты в положении и ориентировке, в расстановке горшков и помещении в могилу мясной пищи. Но если в Гришкином Логу наблюдаются некоторые черты неустойчивости, выраженные в размещении мяса в разных частях могилы, то в Черновой оно всегда положено рядом с ногой. Создается впечатление, что в первом случае как бы нащупывают будущие канонизированные черты, а в Черновой они уже выступают достаточно отчетливо. Общим является и размещение зеркал

в месте, которое занимает оружие, лежащее всегда слева у пояса.

Все это позволяет прийти к мнению, что в обряде могильники почти идентичны, но Гришкин Лог — памятник, где его черты только складываются, а Черновая отражает заверченный этап сложения, и следовательно, является несколько более поздней.

Нет различий и в организации общества. Появляются люди, исполняющие разные общественные функции, и там и тут практикуют ранние браки, одинаковы роль и занятия женщин.

Рассматривая в целом оба могильника, можно видеть, что между ними наряду с большим сходством в инвентаре есть и черты отличий, которые свидетельствуют, что Черновая I — памятник несколько более позднего времени. Однако отличия проявляются не во всех чертах, и поэтому отрывать Черновую и помещать в другой исторический период нельзя. В самом крайнем случае Черновую можно рассматривать как памятник, переходный от черновских (сейчас они пока считаются по принятой терминологии баиновскими) к подгорновским. Но и это заключение предварительное, пока не проанализированы по такой же программе, как это сделано с Гришкиным Логом и Черновой, могильники подгорновского этапа.

Здесь стоит отметить, опять-таки в предварительном плане, что наибольшие отличия наблюдаются не в инвентаре (керамике, оружии, орудиях производства и украшениях), а в конструкции могильных сооружений, что противоречит необоснованно принятому представлению о наибольшей подверженности изменению оружия [Членова, 1967, с. 13]. Во всяком случае, материалы рассмотренных могильников этого взгляда не подтверждают.

Заключение о том, что Черновая I близка Гришкиному Логу, но несколько позже его, позволяет, из принятой служебной датировки последнего могильника, установить и время Черновой. Если изучение вопроса о дате Гришкиного Лога привело к заключению, что он относится к VI в. до н. э., а подгорновские памятники принято датировать V в. до н. э., то время Черновой I должно быть отнесено к концу VI в. до н. э. Дата эта не бесспорна, но кажется наиболее приемлемой, исходя из всего вышесказанного. Она дает только общие границы памятника, но учитывая, что могильник небольшой, он, конечно, должен относиться к очень короткому отрезку времени, равному нескольким годам. Однако определить этот период не представляется возможным.

МОГИЛЬНИК НОВАЯ ЧЕРНАЯ I

ВВЕДЕНИЕ

Среди полностью раскопанных раннетагарских могильников особое место занимает Новая Черная I. Этот памятник по своим масштабам подобен Гришкиному Логу I. Следовательно, их сопоставление может дать наиболее интересные результаты для решения вопросов о локальных или хронологических особенностях могильников раннетагарского времени. Однако состояние материалов Новой Черной I несравненно хуже, чем Гришкиного Лога I. В отличие от последнего, антропологические определения погребенных на этом кладбище полностью не сделаны, что не позволяет с достаточной точностью рассматривать вопросы погребального обряда, демографии и со-

циальных отношений. Кроме того, могильник значительно разрушен более поздними сооружениями, находившимися на этом же месте, в результате чего особенно пострадали ограды. Вместе с тем, несмотря на такое состояние памятника, его можно все же исследовать по той же программе, по которой это было сделано с Гришкиным Логом, прежде всего в части изучения конструкции оград и могил, а также инвентаря. Кроме того, некоторые результаты изучения вышеописанных могильников (Гришкиного Лога, Черновой I) позволяют понять те отрывочные данные, которые имеются по Новой Черной для решения других вопросов¹.

¹ Археологический материал хранится в ГЭ (кол. 2559, 2560). В работе использованы антропологические определения Г. Ф. Дебеца (Г. Ф. Д.) и А. Г. Козинцева (А. Г. К.). Работа была написана до того, как А. Г. Козинцев издал [Козинцев, 1977] сведения о поле и возрасте по неопубликованным измерениям Г. Ф. Дебеца, И. И. Гохмана и собственным. — Э. В.

ГЛАВА 1. МАТЕРИАЛЫ РАСКОПОК

Могильник расположен на узкой береговой террасе Енисея. На севере она начинается под горой, находящейся справа от устья р. Черновой, впадающей в Енисей с запада. Эта гора на протяжении 1.5 км вдоль Енисея к югу от устья речки образует обрыв, а далее идет постепенно расширяющаяся к сарагашенскому увалу береговая терраса, образующая как бы очень длинный остроугольный треугольник, вершина которого упирается в южное подножие горы. Именно в этом углу в течение нескольких лет работал Черновский отряд Красноярской экспедиции. В 20-е годы на этом месте находилась деревня Новая Черная, по имени которой и назван могильник.

В процессе работы здесь были обнаружены памятники разного времени: андроновский могильник (Новая Черная II), детский андроновский могильник (Новая Черная III), могильник тагарской эпохи (Новая Черная I), могильник таштыкской культуры (Новая Черная IV), а несколько выше по восточному склону горы располагались могильники более поздних эпох (рис. 17).

Все курганы разных по времени памятников сильно испорчены бывшими здесь постройками. Раскопки тагарского могильника продолжались в течение двух лет — в 1965 и 1966 гг. Могильник исследован полностью.

В 1965 г. раскопаны курганы 1, 2, 5, 6, 7, 8, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16; в 1966 — курганы 3, 4, 9, 17, 19, 20, 21, 22. Так как номера курганам давали в первый год раскопок по внешним признакам, то оказалось, что к. 18 не относится к этой эпохе. В нем удалось лишь частично раскопать могильную яму, заполненную большим количеством человеческих скелетов, часть из которых была сожжена. Докопать могилу не удалось, так как она была затоплена поднимающейся водой.

Курган 1 (табл. 38, Л). До раскопок на поверхности земли просматривались отдельные камни. Заложенным раскопом 9.2×9.5 м выявлена система из двух оград. Основная ограда прямоугольной формы, 7 (СЗ—ЮВ)×6 (ЮЗ—СВ) м. Сооружена из плит, поставленных на ребро. Внутри ограды могилы 1, 2. Южная сторона ограды плохой сохранности. Верхние концы плит не разрушены и указывают на первоначальную высоту ограды. Пристройка у восточной стены квадратной формы, 1×1 м, плохо сохранилась. В ней могила 3.

Могила 1 (табл. 41, б). Грунтовая четырехугольная яма, 240×130×55 см, ЮЗ—СВ. Первоначально в яме был сооружен сруб, укрепленный снаружи плитами. От покрытия сохранились 2 обломка большой плиты и развалившиеся в разные стороны мелкие плитки от кладки над плитой. В заполнении встречались кости. На дне сохранилась в первоначальном положении правая голень со стопой, судя по которым, погребенный лежал в вытянутом положении, на спине, головой на ЮЗ. Рядом с ногой сохранились кости животных (корова и баран). На том месте, где должна была быть голова — 2 бронзовые полусферические бляшки (табл. 53, 2). В 30 см от северной стенки найдены бронзовое зеркало (табл. 54, 8) и костяной головной нож (табл. 54, 2). У западного угла большой раздавленный горшок (табл. 49, 14). В восточном углу второй раздавленный горшок (табл. 50, 16).

Могила 2 (табл. 41, 5). Прямоугольный каменный ящик, 190×90×60 см, ЮЗ—СВ, из вертикально поставленных плит. В заполнении встречались обломки плит покрытия и кости. Могила ограблена. У южной стены могилы груды человеческих костей. В западном углу горшок (табл. 49, 4).

Могила 3 (табл. 41, 7). Прямоугольный каменный ящик, 105×45×30 см, ЮЗ—СВ, из вертикально поставленных плит. От покрытия сохранились обломки плиты. Могила пустая.

Курган 2 (табл. 38, 2). До раскопок на поверхности земли были заметны в некоторых местах отдельные плиты, поставленные на ребро. Заложенным раскопом выявлена четырехугольная ограда 8 (СЗ—ЮВ)×5 (ЮЗ—СВ) м, плохой сохранности, к северо-западной стороне которой сделана пристройка 3.3×3.2 м, СЗ—ЮВ. По трем углам основной ограды сохранились угловые камни. Внутри ограды могилы 1, 2, 3, 4, в пристройке могила 5.

Могила 1 (табл. 41, Л). Прямоугольный каменный ящик, 210×100×80 см, ЮЗ—СВ, из вертикально поставленных плит. Над северо-восточной частью ящика сохранилось покрытие в виде толстой плиты размером 70×45 см. В заполнении встречались мелкие обломки плиты покрытия и кости. Судя по количеству костей и двум черепам, погребенных было двое. Один из скелетов принадлежал женщине 15—17 лет (?). В первоначаль-

ном положении сохранились голени и ступни одного из скелетов, по которым можно судить, что погребенный лежал в вытянутом положении, на спине, головой на ЮЗ. У ног, вдоль северо-западной стенки ящика, кости животного: 3 ребра, лопатка, копыто (корова). В середине могилы, в груде смешанных человеческих костей — раздавленный плоскодонный черный горшок (табл. 48, 1/).

Могила 2 (табл. 41, 3). Прямоугольный каменный ящик, 230×130×85 см, ЮЗ—СВ, из вертикально поставленных плит. В могиле встречены кости трех скелетов (двух взрослых и ребенка). От скелета № 1 в первоначальном положении сохранились голени и ступни, судя по которым, погребенный лежал на спине, в вытянутом положении, головой на ЮЗ. В западном углу горшок (табл. 50, 1/), у левой голени кости барана. Кости скелета № 2 находились в разрозненном состоянии. Скелет ребенка не потревожен, лежал на спине, в вытянутом положении, головой на ЮЗ. Один из взрослых скелетов принадлежал мужчине 35—55 лет (А. Г. К.).

Могила 3 (табл. 41, 4). Прямоугольный каменный ящик, 20×10×80 см, ЮЗ—СВ, из вертикально поставленных плит. В заполнении встречались кости и обломки плиты покрытия. На дне могилы разбросаны кости 3 погребенных. От скелета № 1 — в первоначальном состоянии сохранились голени и ступни ног, судя по которым, погребенный лежал на спине, в вытянутом положении, головой на ЮЗ. У левой голени кости животных (корова, лошадь и кости барана). Слева от первого погребенного расположены голени скелета № 2, судя по которым он лежал на спине, в вытянутом положении, головой на ЮЗ. От третьего погребенного сохранился только череп. Один из скелетов принадлежал женщине 23—27 лет (Г. Ф. Д.). В южном углу могилы обломки горшка (табл. 51, 1/).

Могила 4. Прямоугольный каменный ящик, 80×70×40 см, ЮЗ—СВ, из вертикально поставленных плит. Покрытие сброшено. В могиле лежал почти неповрежденный скелет ребенка в вытянутом положении, на спине, головой на ЮЗ. У левого плеча — кости животного (баран).

Могила 5 (табл. 41, 2). Прямоугольный каменный ящик, 150×75×60 см, ЮЗ—СВ, из вертикально поставленных плит. На дне могилы разрозненные кости ребенка и обломки черного плоскодонного горшка (табл. 49, 1/).

Курган 3. До раскопок на поверхности земли прослеживались отдельные камни. Разбитым раскопом выявлены две пристроенные друг к другу оградки из вертикально поставленных плит. В каждой ограде было по одной могиле.

Могила 1 (табл. 42, 1) (северо-западная ограда). Четырехугольная грунтовая яма, 220×160×100 см, СВ—ЮЗ, со следами сруба. Покрытие разрушено. Вокруг могилы разбросаны мелкие плитки от надмогильного сооружения. В могиле скелет женщины 35—55 лет (А. Г. К.), лежавшей в вытя-

нутом положении, на спине, головой на ЮЗ. В области таза обломки черепа младенца. В изголовье крупный баночный горшок (табл. 48, 1/), второй, меньших размеров, стоит справа у ног (табл. 51, 1/). На груди бронзовое зеркало (табл. 54, 4), у левой руки бронзовый нож с петелькой (табл. 52, 1/2) и костяной головной нож (табл. 54, 4). У левой ноги лопатка и большая берцовая кость барана, а также ребра, лопатка и бедро коровы.

Могила 2 (табл. 42, 2) (юго-восточная ограда). Прямоугольный каменный ящик, 210×110×130 см, СВ—ЮЗ, из вертикально поставленных плит. Покрытие разрушено. В могиле нарушенный скелет женщины 35—55 лет (А. Г. К.), в первоначальном положении сохранились часть таза и ноги, судя по которым, погребенный был положен в вытянутом положении, на спине, головой на ЮЗ. В головной части могилы был положен баночный горшок (табл. 50, 1/), обломки второго, меньшего, у правой ступни (табл. 48, 1/). В заполнении найдена бронзовая бляшка (табл. 52, 1/). У левой ступни — ребро и лопатка барана.

Курган 4 (табл. 38, 4). До раскопок на поверхности земли прослеживались отдельные камни ограды. Заложенным раскопом выявлена система из двух оград, стены которых сделаны из вертикально поставленных плит. Основная юго-восточная ограда 8.0×5.5 м, в ней две могилы (№ 2, 3), у северо-западной ее стены сооружена пристройка 4×5 м, в ней одна могила (№ 1).

Могила 1 (табл. 42, 3). Прямоугольный каменный ящик, 210×120×90 см, СВ—ЮЗ, из вертикально поставленных плит. Покрытие нарушено. В могиле разрозненные кости скелета, на глубине 66 см в первоначальном положении левая нога и правая — ниже колена, судя по которым, погребенный был положен в вытянутом положении, на спине, головой на ЮЗ. На дне могилы второй скелет, в вытянутом положении, на спине, головой на ЮЗ. Слева на его груди лежало бронзовое зеркало (табл. 54, 9), а у левой руки — бронзовый нож (табл. 52, 1/4) и проколка (табл. 52, 6). В головах скелета стояли два сосуда (табл. 49, 5; 51, 4). У головы бронзовая полусферическая бляшка с точечным орнаментом по краю (табл. 53, 3). В ногах лежали кости животного. В заполнении могилы встречены кости еще от двух взрослых человек и одного ребенка. Один из взрослых скелетов принадлежал мужчине 20—55 лет (А. Г. К.).

Могила 2 (табл. 42, 5). Четырехугольная грунтовая яма, 200×160×70 см, ВСВ—ЗЮЗ, с остатками сруба. Между срубом и стенками ямы заложены мелкие плитки. Покрытие нарушено. В могиле разрозненные кости взрослого человека, на месте левая голень, судя по которой, погребенный первоначально был положен в вытянутом положении, на спине, головой на СВ. На дне могилы найдены бронзовый нож (табл. 52, 1/3) и шило (табл. 52, 4), а в заполнении — кости животных.

Могила 3 (табл. 42, 4). Прямоугольная грунтовая яма, 160×80×60 см, ВСВ—ЗЮЗ, со срубом в

два венца. Между срубом и стенками ямы закладка из мелких плит. Сохранились куски дерева от покрытия. В могиле разрозненные кости молодого человека. На месте череп и плечевые кости, судя по которым, первоначально погребенный лежал в вытянутом положении, на спине, головой на ЮЗ. В юго-восточном углу могилы стояли три сосуда, два больших и один миниатюрный (табл. 48, 2; 50, 3, 18). Вдоль нижней стенки сруба лежали кости животных и бронзовый нож (табл. 52, 10). Под горшками найдено 72 астрагала баранов, по два астрагала находилось и в каждом горшке. Некоторые астрагалы полированные, другие имеют сквозные отверстия или насечки.

Курган 5 (табл. 38, 3). До раскопок на поверхности земли просматривались отдельные камни от ограды. Заложенным раскопом обнаружена система из двух оград — основной, 12 (СЗ—ЮВ)×8 (ЮЗ—СВ) м, и квадратной пристройки 5×5 м к западной стене. Внутри ограды могилы 1, 2, 3, в пристройке — 4, 5. Ограда плохой сохранности. Верхние концы плит не разрушены и указывают на первоначальную высоту ограды.

Могила 1 (табл. 44, 4). Прямоугольный каменный ящик, 180×70×100 см, ЮЗ—СВ, из вертикально поставленных плит. В заполнении встречались мелкие плиты покрытия и кости. На дне могилы разбросаны кости человека. У северо-восточной стены могилы в анатомическом порядке голени погребенного, судя по которым, последний лежал на спине, в вытянутом положении, головой на ЮЗ. В восточном углу фрагмент горшка (табл. 50, 13), в северном — кости животного (корова).

Могила 2. Грунтовая четырехугольная яма, 250×160×90 см, ЮЗ—СВ, с остатками мелких плит и сруба. От покрытия сохранились обломки плиты. В заполнении встречались кости, мелкие плиты от покрытия, обломки шила (табл. 52, 8), обломки бронзовой проволоки, бронзовое зеркало с петелькой (табл. 54, 1). На дне могилы в беспорядочном положении 6 черепов. В первоначальном состоянии сохранились голени четырех погребенных, три скелета принадлежали женщинам 35—55, 20—35 и 35—55 лет.

У юго-восточной стены могилы ноги 1-го скелета, судя по которым, погребенный лежал на спине, в вытянутом положении, головой на ЮЗ. Слева от них — голени 2-го скелета, также лежавшего на спине, в вытянутом положении, головой на ЮЗ. Вдоль северо-западной стены могилы голени ног 4-го скелета, а рядом с ним ноги 3-го, судя по которым, погребенные лежали на спине, в вытянутом положении, головой на ЮЗ. В восточном углу, вдоль юго-восточной стенки могилы, в анатомическом порядке находился детский костяк, в вытянутом положении, на спине, головой на СВ. У северо-восточной стены фрагменты керамики (табл. 50, 12).

Могила 3 (табл. 44, 5). Прямоугольный каменный ящик, 185×90×110 см, ЮЗ—СВ, из вертикально поставленных плит. В заполнении

встречались обломки плиты покрытия, кости и бронзовая полусферическая бляшка, покрытая золотой фольгой (табл. 53, 1). На дне могилы в первоначальном положении голени погребенного, судя по которым, он лежал в вытянутом положении, на спине, головой на ЮЗ. В западном углу разбитый горшок (табл. 48, 13). В восточном углу — другой (табл. 50, 2). В северном углу кости коровы.

Могила 4. Прямоугольный каменный ящик, 70×40×60 см, ЮЗ—СВ, из вертикально поставленных плит. В заполнении кости и мелкие плиты от покрытия. Могила пустая.

Могила 5 (табл. 44, 6). Прямоугольный каменный ящик, 155×110×103 см, ЮЗ—СВ, из вертикально поставленных плит. В заполнении кости и мелкие плиты от покрытия. На дне могилы, вдоль северо-западной стены, в первоначальном положении голени погребенного, судя по которым, он лежал в вытянутом положении, на спине, головой на ЮЗ. Вдоль юго-восточной стены 2 черепа. Найден раздавленный горшок (табл. 51, 17).

Курган 6 (табл. 39, 5). До раскопок на поверхности земли просматривались отдельные камни. Заложенным раскопом выявлена четырехугольная ограда, 13.2 (СЗ—ЮВ)×5.2 (ЮЗ—СВ) м, из плит, поставленных на ребро. Ограда удовлетворительной сохранности с двумя угловыми камнями и одним камнем посередине длинной стороны. Внутри ограды могилы 1, 2, 3.

Могила 1 (табл. 43, 1). Прямоугольный каменный ящик, 195×120×105 см, ЮЗ—СВ, из вертикально поставленных плит. В заполнении встречались кости и мелкие плиты от покрытия. На дне могилы разбросанные кости 2 погребенных. В первоначальном состоянии сохранилась голень скелета мужчины 20—35 лет (А. Г. К.), судя по которой, он лежал в вытянутом положении, на спине, головой на ЮЗ.

Вдоль северо-западной стены голени скелета мужчины 20—35 лет (А. Г. К.), который также лежал в вытянутом положении, на спине, головой на ЮЗ. В западном углу детский почти не потревоженный костяк, на спине, в вытянутом положении, головой на ЮЗ. У северо-восточной стены — большой раздавленный сосуд и плошка (табл. 48, 12; 49, 18). В северном углу кости коровы.

Могила 2 (табл. 43, 2). Прямоугольный каменный ящик, 200×110×107 см, ЮЗ—СВ, из вертикально поставленных плит. Покрытие не сохранилось. На дне могилы два почти не потревоженных скелета. Вдоль юго-восточной стены, в вытянутом положении, на спине, головой на ЮЗ, лежал скелет № 1 мужчины 20—35 лет (А. Г. К.). У правой ноги — горшок (табл. 48, 6). С левой стороны черепа — раздавленный горшок (табл. 44, 7). Между левой голенью первого погребенного и правой голенью второго — кости коровы. Вдоль северо-западной стены лежал скелет мужчины 20—25 лет (А. Г. К.), на спине, в вытянутом положении, головой на ЮЗ. У левой голени маленький красновато-желтый горшок (табл. 48, 15).

С левой стороны черепа биконический красно-желтый горшок (табл. 48, 7).

Могила 3 (табл. 43, 3). Грунтовая четырехугольная яма, 180×110×115 см, ЮЗ—СВ, с остатками мелких плит и сруба. В заполнении мелкие плиты от покрытия и кости. На дне, в южном углу, большая бедренная кость и керамика (табл. 50, 15).

Курган 7 (табл. 39, 1). До раскопок на поверхности земли были видны отдельные камни. Заложенным раскопом выявлена четырехугольная ограда 7 (СЗ—ЮВ)×7 (ЮЗ—СВ) м из плит, поставленных на ребро, плохой сохранности. Внутри ограды могилы 1, 2.

Могила 1 (табл. 41, 8). Прямоугольный каменный ящик, 230×130×130 см, ЮЗ—СВ, из вертикально поставленных плит. В заполнении встречались обломки плиты от покрытия, кости, керамика (табл. 49, 16), обломки бронзовой полусферической бляшки (табл. 53, 4), обломок костяного головного ножа (табл. 54, 10). На дне в северном углу ребро животного.

Могила 2. Прямоугольный каменный ящик, 170×85×110 см, ЮЗ—СВ, из вертикально поставленных плит. В заполнении встречались мелкие обломки плиты покрытия и кости женщины (?) 35—55 лет (А. Г. К.). На дне у юго-восточной стенки могилы сосуд (табл. 49, 11).

Курган 8 (табл. 39, 3). До раскопок на поверхности земли были видны отдельные камни. Заложенным раскопом выявлена четырехугольная ограда, 4 (СЗ—ЮВ)×4 (ЮЗ—СВ) м, из плит, поставленных на ребро, с юго-востока к которой примыкает пристройка 3.0×3.25 м. У ограды и пристройки сохранилось по угловому камню. Внутри ограды могилы 1, 2.

Могила 1 (табл. 43, 7). Прямоугольный каменный ящик, 210×80×83 см, ЮЗ—СВ, из вертикально поставленных плит. В заполнении встречались мелкие плиты от покрытия и кости. На дне могилы в первоначальном состоянии находились части таза и ноги погребенного, судя по которым, он лежал в вытянутом положении, на спине, головой на ЮЗ. В северном углу небольшой горшок (табл. 49, 9), у северо-западной стенки — раздавленный большой горшок (табл. 49, 13). В восточном углу кости коровы.

Могила 2 (табл. 43, 9). Прямоугольный каменный ящик, 190×80×680 см, ЮЗ—СВ, из вертикально поставленных плит. В заполнении мелкие плиты покрытия и кости. На дне могилы разбросанные кости погребенного и животного. В восточном углу в разрушенном состоянии детский костяк.

Курган 9 (табл. 39, 2). До раскопок на поверхности земли местами были видны камни плохо сохранившейся ограды. Заложенным раскопом выявлена четырехугольная ограда, 8.5×7.0 м, из вертикально поставленных плит. В ограде оказались могилы 2, 3, 4. К восточной стенке ограды примыкала пристройка очень плохой сохранности, установить размеры которой не удалось, в ней была одна могила.

Могила 1. Прямоугольный каменный ящик, 170×70×80 см, СВ—ЮЗ, из вертикально поставленных плит. Перекрытие не сохранилось. В могиле несколько отдельных костей детского скелета и черепки горшка (табл. 48, 9).

Могила 2 (табл. 42, 7). Прямоугольный каменный ящик, 220×110×80 см, ВСВ—ЗЮЗ, из вертикально поставленных плит. Покрытие из плит и дерева нарушено. В могиле разрозненные кости скелета мужчины 35—55 лет (А. Г. К.). На месте череп, судя по которому, погребенный первоначально лежал головой на ЗЮЗ. В ногах скелета горшок (табл. 49, 3). В заполнении могилы кости барана.

Могила 3 (табл. 42, 6). Прямоугольный каменный ящик, 200×100×95 см, ВСВ—ЗЮЗ, из вертикально поставленных плит. Сохранилась лишь часть продольной стены, а также обломки мелких плиток, поддерживавших основание стен ящика. Покрытие нарушено. В могиле нарушенный скелет взрослого человека. На месте сохранилась нижняя, начиная от таза, часть скелета мужчины 35—55 лет (А. Г. К.), судя по которой, первоначально погребенный был положен в вытянутом положении, на спине, головой на ЗЮЗ. Ниже таза лежали бронзовые нож (табл. 52, 18) и кинжал в кожаном чехле (табл. 53, 21). У ног находился раздавленный горшок (табл. 50, 14), а также бронзовый вток (табл. 53, 23) и кости барана: лопатка и большая берцовая. В заполнении могилы найдена бронзовая бляшка (табл. 53, 5).

Могила 4 (табл. 42, 8). Четырехугольная грунтовая яма, 250×120×100 см, ЮЗ—СВ, очевидно, с впущенным в нее первоначально срубом. От внутримогильной конструкции сохранились только отдельные мелкие плитки вдоль стен ямы. Покрытие нарушено. В могиле разрозненные кости скелета. На месте лежат голени, судя по которым, погребенный первоначально был положен в вытянутом положении, на спине, головой на ЮЗ. Слева от них 2 лопатки, большая берцовая кость и ребра барана. В заполнении могилы найдены 2 бронзовые пронизки (табл. 53, 19) и черепки сосуда (табл. 49, 6).

Курган 10 (табл. 39, 4). До раскопок на поверхности земли были видны отдельные камни. Заложенным раскопом обнаружена четырехугольная ограда, 6.1 (СЗ—ЮВ)×6.1 (ЮЗ—СВ) м, из плит, поставленных на ребро. Внутри ограды могилы 1, 2, 3.

Могила 1 (табл. 43, 6). Прямоугольный каменный ящик, 135×70×85 см, ЮЗ—СВ, из вертикально поставленных плит. На дне могилы почти не потревоженный скелет ребенка, в вытянутом положении, на спине, головой на ЮЗ. В западном углу два сосуда (большой и маленький) (табл. 48, 17; 50, 5). На ребрах с левой стороны бронзовый нож (табл. 52, 15). В заполнении — нож (табл. 52, 3).

Могила 2 (табл. 43, 4). Трапезиевидный ящик, 115×40×75 см, ЮЗ—СВ, из вертикально поставленных плит. В заполнении встречались обломки плиты покрытия и кости. На дне в первоначаль-

ном состоянии голени ребенка, судя по которым, он лежал в вытянутом положении, на спине, головой на ЮЗ. В западном углу большой сосуд (табл. 49, 12).

Могила 3 (табл. 43, 5). Грунтовая четырехугольная яма, 140×100×92 см, ЮЗ—СВ, с остатками мелких плит и сруба. В заполнении мелкие плиты от покрытия и кости. На дне могилы разбросанные кости погребенного. В восточном углу небольшой сосуд-миска (табл. 50, 8). В центре могилы бронзовый чекан (табл. 53, 25). В западном углу череп и разбитый большой горшок (табл. 50, 11). В северном углу кости коровы.

Курган 11 (табл. 39, 6). До раскопок на поверхности земли были видны отдельные камни. Заложенным раскопом выявлена 4-угольная ограда, 5.5 (СЗ—ЮВ)×3.4 (ЮЗ—СВ) м, из плит, поставленных на ребро. Ограда плохой сохранности. Северо-восточная стенка отсутствует. Внутри ограды могилы 1, 2, 3, 4.

Могила 1. Прямоугольный каменный ящик, 130×63×70 см, ЮЗ—СВ, из вертикально поставленных плит. В заполнении встречались мелкие плиты покрытия и кости. На дне могилы в западном углу куча костей женщины 35—55 лет (А. Г. К.) и керамики (табл. 48, 14), обломки бляшки (табл. 53, 6), две пронизки (табл. 53, 17, 14).

Могила 2 (табл. 45, 1). Прямоугольный каменный ящик, 200×80×66 см, ЮЗ—СВ, из вертикально поставленных плит. В заполнении встречались мелкие плиты покрытия и кости. На дне могилы в первоначальном состоянии бедра и голени погребенного, судя по которым, он лежал в вытянутом положении, на спине, головой на ЮЗ. Остальные кости и череп разбросаны по дну. В восточном углу сосуд (табл. 49, 2).

Могила 3 (табл. 45, 3). Прямоугольный каменный ящик, 220×80×95 см, из вертикально поставленных плит. В могиле обнаружено 27 черепов и сплошная масса костей. На дне могилы в первоначальном положении лежал скелет № 18, в вытянутом положении, на спине, головой на СВ. Рядом с ним, справа, детский плохо сохранившийся костяк (№ 21), на спине, головой на СВ, у левого плеча 18-го — череп 19-го и между ними грудная клетка, видимо, 19-го. Слева, у таза 18-го, череп 27-го, кости которого не выяснены. Поверх 18-го лежал разрушенный скелет сильно скорченного человека, на правом боку, головой на СВ (16-й). На груди 18-го череп 15-го — скелет сильно скорченный, на левом боку, с прижатыми к тазу ступнями, головой на СВ. Поверх 15-го — 14-й скелет, в вытянутом положении, на животе, головой на СВ. В южном углу раздавленный череп и несколько костей ребенка (26-й). В северном углу 17-й — череп, костей нет. Поверх 16-го, начиная от середины могилы, лежит скорченный 12-й скелет, на правом боку, головой на СВ. На черепе 17-го — вдоль северо-западной стенки — скелет 11-го, в вытянутом положении, на спине, головой на СВ. Поверх 11-го и 12-го скелет 10-й, на спине, с согнутыми в коленях ногами, головой

на СВ. Поверх костей 14-го — 2 черепа (24-й и 25-й), кости неясны. На 26-м черепе — череп № 20 и рядом разбросанные кости. На 20-м черепе — череп № 8. Поверх 11-го лежал детский костяк 6-й. Поверх костей 10-го лежал детский костяк 2-й, в вытянутом положении, на спине, головой на СВ. На груди 2-го — череп 23-го скелета. У ног 2-го — вдоль северо-западной стенки — остатки 4-го. В ногах 2-го — разрушенный череп и скелет 7-го. На груди 11-го — череп и отдельные кости ребенка № 1. Поверх 8-го — череп и отдельные кости 13-го. К северу от него череп 9-го, рядом отдельные кости, видимо, его же. На его костях череп 3-го и между черепом и левой ногой 2-го — кости 3-го. В южном углу череп 22-го — кости неясны. Среди костей обломок ножа (табл. 52, 2). Три скелета определены как мужские 35—55 лет (А. Г. К.).

Могила 4 (табл. 45, 2). Прямоугольный каменный ящик, 95×85×40 см, ЮЗ—СВ, пристроенный одной стороной к юго-восточной стенке могилы 3. На дне могилы неповрежденный детский скелет, в вытянутом положении, на спине, головой на СВ. В северном углу маленький горшок (табл. 50, 10), у юго-восточной стены раздавленная миска.

Курган 12 (табл. 40, 3). До раскопок на поверхности земли были видны отдельные камни. Заложенным раскопом обнаружена четырехугольная ограда, 7.2 (СЗ—ЮВ)×5.4 (ЮЗ—СВ) м, из плит, поставленных на ребро, удовлетворительной сохранности. Внутри ограды могилы 1, 2, имеющие одну общую стенку.

Могила 1 (табл. 46, 6). Прямоугольный каменный ящик, 250×110×84 см, ЮЗ—СВ, из вертикально поставленных плит. В заполнении и на дне могилы в беспорядке кости погребенного. В восточном углу кости барана и фрагменты керамики. В заполнении встретились полусферические бронзовые бляшки и 2 бусины (табл. 53, 7, 13, 14).

Могила 2 (табл. 46, 6). Прямоугольный каменный ящик, 250×110×84 см, ЮЗ—СВ, из вертикально поставленных плит. У юго-восточной стены погребенный, в вытянутом положении, на спине, головой на ЮЗ (почти не потревоженный). У правого плеча небольшой горшок (табл. 51, 2). У северо-западной стены череп другого погребенного и фрагменты керамики.

Курган 13 (табл. 40, 2). До раскопок на поверхности земли были видны два угловых камня и две плиты покрытия, сдвинутые с могил. Для выяснения конструкции ограды заложен раскоп 8.7×6.0 м. Ограда почти не сохранилась. Внутри ограды могилы 1, 2.

Могила 1 (табл. 46, 1). Прямоугольный каменный ящик, 210×110×90 см, ЮЗ—СВ, из вертикально поставленных плит. В заполнении встречались кости мужчины 35—55 лет (А. Г. К.). В первоначальном положении находилось бедро, судя по нему, погребенный лежал в вытянутом положении, на спине, головой на ЮЗ. В южном

углу — горшок (табл. 49, 10), а в северном — кости коровы, барана.

Могила 2 (табл. 46, 2). Прямоугольный каменный ящик, 200×80×83 см, ЮЗ—СВ, из вертикально поставленных плит. В заполнении кости скелета. На дне могилы ноги женщины 35—55 лет (А. Г. К.), судя по которым, она лежала в вытянутом положении, на спине, головой на ЮЗ. У юго-западной стены 2 горшка (табл. 48, 15; 50, 7). В северном углу кости коровы и барана.

Курган 14 (табл. 40, 1). До раскопок на поверхности земли были видны отдельные кости. Заложенным раскопом выявлена плохо сохранившаяся ограда с двумя плитами. В основной ограде могилы 2, 3, 4, в северной пристройке могила 1, в восточной могила 5. У юго-восточного угла сохранилась могила 6.

Могила 1 (табл. 44, 2). Прямоугольный каменный ящик, 185×105×85 см, ЮЗ—СВ, из вертикально поставленных плит. В заполнении встречались мелкие плиты покрытия и кости. На дне могилы разбросаны кости женщины 35—55 лет (А. Г. К.). В северном и восточном углах — по горшку (один из них — миска) (табл. 50, 9). У северо-западной стены кости барана. У юго-восточной стены в груде костей найдены бронзовая пронизка и 4 бусины (табл. 53, 15, 16, 18, 19). В заполнении обнаружены шилья или булавки (бронза) (табл. 52, 1, 7), полусферическая бляшка (табл. 53, 9), клык кабарги (табл. 54, 7), бронзовый нож (табл. 52, 17), гребешок (табл. 54, 5).

Могила 2 (табл. 44, 3). Грунтовая яма, 200×120×54 см, обложенная мелкими плитами и срубом. В заполнении встречались мелкие плиты и кости. На дне могилы разбросаны кости погребенного мужчины 35—55 лет (А. Г. К.), а также фрагменты горшка (табл. 51, 15) и кости барана.

Могила 3. Прямоугольный каменный ящик, 40×18×10 см, ЮЗ—СВ, из вертикально поставленных плит. Могила пустая.

Могила 4. Грунтовая яма, 35×30×20 см, ЮЗ—СВ, обложенная мелкими плитками. Могила пустая.

Могила 5. Прямоугольный каменный ящик, 48×20×12 см, ЮЗ—СВ, из вертикально поставленных плит. На дне кусочек детского черепа.

Могила 6 (табл. 44, 7). Грунтовая яма, 90×70×12 см, ЮЗ—СВ, обложенная мелкими плитками. На дне скелет ребенка, в скорченном положении, без черепа, головой на ЮЗ.

Курган 15 (табл. 40, 7). До раскопок видны были отдельные плиты ограды и могил. Заложенным раскопом обнаружена только часть северо-западной стены. В раскопе две могилы.

Могила 1 (табл. 43, 8). Прямоугольный каменный ящик, 196×115×90 см, ЮЗ—СВ, из вертикально поставленных плит. В заполнении встречались мелкие плиты покрытия и кости. На дне могилы разбросанные кости погребенного. В западном углу горшок (табл. 51, 3). У северо-западной стены бронзовый нож (табл. 52, 16). В восточном углу лопатка коровы.

Могила 2. Грунтовая яма, 100×83×40 см, ЮЗ—СВ, обложенная с двух сторон плитами. Могила пустая. В заполнении встречены фрагменты горшка.

Курган 16 (табл. 40, 6). До раскопок на поверхности земли были видны отдельные камни. Заложенным раскопом обнаружены части северной и восточной стен ограды. В раскопе могилы 1, 2, 3.

Могила 1 (табл. 46, 3). Прямоугольный каменный ящик, 190×110×65 см, ЮЗ—СВ, из вертикально поставленных плит. В заполнении кости погребенного и барана. На дне могилы разбросанные кости и фрагменты керамики (табл. 51, 10).

Могила 2 (табл. 46, 4). Прямоугольный каменный ящик, 180×90×50 см, ЮЗ—СВ, из мелких плит. На дне могилы разбросанные кости скелета, барана и фрагменты керамики. В анатомическом порядке голени погребенного, мужчины 35—55 лет (А. Г. К.), судя по которым, последний лежал в вытянутом положении, на спине, головой на ЮЗ. В восточном углу — горшок (табл. 51, 11).

Могила 3 (табл. 46, 5). Грунтовая яма, 200×110×33 см, ЮЗ—СВ, обложенная мелкими плитами. На дне могилы в первоначальном положении бедра и голени погребенного, судя по которым, он лежал в вытянутом положении, на спине, головой на 3. У северной стены могилы кости коровы и бронзовый нож (табл. 52, 9). У южной стены фрагменты горшка.

Курган 17 (табл. 40, 4). До раскопок на поверхности земли проступали отдельные камни ограды. Заложенным раскопом выявлена разрушенная прямоугольная ограда длиной 5.5 м, у которой сохранились части северной и южной стен. В ограде одна могила.

Могила (табл. 46, 7). Трапециевидный каменный ящик, 185×60 (ЮЗ)—80 (СВ)×75 см, ЮЗ—СВ, из вертикально поставленных плит. Покрытие состояло из нескольких крупных плит и более мелких обломков. На дне почти в полном порядке скелет мужчины 35—55 лет (А. Г. К.), в вытянутом положении, на спине, головой на ЮЗ. Справа от него в таком же положении скелет ребенка. У правой ноги ребенка миска, у левой голени взрослого кости коровы.

Курган 19 (табл. 40, 8). До раскопок на поверхности земли были видны камни ограды. Заложенным раскопом выявлена прямоугольная ограда, 4×4 м, СЗ—ЮВ, из вертикально поставленных плит. В ней две могилы с одной общей стеной.

Могила 1 (табл. 49, 1). Прямоугольный каменный ящик, 185×115×80 см, ЮЗ—СВ. Покрытие отсутствует. На дне в полном беспорядке кости скелетов взрослого и ребенка. В западном и южном углах стояло по горшку (табл. 50, 1).

Могила 2 (табл. 44, 1). Прямоугольный каменный ящик, 200×100×90 см, ЮЗ—СВ, из вертикально поставленных плит. Северо-западная стена общая с могилой 1. На дне в несколько потревоженном состоянии лежал скелет взрослого, в вытянутом положении, на спине, головой на ЮЗ. На правой стороне таза и правом предплечье ле-

жал кинжал (табл. 53, 26). В западном и северном углах могилы стояло по горшку (табл. 50, 4). У правой голени кости коровы.

Курган 20 (табл. 40, 5). До раскопок на поверхности земли была видна северная стена ограды. Заложенным раскопом обнаружена четырехугольная ограда, 6.0×5.8 м, из вертикально поставленных плит. В ограде одна могила.

Могила (табл. 47, 1). Прямоугольный каменный ящик, 230×120×90 см, ЮЗ—СВ, из вертикально поставленных плит. Покрытия нет. В могиле разрозненные кости двух женских скелетов 20—35 лет (А. Г. К.). В первоначальном положении только голени, судя по которым, погребенные лежали в вытянутом положении, на спине, головой на ЮЗ. В изголовье раздавленный плоскодонный горшок (табл. 49, 15). В ногах погребенных — кости барана: лопатка, бедренная, большая берцовая и др.

Курган 21 (табл. 47, 2). До раскопок на поверхности земли проступали края стенок ящика, 190×110×65 см, СВ—ЮЗ, из вертикально поставленных плит. Разведывательными траншеями

ограда не обнаружена. В заполнении ящика оказались разрозненные кости человека, бронзовая бляшка (табл. 54, 12) и шило (табл. 52, 5). У юго-западной стенки ящика стоял плоскодонный черный горшок (табл. 48, 18). В заполнении найдены черепки от двух других сосудов (табл. 48, 3; 50, 6).

Курган 22. При раскопках таштыкской могилы непосредственно рядом с ней оказался ящик с тагарским погребением. Заложенным раскопом ограда не обнаружена.

Могила (табл. 47, 3). Прямоугольный каменный ящик, 190×100×70 см, В—З, из вертикально поставленных плит. Покрытия нет. В могиле полные скелеты женщины 30—40 лет и ребенка. Они лежат в вытянутом положении, на спине, с руками вдоль тела, головой на З. В изголовьях два горшка (табл. 48, 8, 16). У затылка женщины лежали две бронзовые бляшки, а третья находилась между ребрами и предплечьем женщины (табл. 53, 8). У правого плеча — костяной нож (табл. 54, 3), а у ног кости барана: две лопатки, три ребра и берцовая. Под горшком оказался бронзовый нож (табл. 52, 11).

[illegible]

Окончание табл. I

Количество могил	Ширина могилы, см								
	1	1.5	3.5	4	5	5.5	6	7	8
1				1			1		
2				1		2	1	1	
3				1	2			1	1
>3			1		1				
1	1	1	2	1					
2					1				
3									
>3									

Как можно видеть из таблицы I, размеры каждой ограды индивидуальны, причем изменение идет за счет ее удлинения, в то время как ширина, в общем, для всех оград примерно одинакова. Некоторые ограды с несколькими могилами, судя по расположению последних, первоначально назначались для меньшего их количества.

Так, курганы 1, 7, 19 (табл. 38, I; 39, I; 40, 8), содержавшие по две могилы, строили для одной, расположенной в центре. К. 14 (табл. 40, I) с тремя могилами также, судя по их расположению, сделан для одной. К. 2 (табл. 38, 2) с четырьмя могилами сооружен для трех, а к. 11 (табл. 39, 6), также с четырьмя могилами, — для двух. В то же время в кургане 6 (табл. 39, 5) к югу от третьей могилы осталось незанятое пространство.

Учитывая сказанное, нужно рассматривать размеры оград не по фактическому количеству обнаруженных в них могил, а по тому, для скольких могил она предназначалась. Оказывается, что у оград с одной могилой длина и ширина колеблются от 4 до 7 метров. Практически здесь имеется квадратная ограда с незначительной разницей в размерах стен. В оградах для двух могил длина увеличивается от 5.5 до 8.8 м, а ширина сохраняется в пределах, характерных для оград с одной могилой. Ограда для трех могил удлиняется от 6 до 12 м, а ширина сохраняется в прежних пределах. Ограда к. 6, видимо, предназначавшаяся для четырех могил, еще более длинная — 13 м, а ширина ее как у других.

Что же касается пристроек, то их размеры значительно меньше основных оград. Их длина от 1 до 3 м, и только в одном случае она достигала 5 м, а ширина не превышает 4 м, и лишь пристройка, сооруженная для двух могил, была 5×5 м.

Ориентировка оград довольно устойчивая. Большинство из них в вытянутом положении, с СЗ на ЮВ, однако внутри этого основного направления наблюдаются индивидуальные отклонения то к северу, то к западу. Только одна плохо сохранившаяся ограда 17 (табл. 40, 4), судя по двум ее сторонам, была ориентирована с ССВ на ЮЮЗ. Пристройки же, учитывая их близкую к квадрату форму и недостаточную хорошую сохранность, имеют, независимо от занимаемого места, то же направление стен, что и основные ограды.

Все ограды сооружены из плит девонского песчаника, из которого сложена рядом находя-

щаяся гора. Для сооружения оград использовали плиты разной толщины. Их откалывали от блоков, свалившихся с горы. Чаще всего плиты относительно тонкие, но в отдельных случаях, как, например, ограда к. 6 (табл. 39, 5), они были более массивными.

Плиты всех оград имеют наклон внутрь сооружения. На развале плит в этом могильнике не сказывался рельеф местности, так как все курганы находятся на ровных площадках. Их наклон можно объяснить характером установки, видимо, и первоначально для большей устойчивости их ставили не строго вертикально, а с небольшим наклоном.

Сохранность оград различна. В отдельных случаях отсутствуют значительные части стен, а иногда и вся стена, у многих оград не оказалось угловых камней. Очень часто плиты раздроблены и расслоены. И только в отдельных случаях можно говорить о том, что плита сохранила свои первоначальные размеры. Все это затрудняет решение вопроса о первоначальной высоте стен оград. Кроме того, существование на месте могильника деревни привело к нарушению поверхностного слоя, поэтому объективно установить первоначальный древний уровень нельзя. Можно только предполагать, что края ящиков, видимо, первоначально не поднимались выше древней поверхности, поэтому условно приходится считать таким уровнем горизонт раскопа.

В тех случаях, где плиты оград сохранили свой верхний слой, что позволяет судить об их первоначальных размерах, можно, учитывая условный горизонт, говорить о том, что ограды первоначально возвышались над уровнем поверхности от 25 до 40 см. Возможно, эти цифры недостаточно точные, но здесь важно отметить, что стены оград в могильнике Новая Черная I были невысокими.

Для сооружения стены выкапывали ровик, в который опускали плиты. В тех случаях, где они не сохранились или были вынуты в более позднее время, иногда можно было видеть следы от оград. Первыми устанавливали угловые плиты, а следующие ставили так, что они своими краями налегали на ранее поставленные. Последними ставили плиты в середине стены. Таким способом сооружены почти все ограды. Но в отдельных

случаях, как, например, в пристройке к. 5 (табл. 38, 3), плиты поставлены впритык, торцами. Возможно, что в данном случае это было сделано из-за небольшой длины стены. Большинство углов оград не сохранилось, они оказались пустыми, это может косвенно свидетельствовать о том, что первоначально по углам стояли крупные плиты, которые позже были вынуты и использованы для каких-то целей. Вместе с тем, в тех оградах, где углы сохранились, специальных угловых столбов нет. Единственный камень, который можно считать угловым столбом, находился в северном углу ограды 2 (табл. 38, 2). Во всех других случаях вместо углового камня в одной из стен стояла более высокая и толстая плита. Так, в южном углу к. 6 (табл. 39, 5) стояла плита высотой 50 см. Все это позволяет считать, конечно, учитывая сохранность углов, что для могильника Новая Черная I характерно отсутствие специальных угловых столбов, а их роль выполняли более крупные плиты одной из прилегающих к углу сторон.

Нарушенность поверхностного слоя не дала возможности провести необходимые наблюдения над последовательностью сооружения ограды и могилы, так как выбросы из ям были в этих условиях не видны. Вместе с тем, порядок строительства, отмеченный по другим памятникам, позволяет предполагать его и в этом могильнике. Сначала делали ограду, а затем внутри нее выкапывали могилы.

Несмотря на плохую сохранность оград, во всех системах устанавливается порядок сооружения основной ограды и пристройки. Здесь, как и в других памятниках, наклон плит является хорошим указателем на последовательность. У основных оград все стороны наклонены внутрь, у пристроек три стены имели одинаковый наклон, а одна, смежная с основной, наклонена наружу.

Таким образом, особенностью конструкции оград этого могильника является отсутствие специальных угловых столбов, что характерно и для Гришкиного Лога I, но при этом высота стен была небольшой и соответствовала высоте оград Черновой I.

В Новой Черной I раскопано 57 могил, представленных двумя основными видами: каменными ящиками, которых оказалось 45, и грунтовыми ямами со срубками и мелкими плитками, их всего 12.

Конструкция каменных ящиков везде одинакова. Для их сооружения выкапывали яму, несколько большую по размеру, чем будущий ящик. В яму опускали плиты девонского песчаника, которые образовывали его стенки, а промежутки между плитами и стенами ямы засыпали землей. О том, что ямы были больше ящиков, можно судить по отдельным могилам, где плиты сторон ящиков выходят за его пределы. Это особенно хорошо видно на примерах м. 1 к. 6 (табл. 43, 1), м. 5 к. 5 (табл. 44, 6) и м. 2 к. 11 (табл. 45, 5). Во всех этих случаях длинные стороны ящика, изготовленные из одной плиты, выходили за его короткие стены.

Чаще всего стены сделаны из тонких плит, но в некоторых случаях использованы и более тол-

стые, как это имело место в м. 4 к. 4 (табл. 42, 3). Стены предпочитали делать из одной сплошной плиты (табл. 43, 1, 2, 7; 45, 3), но, видимо, когда таких плит не хватало, их собирали из двух (табл. 41, 1, 3, 4, 8, 9 и ряд других) или из нескольких (табл. 47, 3), но в этом могильнике таких ящиков немного.

Особенностью этого могильника являются сдвоенные ящики, что не наблюдалось в других памятниках. Так, в к. 2 могила 4 (табл. 41, 4) оказалась пристроенной к юго-западной стене могилы 3. Аналогичная картина и в к. 19 (табл. 44, 1). Здесь к основной могиле 1, занимающей центральное положение в ограде, позже с юго-востока была пристроена вторая могила, причем она оказалась несколько смещенной к западу, так что юго-восточная стена основной могилы только отчасти является общей. В отличие от двух рассмотренных случаев, в к. 12 (табл. 46, 6) обе могилы, видимо, и первоначально были сооружены одновременно. Они занимают центр ограды и у них общая юго-восточная стена, сделанная из двух плит.

По форме все могилы одинаковы, за исключением только трех ящиков. Эти последние, к. 10, м. 1 (табл. 43, 4), к. 5, м. 1 (табл. 44, 4) и к. 17 (табл. 41, 7), оказались трапециевидной формы. В первых двух случаях более широкой была юго-западная стена, а в к. 17 — северо-восточная. Появление могил этой формы недостаточно ясно. Она господствовала в карасукское время, а для тагарского не характерна. Вполне возможно, что это небрежность, допущенная при строительстве, о чем можно судить по м. 1 к. 10 (табл. 43, 4). Здесь, видимо, юго-восточная стена просто сдвинулась с первоначального места из-за плохой установки.

Второй вид могил отличается по конструкции от описанных ящиков, но и их можно также считать ящиками, но сделанными не из крупных монолитных плит, а из мелких. Такая могила имеет вид грунтовой ямы, в нижней части которой по стенкам стоят мелкие обломки плит иногда в два и более ряда. Изнутри такие плитки поддерживала рама в один или два венца (табл. 41, 6; 42, 4, 5, 8; 43, 3, 5; 44, 3, 7; 46, 5). К моменту раскопок дерево сохранилось не во всех могилах. В некоторых из них были обнаружены только плитки, но без удерживавшей их рамы, они стоять не могли, так что и в этих случаях приходится предполагать первоначальное наличие деревянных конструкций. Неясно также, какова была первоначальная высота каменной стенки в этих могилах. Со временем отдельные плиты падали вниз, поэтому сейчас облицовка сохраняется только в нижней части могилы.

Таковы два основных, отличающихся деталями конструкции, вида могил Новой Черной I. Они полностью соответствуют могилам других целиком раскопанных памятников. Как особенность Новой Черной I, можно отметить редкую трапециевидную форму ящика, а также некоторые пристроенные друг к другу ящики.

Отсутствие антропологических определений для всех покойников не позволяет точно выяснить за-

висимость конструкции и размеров могил от пола и возраста захороненных в них людей, но оба вида могил делали как для взрослых, так и для детей, а

отрывочные данные о половом составе позволяют немного уточнить зависимость размеров от пола.

Таблица II

Зависимость размера могил от пола погребенных

Состав погребенных	Длина могилы, см						
	30—50	60—100	105—135	140—170	180—195	200—230	240—250
Реб.	1	4	2	2			
Муж.					2	4	
Жен.			1	1	1	3	
Взр.				2	7	5	4
Взр., реб.					3		
2 взр.				1		4	1
2 взр., реб					1	1	
Неск. взр.						2	1
Неясно	2	1	1				

Продолжение табл. II

Состав погребенных	Ширина могилы, см				
	30—45	50—75	80—100	105—115	120—160
Реб.	3	5	1		
Муж.			3	2	1
Жен.		1	2	2	1
Взр.		1	7	7	3
Взр., реб.			2	1	
2 взр.			2	3	1
2 взр., реб					2
Неск. взр.			1		2
Неясно	3		1		

Окончание табл. II

Состав погребенных	Глубина могилы, см			
	10—50	55—70	75—100	105—130
Реб.	4	2	3	
Муж.	1	1	4	
Жен.		1	3	2
Взр.	1	7	7	3
Взр. реб.		2	1	
2 взр.			4	2
2 взр. реб			1	1
Неск. взр.			3	
Неясно	4			

Рассматривая таблицу II, можно видеть, что по размерам выделяется группа детских могил. Их длина, видимо в зависимости от возраста ребенка, колеблется от 30 до 135 см, и только две могилы оказались длиннее. Ширина детских могил от 20 до 75 см, а глубина — от 10 до 75 см. Такие же размеры и у могил, в которых не были обнаружены кости погребенных. Можно предполагать, что в них были похоронены дети, кости которых к моменту раскопок полностью разложились.

Вторая группа могил содержала погребения одиночных взрослых — мужчин и женщин с неопределенным полом. Длина могил чаще всего колеблется в пределах 180—230 см. Судя по тем из них, где определен пол погребенного, между мужскими и женскими могилами ощутимой разницы не было, хотя утверждать это с должным основанием трудно. Только четыре могилы этой группы оказались короче и столько же — длиннее средних размеров.

Ширина могил рассматриваемой группы в основном 80—120 см. Две могилы были уже — 65 и 70 см, и три шире, две — 130 см и одна — 160 см. Что же касается глубины, то она варьирует больше, однако и здесь основное количество могил имели глубину от 65 до 115 см, и только две достигали 130 см. Шесть могил были мельче — 65 см. Следовательно, в настоящее время определенно можно говорить только о том, что наблюдаются различия в размерах между могилами для детей и для взрослых, последние длиннее, шире и глубже.

Три могилы, в которых оказались кости взрослого и ребенка, принципиально ничем не отличаются от рассмотренной группы. Их размеры полностью соответствуют могилам взрослых.

Третья группа — могилы для двух взрослых и двух взрослых и ребенка. Длина этих могил такая же, как и у рассмотренных, и только одна оказалась короче 180 см. Что же касается ширины, то они несколько шире. Несмотря на то что по абсолютным размерам они мало отличаются, в этой группе нет могил уже 100 см, следовательно, можно говорить, что они несколько шире и сооружены с учетом погребения двух людей. Глубина их такая же, как и у других могил.

Если могилы, сооруженные для двух людей, имеют относительно увеличенную ширину, то наличие в ней нескольких погребений на ширине не сказывается. Отсюда следует, что могилы для одновременного захоронения более чем двух человек не сооружали и что большое количество погребенных в одной могиле, видимо, появилось позднее.

Таким образом, размеры могил изменяются в зависимости от двух условий: от того, кто погре-

бен — взрослый или ребенок, и от количества первоначально погребенных людей.

Каждую могилу, после того как в нее был положен умерший, сверху закрывали. В могильнике Новая Черная, в силу уже неоднократно указывавшихся причин, все покрытия были разрушены и в большинстве случаев вообще не сохранились. Но вместе с тем по отдельным деталям и фрагментам можно восстановить основные приемы перекрытия могил. Обычно над могилой были положены одна или несколько больших плит. Чаще всего покровные плиты укладывали непосредственно над ящиком (к. 2, м. 1) (табл. 38, 2), но иногда поверхность вокруг ящика предварительно выравнивали с помощью мелких плиток (к. 16, м. 2) (табл. 40, б). Если могилу перекрывали несколько плит, то щели между ними дополнительно закрывали мелкими плитами (к. 17) (табл. 40, 4). В других случаях из мелких плит делали какое-то дополнительное сооружение над покровной плитой, как в к. 1, м. 2, к. 9, м. 2 и 4 (табл. 38, 1; 39, 2). Наряду с покрытием могилы большими плитами, в тех случаях, когда она была не ящиком, а ямой со срубом, ее перекрывали деревянными плахами, поверх которых делали выкладку из мелких плит (к. 4) (табл. 38, 4), на дне таких могил встречались куски дерева от сгнивших перекрытий.

Состояние поверхностного слоя не дает возможности судить о характере земляных сооружений над каменным перекрытием. Однако в редких случаях, когда внутренняя часть оград была мало нарушена, покрытий и краев ящиков на поверхности видно не было. Они были скрыты землей. Это обстоятельство, а также наблюдения над другими могильниками позволяют говорить, что и здесь над могилой возводили какое-то сооружение из дерна. Но его форма и размеры не устанавливаются. Можно только предполагать, что это сооружение было невысоким и вряд ли занимало всю территорию ограды.

Подводя итог изучению конструкций оград и могил, можно попытаться дать принципиальную реконструкцию кургана Новая Черная I. Внешне он представлял собой невысокую, до 30—40 см, ограду из плит девонского песчаника. По углам в некоторых случаях стояли более толстые камни, а иногда просто одна из плит прилегающих стен была более массивной. Однако ярко выраженных угловых и промежуточных камней — столбов не было. Внутри такой оградки находился невысокий земляной холм, скорее всего в виде усеченной пирамиды, которые возводили над скрытой под ним могилой.

ГЛАВА 3. ПОСУДА, ИНВЕНТАРЬ И ПОГРЕБАЛЬНАЯ ПИЩА

В могильнике Новая Черная большинство могил ограблены, но тем не менее из них происходит серия вещей, позволяющая провести анализ по той же схеме, по которой была сделана аналогичная работа с материалами других памятников. Хотя вещей здесь найдено несколько меньше, чем в Гришкином Логу, но керамика представлена довольно большой серией. Это особенно важно, так как именно она является наиболее массовым материалом тагарских могильников.

Сохранность посуды не очень хорошая, от многих горшков недостает частей, но тем не менее о большинстве их можно составить довольно полное представление если не в результате реставрации, то хотя бы графической реконструкции.

Наиболее многочисленной группой, как и в других могильниках, являются горшки, их среди найденной посуды немногим больше 80 %. Они, на первый взгляд, мало отличаются друг от друга. Все они, за исключением некоторых, особой формы, черные, лощеные. Почти полностью отсутствует орнамент. Основное отличие состоит в оформлении верхней части сосуда. Именно по этому признаку, как было сделано и для других могильников, горшки можно разделить на несколько видов. В целях лучшего сравнения с другими памятниками последовательность рассмотрения отдельных видов дана в том же порядке, что в Гришкином Логу и Черновой.

Первый вид — 12 целых и фрагментированных сосудов (табл. 48, 1, 9, 10, 15—18; 51, 1—4, 6, 8) — представляет собой гладкостенные горшки «закрытой» формы. У них стенки плавно расширяются от дна, а на высоте примерно трети от венчика несколько сходятся к устью. Срез венчика прямой и несколько закругленный, в редких случаях имеет незначительное утолщение с внутренней стороны. Толщина стенок одинакова на всем их протяжении. Дно прямое, но мягких очертаний с мягким же переходом в стенки. Размеры сосудов индивидуальны — от 12.5 до 27.5 см. Их пропорции не всегда четкие. В принципе у них высота равна диаметру венчика, а дно в два раза уже венчика. Но такие соотношения наблюдаются только у нескольких сосудов. В большинстве случаев диаметр венчика несколько больше высоты, а у донца диаметр колеблется около половины диаметра венчика. Только один

сосуд имеет несколько отличные пропорции, он более приземист. Орнамент на большинстве горшков отсутствует, но на одном имеется ряд ямок под венчиком, нанесенных снаружи (табл. 48, 10). На другом горшке (табл. 48, 1) идет полоса богатого орнамента под венчиком. Ниже его ряд бугорков, разделенных вертикальными штрихами, под ним 7 рядов зубчатого штампа, образующего горизонтальные полосы, опоясывающие сосуд, а под ними ряд наклонных вдавлений. Всего горшки первого вида составляют 17.66 % от всей посуды, найденной в могильнике.

Второй вид — 6 целых и фрагментированных сосудов (табл. 48, 11—14; 51, 5, 7, 9) — представляет собой гладкостенные горшки «открытой» формы. Стенки, как и у предыдущего вида, плавно расширяются от дна кверху, а на высоте трети от венчика идут вертикально вверх, иногда образуя некоторое подобие шейки. Венчик прямой, иногда несколько срезанный наружу или закругленный. Толщина стенок одинакова на всем протяжении, лишь у отдельных сосудов несколько утолщается у венчика. Дно прямое, с плавным переходом к стенкам. Все сосуды относительно крупных размеров — 22—25 см высотой. Пропорции их колеблются в небольших пределах. Их высота близка диаметру венчика, хотя последний в большинстве случаев немного больше. А донце примерно равно половине диаметра венчика. Орнамент на этих сосудах полностью отсутствует. Горшки второго вида составляют 8.83 %.

Третий вид — 8 целых и фрагментированных сосудов (табл. 49, 1—6; 51, 10, 11) — представлен горшками, на наружной стороне венчика которых имеется утолщение, образующее карниз, нависающий над стенкой. У них стенки, расходясь от дна, плавно поднимаются вверх, а на высоте примерно половины сосуда либо идут вертикально вверх, либо едва заметно сужаются к устью. Венчик срезан наружу, отчего его верхний край острый либо несколько закругленный. Толщина стенок почти на всем протяжении одинакова, но в верхней части сосуда она утолщается и становится значительной у карниза. Дно прямое, с плавным переходом к стенкам. Насколько можно судить по четырем горшкам, все они не очень крупных размеров — от 12.5 до 16.5 см в высоту. Их пропорции более стабильны. У четырех из пяти высота

равна диаметру венчика, у двух диаметр дна равен половине венчика, а у трех дно несколько шире. На пяти горшках имеется простой орнамент. На трех из них он представлен группами косых насечек по две или три, расположенных под венчиком на некотором расстоянии друг от друга. На двух также под венчиком находятся группы из трех ямок, идущих в ряд. Эти горшки составляют 11.76 %.

Четвертый вид — 18 целых и фрагментированных сосудов (табл. 50, 1, 3—7, 9—12, 15, 17, 19, 51, 13, 18) — представляет собой горшки, у которых под венчиком идет один широкий, а в одном случае узкий кольцевой желобок. Эти горшки можно назвать «одножелобчатыми». У них, как и у предыдущих сосудов, стенки плавно расходятся от дна, а затем либо продолжают отклоняться наружу, либо на середине высоты идут прямо вверх, либо несколько сходятся к устью. Но все это очень незначительно. Венчик скошен наружу, а его край либо заострен, либо несколько закруглен. Толщина стенок по большей части одинакова и только сверху в районе желобка несколько

Рис. 24.

Могильник Новая Черная I, к. 6, м. 2.

Сосуд на поддоне, фото

утолщается. Дно плоское, прямое, с плавным переходом в стенки. Размеры горшков этого вида сильно варьируют — от 10 до 25 и более сантиметров в высоту. За исключением двух небольших горшочков, у которых высота равна диаметру венчика, а дно в два раза меньше его диаметра, основная масса представлена горшками несколько приземистых пропорций. Диаметр венчика у них немного больше высоты, а диаметр дна колеблется около половины диаметра венчика, то превышая ее, то несколько не достигая. Только на двух сосудах имеется орнамент. На одном он представлен группами из трех ямок, расположенных под желобком (табл. 50, 10), а в другой группами из четырех насечек (табл. 50, 15). Четвертый вид горшков составляет 26.47 %.

Пятый вид — 5 целых и фрагментированных сосудов (табл. 49, 12—16, 51, 12) — представляет

собой горшки, у которых под венчиком идут два горизонтальных кольцевых желобка. Этот вид можно назвать «двужелобчатым». У них стенки от дна плавно расходятся кверху, а на высоте от половины до одной трети от венчика поднимаются прямо вверх или едва заметно сходятся к устью. Толщина стенок одинакова, и только к венчику они утолщаются. Наружный край венчика косо срезан и либо приострен, либо немного закруглен. Дно плоское, прямое, с плавным переходом к стенкам. Горшки средних размеров. Самый маленький из них 17.5, а самый большой — 27.5 см. Пропорции их аналогичны другим горшкам. У трех высота и диаметр венчика одинаковы. У одного диаметр венчика несколько больше, а у другого несколько меньше высоты. У трех диаметр дна равен половине диаметра венчика. У одного несколько шире, а у другого уже половины диаметра венчика. Орнамента нет. Эти горшки составляют 7.35 %¹.

Шестой вид — «трехжелобчатые» сосуды, — выделенный в материалах других рассмотренных памятников, в этом могильнике отсутствует.

Седьмой вид представлен одним целым и фрагментами двух других сосудов (табл. 48, 3, 7, 8). Их можно назвать «сосудами на поддонах». Это хорошо профилированные, приземистые, красного цвета горшки. У них стенки резко расходятся от дна в стороны и вверх, а на половине высоты так же резко сужаются. Верхний край, отогнутый наружу, образует невысокое горло с отогнутым венчиком. По самой середине тулова идут один или два кольцевых желобка. Снизу сосуды завершаются кольцевым поддоном. Высота целого сосуда 15 см, диаметр дна и горла 12.5 см, а наибольший диаметр тулова 25 см (рис. 24). Один из фрагментов представлен верхней частью аналогичного сосуда, а второй — нижней его частью, изломанным поддоном, превращенным в миску. Эти горшки составляют 4.41 %.

Восьмой вид — представлен одним сосудом (табл. 48, 2). Это маленький, высотой 5 см, горшочек с ребром посередине тулова и кольцевым желобком над ним. На дне имеются четыре невысоких выступа ножки, а под венчиком отверстие для подвешивания. Сосудик уникален. Он составляет 1.47 %.

Девятый вид — представлен одним сосудом (табл. 48, 6). Это также небольшой горшочек высотой 7.5 см. Диаметры дна и венчика равны 6 см. Стенки выпуклые, плавно изгибающиеся. Наиболее толстая часть стенок у дна, у венчика стенка резко сужается. Венчик отогнут наружу. Этот сосуд также составляет 1.47 %.

Десятый вид — 13 нижних частей горшков (табл. 49, 7—11; 50, 8, 13, 14, 16, 18), которые еще в древности были превращены в миски. Так как нижние части всех видов горшков ничем, практи-

¹ Таблица 51 не была сделана автором. В коллекции ГЭ к первому типу сосудов относятся 13, ко второму 7, к пятому 6, что в целом мало изменяет их указанное в тексте процентное соотношение с другими. — Э. В.

чески, не отличаются, то установить принадлежность каждой миски к определенному виду не представляется возможным. Миски составляют 19.11 %.

Одиннадцатый вид — одна миска (табл. 48, 5), сделанная из сосуда необычной формы. Отсутствие верхней части не позволяет установить первоначальный вид, однако можно ясно судить, что таких горшков больше нет. Он красный, как и сосуды на поддоне, но с широким плоским дном, с вертикальными стенками в средней части, с несколькими группами желобков на стенке. Эта миска составляет 1.47 %.

Проведенное разделение посуды на виды на основе наиболее яркого признака — завершения горшка все же не скрывает того факта, что все горшки довольно близки друг к другу. Их близость определяется способом изготовления, тестом, обжигом, лощением, одинаковостью нижних частей. Все это свидетельствует об однородности посуды Новой Черной I. Отличаются от всех только красные сосуды редких форм, но и они не кажутся инородными. Во-первых, потому что украшены желобками, как и некоторые виды горшков, а во-вторых, потому что их небольшая примесь встречается во всех могильниках, сопровождая чернолощеную посуду. Поэтому весь керамический комплекс памятника можно считать единым.

Рассматривая отдельные виды посуды, можно заметить, что некоторые из них ближе один к другому, а другие отличаются более значительно. Так, например, сосуды первых двух видов отсутствием рельефных деталей на поверхности сближаются между собой и по этому же признаку отличаются от других. Аналогичная картина и с горшками, украшенными желобками, они явно ближе друг к другу, чем к горшкам без желобков. Все это позволяет укрупнить деление посуды и выделить несколько ее типов.

Тип первый объединяет два первых вида — горшки гладкостенные закрытой и открытой формы. Для них характерно отсутствие рельефных деталей на поверхности и неустойчивость пропорций. Такие горшки составляют 26.49 %.

Тип второй соответствует второму виду — горшки с карнизиком. Их, как указывалось, 11.76 %.

Тип третий объединяет два вида желобчатой керамики — виды четвертый и пятый. Для них характерны украшение сосуда под венчиками кольцевыми желобками и несколько более устойчивые пропорции, при которых высота почти равна верхнему диаметру, а дно в два раза меньше диаметра венчика. Это самая многочисленная группа. Таких сосудов 33.82 %.

Тип четвертый — сосуды индивидуальных форм. Он включает седьмой, восьмой, девятый и одиннадцатый виды. Несмотря на значительные различия в деталях формы каждого из них, все эти сосуды объединяет их редкость и в большинстве случаев красный цвет, а также украшение тулова кольцевыми желобками. Таких сосудов 8.82 %.

Тип пятый — это миски, сделанные из нижних частей горшков. Их 19.11 %.

Если же взять только горшки, оставляя в стороне пятый тип миски, то окажется, что первый составляет 32.72 %, второй — 14.55 %, третий — 41.82 % и четвертый 10.91 %. Как можно видеть, ведущим является третий тип желобчатой керамики, за которым идет первый — гладкостенные горшки, а второй — горшки с карнизиком — стоит на третьем месте, в то время как в Гришкином Логу эти горшки были самыми многочисленными.

Как и в других рассмотренных памятниках, способ изготовления горшков из могильника Новая Черная I устанавливается по разбитым сосудам достаточно хорошо. Их изготавливали из лент, начиная лепить от венчика. Последним делали дно. Этим объясняется одинаковая толщина стенок на всем их протяжении и мягкость перехода от дна к стенкам. В некоторых случаях, о чем можно судить по отдельным сосудам, дно первоначально было округлым и его уплощали после завершения лепки (табл. 48, 10, 18; 49, 1, 7, 10; 50, 6, 14). Однако наряду с этим, судя по некоторым обломкам донца, можно видеть, что из последней ленты лепили донце, которое присоединяли к горшку, о чем говорят следы налепа по краю донца. Может быть, именно этим усовершенствованием объясняется почти полное отсутствие кривобоких сосудов.

Около 20 % всех горшков были разбиты и реставрированы еще в древности, для этого, как и в горшках из других могильников, по краю трещины просверливали отверстия, через которые плотно связывали горшок. Судя по отсутствию в могилах металлических скобок, для скрепления горшков использовали какие-то органические материалы — кожаные шнурки или бечеву, которая со временем сгнила. Об утилизации разбитой посуды свидетельствуют и миски из нижних частей горшков, края которых иногда дополнительно обламывали и выравнивали. Видимо, как это наблюдалось и в других могильниках, умершим можно было ставить и «мертвую» посуду.

Как уже было отмечено для Гришкиного Лога, набор погребальной посуды не отражает истинного соотношения разных ее видов, использовавшихся в живом обществе. В могилы попадали не все виды посуды, а в основном только горшки для приготовления и хранения готовой пищи и миски для еды. Вместе с тем, наряду с горшками в жизни пользовались и сосудами, специально предназначенными для определенных видов пищи или питья. Об этом можно судить по наличию редких, но хорошо выработанных специфических форм, таких как сосуды на поддоне. Но если набор посуды из могил не отражает истинного соотношения, то все же он дает полное представление о горшках, все разновидности которых представлены в могилах. Об этом в первую очередь свидетельствуют битые горшки разных видов.

Инвентарь могильника Новая Черная I не очень многочислен и разнообразен. Тем не менее в нем представлены все виды ведущих вещей, встречающихся в других памятниках. Все вещи

можно разделить на три категории, как это уже было сделано и для других могильников — предметы производственного назначения — ножи, шилья, кинжалы, чеканы, вток; предметы туалета — зеркала, гребни, головные ножи; украшения — бляшки, пронизки и бусы.

Ножи. Наиболее многочисленная группа находок. Найдено 10 целых экземпляров и два обломка. Все ножи индивидуальны, но тем не менее по характеру завершения рукоятки их можно разделить на две группы.

Первая группа — семь ножей с навершием (табл. 52, 9, 13—18). Все они представляют собой слабоизогнутую пластину, сужавшуюся к острию. Длина ножей различна, самый маленький из них 16,5 см, а два самых больших по 21 см. Клинок несколько длиннее рукоятки, она обычно от 8 до 10 см. Края рукоятки параллельны. Клинки откованы и заточены и имеют следы сработанности, поэтому у некоторых экземпляров они не выпуклые, а вогнутые. Навершия ножей индивидуальны. Общей чертой является то, что все они рельефны и выступают за плоскость рукоятки. Два наиболее крупных ножа завершаются шляпковидным утолщением (табл. 52, 14, 18), не выходящим за линию краев рукоятки, но выступающим за ее плоскость. У одного из них под навершием имеется небольшое круглое сквозное отверстие. Близко к ним и навершие самого маленького ножа (табл. 52, 17). Оно имеет вид шляпки, выступающей над плоскостью рукоятки, но не выходящей за ее края. Под шляпкой перевернутое каплевидное отверстие, ниже которого две круглые глухие ямки. У четвертого ножа (табл. 52, 16) навершие в виде переломленного валика, образующего как бы двускатную крышу. Оно резко выступает за плоскость рукоятки, но почти не выходит за ее края. Под навершием каплевидное перевернутое отверстие. Пятый нож (табл. 48, 15) завершен рельефным валиком, который выходит за плоскость рукоятки и несколько выступает за ее пределы. Под валиком овальное отверстие. У шестого ножа (табл. 52, 9) верх закруглен, но со стороны лезвия образует как бы «клюв», отчего верхняя часть рукоятки напоминает птичью головку. В центре ее круглое отверстие. У последнего ножа этой группы (табл. 52, 13) навершие отломано по верхней части отверстия, но на сохранившемся кусочке видно утолщение, указывающее на то, что первоначально и у него было рельефное навершие.

Основной особенностью рассмотренной группы ножей является разнообразие их наверший, как бы поиски наиболее рациональной формы.

Вторая группа ножей представлена тремя целыми экземплярами (табл. 52, 10—12). Это также слабоизогнутые пластины, сужающиеся к концу. Их длина различна — от 16 до 21 см. Края рукоятки параллельны. Клинок откован и заточен. Рельефных наверший нет. Верх рукоятки закруглен. У двух в верхней части круглое отверстие, а у одного продолговато-овальное.

Несмотря на разницу в завершении рукоятки, оба вида имеют общие черты. Все они отлиты в двусторонней форме, у всех края рукоятки параллельны, а не суживаются кверху, как это можно видеть у ножей из несколько более поздних памятников.

Что же касается двух обломков ножей, то судить о их первоначальном виде трудно (табл. 52, 2, 3).

Шилья. Вторая по величине группа находок. Их 6 целых и фрагментированных экземпляров (табл. 52, 1, 4—8). Все они разнообразны по своим деталям. Одно (табл. 52, 6) представлено классической формой четырехгранного стержня, завершенного круглой шляпкой, под которой имеется небольшая круглая шейка. Другое без навершия (табл. 52, 5), у третьего навершием служит прилитый комок металла (табл. 52, 4). Два других своеобразны (табл. 52, 1, 7). У них рабочая часть также в виде четырехгранного стержня, а верхняя представляет стержень, раскованный в пластинку. У одного верх пластинки скручен в спираль, а у другого загнут к центру. Судить о последнем шиле (табл. 52, 8) из-за его фрагментарности сложно, но несомненно, что это тоже был четырехгранный стержень.

В целом о шильях можно сказать то же, что о ножах: судя по их разнообразию, идет выработка и поиски новых форм.

Кинжалы. Они представлены двумя экземплярами (табл. 53, 21, 26), отличающимися размерами и деталями. Первый из них более крупный, длиной 24 см, имеет ромбический в сечении клинок, сломанное под тупым углом пластинчатое перекрестие с несколько опущенными вниз концами, с гладкой пластинчатой, длиной 9 см, рукояткой, завершенной грибовидной шляпкой. Второй, 19 см длиной, имеет овальный в сечении клинок, аналогичное первому перекрестие, гладкую пластинчатую рукоятку длиной 7 см, завершенную валиковым навершием. Несмотря на разницу в величине и сечении клинка, оба кинжала представлены натуральными размерами, и их можно считать настоящим боевым оружием.

Чеканы. К этой категории оружия относятся два найденных предмета, хотя один из них не представлен классическим типом. Первый (табл. 53, 22) скорее является секирой. У него толстый и широкий боек, расширяющийся к секирообразному лезвию, относительно длинная, несколько расширяющаяся книзу втулка с отверстием для прикрепления к древку, невысокая муфта по верхнему краю отверстия и недлинный расширяющийся овальный в сечении обушок. Секира эта уникальна. Второй чекан отличается от обычных (табл. 53, 25) отсутствием втулки. В нем проделано сквозное удлинненно-овальное в сечении отверстие для рукоятки. Сбоку он имеет вид удлиненного прямоугольного бруска, один конец которого заострен. В плане от середины отверстия он несколько сужается к боевому концу. Обушок за отверстием резко сужается и в сечении имеет

удлиненно-овальную форму. Сечение бойка трапециевидное. Этот чекан также является уникальным предметом, не встреченным в других памятниках.

Вток (табл. 53, 23), длиной 6 см, параболоидной формы, с небольшим выступом на нижнем конце. Сбоку у него имеется отверстие для прикрепления к древку.

Рассмотренными вещами исчерпываются предметы производственного назначения.

Зеркала. В могильнике найдено пять зеркал (табл. 54, 1, 4, 8, 9, 11). Все они представляют собой плоские бронзовые диски диаметром от 9 до 11 см. Три из них отличаются тем, что по внешней стороне, на обороте, по краю у них идет невысокий валик. Эти зеркала несколько более массивные. Два других зеркала валика не имеют. Их край утончен, и толщина диска меньше. С обратной стороны все зеркала имеют петельку-ушко, через которое пропускается кожаный ремешок.

Гребень (табл. 54, 5). Найден только один. Это полукруглая костяная пластинка, по прямой стороне которой нарезаны зубчики, а над ними сделана полукруглая прорезь.

Головные ножи. Найдено пять экземпляров (табл. 54, 2, 3, 6, 7, 10). Четыре из них представляют собой костяные пластинки, три из которых имеют изогнутую форму, а одна прямая, с заостренным рабочим концом. Эта часть ножа заложена и заглажена. Пластинки в верхней части имеют отверстие для подвешивания. Кроме того, один из головных ножей сделан из зуба кабарги, в коренной его части также имеется круглое отверстие.

Бляшки. Самый многочисленный вид украшений. Всего их найдено семнадцать целых и в обломках (табл. 53, 1—12). В одних могилах найдено по одной бляшке, в других — по две. Бляшки двух основных видов. Большая часть из них сделана из тонкого бронзового листа. Они в большинстве случаев украшены по краю крупными выпуклыми бугорками. Пять штук массивные, толщиной до 3 мм. У всех в центре имеется отверстие, через которое пропускался кожаный ремешок для прикрепления бляшки к головному убору. По размерам бляшки можно разделить на три группы. Самая крупная диаметром 4.5 см, основная масса имеет диаметр до 3.5 см, а самые маленькие — 2.5 см.

Пронизки. Найдено всего пять экземпляров (табл. 53, 17, 19, 20, 24). Все сделаны из тонкого бронзового листа, свернутого в трубочку. Самые крупные длиной 4 см, а остальные около 3 см. Некоторые из них обломаны. Одна из пронизок рифленая.

Бусы. Одна из бусин бронзовая (табл. 53, 13), сделана из тонкой пластинки, свернутой в полтора оборота. Остальные каменные. Одна биконическая (табл. 53, 14), три в виде колечка

(табл. 53, 16, 18), разной толщины. Одна, обломанная, в виде толстой трубочки (табл. 53, 15).

Описанными вещами исчерпывается инвентарь могильника. Как можно видеть, в нем нет таких, которые по своим деталям резко отличались бы от остальных. Для бронзовых орудий труда и оружия, несмотря на единичность отдельных вещей и их необычную форму, характерна массивность и натуральность, что свидетельствует об их раннем времени, так как в памятниках поздней поры тагарской культуры обычны уменьшенные или миниатюрные вещи. Украшения хотя и многочисленны, но представлены сериями, обычными и для других рассмотренных памятников. Все это позволяет прийти к мнению о единстве инвентаря могильника и об отсутствии в нем более поздних примесей.

Кроме вещей в подавляющем большинстве могил оказались кости домашних животных, которые являются остатками положенной в могилу мясной погребальной пищи. В непотревоженных могилах кости лежат кучкой, чаще всего у ноги. Видимо, первоначально они находились на деревянном подносе или блюде. Погребенному клали вполне определенные куски мяса: это была задняя нога, лопатка и кусок грудины с несколькими ребрами. В 20 случаях найден набор костей барана, в 14 — коровы, в одном — лошади. В трех случаях принадлежность костей виду животного не установлена. В одной могиле находились кости коровы, барана и лошади, в другой — барана и коровы, а в двух оказалось по два комплекта костей барана. Всего для совершения погребений было убито не менее одной лошади, 14 коров и 22 баранов.

Анализ инвентаря и мясной пищи, положенной с погребенными, показывает, что материалы могильника однородны. Это проявляется как в керамике, так и в вещах, и в характерном наборе кусков мяса. Несмотря на разные мелкие детали вещей, все они в принципе однородны, это свидетельствует, что в течение даже короткого времени, в данном случае времени функционирования могильника, тагарцы в быту пользовались несколькими разновидностями одной и той же категории вещей. Видимо, в живом коллективе их разнообразие было еще большим, чем об этом можно судить по материалам могильника, так как в могилы помещали не все вещи. Отсюда следует, что отдельные разновидности вещей, несмотря на их внешние различия, являются одновременными. Некоторые из них можно считать ведущими, другие же сопутствуют им. В данном случае это хорошо видно по ножам. С одной стороны, имеются простые пластинчатые ножи, которые становятся ведущими на подгорновском этапе, а с другой — им сопутствуют ножи с рельефным наваршием, часто такой формы, которая была характерна для предшествующей культуры.

ГЛАВА 4. ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД

При анализе погребального обряда могильника Новая Черная I, кроме общего для всех могильников основного недостатка — сильной разрушенности могил, прибавляется еще и отсутствие необходимых антропологических определений. Кости лишь 24 погребенных были осмотрены Г. Ф. Дебецем и А. Г. Козинцевым, причем Г. Ф. Дебецем только три скелета. Основная же масса захороненных на этом кладбище осталась не определенной. Кроме того, сами определения во многих случаях вызывают сомнения. Судя по данным других могильников, умершие женщины в большинстве случаев имели довольно молодой возраст и значительно реже зрелый или старческий. В этом же памятнике, по данным А. Г. Козинцева, в семи случаях, где определен возраст погребенной женщины, оказалось, что все они умерли в зрелом возрасте.

Все это чрезвычайно затрудняет выяснение особенностей погребений отдельных категорий людей. Вместе с тем, имеющиеся определения пола позволяют с их позиций рассмотреть содержание тех могил, где пол погребенных неясен. Кроме того, проведенный анализ других могильников дает возможность использовать полученные данные для сравнения. Это в какой-то степени помогает в решении поставленной задачи.

Первоначально все могилы можно разделить на две большие группы — одиночные погребения и могилы с несколькими захоронениями. Первая группа состоит из трех видов одиночных погребений: мужские, женские, детские. Вторая из двух видов: погребения двух людей и захоронение нескольких человек.

Мужские одиночные захоронения определены в пяти могилах: к. 9, м. 2, 3; к. 13, м. 1; к. 14, м. 2; к. 16, м. 2. Кроме того, по составу инвентаря к ним можно отнести еще две могилы: к. 10, м. 3 и к. 19, м. 2.

Все пять могил, для которых имеются определения пола и возраста, содержали разрушенные погребения. В трех из них на месте сохранились только отдельные кости. Во всех случаях в могилах оказались погребенные мужчины зрелого возраста (35—55 лет).

В двух курганах (14 и 16) мужские могилы занимали центральное положение в основных оградах. В кургане 13 мужская могила являлась север-

ной из двух симметрично расположенных. В кургане 9 мужскими были северная и средняя могилы, но в нем из-за плохой сохранности ограды трудно судить, не было ли здесь для северной могилы 2 пристройки, которая к настоящему времени могла быть разрушена. Две могилы в курганах 10 и 19 являлись южными (табл. III). На основании приведенных неполных данных трудно говорить о какой бы то ни было закономерности, хотя в отдельных случаях размещение мужских могил напоминает картину, которую можно было наблюдать по материалам могильника Черновая I.

Судя по отдельным сохранившимся первоначальное положение костям, а также по почти не потревоженной м. 2 к. 19 (табл. 44, Л), можно говорить о том, что погребенного укладывали в вытянутом положении, на спине, с вытянутыми или слегка согнутыми руками, головой на ЮЗ.

Каждому погребенному в могилу ставили один или два горшка с жидкой пищей. Из этих могил происходят почти все виды горшков. За исключением одной могилы, посуда, видимо, сохранилась на первоначальном месте. В четырех могилах один из горшков или плошка стояли справа у ноги, в одной — слева от нее. В двух могилах второй горшок находился слева у головы, а в одной справа.

Инвентарь рассматриваемых могил невелик. В четырех из них кроме горшков других вещей не найдено, а в трех оказались предметы вооружения. В м. 3 к. 9 (табл. 42, б) справа на тазовых костях лежали кинжал и нож с выступающим навершием. А у левого голеностопного сустава находился вток, обращенный отверстием вверх. Чекана в могиле не оказалось, видимо, он был унесен грабителями. Так как обычно чекан лежит в непо потревоженных могилах у пояса погребенного, можно по расстоянию от таза до втока установить примерную длину его рукоятки. В данном случае она была равна 90 см. В м. 2 к. 19 (табл. 44, Л) также справа у пояса, но, видимо, несколько сдвинутый со своего первоначального места, лежал кинжал. А в м. 3 к. 10 найден чекан. В этих трех могилах погребены воины, хотя судить объективно о том, было ли первоначально оружие и у других мужчин, не представляется возможным.

За исключением одной, во всех могилах найдены кости от положенной с погребенными мяс-

ной пищи. Комплект костей везде одинаков: задняя нога, ребра, лопатка. Только в одной могиле (м. 1 к. 13) оказалось два комплекта костей — один от барана, а другой от коровы. В трех были кости только барана и в двух — только коровы. В четырех могилах кости сохранились на своем первоначальном месте. Они лежали кучкой, видимо, на каком-то деревянном блюде, у трех погребенных рядом с левой голенью, а у одного у правой голени.

Женские одиночные захоронения. В данном случае в группу женских одиночных погребений включены и захоронения женщины и ребенка, которые по смыслу, как можно было судить по материалам других могильников, одинаковы. Кроме того, не у всех определен пол и возраст, поэтому, чтобы получить побольше данных о чертах женских погребений, такое объединение кажется целесообразным. Всего 7 могил, где у погребенных определен пол и возраст: к. 3, м. 1 и 2; к. 7, м. 2; к. 11, м. 1; к. 13, м. 2, к. 14, м. 1; к. 22. Кроме того имеются еще 12 могил, по своим чертам близких или аналогичных указанным выше: к. 1, м. 1; к. 2, м. 2; к. 4, м. 1 и 2; к. 7, м. 1; к. 8, м. 2; к. 9, м. 4; к. 12, м. 1 и 2; к. 17; к. 19, м. 1; к. 21. Они будут рассмотрены в процессе анализа этих погребений.

Среди могил с определенным полом и возрастом погребенных имеется только две почти полной сохранности — к. 3, м. 1 (табл. 42, 1) и к. 22 (табл. 47, 3) и три могилы сохранились частично.

Во всех могилах этой группы оказались захороненными женщины зрелого возраста (35—55 лет), что кажется маловероятным, если учитывать возрастную состав женщин в других могильниках.

Могилы с женщинами в курганах занимают разное место. В семи случаях они оказались центральными в основных оградах, в четырех — женская могила занимала центр пристройки. В трех оградах они были северными, а в двух являлись одной из симметрично расположенных в ограде могил. В четырех оградах женские могилы были южными, в двух из них они были симметричными. В одной ограде такая могила занимала свободное место между центром и южной стеной, а в другой являлась третьей в ряду (табл. III). Разнообразие занимаемого места не позволяет пока делать категорических заключений, тем более что содержание других могил не всегда ясно.

Судя по сохранившимся или отчасти сохранившимся могилам, погребенную укладывали в вытянутом положении, на спине, с вытянутыми либо несколько согнутыми в локтях руками. В тех могилах, где оказывались непотревоженные детские скелеты, они лежали справа от женщины в той же позе. За исключением двух случаев, все погребенные лежали головой на ЮЗ. Только в могиле 1 к. 14 или 2 к. 4, судя по расположению горшков, остатков мясной пищи и некоторых костей, умершие были положены в противоположном направлении — головой на СВ.

За исключением двух могил, во всех остальных найдены горшки. В пяти могилах их было по два при одной погребенной, в двух — у женщины и ребенка было по горшку, в остальных найдены остатки одного горшка. В восьми могилах горшки стояли слева у головы погребенной. Если их было два, то в трех могилах второй из горшков или миска поставлены слева у стопы, а в двух слева у голени. В двух могилах, где женщина погребена с ребенком, у головы последнего стоял горшок, а в одной он находился у ног ребенка. Как можно видеть, здесь вырисовывается та же картина, что и в других могильниках. Преимущественно горшок ставили слева у головы, а при наличии двух — второй стоял справа у ноги или головы.

Инвентарь женских могил богаче и несколько разнообразнее, чем мужских. Из женских могил происходит пять ножей. Три из них с рельефным навершием, а два — пластинчатые. В могилах, где можно предполагать, что ножи сохранили свое первоначальное место, они лежали в трех случаях слева у руки погребенной, а в одном — под горшком, слева у головы. Обычно рядом с ножом находится либо шило, либо головной нож. Можно думать поэтому, что некоторые предметы, находившиеся у женщины, хранились в каком-то футляре.

Зеркала, в отличие от других памятников, где они встречались и в мужских погребениях, в этом могильнике найдены только с женщинами. Во всяком случае, четыре из них происходят из этой группы могил. В двух могилах (к. 3, м. 1 и к. 4, м. 1) (табл. 42, 1, 3) зеркала лежали на левой части груди погребенной. Женскими же являются и украшения, в первую очередь бронзовые пронизки и бусы.

Как и в мужских могилах, с женщинами найдены остатки мясной погребальной пищи, представленные характерным набором костей. В тех могилах, где эти кости сохранились на первоначальном месте, можно видеть, что их клали рядом с ногами погребенной. В семи могилах мясная пища находилась у левой голени, а в пяти — у правой. В семи могилах были кости барана, в четырех — коровы, а в двух — по два набора из костей барана и коровы.

Рассматривая в целом женские одиночные погребения, можно видеть, что они, наряду с общими для мужских захоронений чертами — положением, ориентировкой, наличием горшков и остатков погребальной пищи, размещением отдельных находок, — обладают и рядом только им свойственных особенностей. Выясняется специфический инвентарь: шилья, головные ножи, зеркала, пронизки, а также наличие рядом с погребенной женщиной ребенка. Именно эти особые черты позволили присоединить к группе могил, где у погребенных определен пол и возраст, ряд других, для которых определений не имеется. Правда, в к. 17 А. Г. Козинцев определил мужчину с ребенком. Однако, судя по данным других аналогичных памятников, с детьми хоронили

только женщин, и кроме того, в этой же могиле было найдено зеркало, что также указывает на женский пол погребенной. И если в данном случае нельзя косвенными данными опровергнуть правильность определения, то поставить ее под сомнение возможно.

Группа могил с одиночными захоронениями представлена девятью могилами: к. 1, м. 1; к. 4, м. 3; к. 5, м. 1 и 3; к. 6, м. 3; к. 8, м. 1; к. 15, м. 1, к. 16, м. 1 и 3.

В пяти могилах сохранились отчасти не потревоженные отдельные кости погребенных, остальные полностью разрушены. Могилы эти занимали разное положение в оградах. В двух случаях они были центральными в основных оградах. В двух курганах, где было по три могилы, северная и южная могилы содержали неясные захоронения, и в трех случаях они являлись южными (табл. III).

Судя по отчасти сохранившимся могилам, все погребенные лежали в вытянутом положении, на спине, головой на ЮЗ.

Во всех могилах найдены горшки. В трех было по два, в одной — три, а в остальных — по одному горшку. Посуда представлена всеми ее видами. Там, где горшки стоят на первоначальном месте, в двух случаях они находились слева у головы, а в одном справа. Второй горшок в одной из могил стоял у правой ноги, так же как и миска в другой могиле. В м. 1 к. 8 второй горшок (миска) стоял у левой ноги, а в м. 3 к. 4, где найдены три горшка, все они стояли справа у головы.

Кроме горшков в могилах найден некоторый инвентарь. Из трех могил происходят бронзовые ножи. В м. 3 к. 5 найдена бляшка с золотой фольгой, а в м. 3 к. 4 оказался набор альчилов из 72 штук. Один из них просверлен и забит бронзой, некоторые имеют насечки, а другие — спиленные бока. По всей видимости, здесь положена какая-то игра.

Из этих могил, как и из других, происходят кости животных в характерном наборе. В пяти могилах найдены кости коровы, а в других — барана. Там, где они сохранились в первоначальном положении, в двух могилах они лежали у левой голени погребенного, а в одной — у правой.

Как можно видеть, эта группа могил, обладая всеми чертами, характерными вообще для одиночных погребений раннетагарских памятников, не содержат в себе специфических черт, которые бы могли хотя бы приблизительно указывать на пол погребенного в ней человека. Одиночные детские погребения оказались в восьми могилах,

и кроме того, четыре могилы были пустыми: к. 2, м. 4 и 5; к. 9, м. 1; к. 10, м. 1 и 2; к. 11, м. 4; к. 14, м. 5 и 6; к. 1, м. 3; к. 14, м. 3 и 4; к. 15, м. 2.

Из восьми могил три сохранились относительно хорошо, а две содержали полуразрушенные захоронения. Антропологических определений возраста детей из этого могильника нет. Обычно детские могилы находятся либо в пристройках, либо внутри основных оград, располагаясь по сторонам от могилы взрослых (табл. III).

Судя по сохранившимся скелетам, умерших детей укладывали в могилу, как и взрослых, в вытянутом положении, на спине, преимущественно головой к ЮЗ, но в одном случае ребенок лежал в противоположном направлении, головой на СВ. Кроме того, в м. 6 к. 14 оказался скорченный погребенный. Скорее всего, это было более позднее захоронение.

В пяти могилах найдены горшки, представленные основными ведущими видами. В м. 1 к. 10 (табл. 43, б) два горшка находились слева у головы, так же стоял горшок в м. 2 (табл. 43, 4). В м. 4 к. 11 (табл. 45, 2) один из горшков находился справа у головы, а второй — у левого предплечья.

Из вещей найден только нож в м. 2 к. 10, а в м. 2 к. 4 оказались кости барана, которые лежали слева от плеча и головы ребенка. Они представлены тем же набором, что и в могилах взрослых.

Рассматривая в целом детские погребения, можно заметить, что все их черты аналогичны погребениям взрослых, хотя не в каждой могиле встречается весь набор, обычно сопровождающий взрослого. В одних могилах встречаются только горшки, а в других они отсутствуют, но есть кости животного, в третьих вообще ничего нет. По материалам других могильников, где имелись определения возраста детей, эти отличия связывались с их возрастом.

Могил с двумя погребениями всего шесть: к. 2, м. 1 и 3; к. 5, м. 5; к. 6, м. 1 и 2; к. 20. Основная сложность в их изучении состоит не только в том, что для некоторых погребенных, как и в других случаях, нет антропологических определений, но также и в том, что в тех случаях, где они есть, определены однополые люди. Такой картины не наблюдалось в других могильниках.

Могилы с двумя погребениями обнаружены в четырех курганах. В двух случаях они оказались центральными в оградах, в двух были северными в ряду из трех могил, и в одном случае могила была южной, также в ряду трех могил (табл. III).

Таблица III

Расположение могил в оградах в зависимости от пола и возраста погребенных

Курган	Ограда	К-во могил	Расположение могил			
			северная	центральная	южная	в углу
1	2	3	4	5	6	7
1	Основная	2		Женщина		
					??	
	Восточная	1		Ребенок		

Продолжение табл. III

1	2	3	4	5	6	7
2	Основная	4	Женщина			
			Мужчина			
				Мужчина Женщина Ребенок		
					Мужчина Женщина	
	Восточная	1		Ребенок		Ребенок
3	Основная	1		Женщина		
	Восточная	1		Женщина		
4	Основная	2	Женщина			
					??	
	Северная	1		Мужчина 3 взрослых Ребенок		
5	Основная	3	??			
				3 женщины 3 взрослых Ребенок		
					??	
	Западная	2	—			
					Мужчина Женщина	
6	Основная	3	Женщина Мужчина Ребенок			
				Мужчина Женщина		
					??	
7	Основная	2		Женщина		
					Женщина	
8	Основная	1		??		
	Южная	1		Женщина Ребенок		
9	Основная	3	Мужчина			
				Мужчина		
					Женщина	
	Восточная	1		Ребенок		
10	Основная	3	Ребенок			
				Ребенок		
					Женщина	

Продолжение табл. III

1	2	3	4	5	6	7
11	Основная	4	Женщина			
				??		
					27 человек	
						Ребенок
12	Основная	2		Женщина		
				Ребенок		
13	Основная	2	Мужчина			
					Женщина	
14	Основная	4		Мужчина		
					Ребенок	
					Ребенок	
						Ребенок
	Северная	1		Женщина		
	Восточная	1		Ребенок		
15	Основная	2		??		
					Ребенок	
16	Основная	3	??			
				Мужчина		
					??	
17	Основная	1		Мужчина Ребенок		
18						
19	Основная	2		Женщина Ребенок		
					Мужчина	
20	Основная	1		Мужчина Женщина		
21	Без ограды	1		Женщина		
22	Без ограды	1		Женщина Ребенок		

Продолжение табл. III

Состав погребенных	Основные ограды			
	северная	центральная	южная	в углу
1	2	3	4	5
Мужчина	2	3	1	—
Женщина	2	4	4	—
Ребенок	1	2	3	3
Мужчина + женщина	1	2	1	—
Мужчина + женщина + ребенок	1	1	—	—

1	2	3	4	5
Женщина + ребенок	—	1	—	—
Мужчина + ребенок +	—	1	—	—
Коллективное	—	1	1	—

Окончание табл. III

Состав погребенных	Пристройки			
	северная	центральная	южная	в углу
Мужчина	—	—	—	—
Женщина	—	2	—	—
Ребенок	—	4	—	—
Женщина + мужчина	—	—	1	—
Женщина + ребенок	—	1	—	—
Коллективное	—	1	—	—

Одна из могил сохранилась почти полностью, все другие только частично, но все же они позволяют отметить общие для всех черты. Оба погребенных лежат рядом в вытянутом положении, на спине, головой на ЮЗ. Там, где погребения сохранились лучше — к. 2, м. 3 (табл. 41, 3) и к. 6, м. 1 и 2 (табл. 43, 1, 2), — можно видеть, что сопровождающий инвентарь клали для каждого человека индивидуально. В связи с неясностью и сомнительностью определений каждую могилу необходимо рассмотреть отдельно.

В м. 1 к. 6 антропологами определены двое мужчин возмужалого возраста (20—35 лет) и ребенок (табл. 43, 1). В северо-восточной части могилы почти посередине на месте лежали голени одного погребенного, а ближе к восточному углу голень второго. Вдоль северо-западной стены ближе к западному углу — полуразрушенный скелет ребенка. Между голенищами находились горшок и миска, а к северу от голеней первого — кости животного. Рассмотрение одиночных погребений показало, что в этом могильнике, как и в других, детей хоронили только с женщинами. Наличие в могиле детского скелета свидетельствует о том, что один из погребенных мог быть женщиной. Поэтому полной уверенности в правильности антропологических определений нет.

В м. 2 к. 6 (табл. 43, 2) также определены двое мужчин возмужалого возраста (20—35 лет). У погребенных не хватает только нижних частей позвоночника и тазовых костей. У северо-западного погребенного с левой стороны головы и у левой стопы стояло по горшку. У второго, юго-восточного, погребенного один из горшков стоял слева у головы, а второй справа у стопы. Между голенищами находились кости коровы. В этой могиле интересен набор горшков. Три из них отно-

сятся к виду индивидуальных. Два из них красные (табл. 48, 5, 7). Один несколько необычной формы, черный (табл. 48, 6) и плошка из нижней части горшка (табл. 49, 7). Последние два сосуда стояли у южного погребенного, а красные — у северного. В этом же могильнике сосуды индивидуальной формы оказались в могиле с женщиной. Такая же картина наблюдалась и в Гришкином Логу, где индивидуальные сосуды красного цвета встречались только в женских погребениях. Это может служить косвенным указанием на пол погребенного. Кроме того, на плане могилы видно, что северный погребенный был несколько меньшего роста, чем южный. Все эти наблюдения, как и в первом случае, позволяют поставить под сомнение правильность антропологического определения пола одного из погребенных. В третьей могиле к. 20 (табл. 47, 1) на месте сохранились голени южного погребенного и одна голень северного. В этой могиле, согласно антропологическим определениям, погребены две женщины. Действительно, в ней найдена пронизка, указывающая на женский пол погребенного. Что же касается косвенных данных для установления пола второго погребенного, то их нет. Но у мужчин вообще, если они не воины, вещей в могилах почти нет. Так что можно допустить, что и здесь, как и в других могильниках, один из погребенных был мужчиной.

Рассмотренные три погребения хотя и не дают возможности опровергнуть антропологические определения, но в двух из трех случаев позволяют усомниться в правильности их. Никакого инвентаря кроме горшка в могиле не найдено. Можно только допустить на основании аналогий с другими могильниками, что вторым погребенным мог быть мужчина.

В м. 3 к. 2 (табл. 41, 4) на месте сохранились черепа и ноги погребенных, а между ними кости

коровы, барана и лошади. Кроме того, в могиле найден еще череп. Судя по расположению костей в могиле, места для третьего погребенного не было. Можно допустить, что череп либо попал сюда из другой могилы, либо он относится к более позднему впускному погребению. Один из двух погребенных определен Г. Ф. Дебецем как женщина 23—27 лет. Инвентаря, который указывал бы на пол второго погребенного, нет. Но то, что среди костей животных обнаружены кости лошади, по аналогии с Черновой I, где лошадь встречалась только с мужчинами, позволяет предполагать, что вторым погребенным был мужчина.

В м. 5 к. 5 (табл. 44, б) на месте сохранились только голени северного из погребенных. Пол ни одного из них не установлен.

Несмотря на то что ни в одном из рассмотренных случаев нельзя с абсолютной достоверностью констатировать наличие парного погребения, в силу уже отмеченных выше причин все эти захоронения можно объединить в одну, хотя и малочисленную, группу. По всей видимости, такие погребения не случайны, а являются одним из видов тагарских захоронений. Основной их особенностью является то, что в таком погребении, за исключением иногда погребальной пищи, отсутствует общий инвентарь. Здесь как бы наблюдается два индивидуальных захоронения в одной могиле. Эта черта уже отмечалась в связи с парными погребениями других могильников. Вообще эти захоронения по всем своим данным и характерным чертам полностью соответствуют парным погребениям других памятников. Конечно, можно допустить мысль, что в силу неясных причин в данном конкретном случае хоронили людей одного пола в одной могиле, но тогда это индивидуальная черта Новой Черной I. Но все же скорее всего здесь имеет место ошибочное определение, и поэтому условно эти погребения нужно относить к разряду парных.

Таким образом, основная масса захоронений в могильнике Новая Черная I делится на несколько групп, представленных повторяющимися погребениями. Вместе с тем имеется несколько могил, содержащих необычные захоронения. Некоторые из них, в их основной части, были включены в соответствующую группу, хотя там анализа их сделано не было. Другие же необходимо рассмотреть отдельно.

Единственным в своем роде является захоронение в м. 2 к. 5. Здесь в самой широкой могиле (160 см) найдены останки семи человек. На месте сохранились части скелетов пятерых. В северо-восточной части найдены лежавшие в анатомическом порядке кости ног. У северо-западной стены голени одного, а рядом с ними левая нога и бедро другого скелета. Ближе к юго-восточной стене ноги третьего и часть ног четвертого скелета. Между ногами третьего и стенкой ящика детский скелет. Центральная часть могилы оказалась свободной. Кроме того, в могиле найдено 6 черепов. Судя по занимаемому костями месту, четверо погребенных были положены в одну могилу пер-

воначально. Свободное пространство в центре могилы допускает мысль, что и здесь могли лежать погребенные. Установлен пол троих — это женщины возмужалого, зрелого и старческого возраста. Пол и возраст остальных взрослых неясен. Инвентарь могилы женский. Здесь найдены зеркало, проволочка, обломок бронзового предмета и горшок. В этой могиле явно имеет место коллективное погребение. Такие захоронения часты в более позднее время и необычны для ранне-тагарских памятников. По поводу содержания данной могилы можно высказать два противоположных, но равно обоснованных предположения. Либо здесь имеет место одно из самых ранних коллективных захоронений, вызванное какими-то особыми обстоятельствами (болезнь, военные события), либо первоначально в ней были погребены два человека, о чем свидетельствует ширина могилы, а потом на их месте, разрушив первоначальные захоронения, погребли четырех взрослых и ребенка.

О наличии более поздних впускных захоронений в этом могильнике можно судить и по другим могилам. К одиночным женским захоронениям была отнесена м. 1 к. 4 (табл. 42, 3). Но в этой могиле найдены останки четырех взрослых и одного ребенка. На дне лежал скелет, которого сопровождали нож, шило, зеркало, бляшки и два горшка. Судя по этим предметам, погребенный должен быть женщиной. На 25 см выше ее найдены в анатомическом порядке левая нога и правая голень от другого скелета, а в заполнении кости еще двух взрослых и ребенка. Один из этих более поздних погребенных определен антропологами как мужчина возмужалого или зрелого возраста. Никаких вещей с ними найдено не было. Останки трех взрослых и ребенка нужно считать более поздними, впускными захоронениями.

Близкая картина наблюдалась и в м. 2 к. 2 (табл. 41, 2). Здесь найдены останки трех людей — двух взрослых и ребенка. Эта могила, как и предыдущая, была включена в группу одиночных женских погребений. На дне могилы сохранились в анатомическом порядке голени взрослого, а справа, рядом с ними, скелет ребенка. Для второго взрослого места нет. В могиле оказался горшок, стоявший в западном углу, то есть слева от головы взрослого, а у левой голени его и правой голени ребенка лежало по кучке костей барана. Отсутствие места для второго взрослого, размещение инвентаря, наличие двух комплектов костей животных, находящихся у каждого из погребенных, с несомненностью указывают на то, что первоначально в могиле были погребены два человека — взрослый (женщина, так как рядом ребенок) и ребенок. Что же касается костей третьего, определенного антропологами как мужчина возмужалого или зрелого возраста, то для него места не оказывается. Он мог быть похоронен только позже основных, то есть является впускным.

При рассмотрении погребения двух человек уже отмечалось, что в м. 3 к. 2 кроме них найден череп третьего, который одновременно с основ-

ными не мог быть похоронен в могиле. Таким же впускным является и захоронение ребенка в м. 6 к. 14 (табл. 44, 7). Это погребение занимает не всю могилу, а только юго-восточную ее часть и отгорожено плитками. Ребенок лежал в скорченном положении, на боку, что для могильника не характерно, головой на ЮВ. Все это свидетельствует о том, что данное погребение более позднее — впускное.

Содержимое одной из могил было уникально. Это м. 3 к. 11 (табл. 45, 3). Здесь найдены остатки костей и черепа от 27 человек. В тех случаях, когда удастся установить по хотя бы частично сохранившимся костям первоначальное положение погребенных, можно видеть, что некоторые лежат в вытянутом положении, на спине, а другие в скорченном положении, на боку или иногда на животе. В большинстве случаев головой на СВ. Трудно представить, что одновременно в могилу размерами 220×80×95 см могли уложить такое количество людей. Отдельные не связанные с черепами кости не привязываются к скелетам. Они свидетельствуют либо о последовательных погребениях, либо о том, что здесь были захоронены не только целые трупы, но и их части. Несмотря на то что в могиле найден обломок пластинчатого бронзового ножа, отнести эти захоронения к основному могильнику невозможно. И не только из-за необычности содержания могилы, но потому, что у них другая ориентировка и что некоторые захороненные находились в скорченном положении, чего нет ни в одной основной могиле. По аналогии с другими памятниками скорее можно предполагать, что и здесь имеют место значительно более поздние впускные захоронения, но время их остается неясным. Можно, конечно, предполагать, что, как и в других случаях, эти погребения относятся к концу тагарской культуры, но единственным основанием для такого предположения может служить скорченность некоторых погребенных.

Рассмотрение последней группы могил позволило увидеть, что их содержание индивидуально. Можно поэтому сделать вывод, что данная группа погребений не характерна для могильника. Если первая из рассмотренных могил из к. 5 еще может быть отнесена к основным захоронениям могильника, учитывая, правда, те замечания, которые возникают в связи с ее изучением, то все остальные к его основному слою относиться не могут. Могильник Новая Черная I, следовательно, как и другие рассмотренные древние кладбища, представляет собой двухслойный памятник. Основа его — раннетагарский могильник, к которому относится большинство захоронений, представленных группами погребений: одиночные мужские, одиночные женские, одиночные детские и погребения двух людей, или скорее всего парные. Второй — более поздний, но не определенный во времени слой — это второй могильник. Однако если по соотношению мужчин, женщин и детей, например в Гришкином Логу, можно с несомненностью говорить об использовании ранних курганов по-

следующим населением и видеть в их захоронениях кладбище, то в данном случае говорить об этом трудно. Этому мешает отсутствие определений пола и возраста, возможно, поздние погребения не являются в собственном значении кладбищем, а вызваны какими-то неожиданными и необычными событиями. Но так или иначе поздние погребения к основе могильника отношения не имеют.

Изучая отдельные группы основных захоронений могильника, не удалось установить их своеобразия в зависимости от пола и возраста погребенных. Во многом это объясняется недостаточным количеством наблюдений, хотя не исключена возможность, что ярко видимых особенностей на самом деле и не было. Во всяком случае сейчас можно говорить о том, что основные захоронения своими ведущими чертами мало отличаются друг от друга. А так как рассмотренные черты — положение и ориентировка погребенных, размещение горшков, местонахождение погребальной пищи, ее состав, сопровождение человека определенным набором вещей — являются и чертами погребального обряда, характерного для данного могильника, то можно говорить, что по обряду памятник един.

Таким образом, по конструкции могильных сооружений и могил, инвентарю, обряду памятника можно считать единым и достаточно кратковременным. Он отражает, видимо, небольшой отрезок времени существования тагарской культуры.

В процессе анализа было установлено, что вещи, попавшие в могилу, имеют следы срабатанности и использования их в жизни. Можно поэтому считать, что для погребения не изготовлялись специальных вещей, а хоронили умершего с повседневными вещами. Это позволяет предположить, что после смерти человека одевали в те одежды, которые ему принадлежали, может быть и в праздничные, но с вещами, которыми он пользовался при жизни. Человеку придавали вид спящего на спине и в таком виде укладывали в могилу. При погребении убивали корову или овцу. Большую часть ее съедали, но принятые по обряду куски — заднюю ногу, лопатку и кусок грудины, — расчленив их по суставам, клали на деревянное блюдо рядом с умершим.

Как и в других могильниках, в пределах оград в этом могильнике не найдены остатки последующих тризн или керамики, можно поэтому предполагать, что если и были такие обряды, то их совершали за пределами самого кургана. Сохранность памятника не позволяет судить о том, делали ли какие-либо дополнительные подправки надмогильных сооружений по прошествии некоторого времени после захоронения. Единственно, о чем можно говорить, так это о том, что позже, иногда в уже готовую ограду, захоранивали других погребенных.

Если говорить о погребальном обряде в целом, то единственный и основной вывод, к которому можно прийти, состоит в том, что все его черты близки, а в подавляющем большинстве случаев и идентичны тому, что можно было видеть в других могильниках.

ГЛАВА 5. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ОБЩЕСТВА, ОСТАВИВШЕГО МОГИЛЬНИК

Анализ материалов могильника Новая Черная I показал определенную близость этого памятника уже рассмотренным. Но там результаты, полученные при исследовании обряда погребения и других особенностей культуры, позволили перейти к изучению некоторых вопросов внутренней организации общества. Для сопоставления с ними необходимо ту же работу проделать и с материалами Новой Черной I. Однако сделать это значительно труднее. Некоторые могилы, оставшиеся неясными, не позволяют пользоваться в полном объеме сведениями о погребенных в могильнике. Нет возможности рассмотреть и вопросы демографии, что позволило бы получить дополнительные данные о социальной организации и внутренней жизни людей, создавших могильник.

В силу отмеченных неполных данных, наше внимание будет обращено только на те вопросы,

для решения или хотя бы постановки которых имеются какие-нибудь фактические наблюдения.

§ 1. Вопросы социальной организации

Несмотря на то что демографическое описание населения, оставившего могильник, приходится опустить, необходимо все же привести все те сведения, которые имеются о погребенных в могильнике. В таблицах приведены не только антропологические определения, но также и результаты установления пола погребенных, полученные при анализе отдельных могил. Причем в тех случаях, где антропологические определения пола расходятся с косвенными данными, последние даны под вопросом, так как первые приведены в описании могил. Возраст же погребенных указан в пределах, принятых для каждой возрастной группы.

Таблица IV

Основные погребения могильника Новая Черная I

Курган	Могила	Пол	Возраст	Курган	Могила	Пол	Возраст
1	2	3	4	5	6	7	8
1	1	Жен.	?	10	1	?	Реб.
	2	?	?		2	?	Реб.
	3	?	Реб.		3	Муж.	?
2	1	Жен.	15—17	11	1	Жен.	35—55
		Муж.	?		2	?	?
	2	Жен.	?		3	?	?
		Муж.	35—55		4	?	Реб.
		?	Реб.	12	1	Жен.	?
	3	Жен.	23—27		2	Жен.	?
		Муж.	?			?	Реб.
	4	?	Реб.	13	1	Муж.	35—55
	5	?	Реб.		2	Жен.	35—55

Продолжение табл. IV

1	2	3	4	5	6	7	8
3	1	Жен.	35—55	14	1	Жен.	35—55
	2	Жен.	35—55		2	Муж.	35—55
4	1	?	Взр.		3	?	Реб.
		?	Взр.		4	?	Реб.
		?	Взр.		5	?	?
		?	Реб.		6	?	Реб(?)
	2	Жен.	?	15	1	?	?
	3	?	?		2	?	Реб.
5	1	?	?	16	1	?	?
	2	Жен.	35—55		2	Муж.	35—55
		Жен.	35—55		3	?	?
		Жен.	20—35	17	1	Жен.(?)	35—55
		?	?			?	Реб.
		?	?	19	1	Жен.	?
		?	?			?	Реб.
		?	Реб.		2	Муж.	?
	3	?	?	20	1	Жен.	20—35
	4	?	Реб.			Муж.(?)	20—35
	5	Муж.	?	21	1	Жен.	?
		Жен.	?	22	1	Жен.	30—40
6	1	Муж.	20—35			?	Реб.
		Жен.(?)	20—35				
		?	Реб.				
	2	Муж.	20—35				
		Жен.	20—35				
	3	?	?				
7	1	Жен.	?				
	2	Жен.	35—55				
8	1	?	?				
	2	Жен.	?				
		?	Реб.				
9	1	?	Реб.				
	2	Муж.	35—55				
	3	Муж.	35—55				
	4	Жен.	?				

В таблице IV даны сведения об основных захоронениях в могильнике. Всего здесь был погребен 71 человек, из них 13 мужчин, 23 женщины, 14 взрослых неясного пола и 21 ребенок. Дети составляют несколько меньше одной трети всех погребенных. В других могильниках, по имею-

щимся данным, количество взрослых женщин и мужчин было примерно одинаковым, это позволяет предполагать, что большинство взрослых с не определенным полом — мужчины.

Наряду с основными погребенными в некоторых могилах найдены останки более поздних впускных.

Таблица V

Впускные погребения могильника Новая Черная I

Курган	Могила	Пол	Возраст	Курган	Могила	Пол	Возраст
2	2	Муж.	30—35	11	3	?	?
	3	?	?			?	?
4	1	Муж.	20—55			?	?
		?	?			?	?
		?	?			?	?
		?	Реб.			?	?
11	3	Муж.	35—55			?	?
		Муж.	35—55			?	?
		Муж.	35—55			?	?
		?	?			?	?
		?	?			?	?
		?	?			?	Реб.
		?	?			?	Реб.
		?	?			?	Реб.
		?	?			?	Реб.
		?	?			?	Реб.
		?	?			?	Реб.
		?	?				

Всего среди впускных установлено 5 мужчин зрелого возраста, 22 взрослых с не определенным полом и возрастом и 6 детей. Правда, среди не определенных взрослых могут оказаться и дети. Как видно, приведенные сведения не дают возможности хотя бы приблизительно судить о составе впускных погребений, в связи с чем невозможно высказать даже предположения, что они составляют более позднее кладбище, как это удалось установить в могильнике Гришкин Лог, где соотношение мужчин, женщин и детей дало ту же картину, которую можно было наблюдать и по основным погребениям. Поэтому вопрос о характере второго «слоя» могильника Новая Черная I сейчас приходится оставить открытым.

Переходя непосредственно к анализу материалов основных погребений могильника, нужно в первую очередь остановиться на погребениях женщин. Среди них имеется устойчивая группа захоронений женщины и ребенка, а также несколько могил, где найдены останки мужчины, женщины и ребенка. В двух других могильниках наблюдалась та же картина, что позволяет и здесь видеть в таких погребениях характерный и устойчивый их тип. Анализ погребений женщин с детьми в могильнике Гришкин Лог позволил прийти к ряду выводов о брачном возрасте в раннетагарское время. В данном случае проделать такую же работу невозможно. Однако, сопоставляя аналогичные погребения Новой Черной с Гришкиным Логом, можно с позиций последнего оценить имеющиеся отрывочные данные.

Только в трех могилах определен возраст женщин, погребенных с детьми, но сколько лет было детям — неизвестно. Это к. 17, где женщине было 35—55 лет, к. 22, где похоронена женщина 30—40 лет и м. 1 к. 6, где в парном погребении с ребенком захоронена женщина 20—35 лет. По этим данным, естественно, судить о времени, когда женщина становилась матерью, нельзя. Но последний случай показывает, исходя из тех же посылок, которые были использованы для определения начала брачного возраста при анализе Гришкиного Лога, что она могла стать матерью до 20 лет.

На то, что женщина рано выходила замуж, указывает и парное погребение в м. 1 к. 2, где с мужчиной не определенного возраста оказалась женщина 15—17 лет. Нахождение женщины именно в парном погребении свидетельствует о том, что она была женой. Следовательно, можно предполагать, что брачный возраст у жителей поселка, оставившего могильник Новая Черная I, начинался рано, где-то около 15 лет, как это было и у людей, похороненных в Гришкином Логу и Черновой I.

Ранние браки наряду с деторождением являлись одной из причин ранней смертности женщин. Подтверждением последнего, наряду со случаем, отмеченным в могильнике Гришкин Лог, является захоронение женщины 35—55 лет в м. 1 к. 3. Здесь также на тазовых костях найдены кости младенца, что позволяет связывать причину ее смерти с беременностью или неудачными родами.

Таким образом, несмотря на отсутствие многих определений пола и возраста, даже те отдельные случаи, которые сейчас имеются, позволяют говорить о том, что у населения поселка, оставившего могильник Новая Черная I, существовали, видимо, те же обычаи, которые удалось наблюдать на материалах Гришкиного Лога. Можно считать также, что условия жизни обоих древних коллективов были одинаковы, а следовательно, были одинаковыми и причины смертности.

Если роль женщины в тагарском обществе в первую очередь проявляется в воспроизводстве потомства, то материалы мужских погребений, как и в других могильниках, свидетельствуют о том, что на них сказываются те общественные функции, которые выполнял мужчина при жизни. Несмотря на сильную разрушенность мужских погребений, можно все же с достаточной определенностью судить о том, что здесь также было два вида мужских захоронений.

В большинстве мужских одиночных погребений не найден инвентаря, за исключением горшков и остатков мясной пищи, то же можно сказать и о парных погребениях. Если в них и оказывается инвентарь, то он женский, мужчины же инвентаря не имеют. Даже если допустить мысль, что в отдельных из них первоначально и находились какие-то орудия, которые указывали бы на занятие погребенных мужчин при жизни, все же в большинстве случаев, видимо, как и в других могильниках, инвентаря не было. Это позволяет считать, что большая часть мужчин, являясь рядовыми общинниками, занимались непосредственно хозяйством, в первую очередь скотоводством. В тех случаях, где определен возраст мужчин-общинников, он оказался возмужалым (20—35 лет) и зрелым (35—55 лет). Отсюда следует, что рядовыми общинниками были мужчины разного возраста. Между их могилами не было особых отличий. Во всяком случае, они в погребениях не отражены.

Вторая группа мужских захоронений — это погребения воинов. Таких в могильнике всего три: к. 9, м. 3, к. 10, м. 3 и к. 19, м. 2. Во всех найдены предметы вооружения. Наиболее полный набор его оказался в к. 9, где сохранилась только нижняя часть скелета. При нем найдены кинжал, нож и вток, указывающий на то, что первоначально в могиле находился и чекан. Кинжал и секира найдены в к. 19, и второй чекан происходит из к. 10, содержимое могилы которого разграблено. Это позволяет допустить мысль, что первоначально для всех погребенных был характерен один и тот же набор оружия: чекан и кинжал. Что же касается зеркал встреченных в погребениях воинов в могильнике Гришкин Лог, то здесь их не оказалось, вполне возможно из-за того, что могилы ограблены.

Наличие небольшого количества погребений воинов повторяет то, что уже отмечалось: не все мужчины могли исполнять эти общественные функции. Только в одном случае определен воз-

раст воина, это был зрелый мужчина. Никаких других особенностей, кроме наличия оружия, в этих могилах по сравнению с другими мужскими нет. Это позволяет считать, что выраженной имущественной дифференциации, во всяком случае в погребальном обряде, в это время не наблюдается. Можно говорить только о социальной дифференциации, связанной с исполнением разных общественных функций. Наличие и в этом памятнике, как и в других, только нескольких погребений воинов свидетельствует о том, что в это время существовала состоявшая из представителей нескольких близких и, видимо, связанных родством коллективов «дружина», на обязанности которой лежала охрана общественного достояния. В этих условиях воинами становились люди, обладавшие определенными личными качествами. Они были освобождены от хозяйственных занятий и могли находиться на обеспечении того коллектива, откуда они происходили.

Таким образом, и мужские погребения Новой Черной I рисуют ту же картину, какая наблюдалась и в Гришкином Логу I, и в Черновой I.

Последняя группа — детские погребения. Возраст ни одного из детей не определен. В Гришкином Логу детские погребения четко делятся на две возрастные группы: дети до 6 лет и даже старше этого возраста. Они отличаются наличием или отсутствием инвентаря и погребальной мясной пищи. В Новой Черной I детские могилы также можно разделить на две группы — с инвентарем и без него. Причем все могилы, где ничего не найдено, не достигали в длину 80 см, в трех из них не оказалось даже костей ребенка, а в одной находились только обломки черепа. Небольшие размеры могил и полностью истлевшие кости погребенных могут указывать на ранний возраст детей, могилы же с инвентарем имели в длину от 80 до 170 см. Размеры могил свидетельствуют о том, что в них были погребены дети разного возраста, но во всяком случае не младенческого. Это позволяет прийти к заключению, что и у людей, могильником которых является Новая Черная I, существовало деление детей на две возрастные группы, но где проходила возрастная граница — неясно.

В целом о структуре общества, оставившего могильник Новая Черная I, можно сказать, что несмотря на отсутствие многих данных, которые позволили бы детально выяснить ее особенности, удалось отметить основные ее черты. Во многом здесь сыграл роль анализ Гришкиного Лога, сравнение с результатами которого дало дополнительные сведения и позволило правильно оценить наблюдаемые особенности. Можно поэтому говорить, что у людей, живших в Новой Черной, было четкое деление на половые и возрастные группы, и в соответствии с этим каждая из них играла определенную роль в жизни древнего коллектива. В нем ярко проявляется социальная дифференциация, особенно среди мужчин, устанавливается наличие ранних браков. Хотя демографического

анализа проведено не было, можно все же говорить, что условия жизни и черты, выясненные при анализе материалов Гришкиного Лога, видимо, имели место и здесь. Можно думать, что и продолжительность жизни и характер смертности мужчин и женщин были одинаковы с Гришкиным Логом.

Как и другие могильники, Новая Черная I подтвердила тот вывод, что данные погребального обряда, в котором отражены особенности отдельных групп населения, являются полноценным источником для реконструкции социальной структуры и отношений древности.

§ 2. Вопросы датировки могильника

Единственным правильным путем датировки могильника является его сопоставление с рассмотренными выше двумя целиком раскопанными памятниками, в результате чего можно достаточно точно определить его относительное место, а следовательно, приблизительно, в рамках современных представлений, и его возраст в веках.

Анализ Новой Черной I показал, что этот памятник в своей основе един. Небольшие его размеры говорят о том, что он функционировал относительно недолго и, следовательно, отражает короткий период в истории тагарской культуры.

По конструкции оград, как уже указывалось при их анализе, могильник Новая Черная I занимает промежуточное положение между Гришкиным Логом I и Черновой I. Хотя судить о характере и размерах надмогильного земляного сооружения и трудно, оно, судя по ряду косвенных признаков, было более крупным, чем в Гришкином Логу, и приближалось к земляным сооружениям Черновой I.

Во всех трех могильниках найдены, помимо ящиков, и грунтовые ямы с остатками рамы. Этот тип могил в Гришкином Логу составлял 8 %, в Черновой I — 41 %, а в Новой Черной — 23 %. Подобные могилы становятся особенно распространенными в более поздних памятниках. Следовательно, по этому признаку Новая Черная I занимает среднее положение между двумя другими могильниками.

Рассматривая керамику трех могильников, нужно сказать, что хотя по количеству сосудов они отличаются, но все же и в Гришкином Логу, и в Новой Черной I их достаточно много, чтобы можно было их сопоставлять.

Ведущие типы посуды во всех могильниках одинаковы, но их процентное соотношение различно. Гладкостенные горшки в Гришкином Логу составляют 25,8 %, в Новой Черной I — 26,5 %, в Черновой — 30 %, горшки с карнизиком, соответственно, 24,6 %, 11,8 % и 15 %, горшки с желобками — 21,4 %, 33,8 %, 25 %, индивидуальные формы — 10,2 %, 8,8 % и 5 %, миски из нижней части горшков — 14,6 %, 19,1 % и 15 %. Если данные Черновой I из-за небольшого количества посуды и потери части ее в абсолютных цифрах,

видимо, недостаточно точны, то все же они позволяют дополнить полученную картину. Из приведенных сведений становится ясным, что по количеству гладкостенных и индивидуальных сосудов Гришкин Лог и Новая Черная I близки, но в последней в два раза меньше сосудов с карнизом и на одну треть больше желобчатых, чем в Гришкином Логу. Вместе с тем те показатели, которые отличают керамику Новой Черной от Гришкиного Лога, сближают ее с Черновой I. Отсюда следует, что по соотношению разных типов керамики Новая Черная I занимает промежуточное положение между Гришкиным Логом и Черновой I.

Набор вещей во всех могильниках одинаков. В Новой Черной I найдено два типа ножей — с рельефным навершием и пластинчатые. Аналогичная картина и в могильнике Гришкин Лог. Однако конкретные формы рельефных наверший в обоих памятниках различны, что может отражать не только временные, но и локальные особенности, тем более что в каждом памятнике ножи этой группы индивидуальные. Так что основным показателем близости могильников нужно считать сочетание двух видов ножей, а это сближает Гришкин Лог и Новую Черную I. В то же время Черновая I отличается от них отсутствием ножей с рельефным навершием. Следовательно, и по ножам Новая Черная I занимает промежуточное положение, но стоит ближе к Гришкиному Логу.

Что же касается шильев, то во всех памятниках имеются гвоздевидные экземпляры со шляпкой и небольшой круглой шейкой. Этот тип сближает все три могильника, хотя в Новой Черной I все другие шилья имеют индивидуальные особенности.

Один из кинжалов Новой Черной I полностью соответствует кинжалам других памятников. Он имеет такое же валиковое навершие и чуть опущенное перекрестие. Второй отличается от него только шляпковидным навершием, но оно, по существу, близко валиковому и отличается от последнего только тем, что между рукояткой и краями шляпки имеется небольшое углубление. Так что и этот кинжал особенно не выделяется среди других. Можно считать, что по кинжалам памятники близки.

Что же касается чеканов, то в Новой Черной I они уникальны, но их связывает с чеканами других могильников «натуральность» и полновесность орудий.

Таким образом, несмотря на некоторые индивидуальные особенности, оружие ударного действия из Новой Черной I по основным своим характеристикам близко тем же вещам других памятников, так как в конечном счете чеканы и Гришкиного Лога, и Черновой I тоже обладают некоторыми индивидуальными особенностями. Видимо, для этого времени не выработался еще вполне устойчивый тип этих орудий, и при их изготовлении каждый мастер вносил свои детали.

Что же касается зеркал и предметов туалета, то они во всех могильниках совершенно одинаковы, так же как одинаковы и украшения: бляшки, пронизки, бусы, хотя набор этих вещей в Новой Черной I значительно беднее, чем в Гришкином Логу.

Набор костей от мясной пищи в Новой Черной I аналогичен другим могильникам. Здесь также клали погребенному заднюю ногу, лопатку и кусок грудины с ребрами. Правда, только в одном случае оказались кости лошади, которые чаще встречались в других памятниках.

В обряде погребения ярких отличий также нет. Виды погребений, положение и ориентировка, расстановка горшков в могиле и помещение погребальной пищи — все эти черты общи. Правда, как и в Черновой I, и в Новой Черной I, остатки мясной пищи всегда находятся у ног погребенного, в то время как в Гришкином Логу она встречается и в других местах. По этому признаку Новая Черная I ближе к Черновой, чем к Гришкину Логу. Отличается Новая Черная I и местом, которое занимает оружие, оба кинжала оказались не на левой стороне таза погребенного, как в других памятниках, а на правой, но в обоих случаях имеется нарушение погребений и возможно, что произошло смещение вещей в результате ограбления. Но если даже это специфическая особенность Новой Черной I, то ее скорее можно рассматривать как этнографическую, локальную черту, а не как временную.

Об исторической близости могильников свидетельствуют и данные социальной организации коллективов, оставивших могильники. Прослеженные на материалах в первую очередь Гришкиного Лога, они наблюдаются и в Черновой I, и в Новой Черной I. А это значит, что все памятники оставлены в одну и ту же эпоху.

Сопоставление черт и особенностей Новой Черной I с двумя другими памятниками позволяет установить их соотношение во времени. Отмеченные сходства и отличия носят не локальный этнографический характер, а именно временной. Памятники эти территориально близки. От Гришкиного Лога до Черновой I и Новой Черной I около 20 км, а между ними по прямой не более 3 км. Наблюдаемые изменения в конструкции оград и могил, в соотношении разных видов посуды, в отдельных чертах обряда идут в одном и том же направлении. Именно по тем чертам, по которым Новая Черная I ближе к Гришкиному Логу I, она больше отличается от Черновой I и наоборот. Те же черты, которые сближают Новую Черную I с Черновой I, получают дальнейшее развитие в более поздних тагарских памятниках уже подгорновского этапа. В случае, если бы отличие отдельных могильников носило локальный характер, то отмеченной закономерности не наблюдалось бы, а наоборот, имело бы место хаотичное сочетание разных отличий и сходств. Все это позволяет выстроить эволюционный ряд и установить последовательность памятников.

При датировке Черновой I было установлено, что она несколько более поздний могильник, чем Гришкин Лог. Инвентарь всех могильников, как было показано, мало отличается или идентичен, он не дает, за редким исключением, особых изменений, которые могли бы послужить основанием для установления относительной последовательности могильников, но, с другой стороны, свидетельствует о близости их во времени.

В то же время конструкция оград, соотношение типов могил и типов посуды, а также отдельные черты обряда, подверженные, как это вытекает из их анализа, большей изменчивости, свидетельствуют о том, что Новая Черная I должна занимать промежуточное положение между Гришкиным Логом I и Черновой I, так как по тем признакам, по которым она ближе к Гришкиному Логу, она дальше от Черновой и наоборот.

Здесь стоит отметить еще раз, но уже на большем материале, что представление о том, что наиболее изменчивым является оружие [Членова, 1967, с. 13], не подтверждается фактическим материалом. Оружие, особенно чеканы, во всяком случае в ранних памятниках, во многих деталях индивидуально. В то же время кинжалы полностью идентичны или же отличаются незначительными деталями, не позволяющими опираться на них при решении вопросов датировок. Наиболее же четким показателем в инвентаре может служить керамика, вернее, соотношение ее типов. Но этим показателем можно пользоваться только тогда, когда могильник раскопан целиком или почти полностью, так как, например, индивидуальные формы сосудов, которые относительно чаще встречаются в ранних памятниках, но находятся только в отдельных могилах, могут не быть обнаружены, если не все могилы раскопаны, а следовательно, это может повлиять на правильное определение относительного места того или иного могильника.

Переходя к абсолютной датировке Новой Черной I, нужно отметить, что ее можно установить только в рамках, принятых в настоящее время для определенных периодов тагарской культуры. Дата Гришкиного Лога была определена как VI в. до н. э., Черновая же, которая близка и к более поздним памятникам, была отнесена к концу VI в. до н. э. Новая Черная I, занимая промежуточное положение между ними, соответственно, также должна относиться к VI в. до н. э. Привести более строгие доказательства именно такой даты сейчас невозможно, поэтому в дальнейшем, с накоплением новых данных, может быть, придется ее несколько изменить, если вообще будут изменены даты этапов тагарской культуры. В настоящее же время VI в. до н. э. представляется наиболее правильной датой этого памятника.

Естественно, что могильник существовал не весь VI в. до н. э., т. к. он небольшой и относится к более короткому периоду времени, но уточнить эту дату невозможно.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

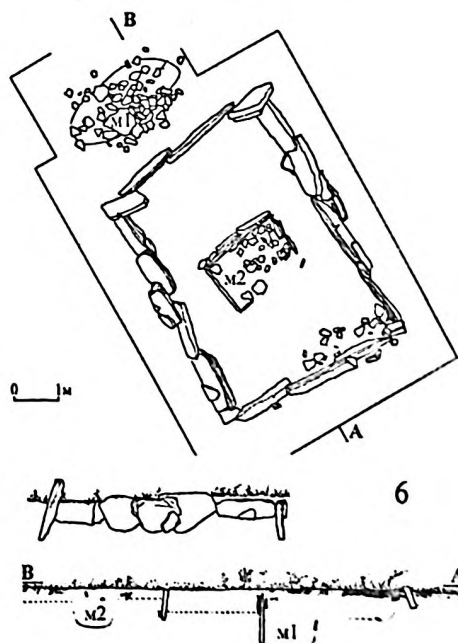
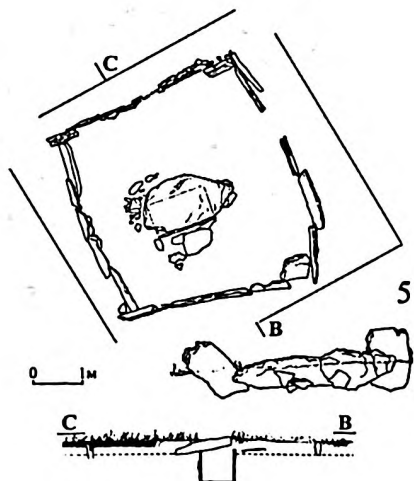
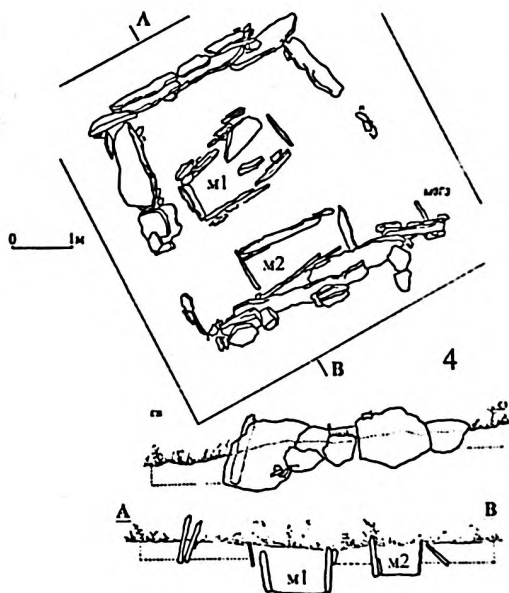
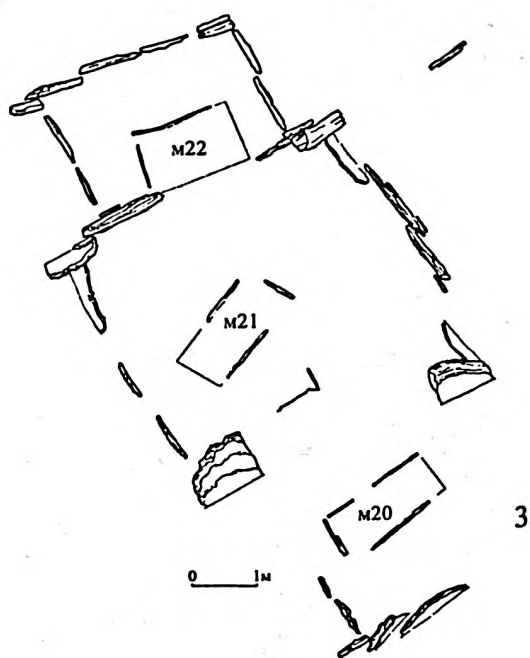
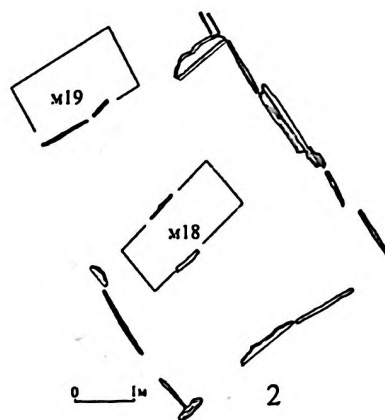
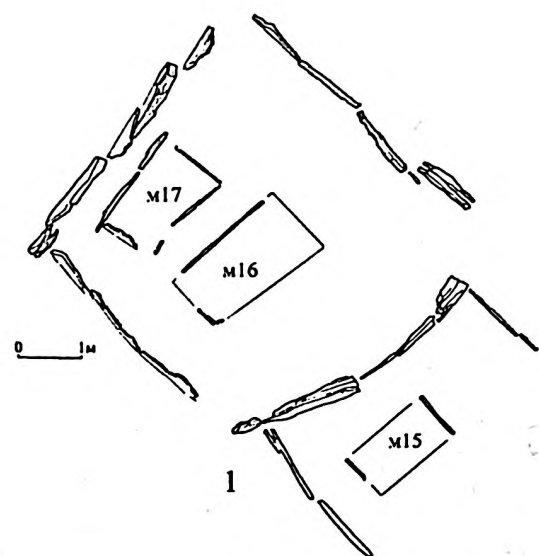

Табл. 1.
Гришкин Лог I: 1 — курган 1; 2 — курган 2; 3 — курган 3; 4 — курган 8; 5 — курган 7; 6 — курган 4

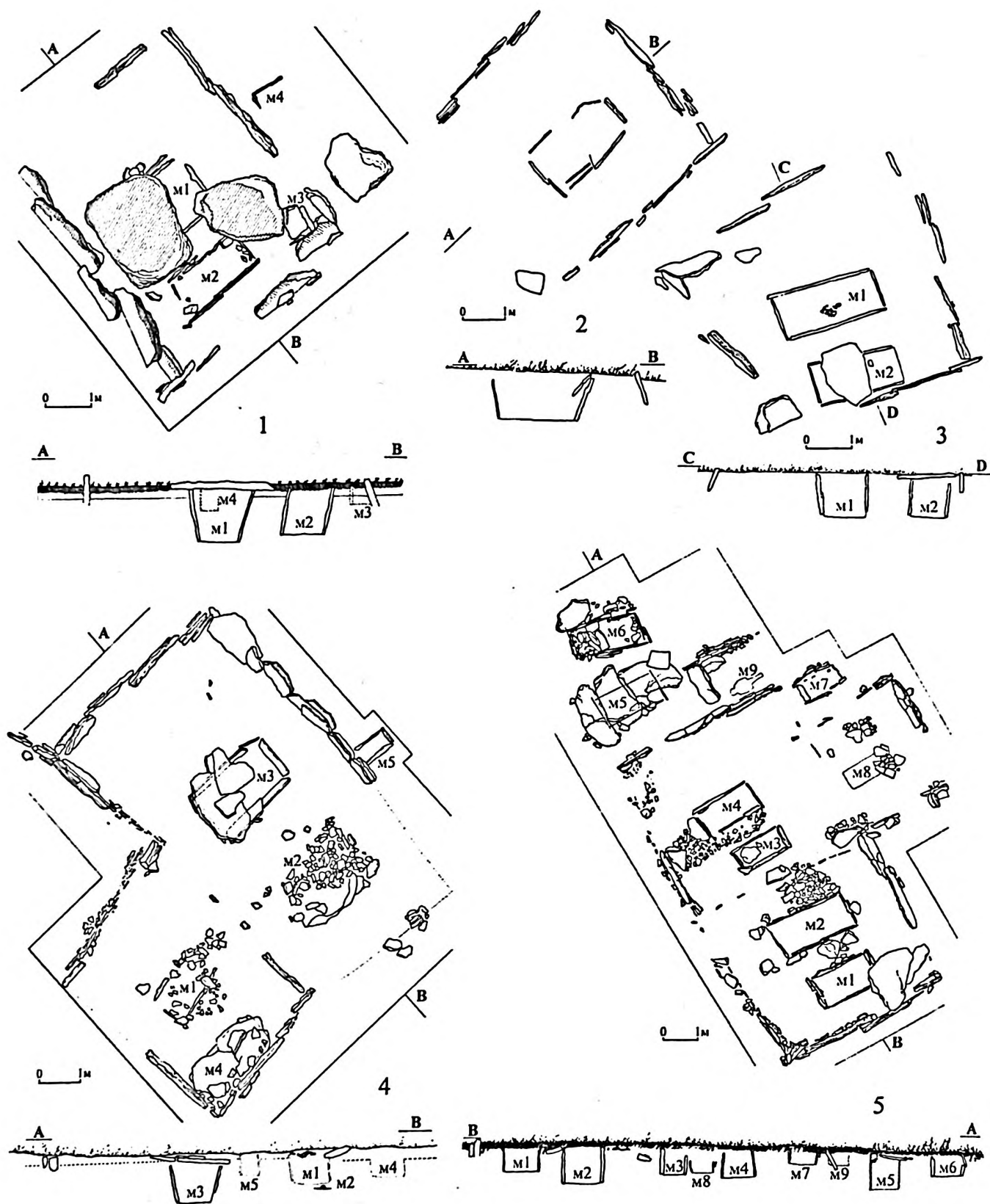

Табл. 2.

Гришкин Лог I: 1 — курган 15; 2 — курган 11; 3 — курган 12; 4 — курган 10; 5 — курган 9

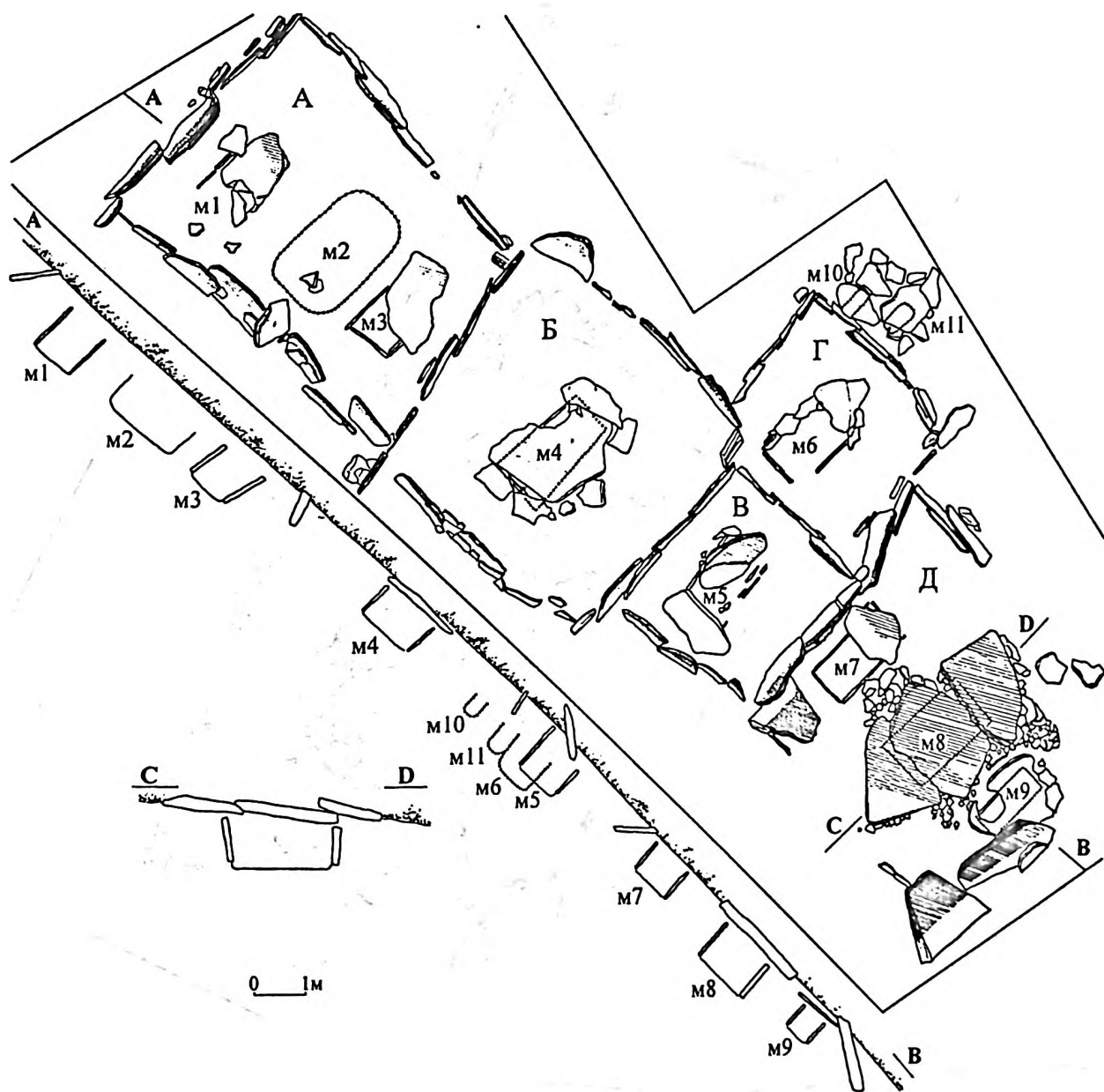

Табл. 3.
Гришкин Лог I. Курган 13

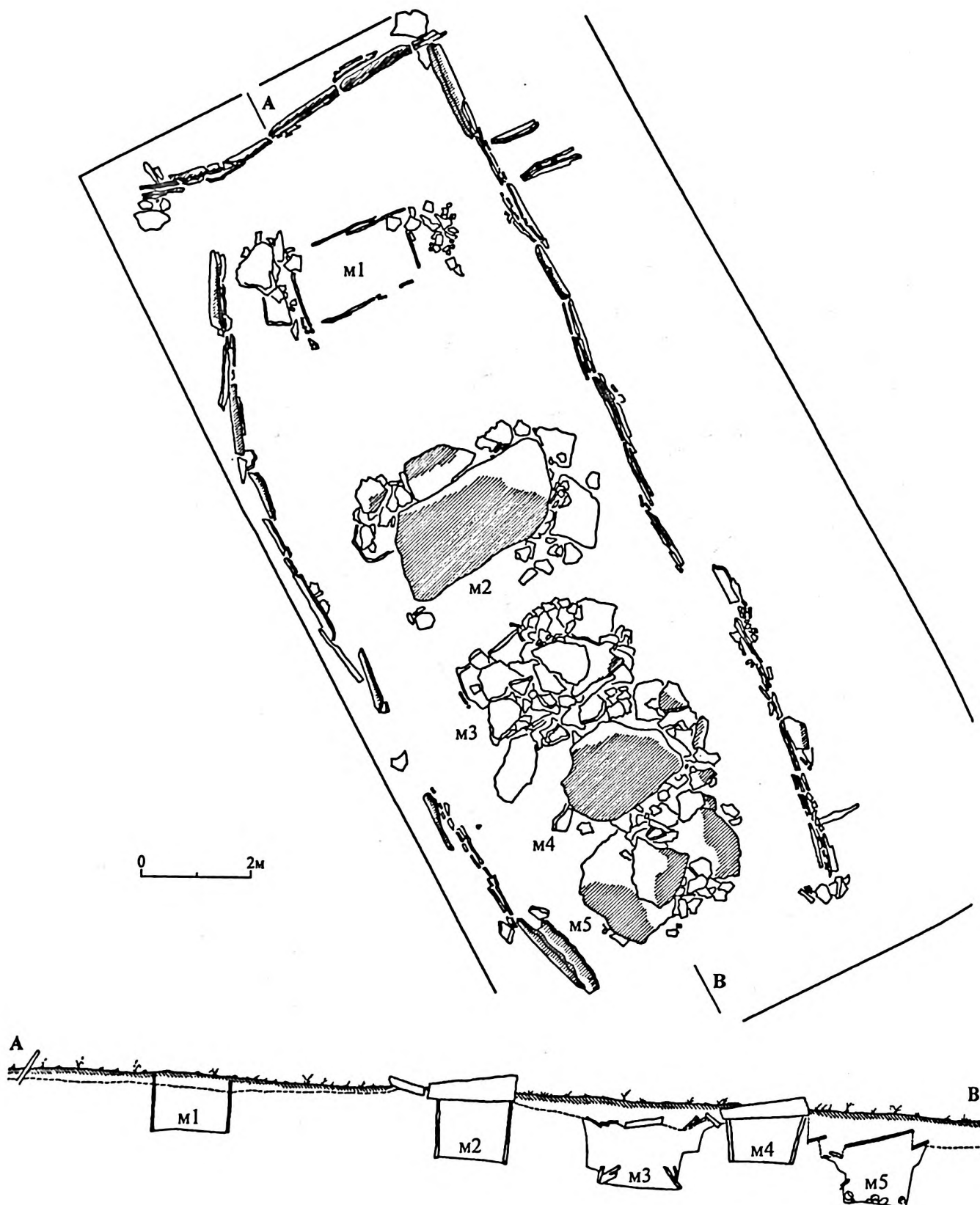

Табл. 4.
Гришкин Лог I. Курган 16

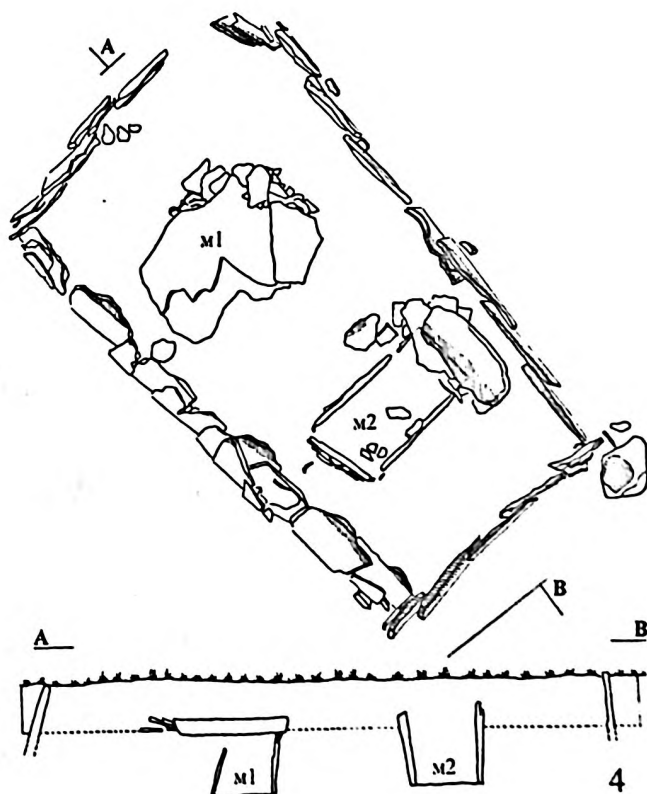
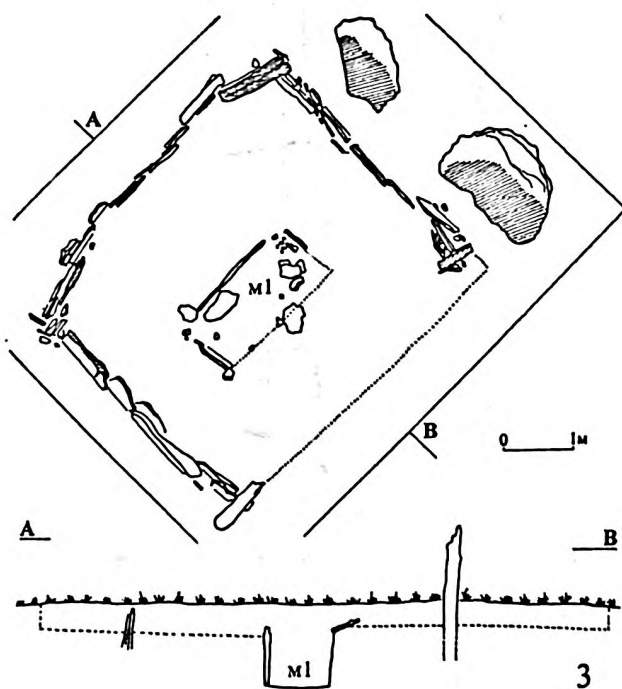
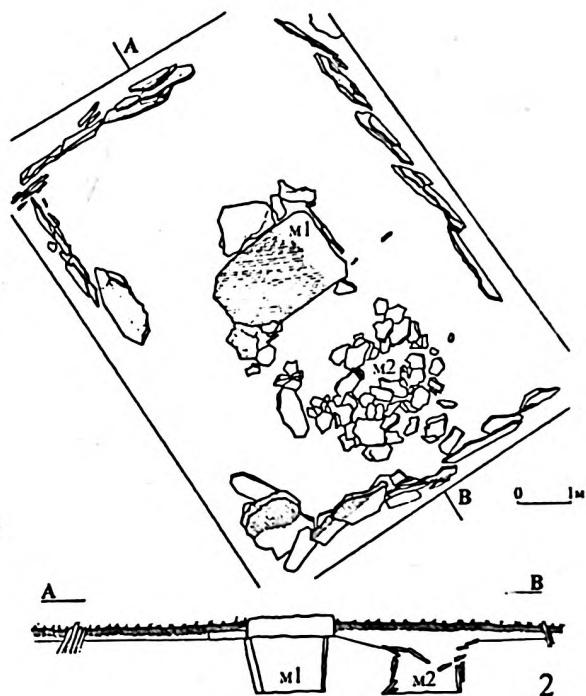
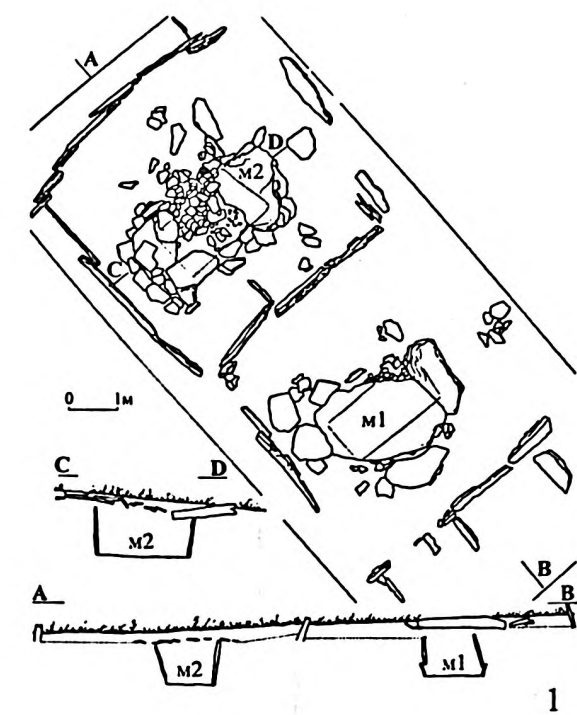

Табл. 5.
Гришкин Лог I: 1 — курган 14; 2 — курган 17; 3 — курган 22; 4 — курган 18

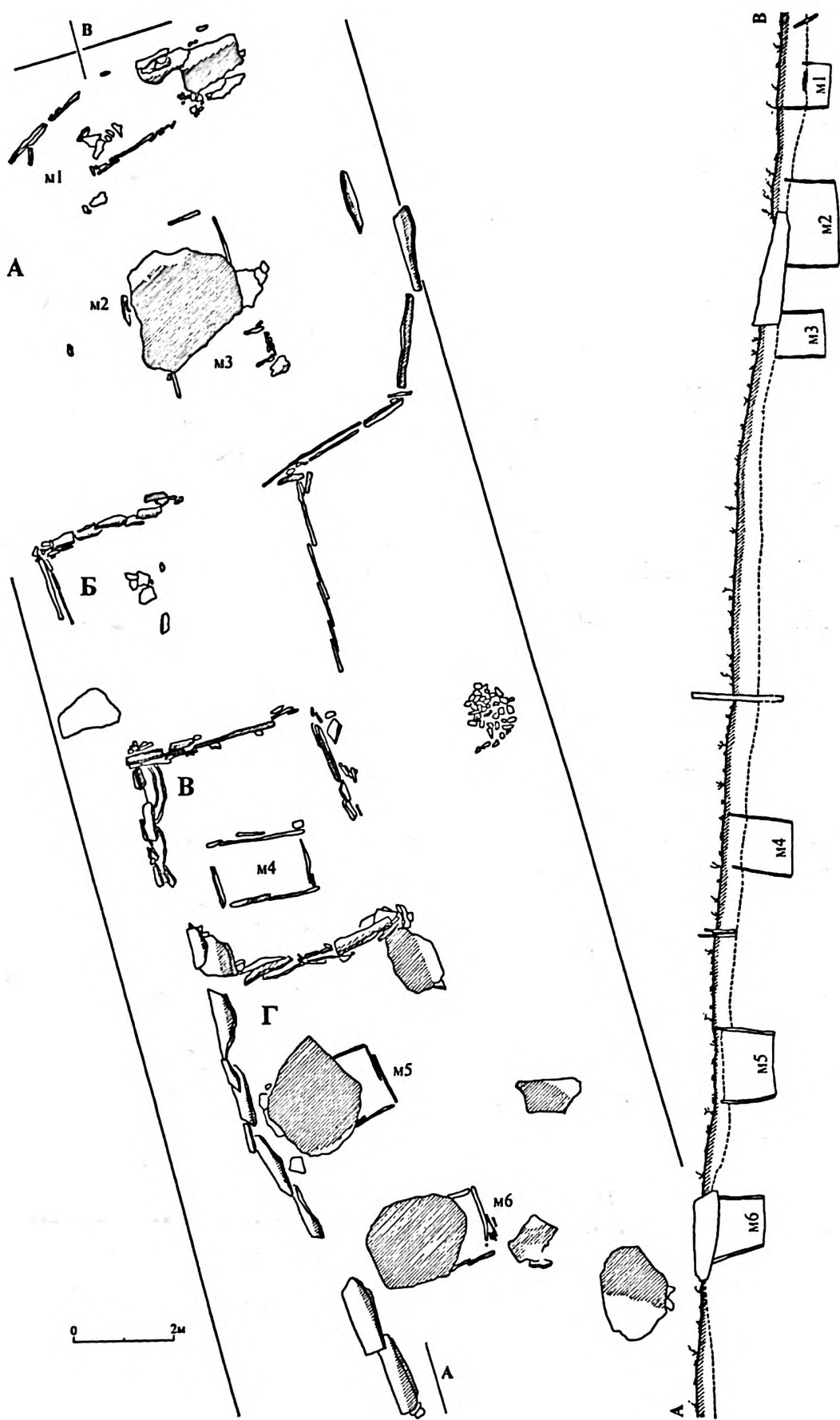

Табл. 6.
Гришкин Лог I. Курган 19

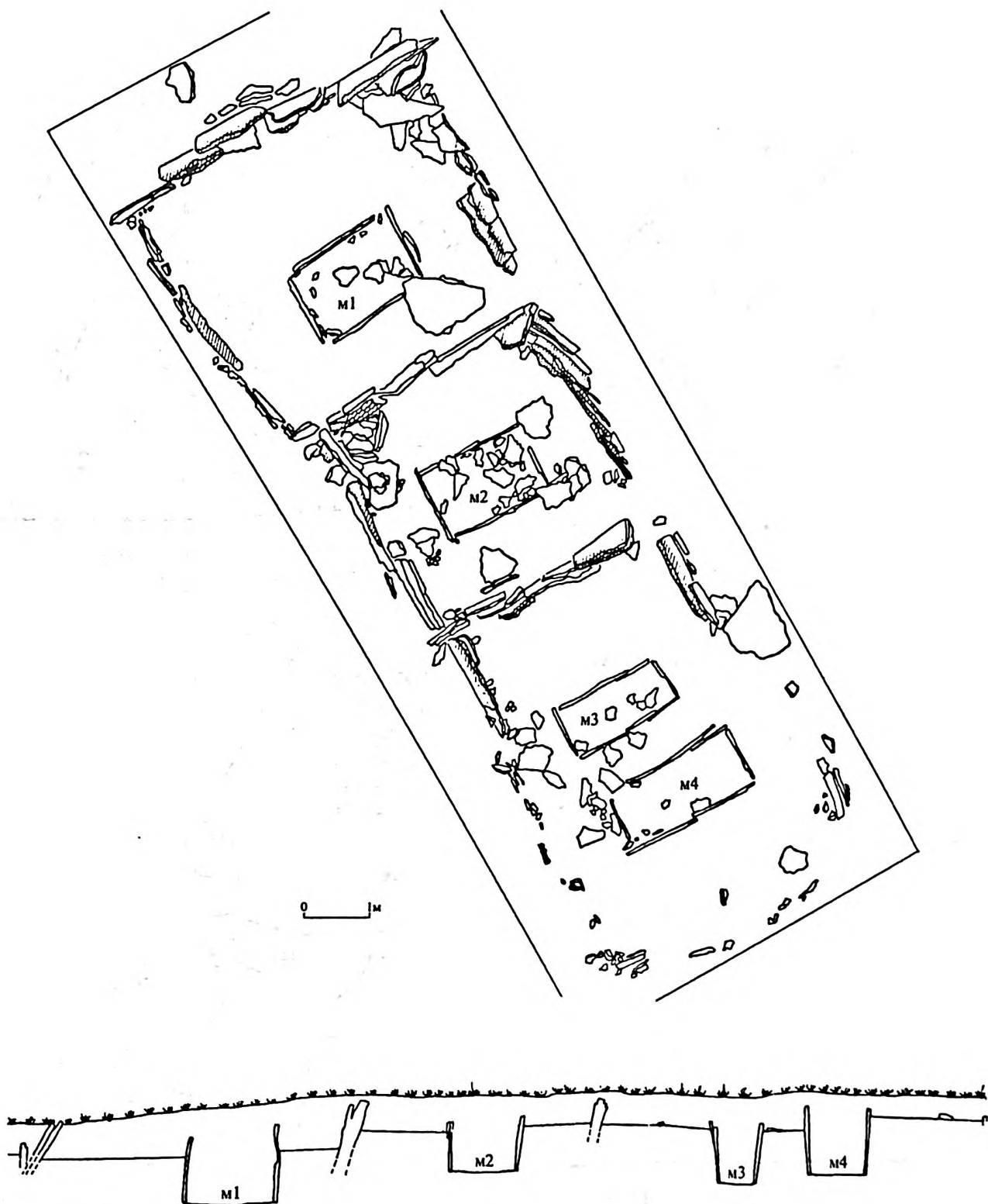

Табл. 7.
Гришкин Лог I. Курган 21

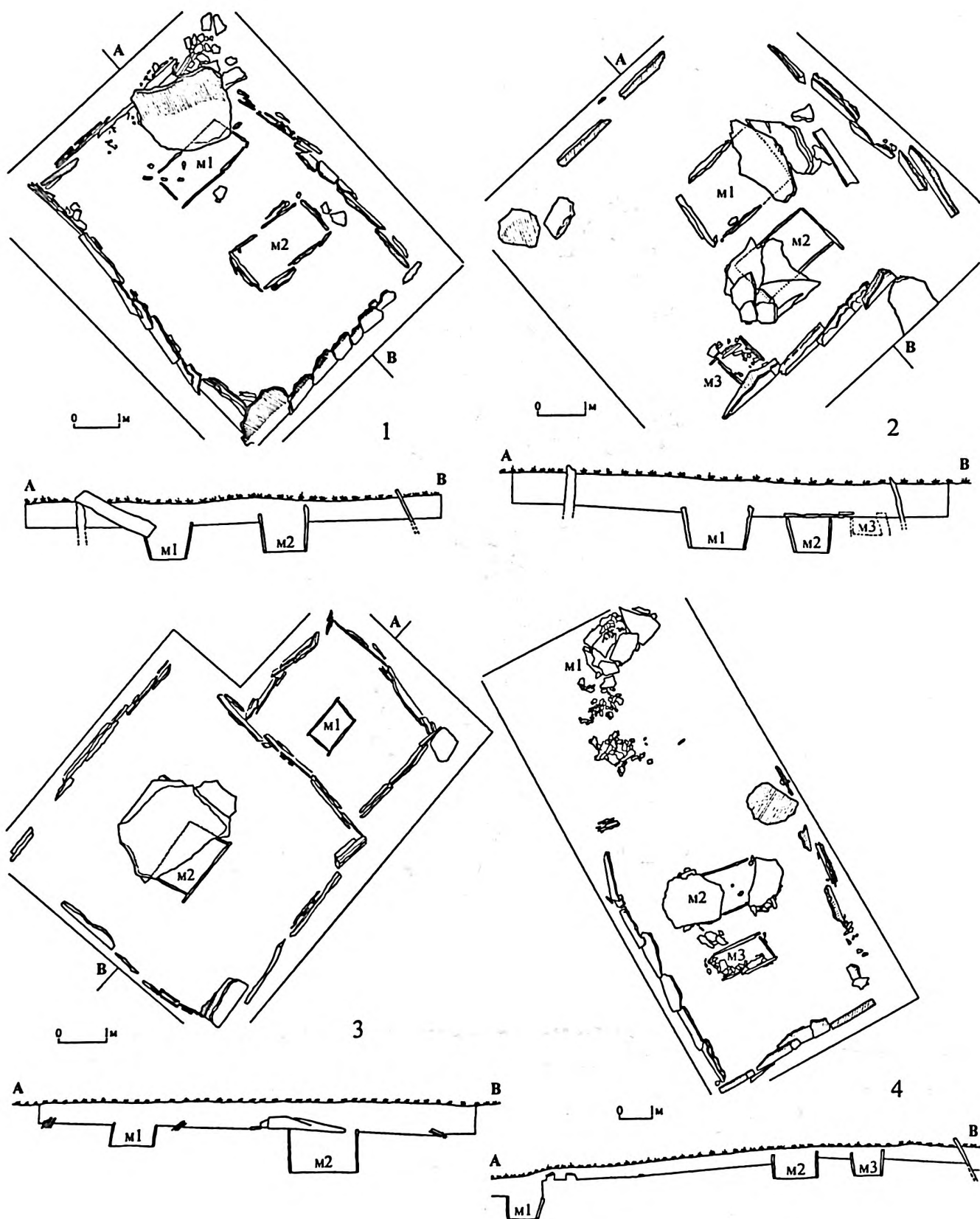

Табл. 8.

Гришкин Лог I: 1 — курган 24; 2 — курган 23; 3 — курган 25; 4 — курган 20

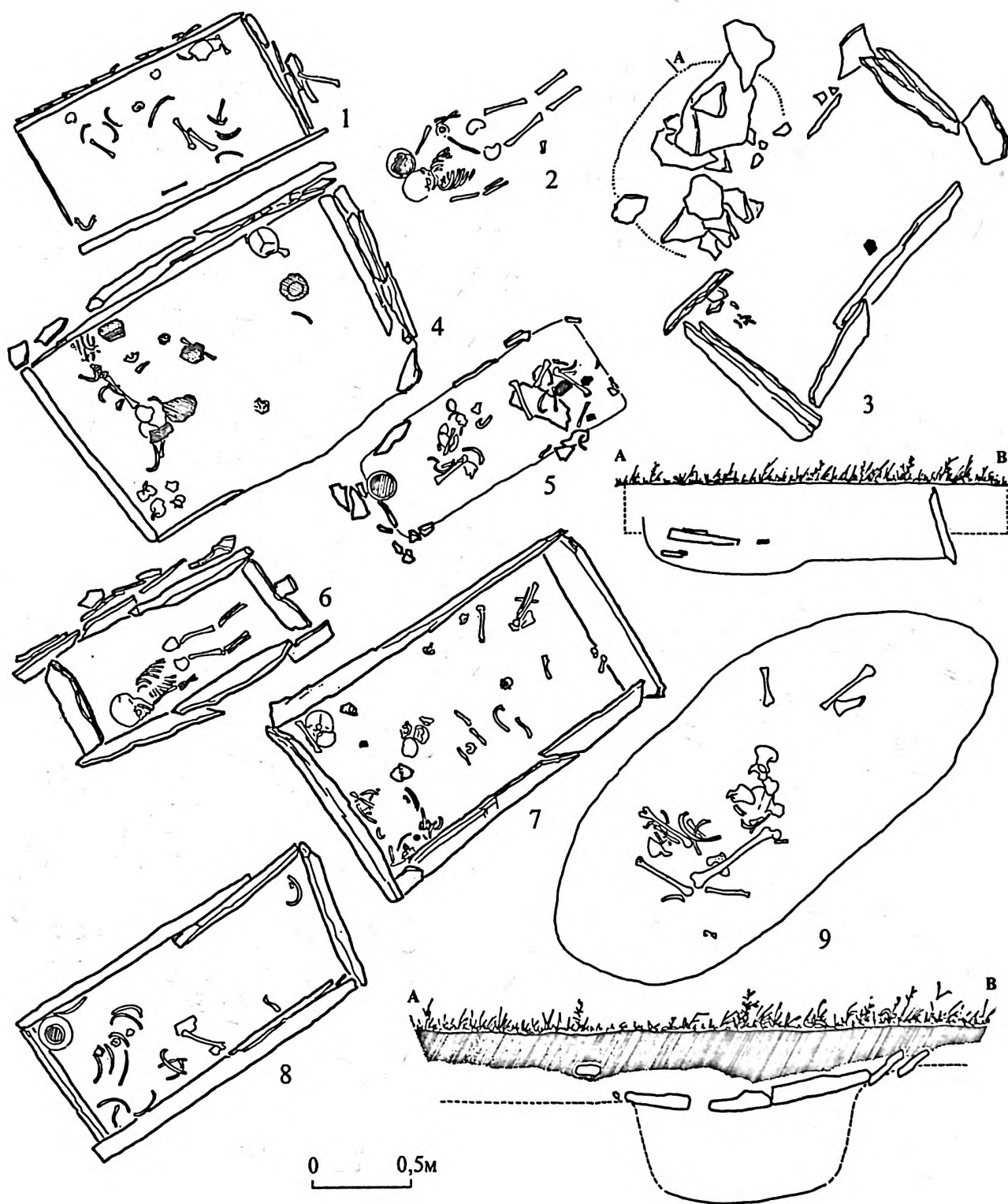

Табл. 9.

Гришкин Лог I: 1 — курган 7, могила 1; 2, 5—8 — курган 9, могилы 9, 8, 7, 4, 3; 3 — курган 6;
4 — курган 4, могила 1

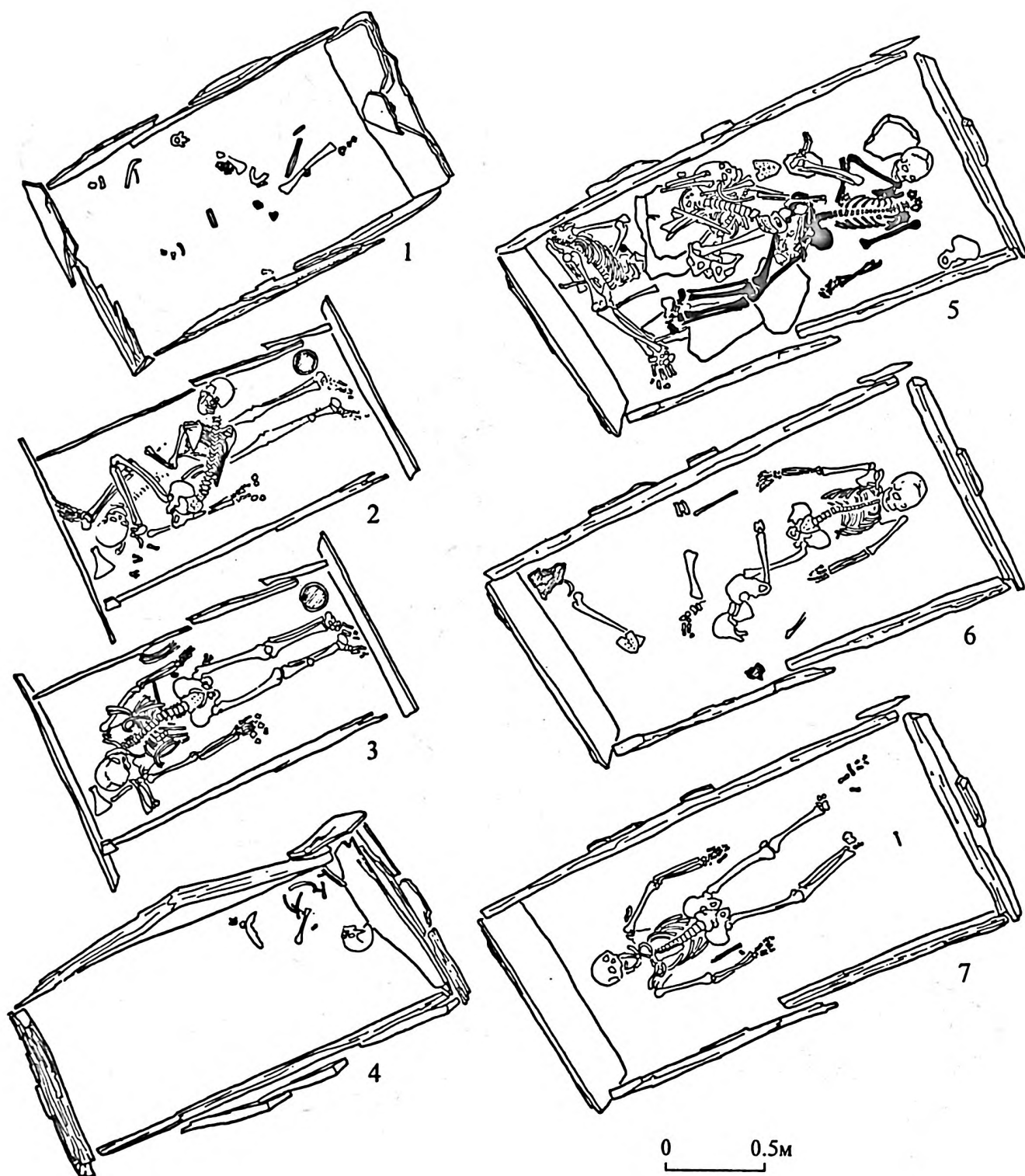

Табл. 10.
Гришкин Лог I. Курган 9: 1 — могила 1; 2, 3 — могила 5;
4 — могила 6; 5—7 — могила 2

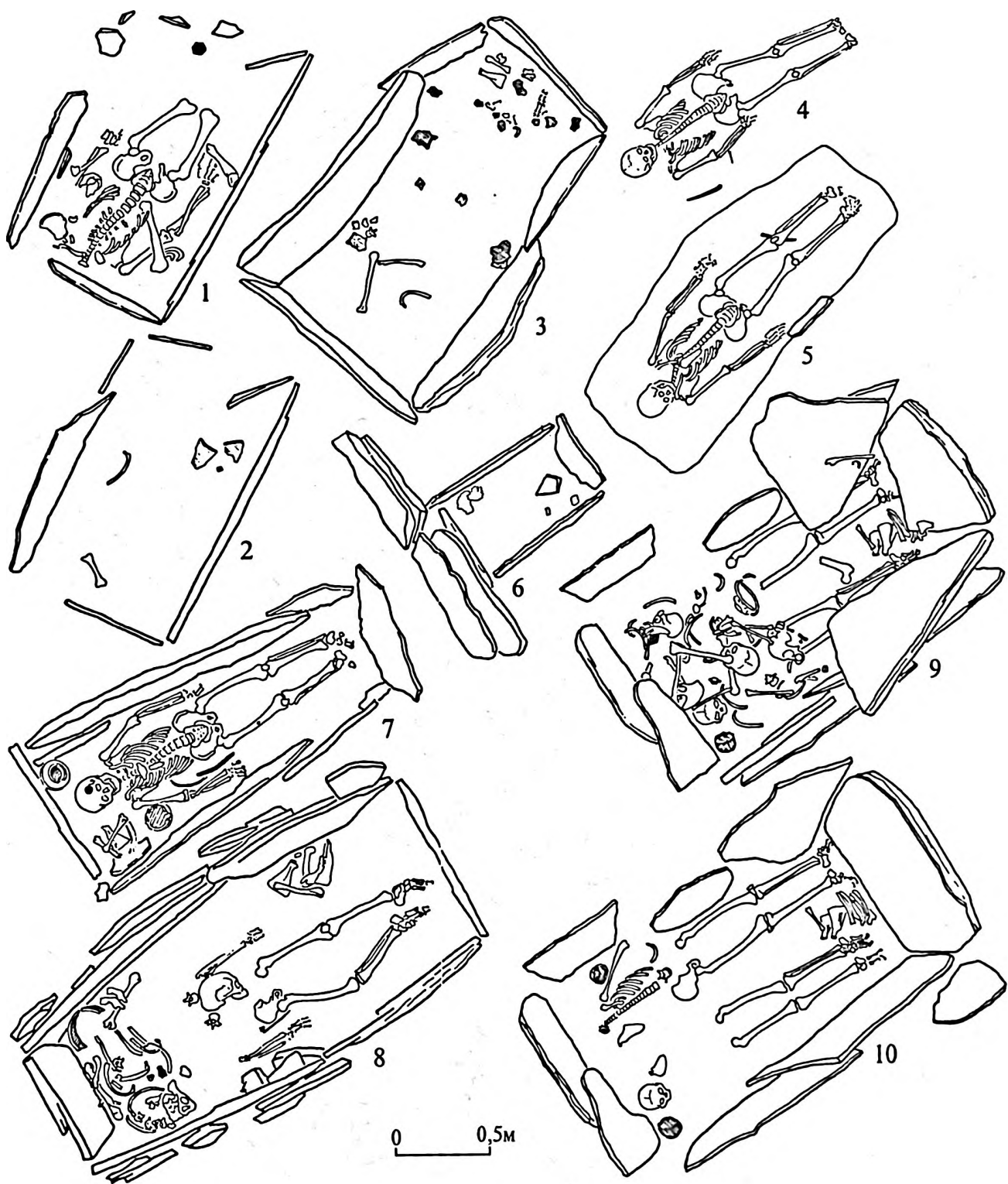

Табл. 11.

Гришкин Лог I: 1—6 — курган 10, могилы 1, 3, 2, 4, 5; 7 — курган 8, могила 2;
8 — курган 8, могила 1; 9, 10 — курган 11, могила 1

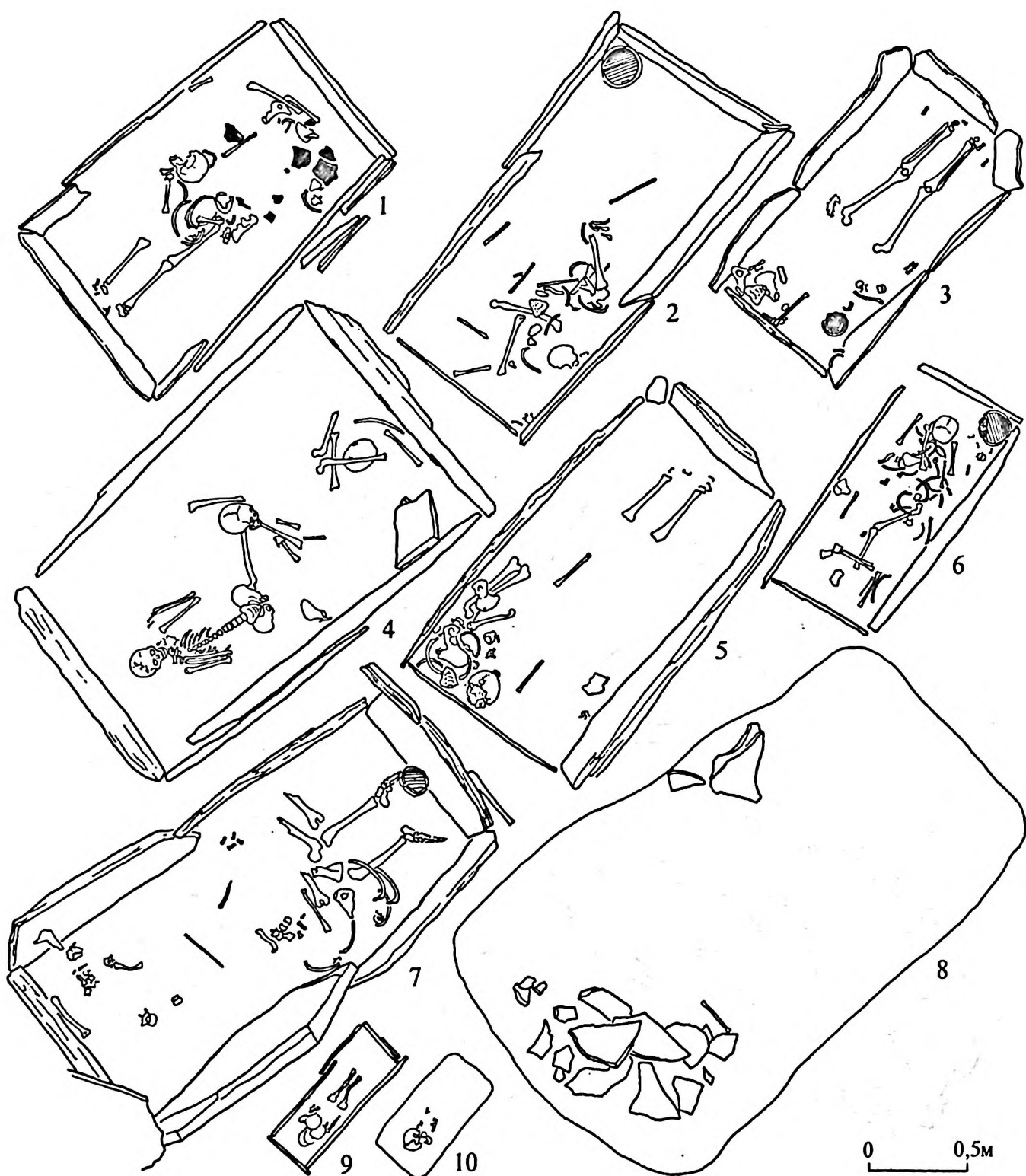

Табл. 12.

Гришкин Лог I. Курган 13: 1 — могила 5; 2 — могила 7; 3 — могила 1; 4 — могила 8; 5 — могила 3; 6 — могила 9; 7 — могила 4; 8 — могила 2; 9 — могила 10; 10 — могила 11

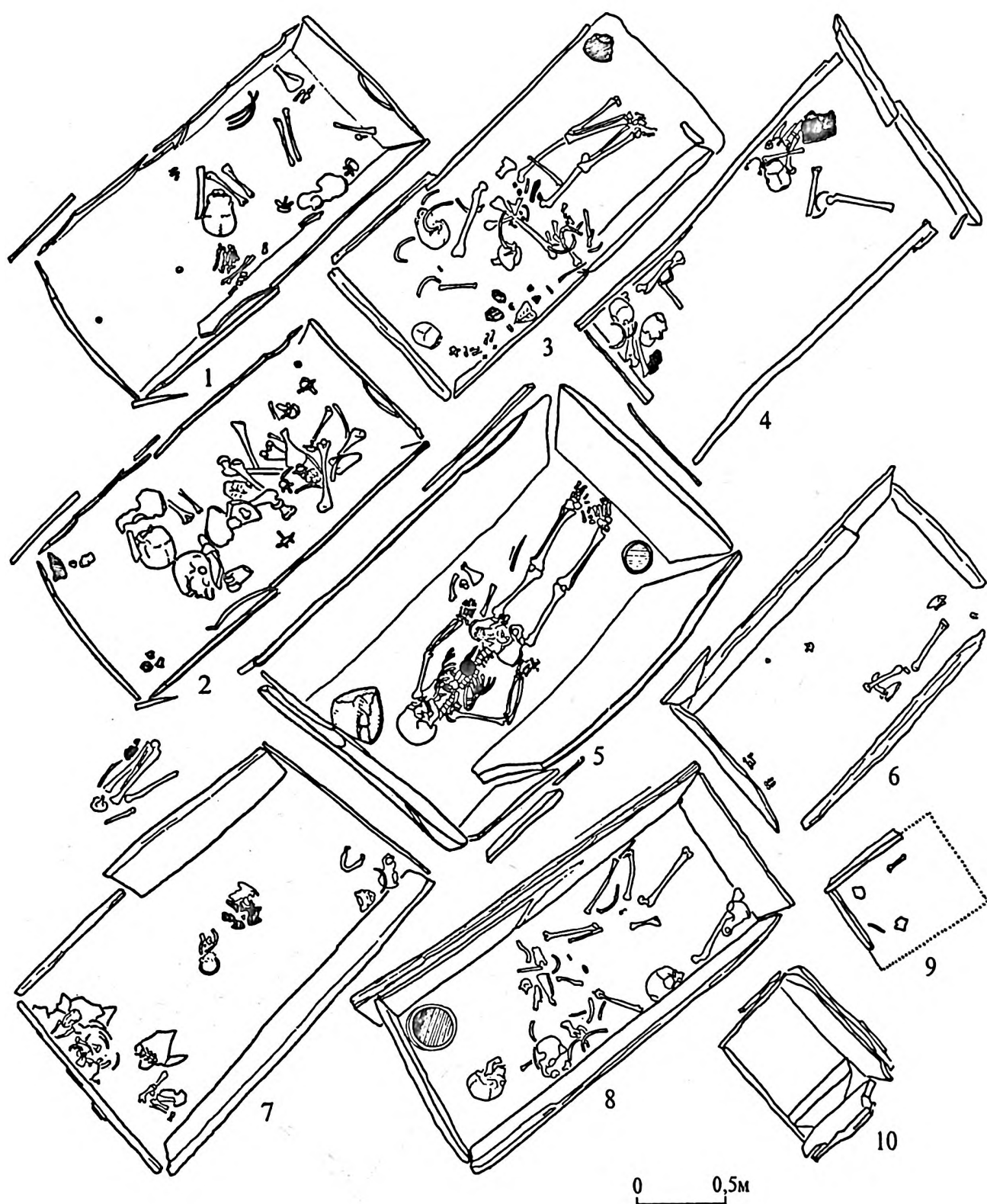

Табл. 13.

Гришкин Лог I. Курган 15: 1, 2 — могила 2; 5 — могила 1; 9 — могила 4; 10 — могила 3. Курган 14: 4 — могила 1; 7 — могила 2. Курган 12: 3 — могила 2; 8 — могила 1. Курган 13: 6 — могила 6

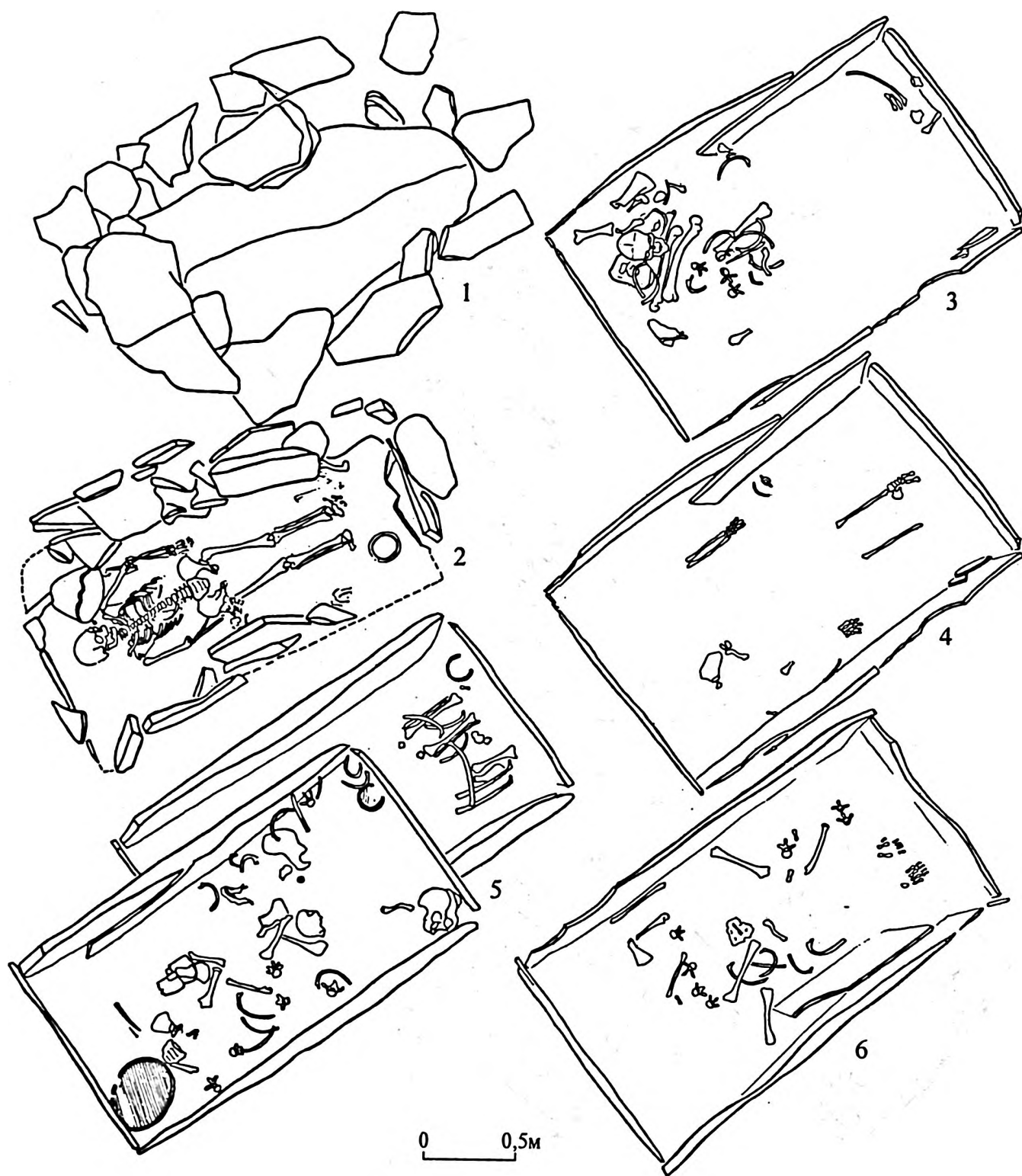

Табл. 14.

Гришкин Лог I. Курган 16: 1, 2 — могила 3; 3, 4 — могила 1; 5 — могила 4; 6 — могила 2

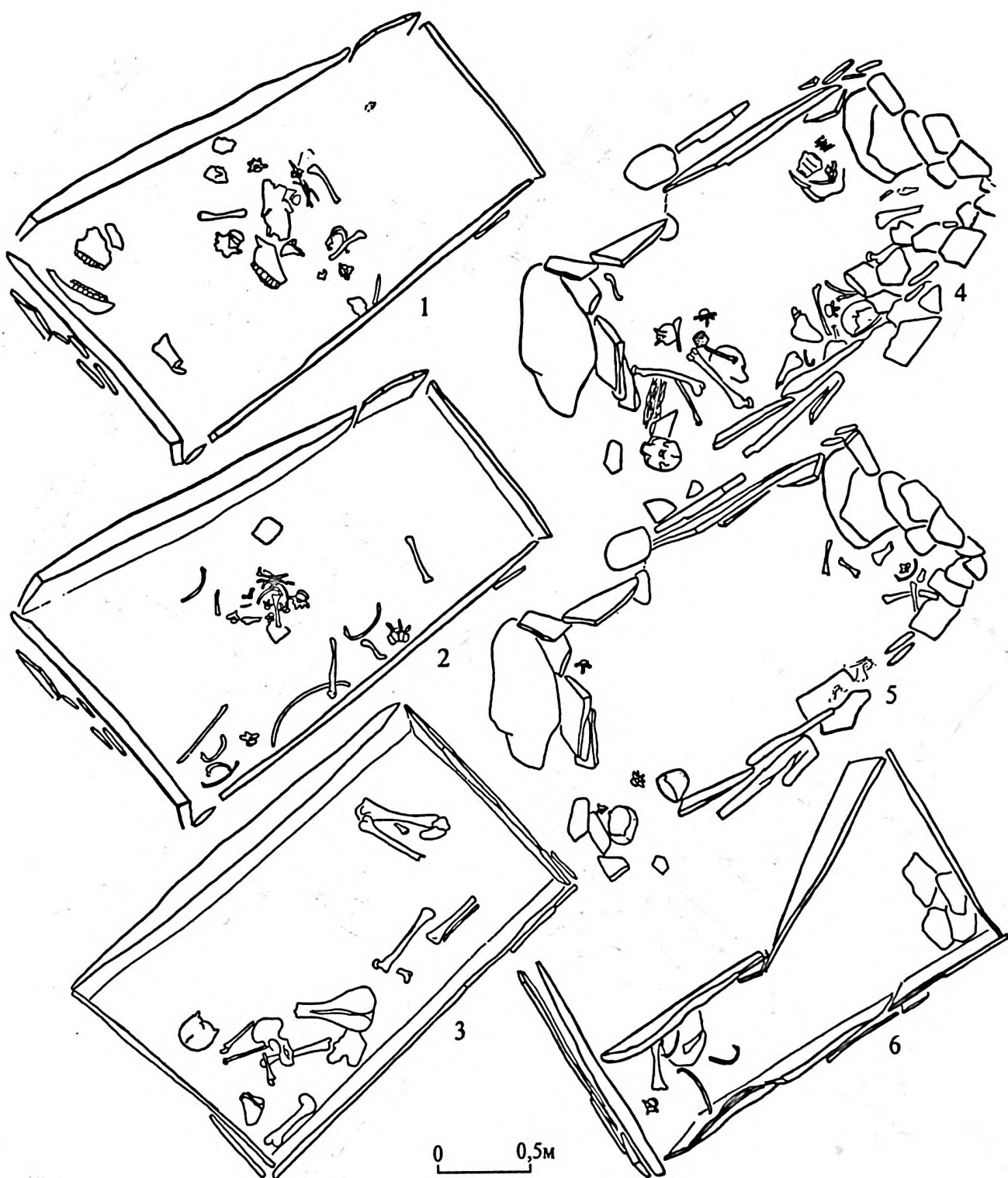

Табл. 15.

Гришкин Лог I: 1, 2 — курган 18, могила 1; 3 — курган 17, могила 1; 4, 5 — курган 17, могила 2;
6 — курган 18, могила 2

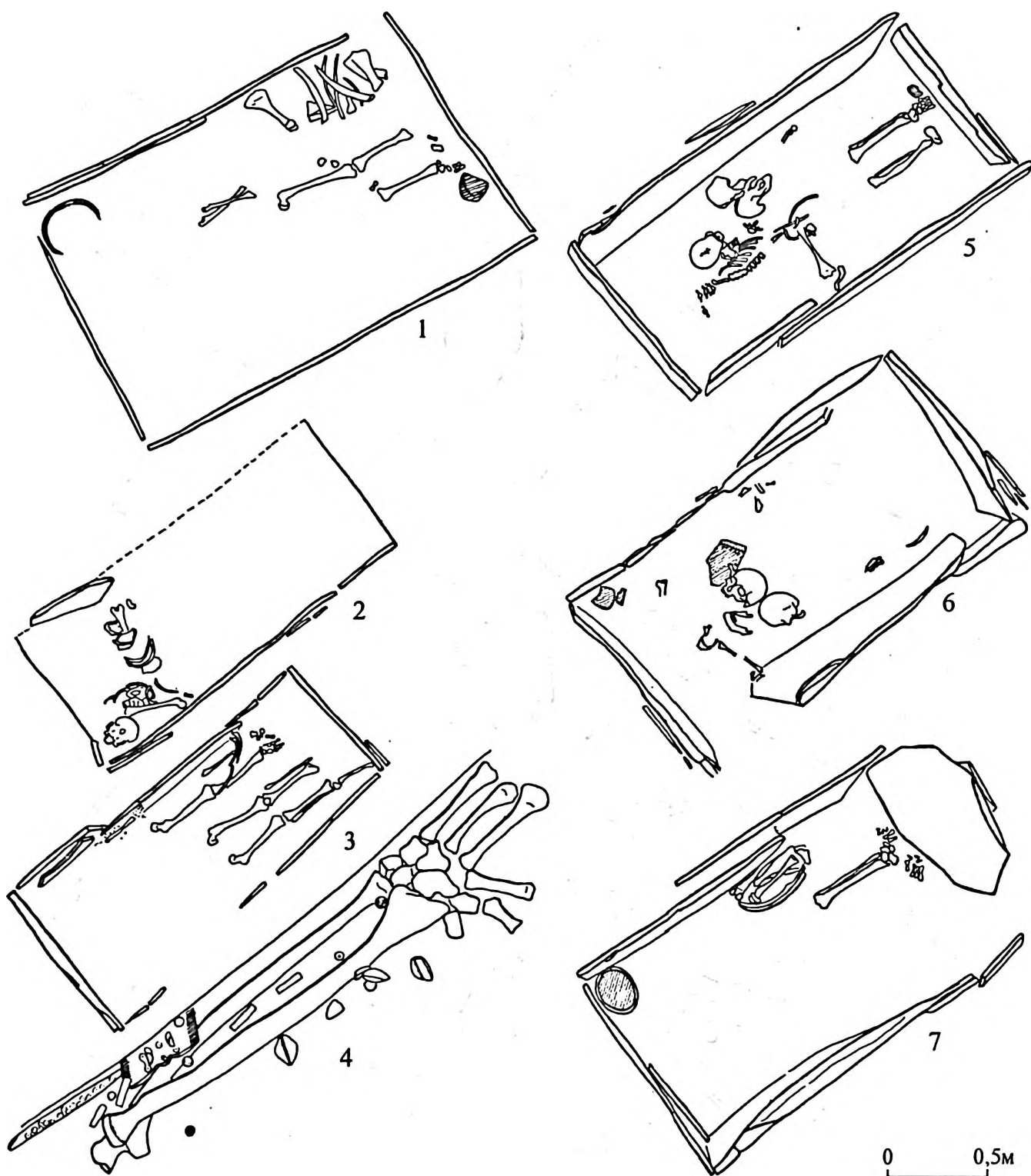

Табл. 16.

Гришкин Лог I. Курган 19: 1 — могила 2; 2 — могила 1; 3 — могила 3; 4 — могила 3 (деталь);
5 — могила 4; 6 — могила 6; 7 — могила 5

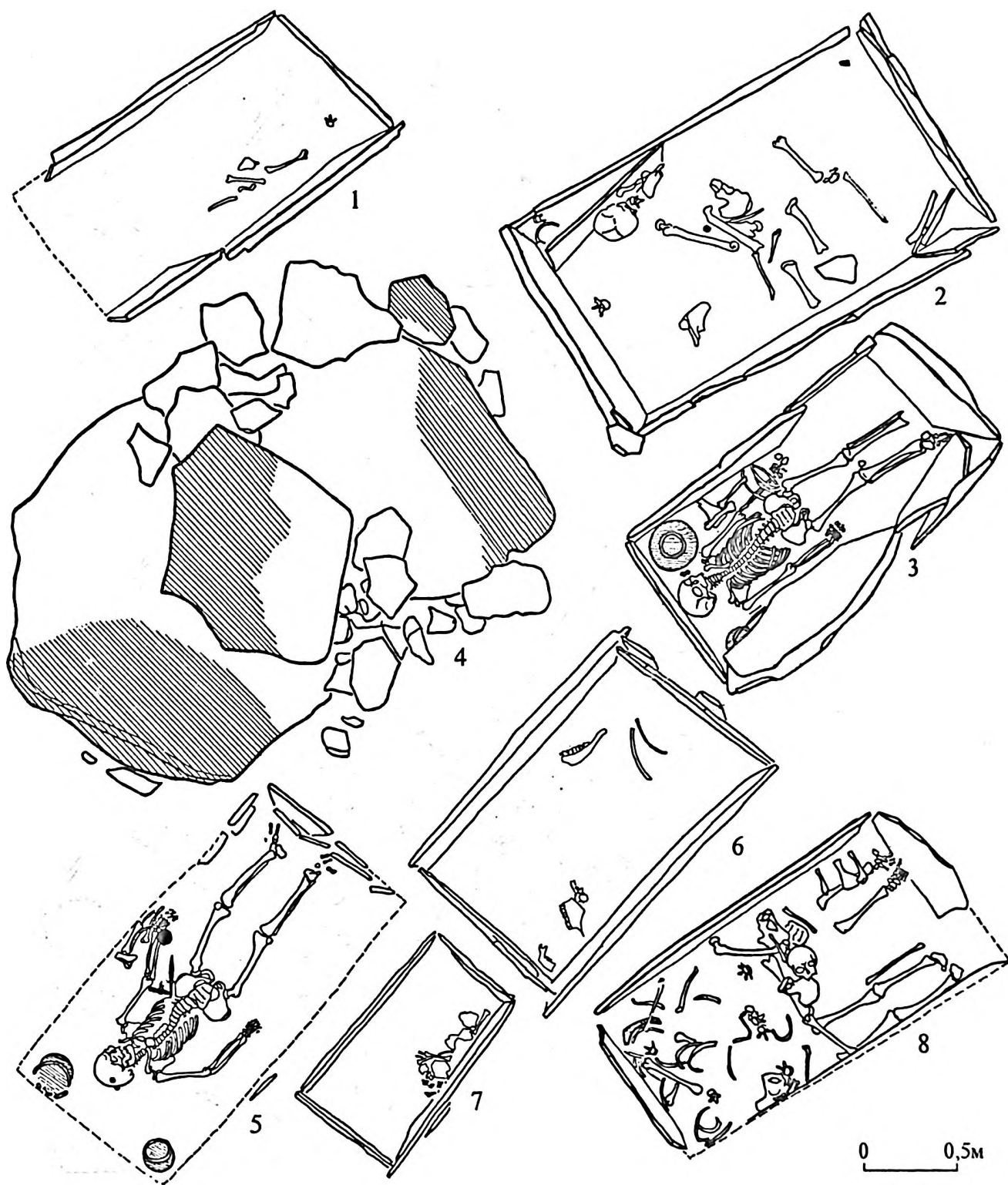

Табл. 17.

Гришкин Лог I: 1—3 — курган 20, могилы 2, 1, 3; 4, 5 — курган 16, могила 5;
6, 7 — курган 25, могилы 1, 2; 8 — курган 22, могила 1

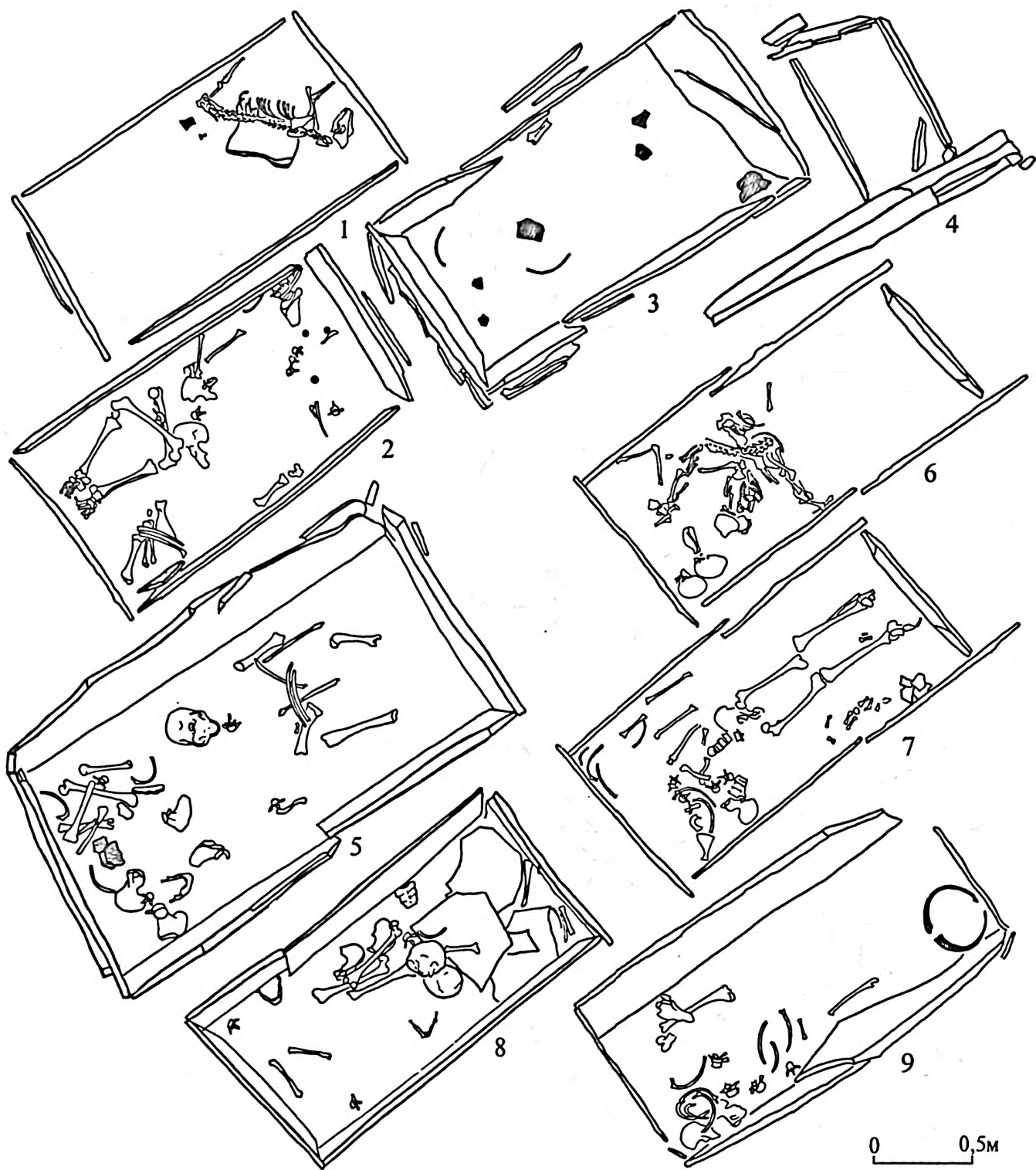

Табл. 18.

Гришкин Лог I: 1, 2 — курган 21, могила 1; 3 — курган 24, могила 2; 4 — курган 23, могила 3; 5 — курган 23, могила 1; 6, 7 — курган 21, могила 2; 8 — курган 23, могила 2; 9 — курган 24, могила 1

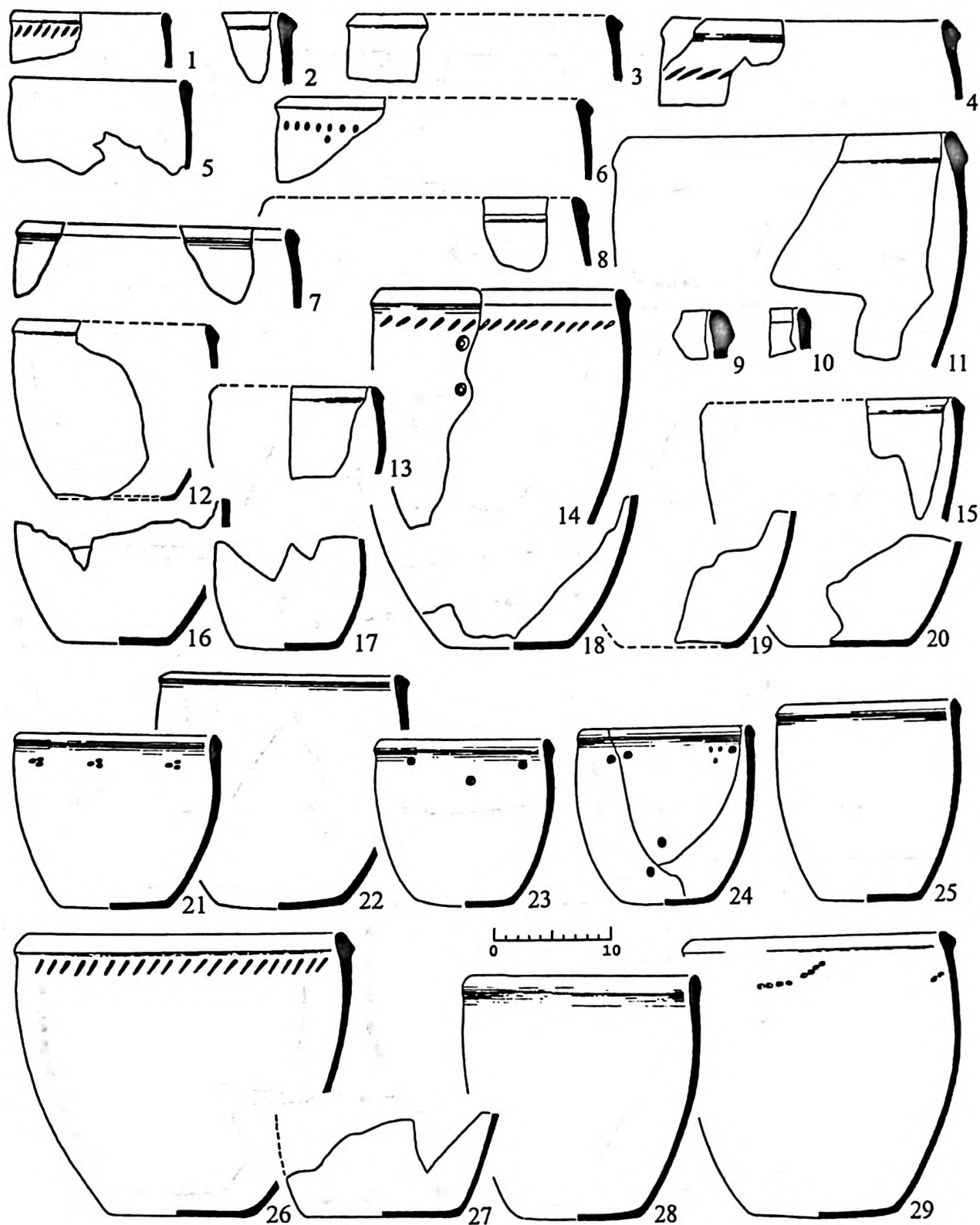

Табл. 19.

Гришкин Лог I: 1 — к. 3, м. 20; 2 — к. 19, м. 2; 3 — к. 13, м. 4; 4 — к. 14, м. 2; 5 — к. 2, м. 19; 6 — к. 19, м. 4; 7 — к. 14, м. 2; 8 — к. 19, м. 5; 9, 10 — к. 9, м. 4; 11 — к. 9, м. 2; 12 — к. 24, м. 2; 13 — к. 19, м. 4; 14 — к. 19, м. 6; 15 — к. 19, м. 5; 16 — к. 19, м. 6; 17 — к. 2, м. 19; 18 — к. 15, м. 1; 19 — к. 19, м. 4; 20 — к. 2, м. 19; 21 — к. 15, м. 1; 22 — к. 13, м. 9; 23 — к. 17, м. 2; 24 — к. 20, м. 3; 25 — к. 22, м. 1; 26 — к. 1, м. 15; 27 — к. 1, м. 15; 28 — к. 12, м. 2; 29 — к. 19, м. 5

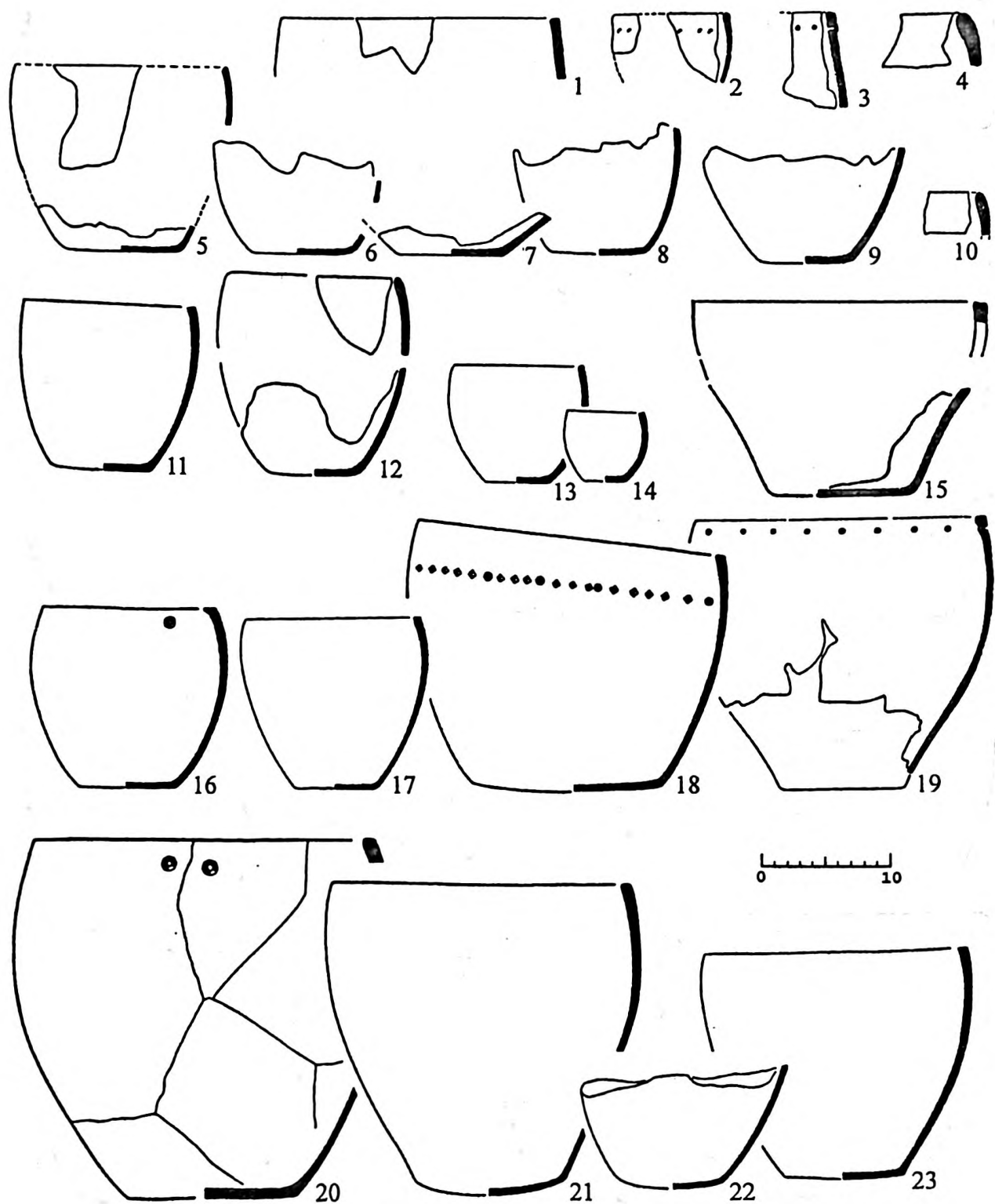

Табл. 20.

Гришкин Лог I: 1 — к. 20, м. 2; 2 — к. 9; 4, 10 — к. 16, м. 1; 5 — к. 3, м. 22; 6 — к. 2, м. 18; 7 — к. 20, м. 1; 8 — к. 9, м. 5; 9 — к. 13, м. 1; 11 — к. 9, м. 9; 12 — к. 9, м. 4; 13, 14 — из впускного погребения; 15 — к. 17, м. 1; 16 — к. 9, м. 8; 17 — к. 11; 18 — к. 12, м. 1; 19 — к. 14, м. 1; 20 — к. 24, м. 1; 21, 22 — к. 16, м. 3; 23 — к. 21, м. 4

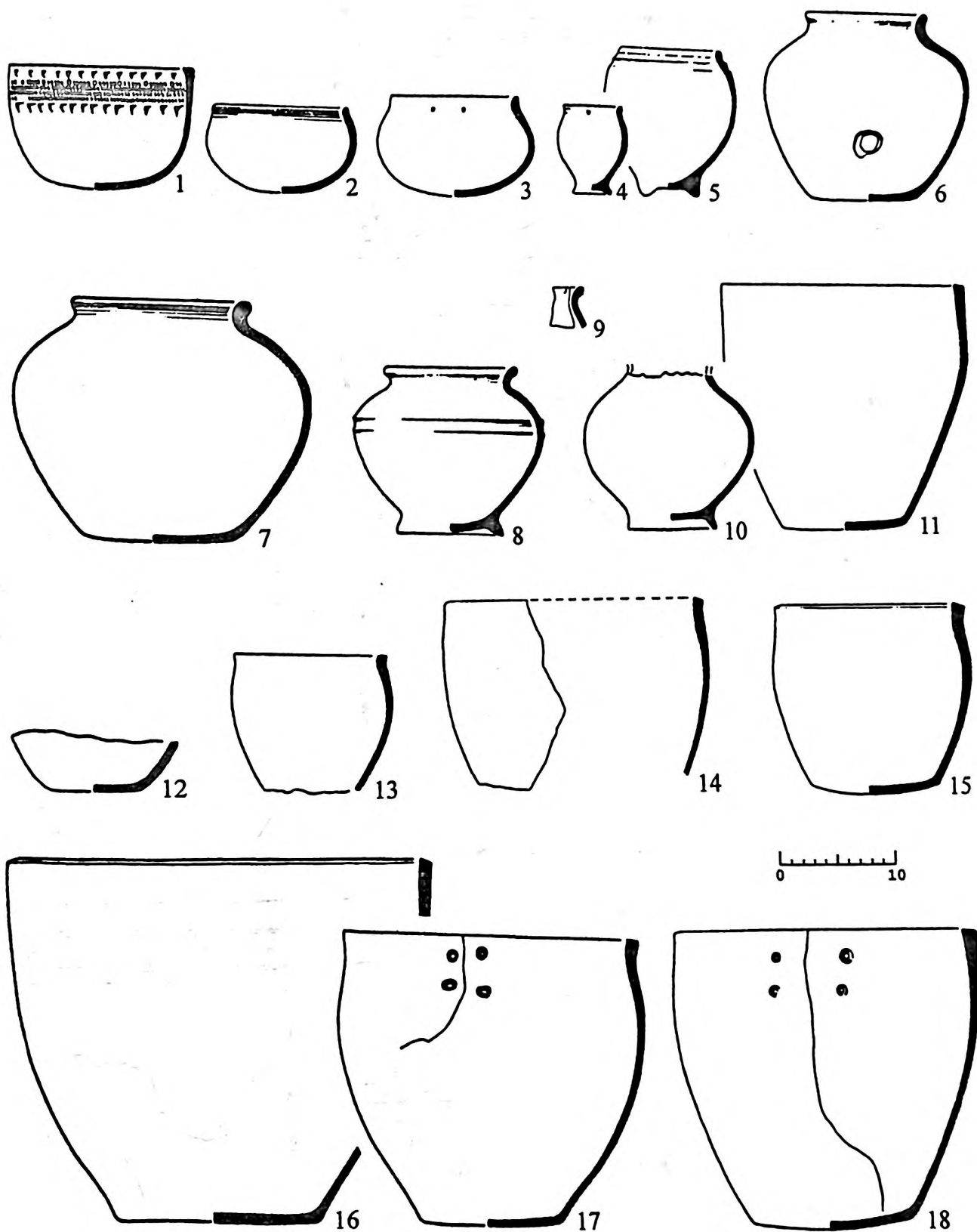

Табл. 21.

Гришкин Лог I: 1 — к. 8, м. 2; 2 — к. 9, м. 8; 3 — к. 21, м. 3; 4 — к. 13, м. 3; 5 — к. 1, м. 16;
 6 — к. 9, м. 3; 7 — к. 20, м. 3; 8 — к. 8, м. 2; 9 — к. 9; 10 — к. 21, м. 4; 11, 12 — к. 4, м. 1;
 13 — к. 13, м. 4; 14 — к. 3, м. 21; 15, 16 — к. 16, м. 4; 17 — к. 13, м. 5; 18 — к. 1, м. 17

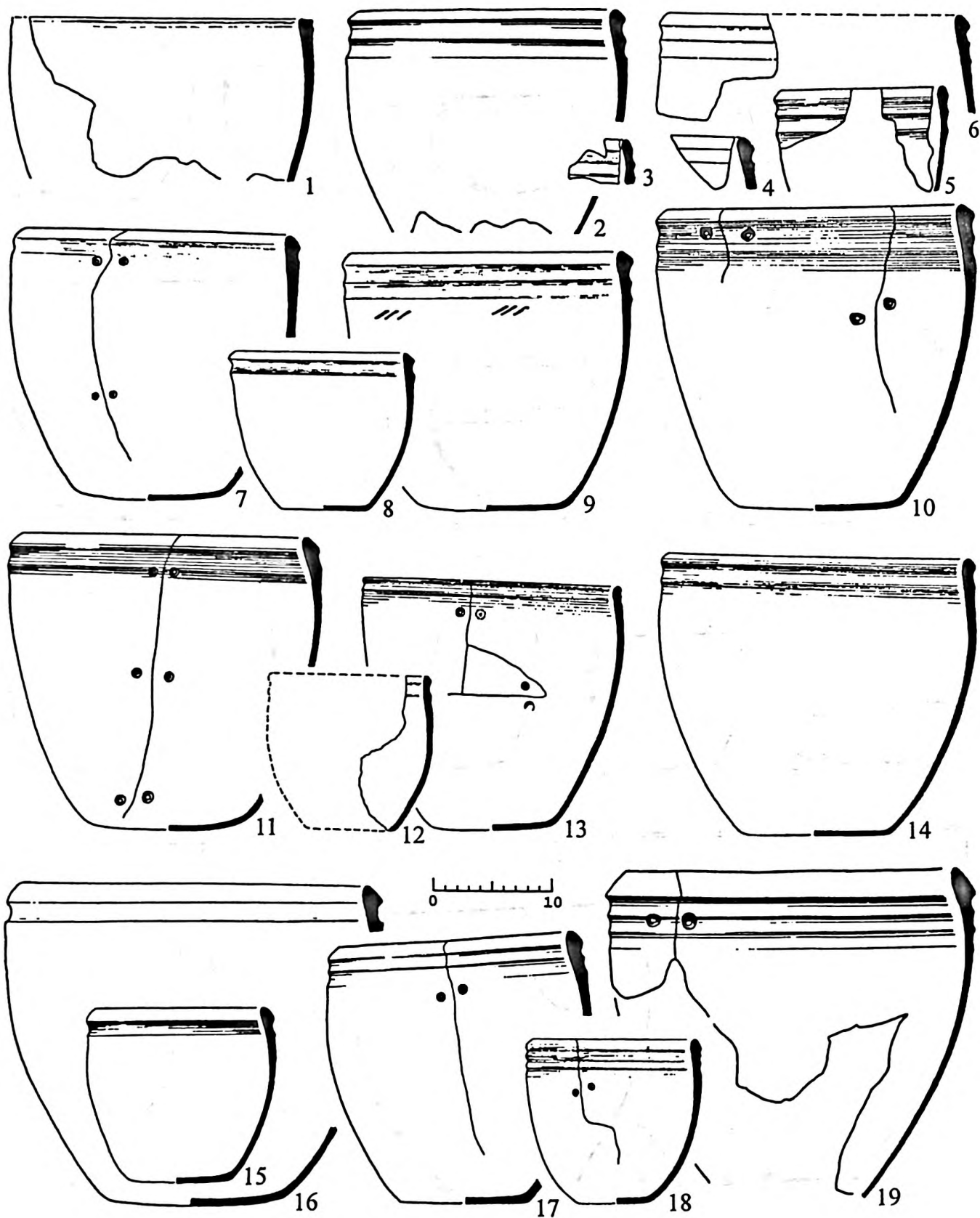

Табл. 22.

Гришкин Лог I: 1 — к. 10, м. 1; 2 — к. 13, м. 7; 3 — к. 19, м. 1; 4 — к. 6; 5 — к. 14, м. 2; 6 — к. 13, м. 8; 7 — к. 21, м. 3; 8 — к. 3, м. 22; 9 — к. 8, м. 1; 10 — к. 15, м. 1; 11 — к. 12, м. 1; 12 — к. 19, м. 2; 13 — к. 13, м. 3; 14 — к. 9, м. 2; 15 — к. 11; 16 — к. 19, м. 2; 17 — к. 16, м. 5; 18 — к. 16, м. 5; 19 — к. 14, м. 1

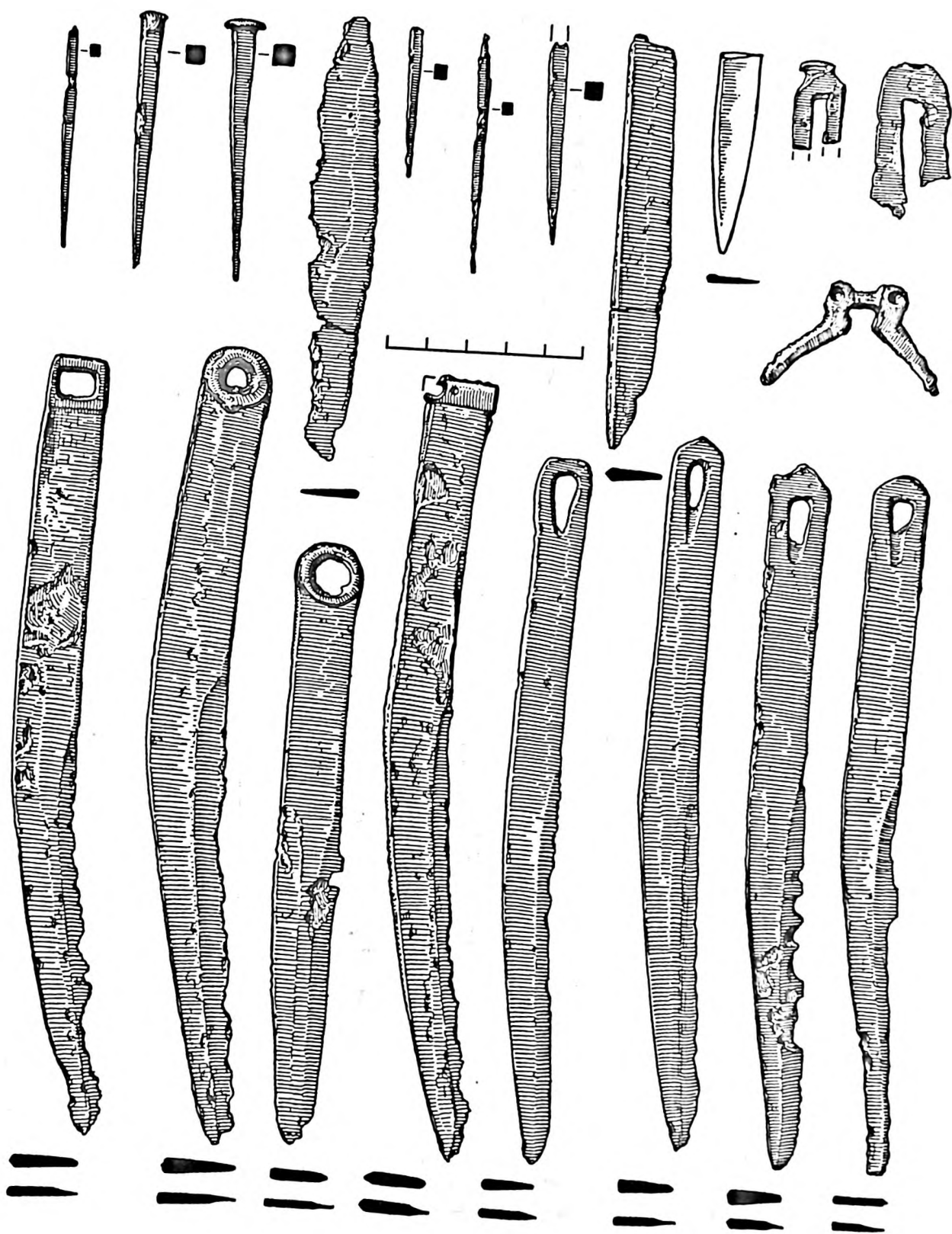

Табл. 23.

Гришкин Лог I: 1 — к. 1, м. 17; 2, 13 — к. 8, м. 1; 3, 8 — к. 9, м. 2; 4 — к. 11; 5 — к. 13, м. 6; 6 — к. 13, м. 9; 7, 20 — к. 15, м. 1; 9 — к. 21, м. 3; 10 — к. 13, м. 5; 11 — к. 20, м. 3; 12 — к. 24, м. 1; 14 — к. 8, м. 2; 15 — к. 9, м. 5; 16 — к. 9, м. 9; 17 — к. 10, м. 2; 18 — к. 10, м. 4; 19 — к. 13, м. 4

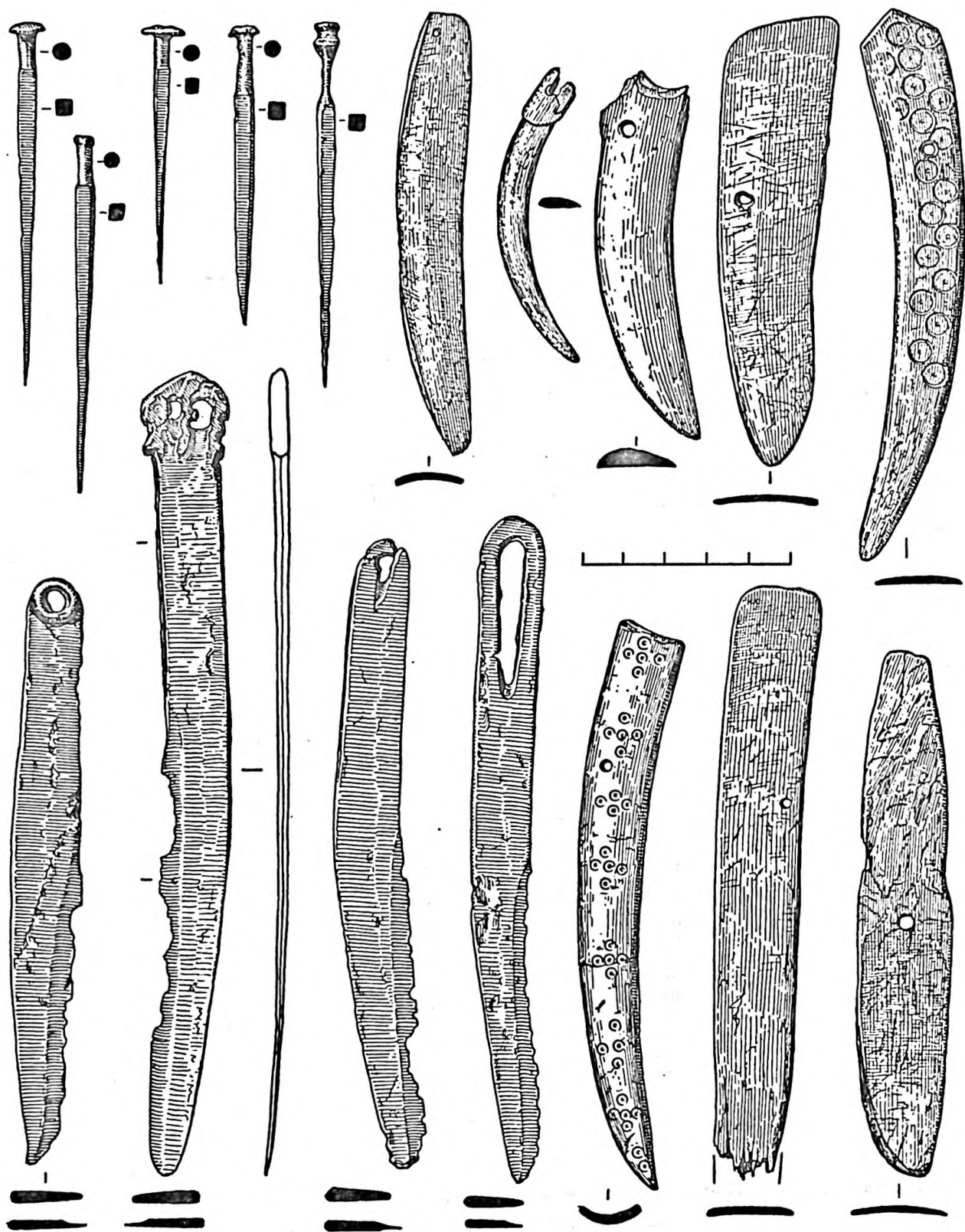

Табл. 24.

Гришкин Лог I: 1, 11 — к. 16, м. 3; 2, 12 — к. 16, м. 4; 3 — к. 21, м. 3; 4, 13 — к. 20, м. 3;
 5 — к. 10, м. 2; 6 — к. 9, м. 4; 7, 9 — к. 15, м. 1; 8 — к. 3, м. 22; 10 — к. 19, м. 3; 14 — к. 21, м. 4;
 15 — к. 1, м. 16; 16 — к. 12, м. 1; 17 — к. 12, м. 2

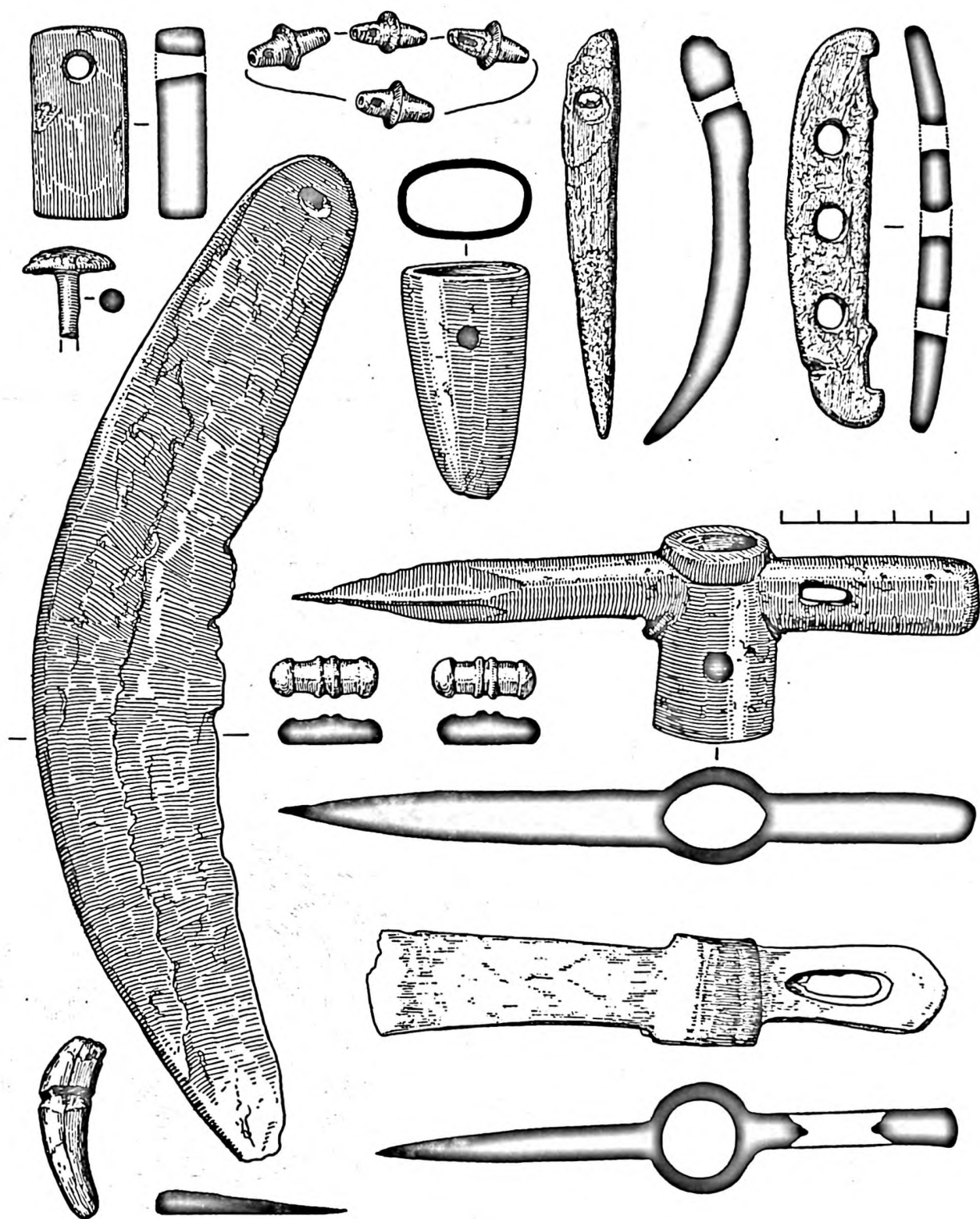

Табл. 25.

Гришкин Лог I: 1 — к. 12, м. 2; 2, 5, 6 — к. 13, м. 8; 3 — к. 8, м. 1; 4 — к. 20, м. 1; 7 — к. 16, м. 3;
8 — к. 21, м. 4; 9 — к. 19, м. 1; 10 — к. 3, м. 22; 11 — к. 16, м. 5

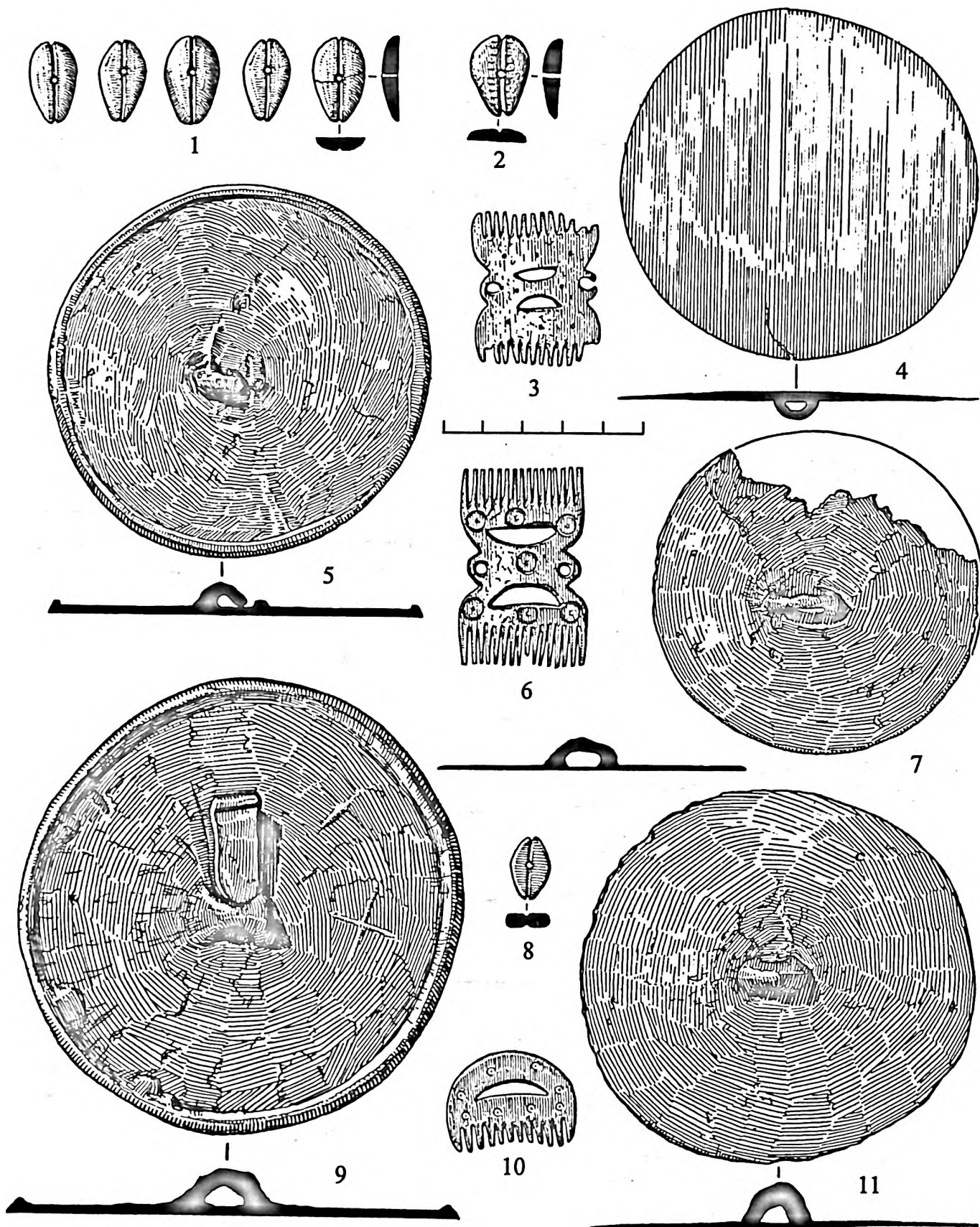

Табл. 26.

Гришкин Лог I: 1, 3, 6 — к. 19, м. 3; 2, 10 — к. 12, м. 2; 4 — к. 16, м. 5; 5 — к. 15, м. 1; 7 — к. 21, м. 3; 8 — к. 11; 9 — к. 7, м. 4; 11 — к. 10, м. 2

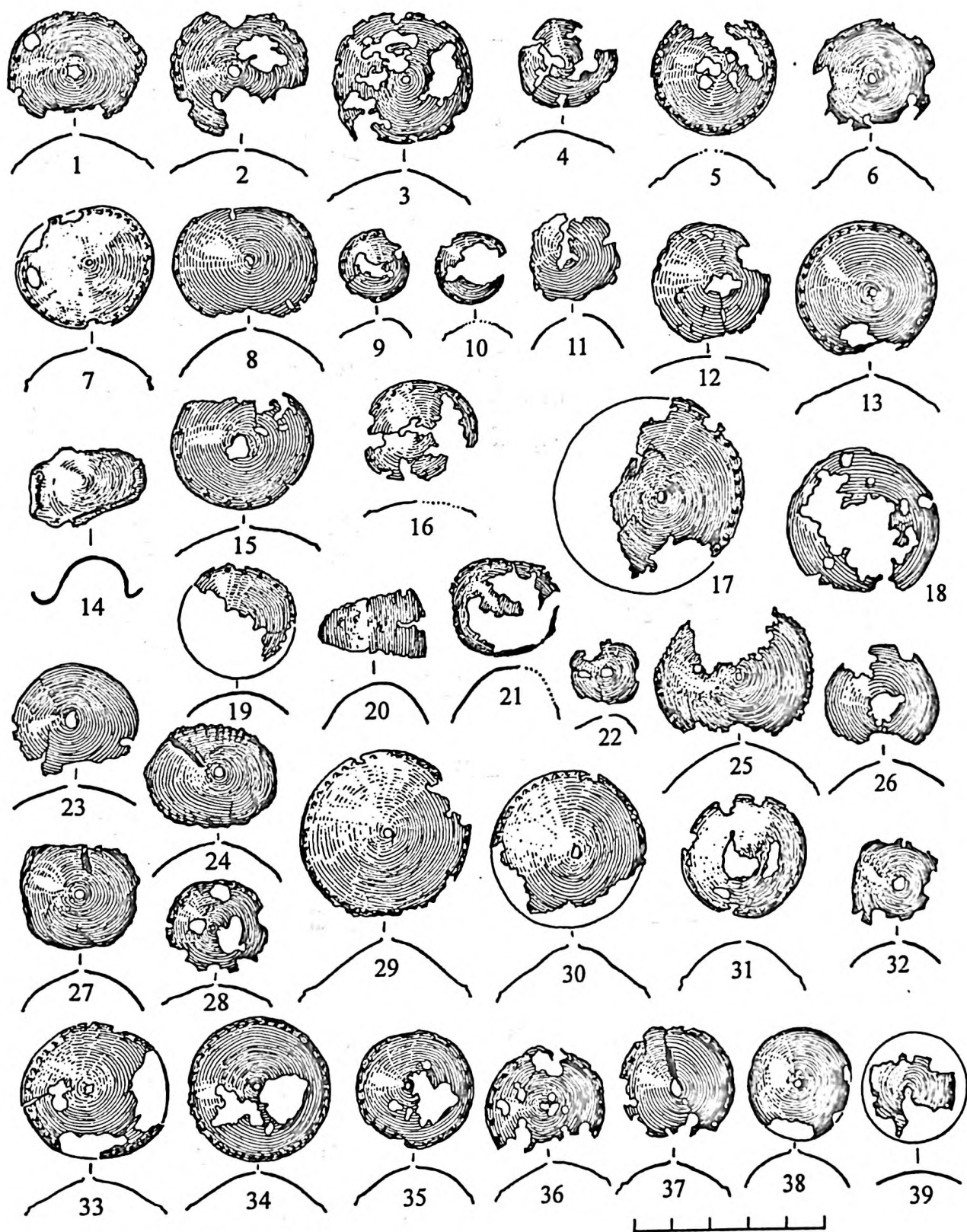

Табл. 27.

Гришкин Лог I: 1 — к. 1, м. 17; 2—4 — к. 3, м. 21; 5, 6 — к. 3, м. 22; 7, 8 — к. 8, м. 1; 9, 10, 13 — к. 8, м. 2; 11, 12 — к. 9, м. 3; 14 — к. 9, м. 4; 15, 16 — к. 9, м. 5; 17 — к. 9, м. 8; 18 — к. 10, м. 4; 19, 23 — к. 12, м. 1; 20—22 — к. 12, м. 2; 24, 27 — к. 14, м. 1; 25, 26 — к. 13, м. 3; 28 — к. 16, м. 3; 29, 30 — к. 15, м. 1; 31 — к. 16, м. 5; 32 — к. 21, м. 3; 33 — к. 16, м. 4; 34 — к. 17, м. 1; 35—38 — к. 19, м. 3; 39 — к. 21, м. 4

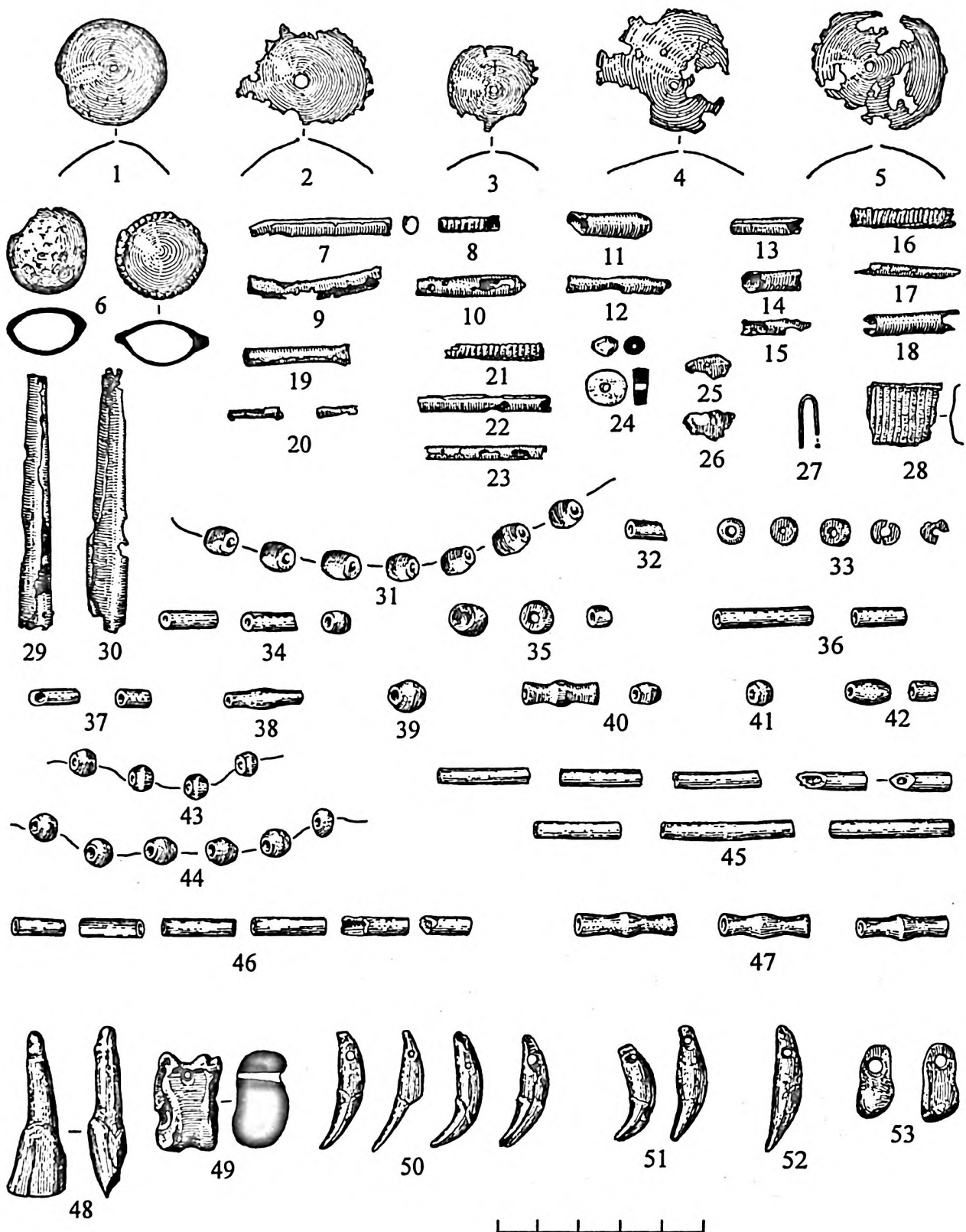

Табл. 28.

Гришкин Лог I: 1 — к. 20, м. 1; 2—4 — к. 21, м. 1; 5 — к. 21, м. 4; 6 — к. 1, м. 16; 7, 10, 31 — к. 3, м. 22; 11, 12 — к. 9, м. 8; 13—15, 33, 37, 50 — к. 10, м. 2; 16, 27, 35 — к. 12, м. 2; 17 — к. 13, м. 6; 18 — к. 13, м. 3; 19 — к. 14, м. 1; 20 — к. 14, м. 2; 21 — к. 16, м. 2; 22, 23 — к. 16, м. 3; 24 — к. 16, м. 2; 25, 26 — к. 13, м. 9; 28 — к. 20, м. 1; 29, 30, 43, 44, 46 — к. 19, м. 3; 32 — к. 13, м. 9; 34 — к. 12, м. 1; 36, 53 — к. 21, м. 3; 38 — к. 9, м. 4; 39, 42 — к. 15, м. 2; 40, 41 — к. 16, м. 2; 45 — к. 15, м. 1; 47 — к. 17, м. 1; 48 — к. 9, м. 5; 49 — к. 3, м. 21; 51 — к. 13, м. 7; 52 — к. 13, м. 8

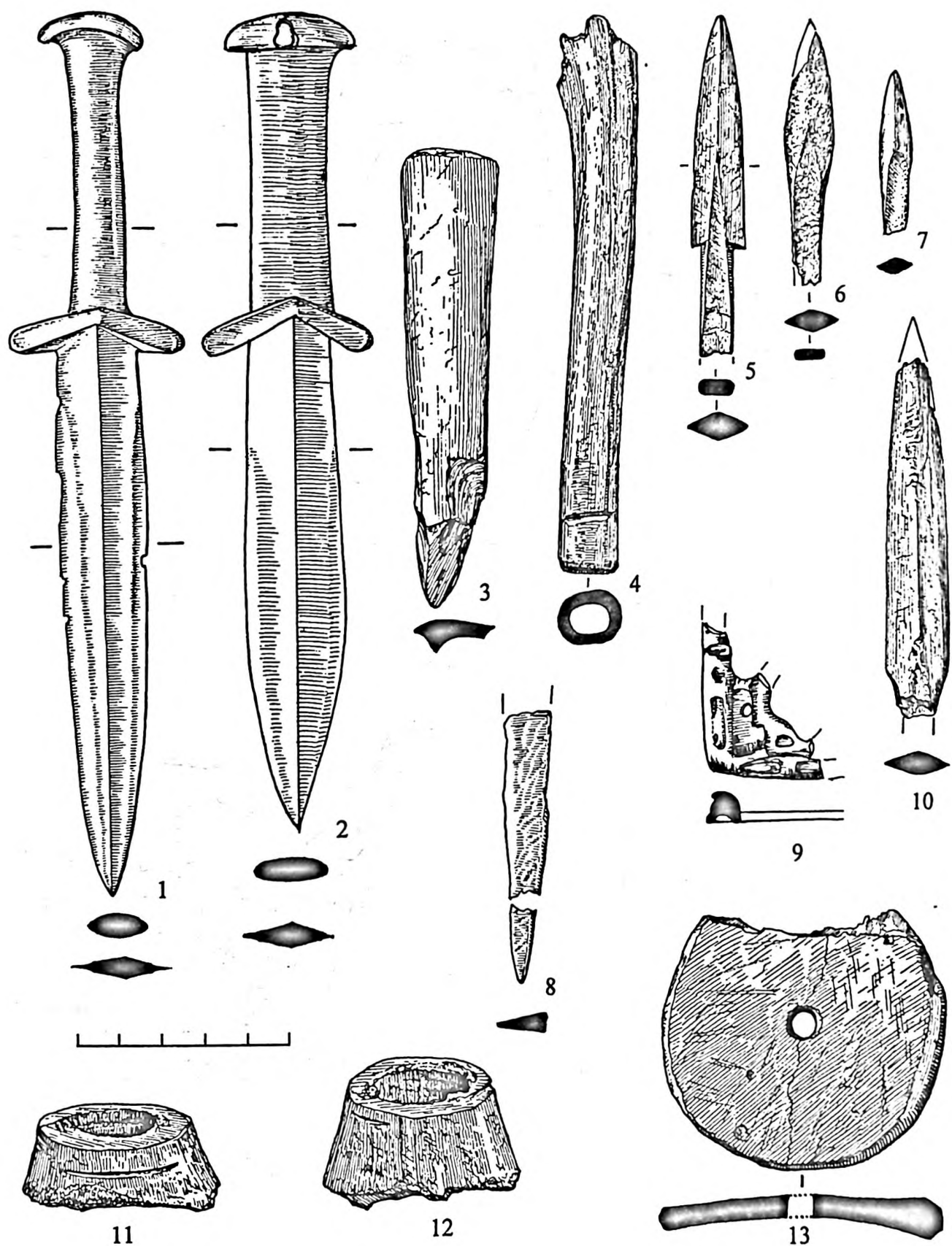

Табл. 29.

Гришкин Лог I: 1 — к. 16, м. 5; 2 — к. 21, м. 4; 3, 4, 10—13 — к. 16, м. 1;
5—7 — ограда к. 13; 8 — к. 13, м. 6; 9 — сооружение 5

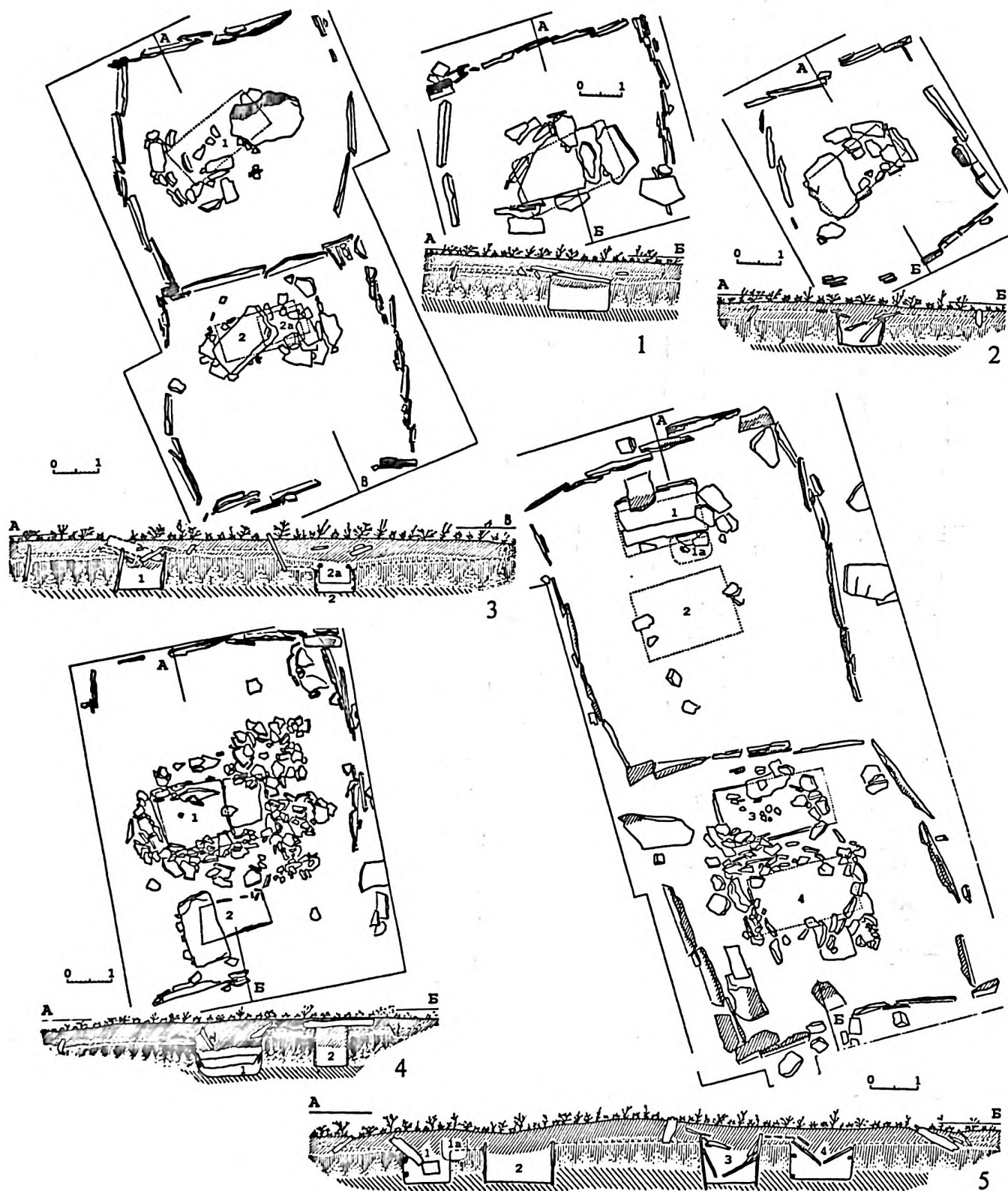

Табл. 30.
Черновая I: 1 — к. 5; 2 — к. 7; 3 — к. 6; 4 — к. 3; 5 — к. 1

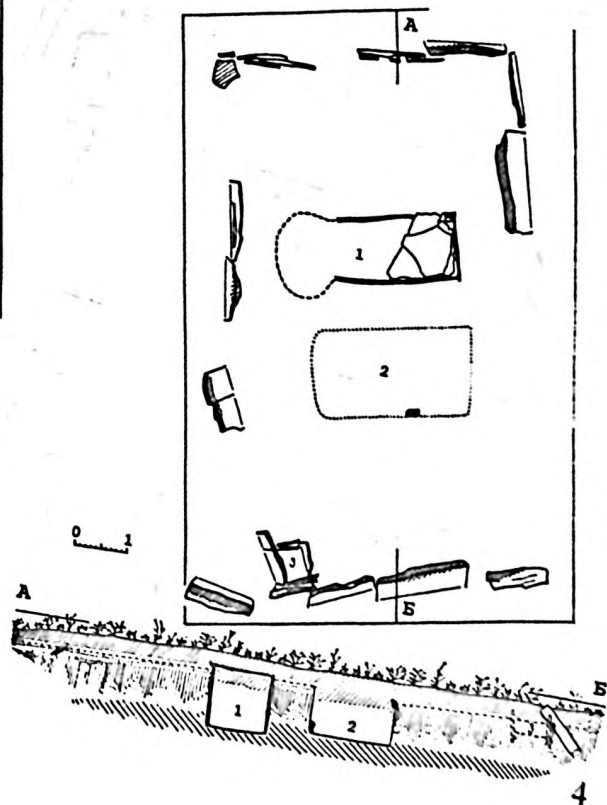
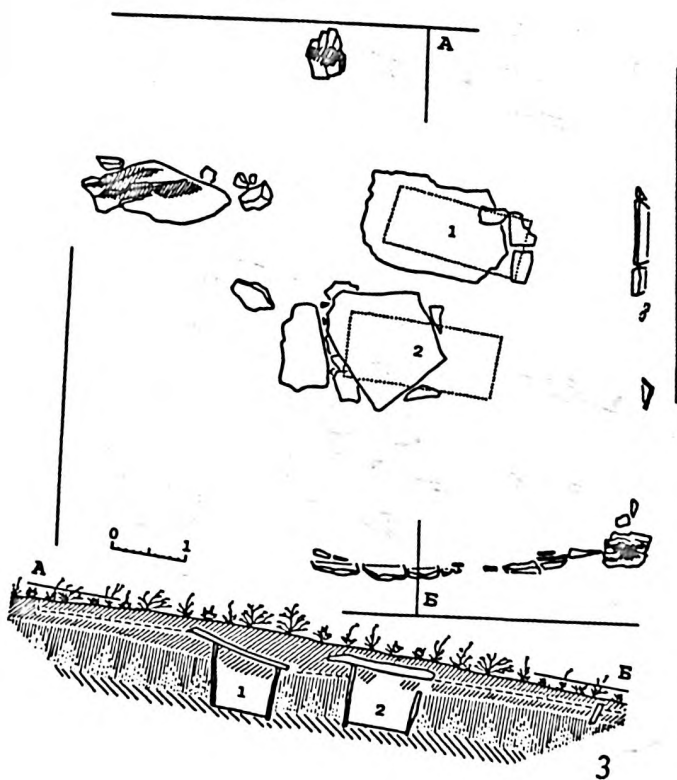
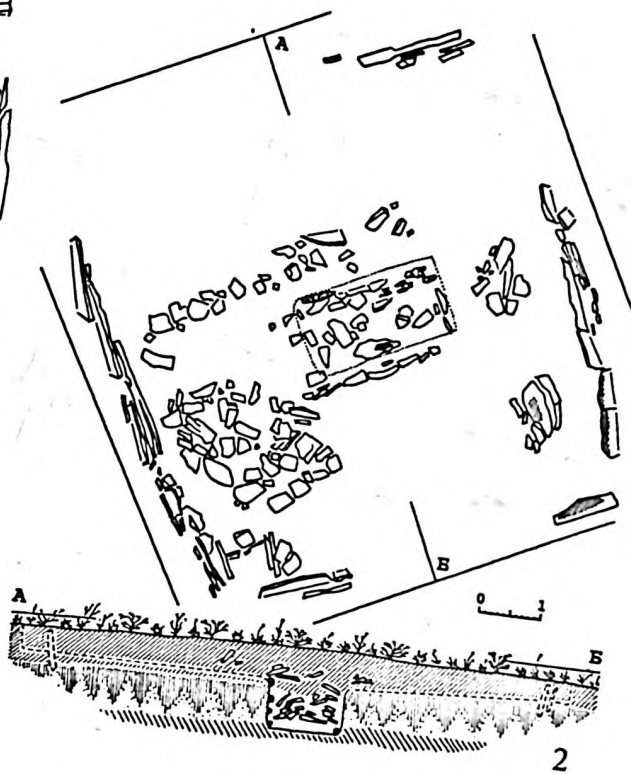
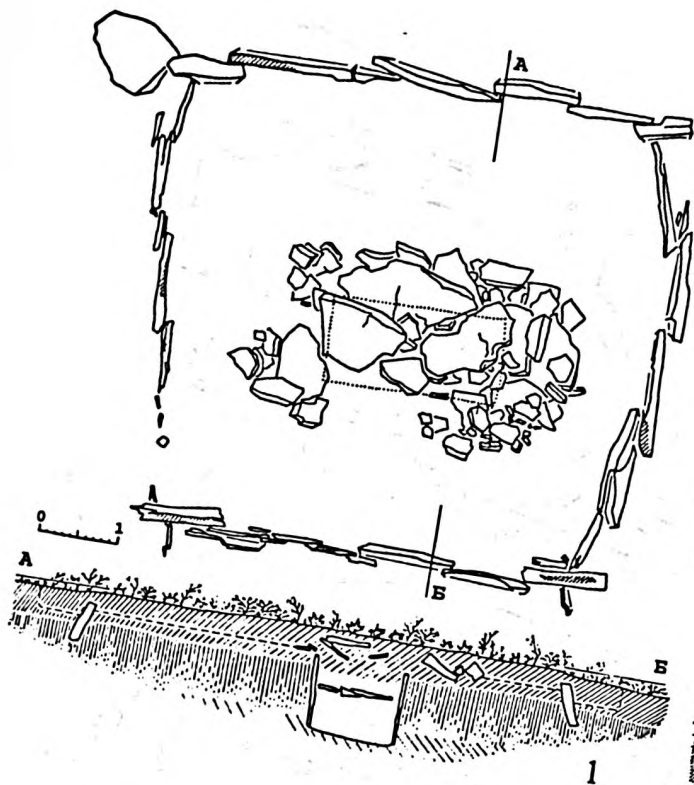
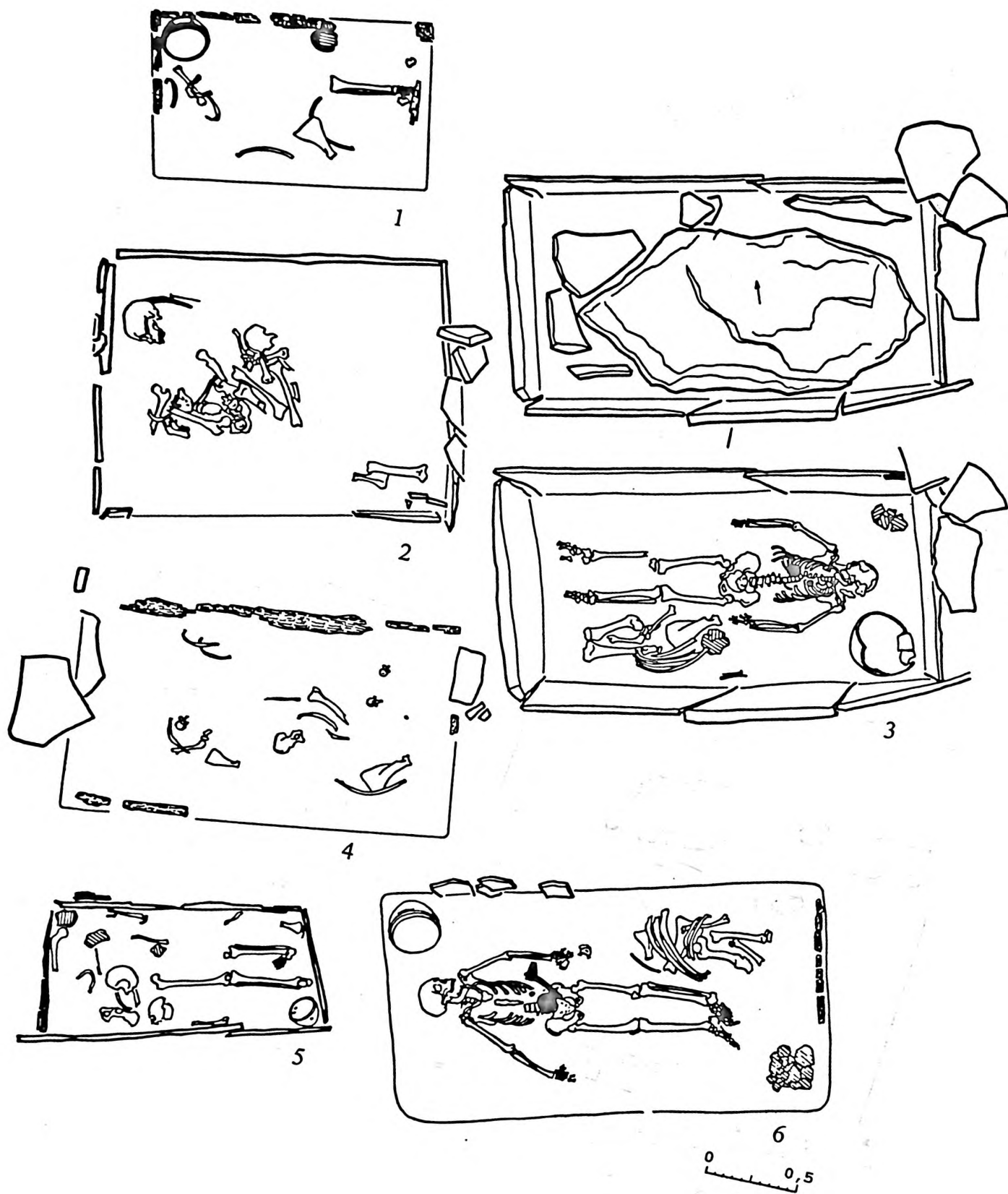

Табл. 31.
Черновая I: 1 — к. 4; 2 — к. 9; 3 — к. 8; 4 — к. 2

Черновая I: 1 — к. 1, м. 1; 2 — к. 1, м. 2; 3 — к. 1, м. 3; 4 — к. 1, м. 4; 5 — к. 3, м. 2; 6 — к. 3, м. 1

Табл. 32.

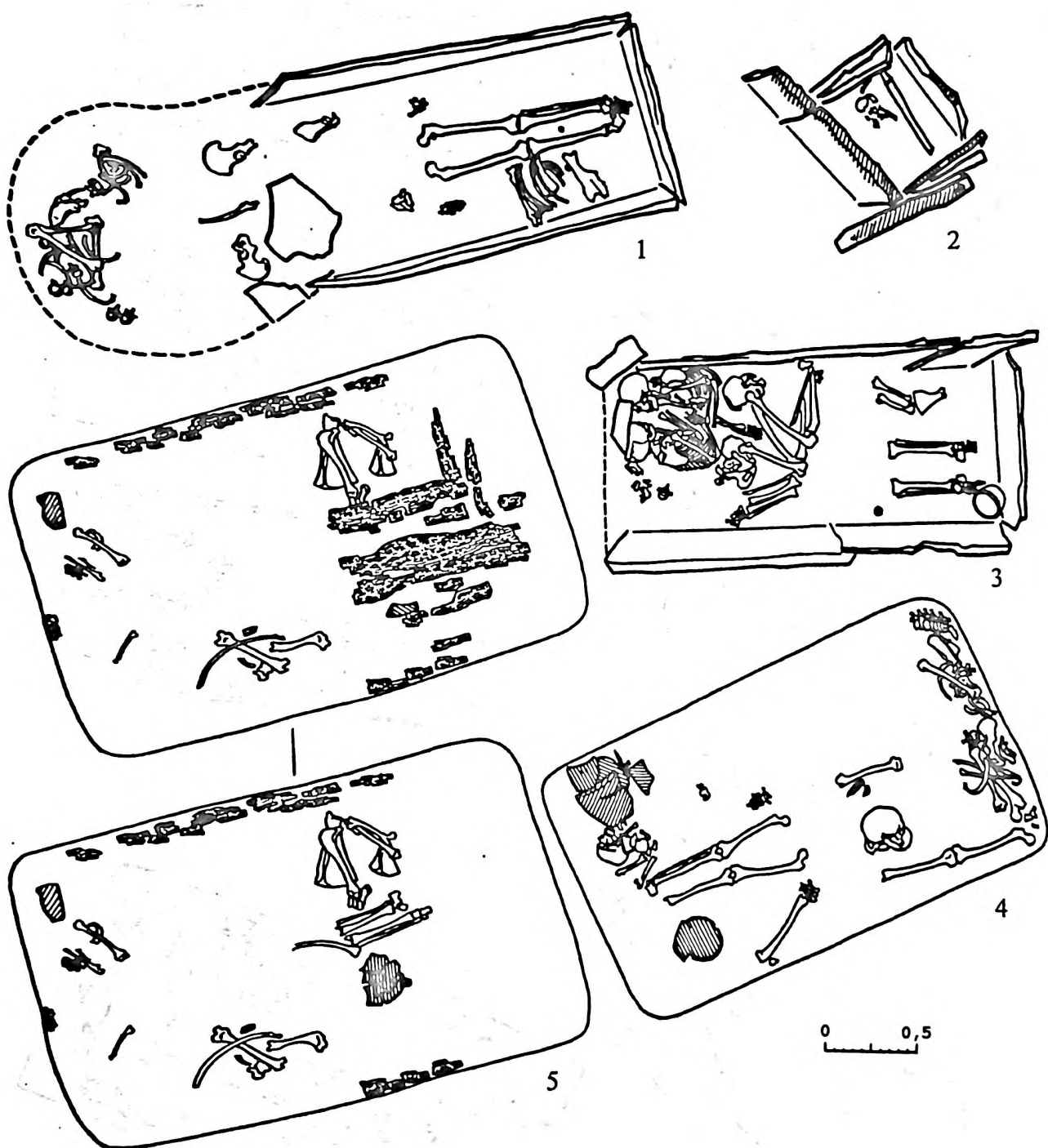

Табл. 33.

Черновая I: 1 — к. 2, м. 1; 2 — к. 2, м. 3; 3 — к. 4; 4 — к. 5; 5 — к. 2, м. 2

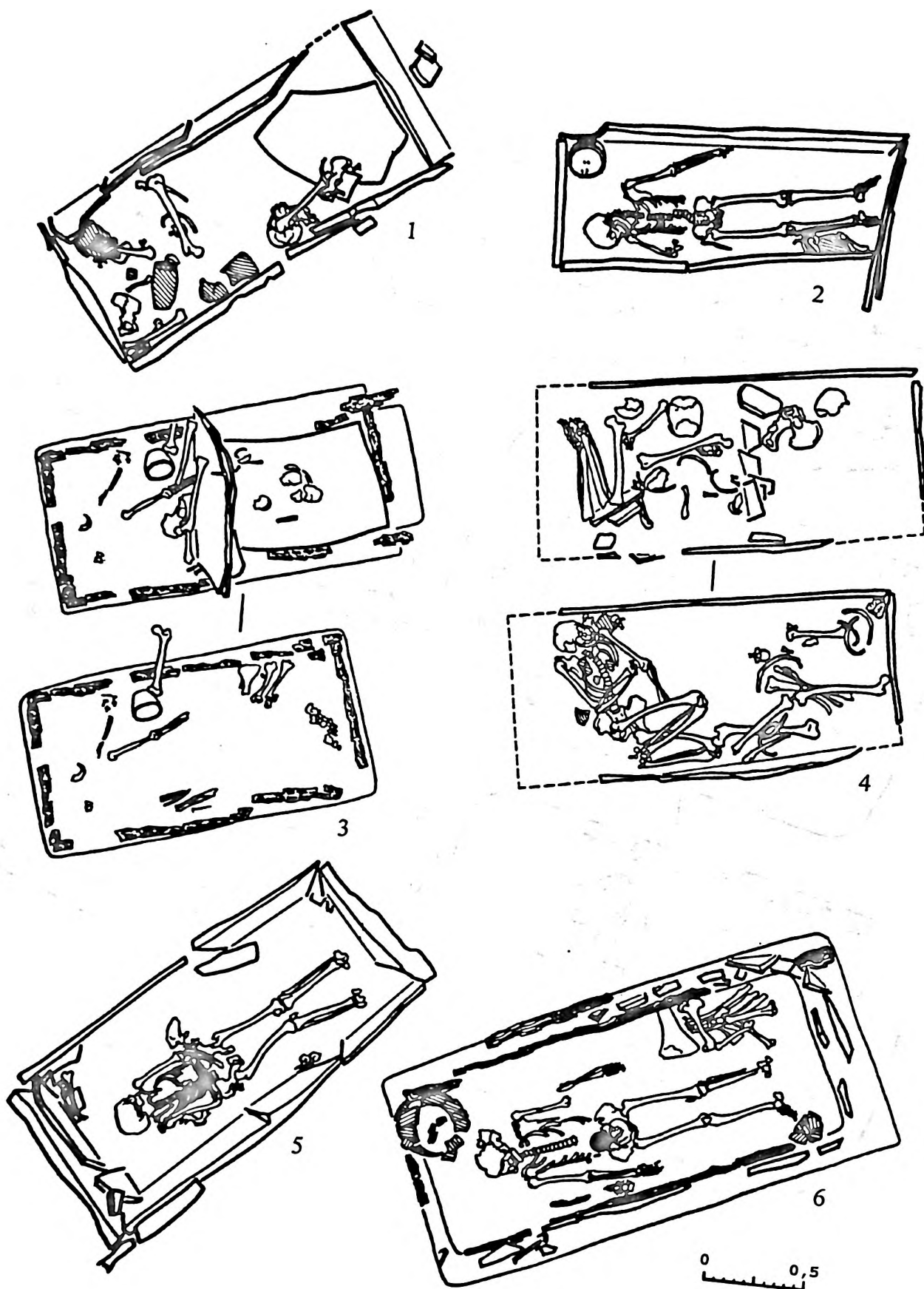

Табл. 34.
Черновая I: 1 — к. 6, м. 1; 2 — к. 8, м. 1; 3 — к. 6, м. 2, 2а; 4 — к. 8, м. 2; 5 — к. 7; 6 — к. 9

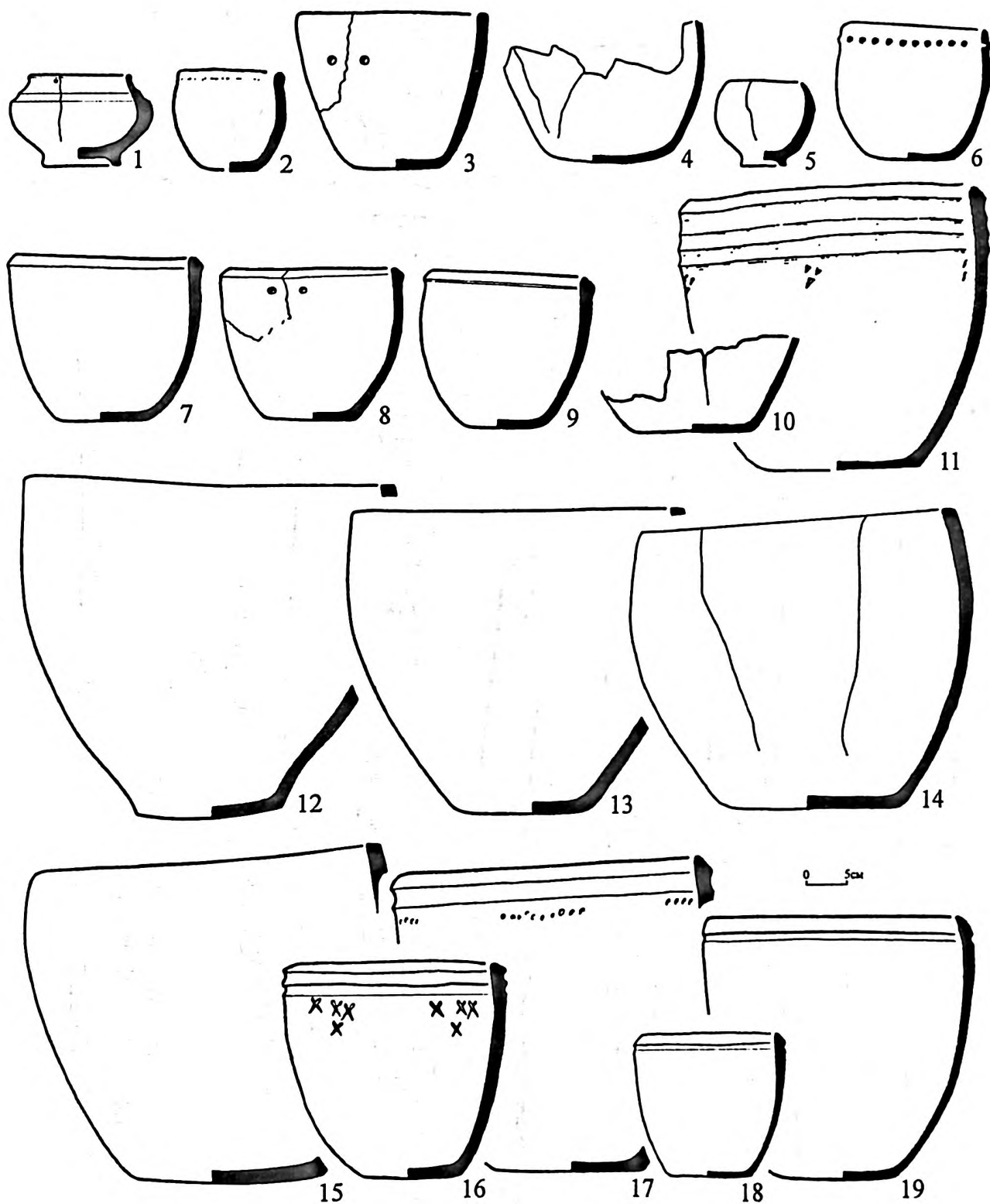

Табл. 35.

Черновая I: 1 — к. 1, м. 1; 2 — к. 8, м. 2; 3 — к. 3, м. 3; 4 — к. 9, м. 1; 5 — к. 1, м. 1; 6 — к. 1, м. 1;
 7 — к. 6, м. 2; 8 — к. 8, м. 1; 9 — к. 5, м. 1; 10 — к. 5, м. 1; 11 — к. 1, м. 1; 12 — к. 2, м. 1;
 13 — к. 1, м. 1; 13 — к. 1, м. 3; 14 — к. 9, м. 1; 15 — к. 9, м. 1; 16 — к. 8, м. 1; 17 — к. 3, м. 1;
 18 — к. 3, м. 1; 19 — к. 5, м. 1

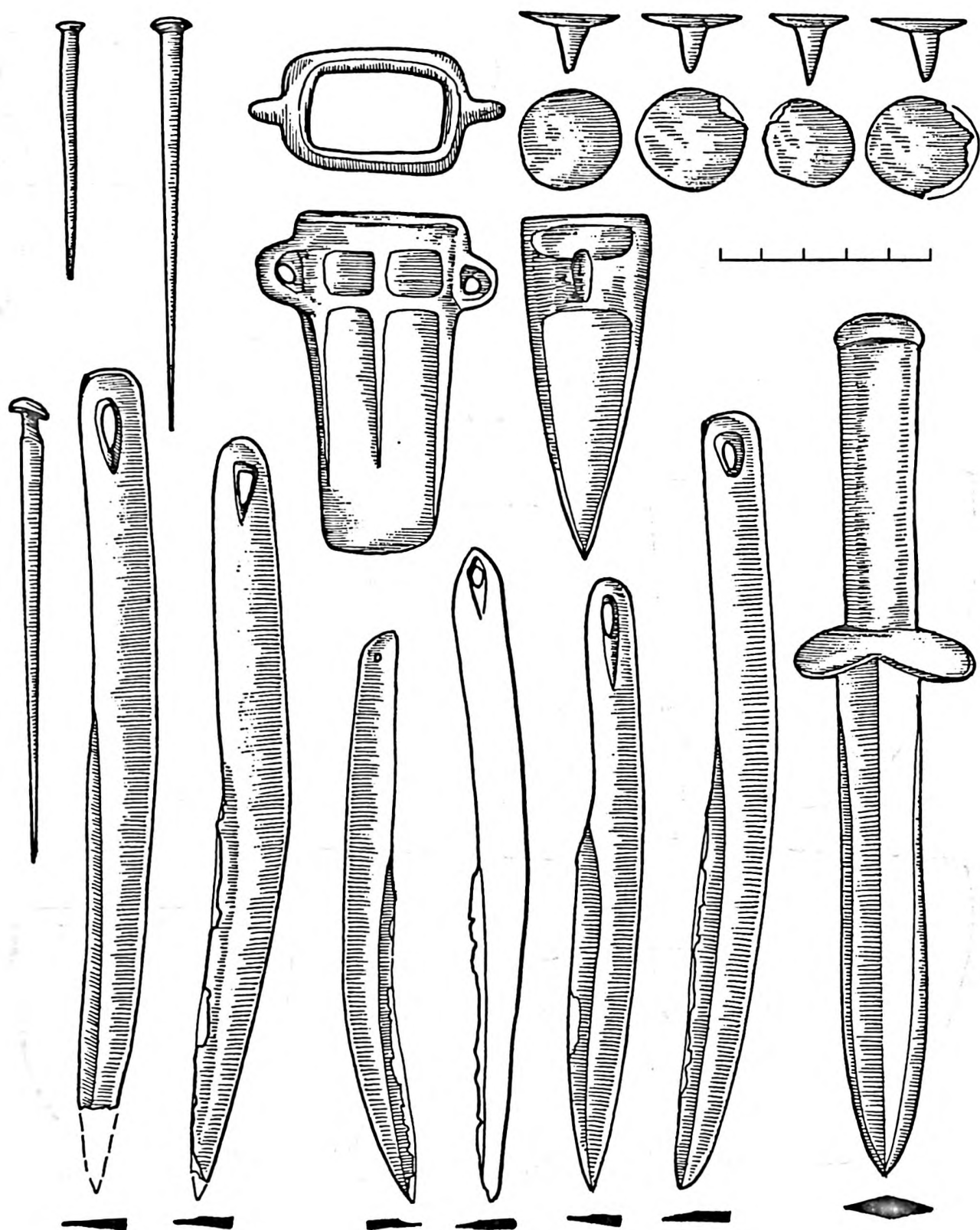

Табл. 36.

Черновая I: 1—4 — к. 2, м. 1; 5 — к. 6, м. 2; 6 — к. 1, м. 2; 7 — к. 3, м. 1; 8 — к. 1, м. 3; 9 — к. 3, м. 1;
10 — к. 1, м. 2; 11 — к. 6, м. 2; 12 — к. 1, м. 3; 13 — к. 8, м. 1; 14 — к. 9, м. 1; 15 — к. 3, м. 1

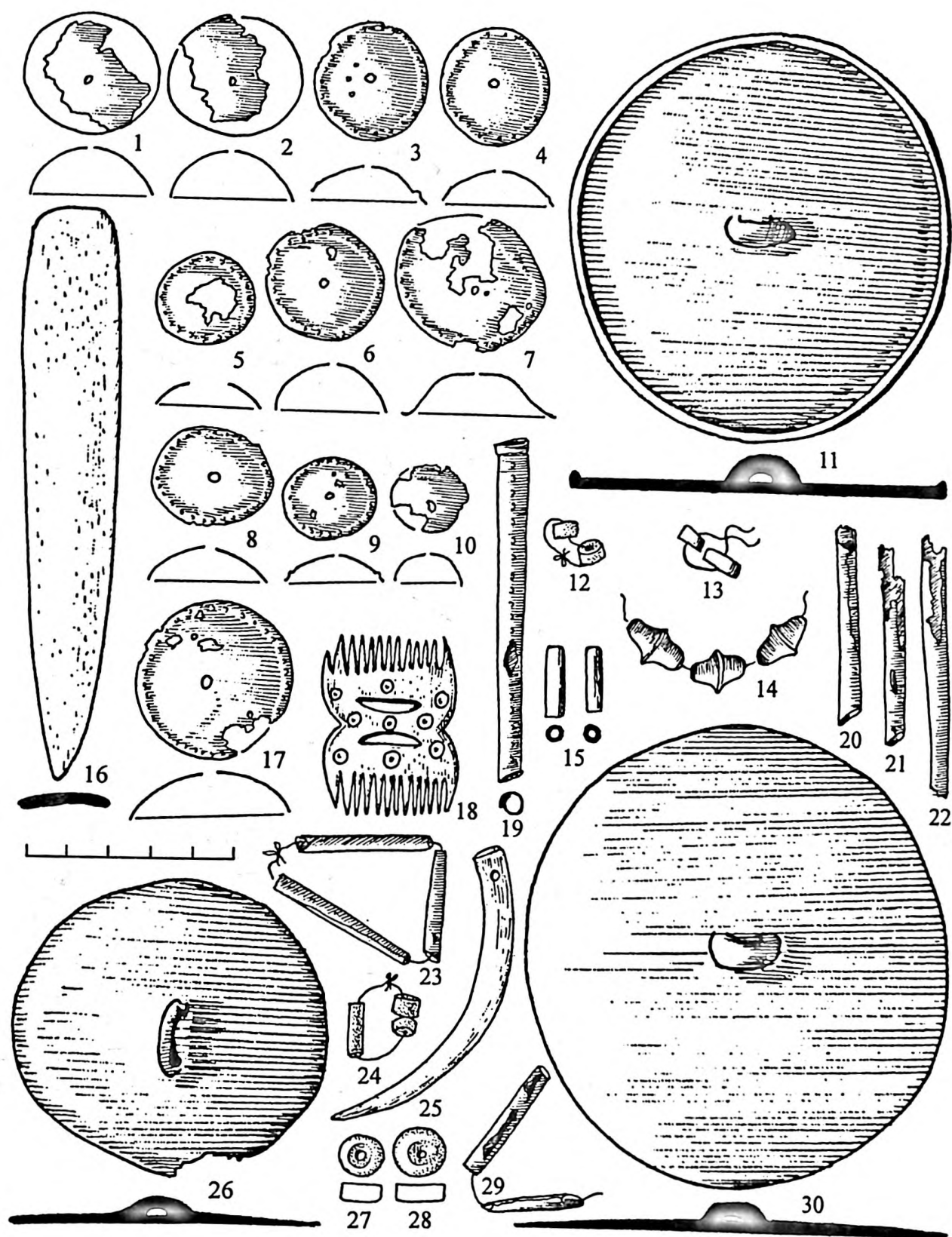

Табл. 37.

Черновая I: 1, 2, 18, 20–22, 25–27 – к. 1, м. 3; 3, 4, 15 – к. 2, м. 1; 5, 9, 30 – к. 3, м. 1;
 6 – к. 4, м. 2; 7, 11, 24, 28 – к. 9, м. 1; 8 – к. 8, м. 1; 10, 13, 29 – к. 5, м. 1;
 12, 14, 16, 19, 23 – к. 6, м. 2; 17 – к. 4, м. 1

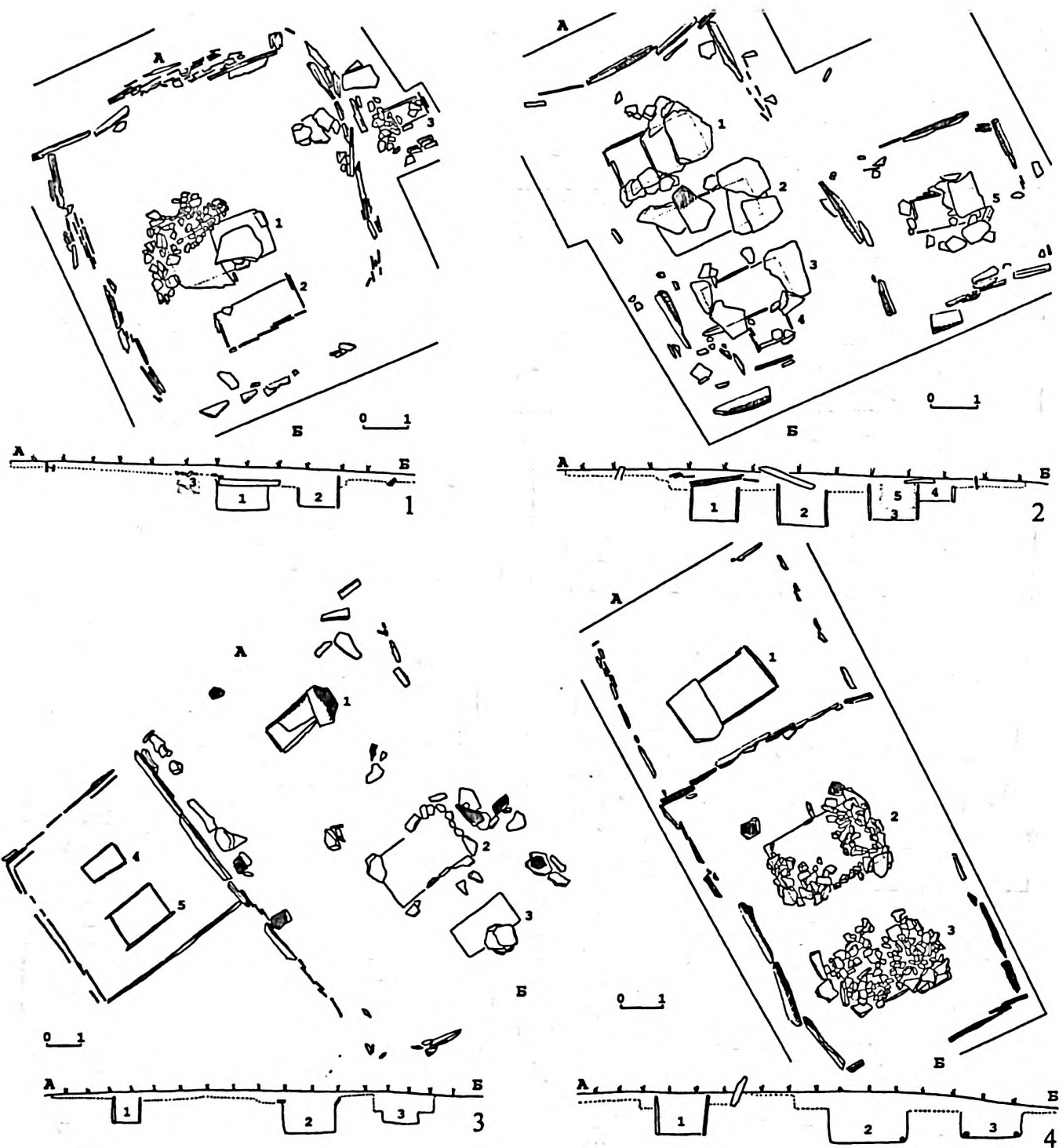

Табл. 38.
Новая Черная I: 1 — к. 1; 2 — к. 2; 3 — к. 5; 4 — к. 4

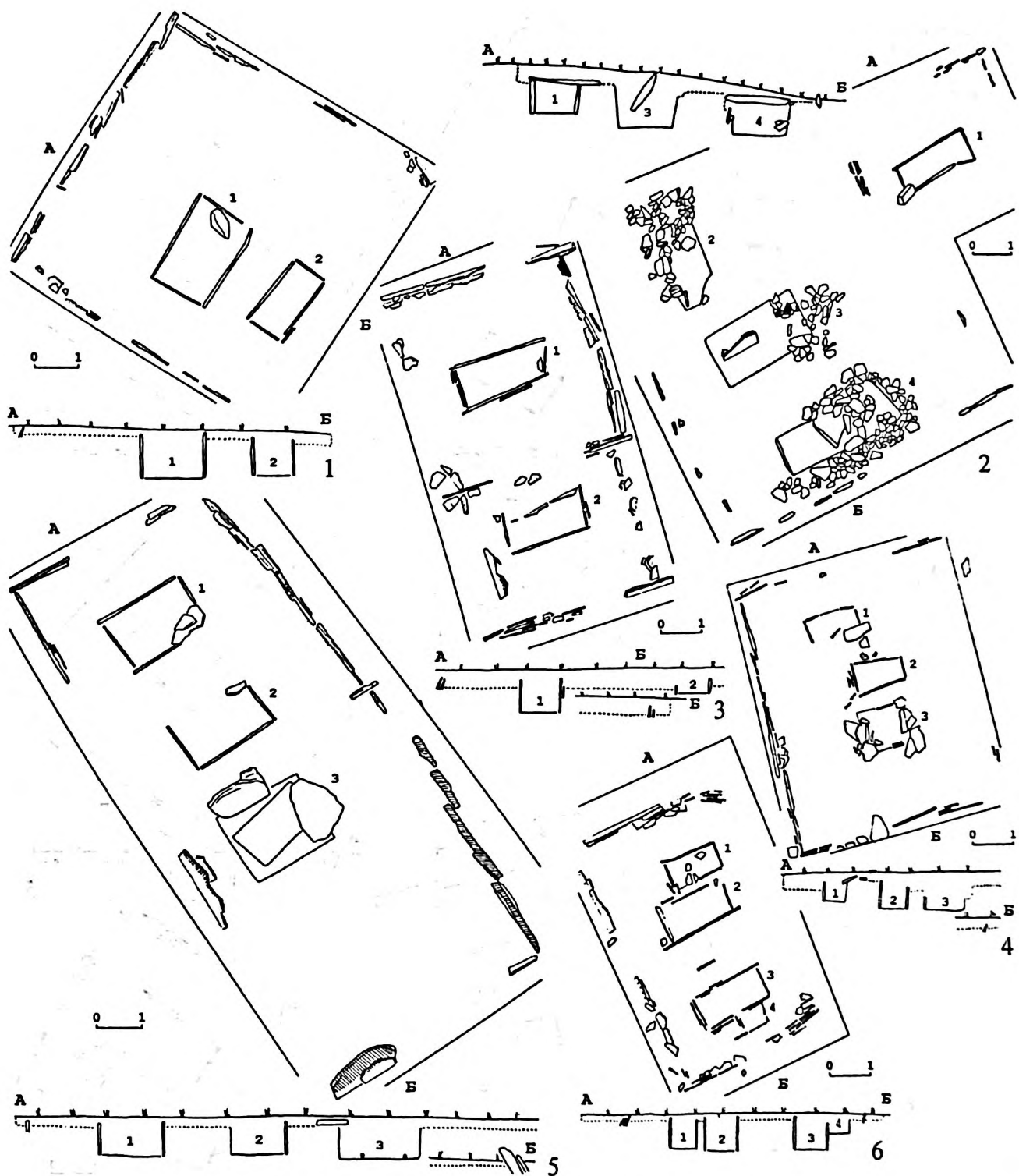

Табл. 39.

Новая Черная I: 1 — к. 7; 2 — к. 9; 3 — к. 8; 4 — к. 10; 5 — к. 6; 6 — к. 11

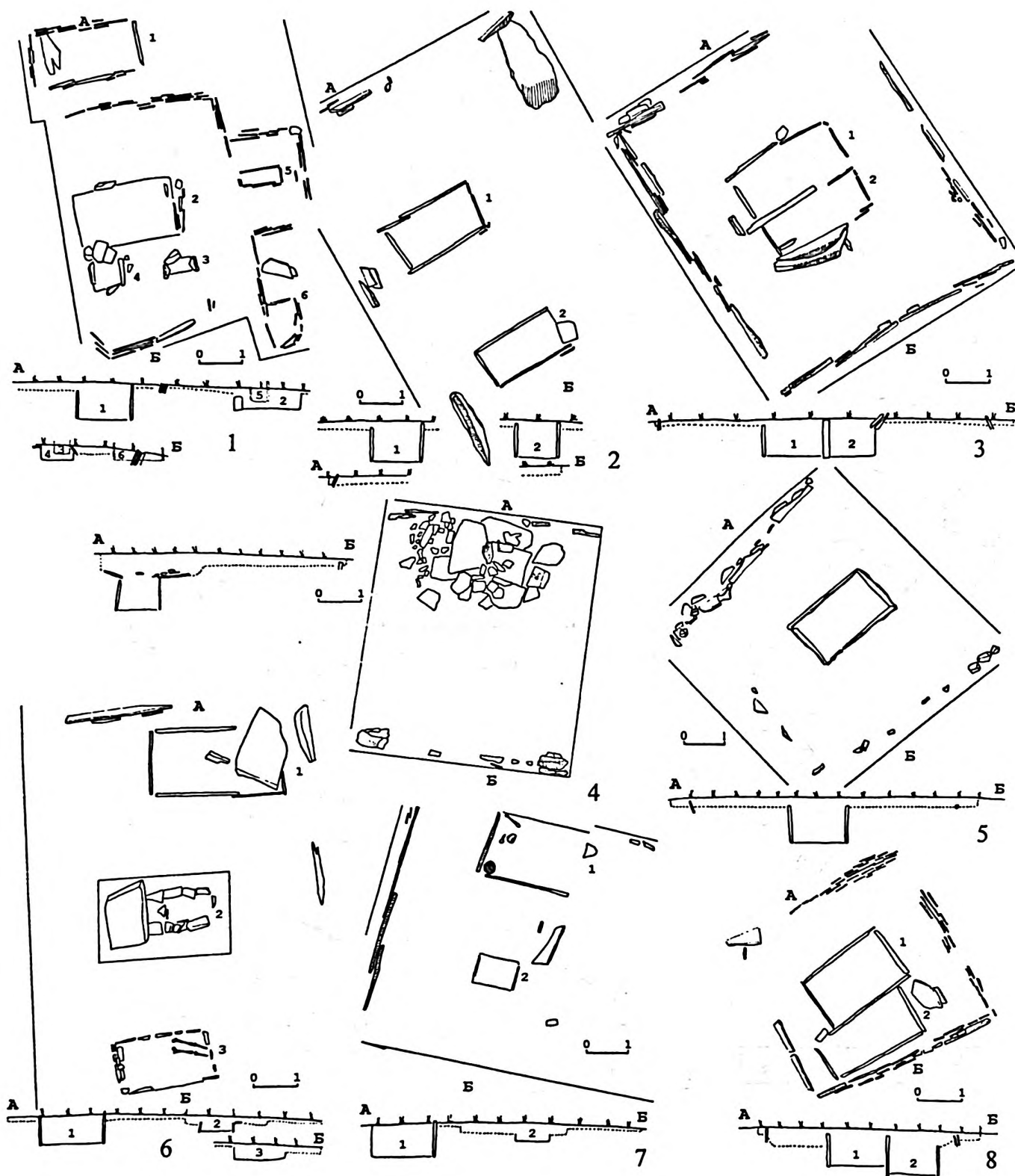

Табл. 40.

Новая Черная I: 1 — к. 14; 2 — к. 13; 3 — к. 12; 4 — к. 17; 5 — к. 20; 6 — к. 16; 7 — к. 15; 8 — к. 19

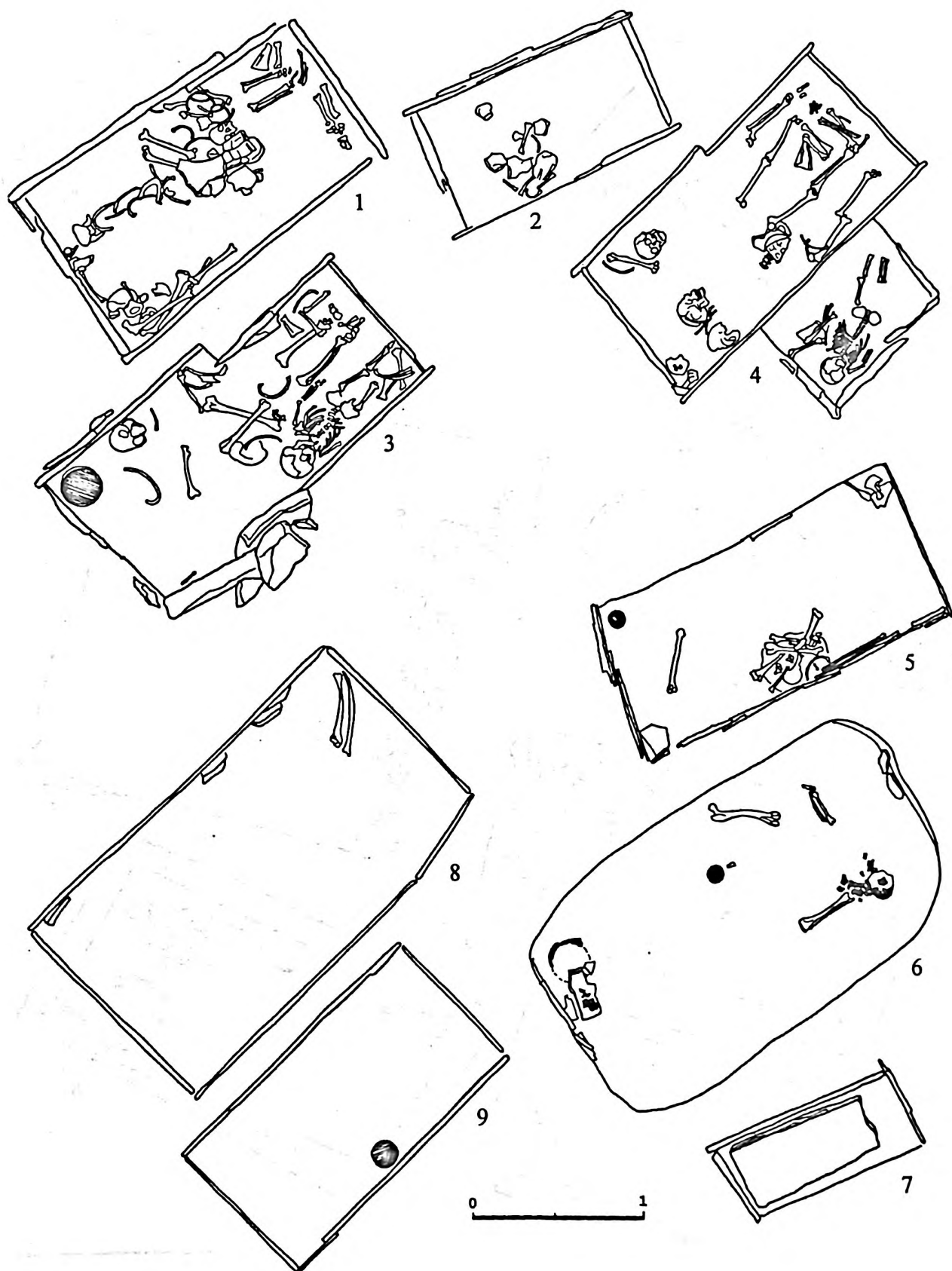

Табл. 41.

Новая Черная I: 1 — к. 2, м. 1; 2 — к. 2, м. 5; 3 — к. 2, м. 2; 4 — к. 2, м. 3, 4; 5 — к. 1, м. 2;
6 — к. 1, м. 1; 7 — к. 1, м. 3; 8 — к. 7, м. 1; 9 — к. 7, м. 2

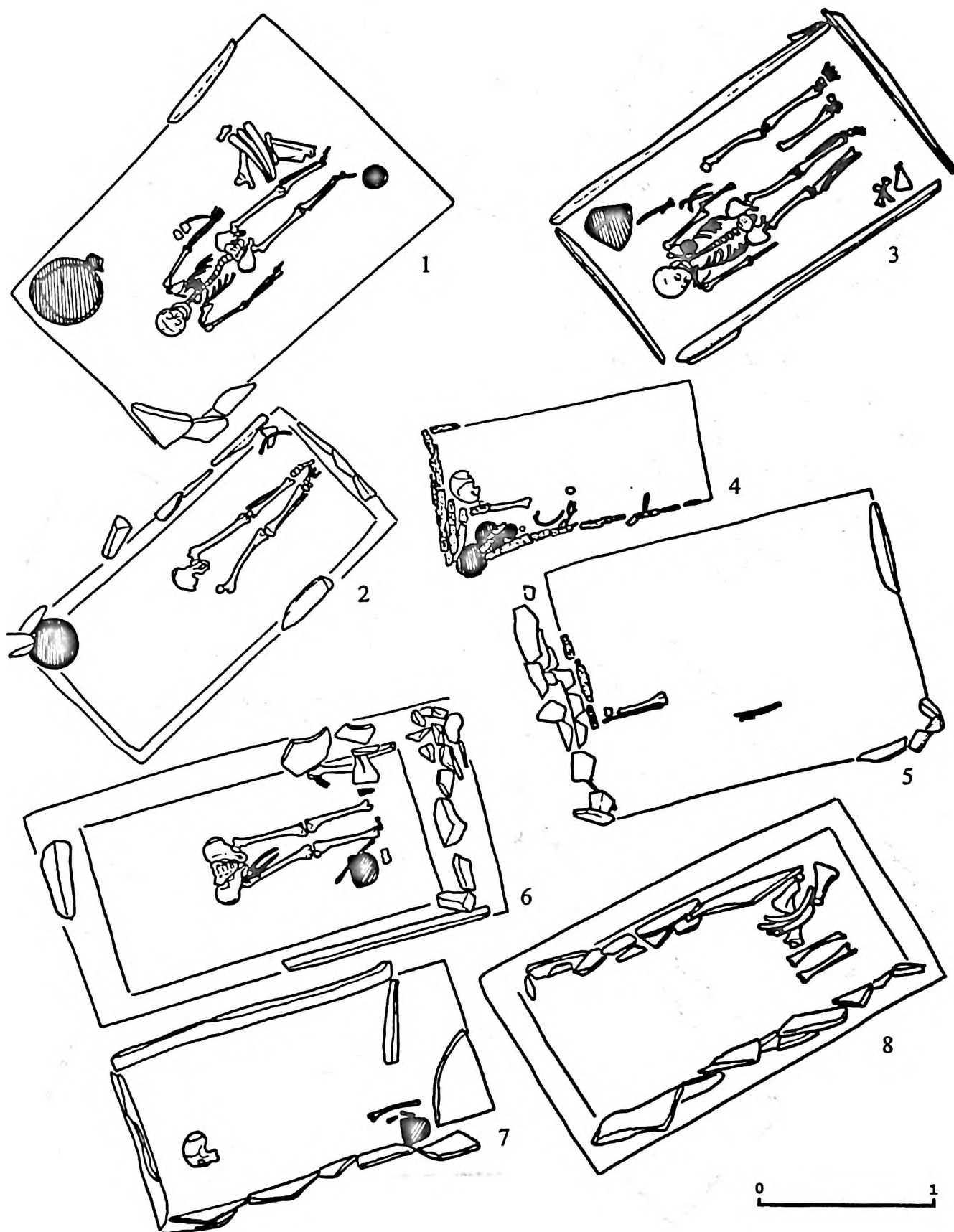

Табл. 42.

Новая Черная I: 1 — к. 3, м. 1; 2 — к. 3, м. 2; 3 — к. 4, м. 1; 4 — к. 4, м. 3; 5 — к. 4, м. 2;
6 — к. 9, м. 3; 7 — к. 9, м. 2; 8 — к. 9, м. 4

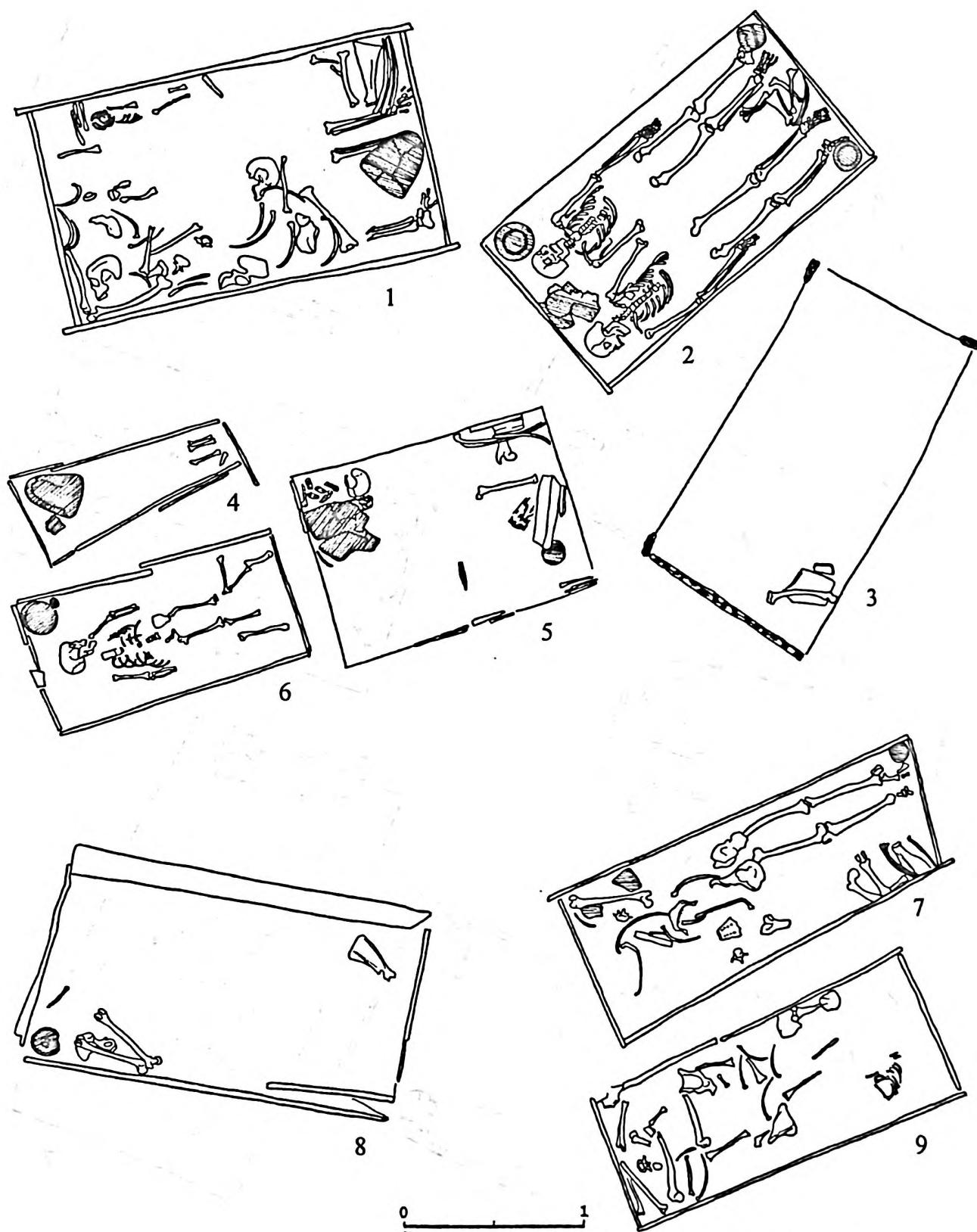

Табл. 43.

Новая Черная I: 1 — к. 6, м. 1; 2 — к. 6, м. 2; 3 — к. 6, м. 3; 4 — к. 10, м. 2; 5 — к. 10, м. 3;
6 — к. 10, м. 1; 7 — к. 8, м. 1; 8 — к. 15, м. 1; 9 — к. 8, м. 2

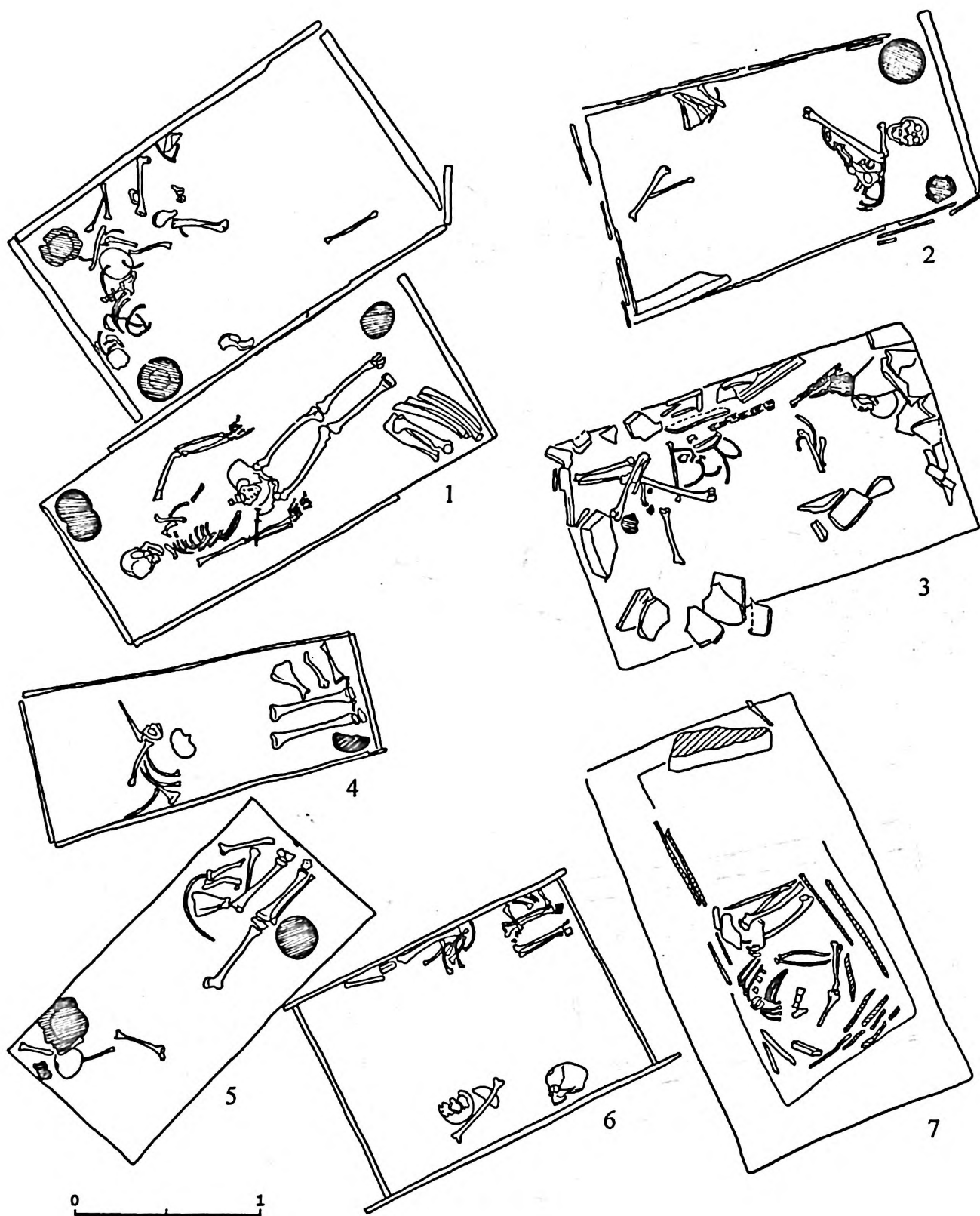

Табл. 44.

Новая Черная I: 1 — к. 19, м. 1, 2; 2 — к. 14, м. 1; 3 — к. 14, м. 2; 4 — к. 5, м. 1; 5 — к. 5, м. 3;
6 — к. 5, м. 5; 7 — к. 14, м. 6

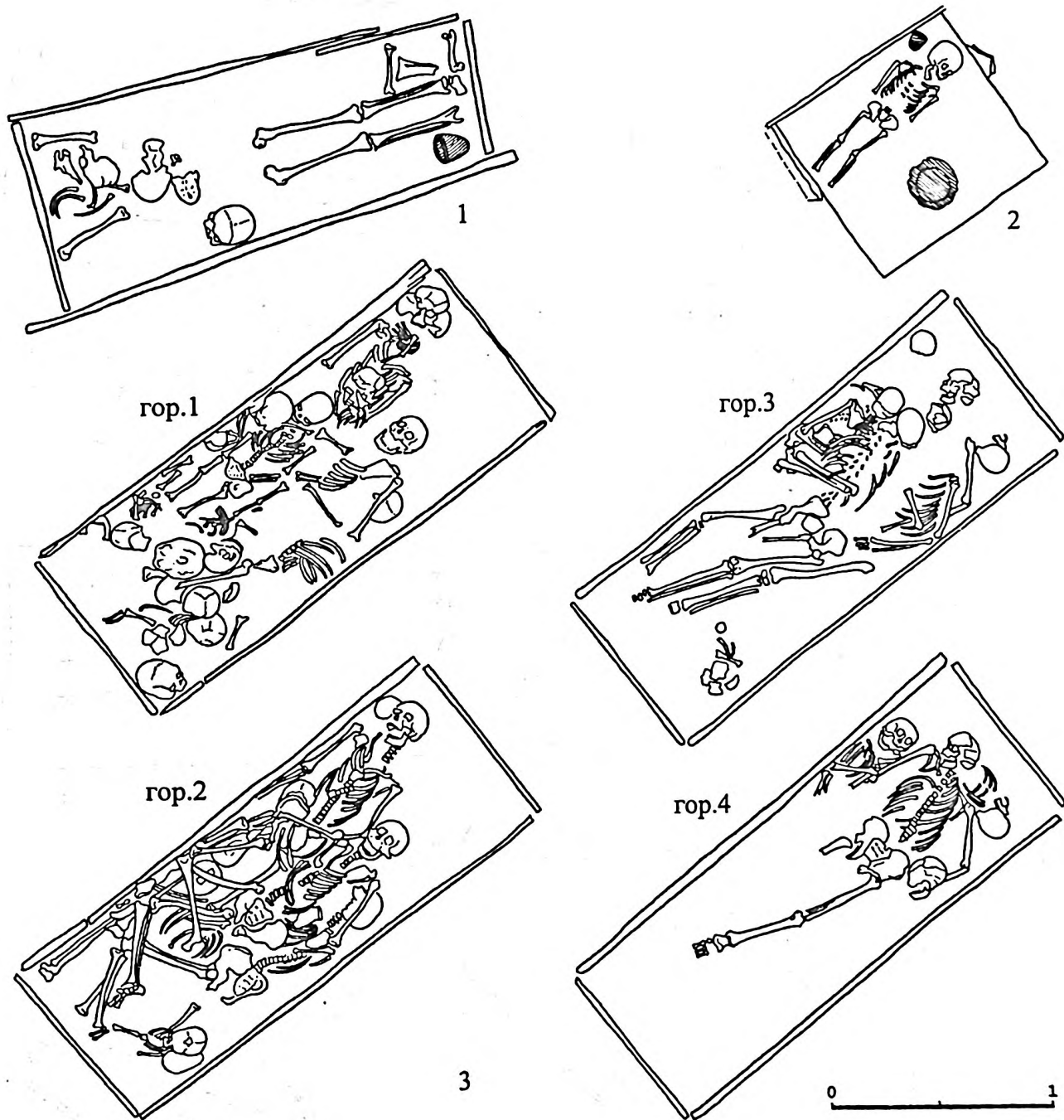

Табл. 45.
Новая Черная I: 1 — к. 11, м. 2; 2 — к. 11, м. 4; 3 — к. 11, м. 3

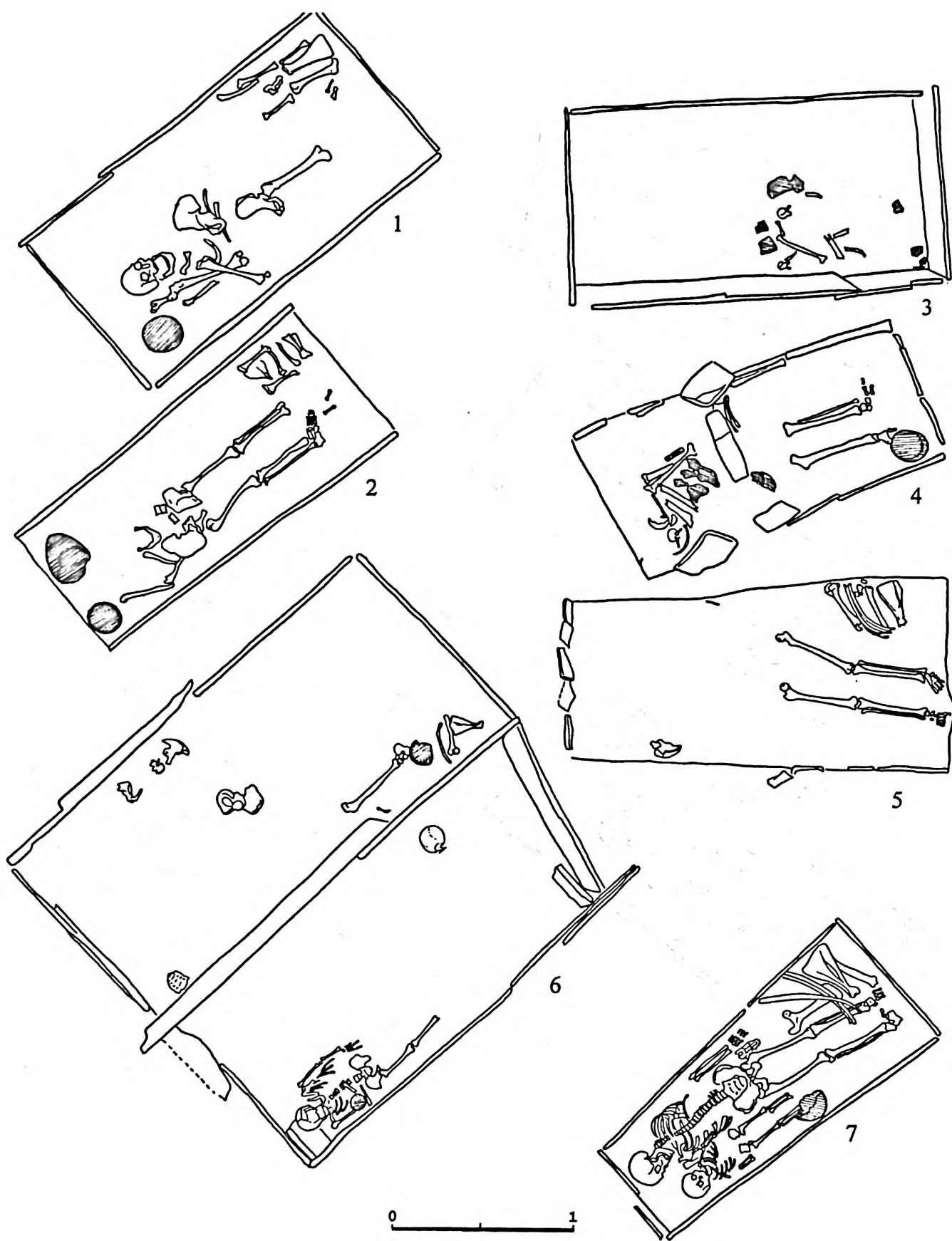

Табл. 46.

Новая Черная I: 1 — к. 13, м. 1; 2 — к. 13, м. 2; 3 — к. 16, м. 1; 4 — к. 16, м. 2; 5 — к. 16, м. 3;
6 — к. 12, м. 1, 2; 7 — к. 17

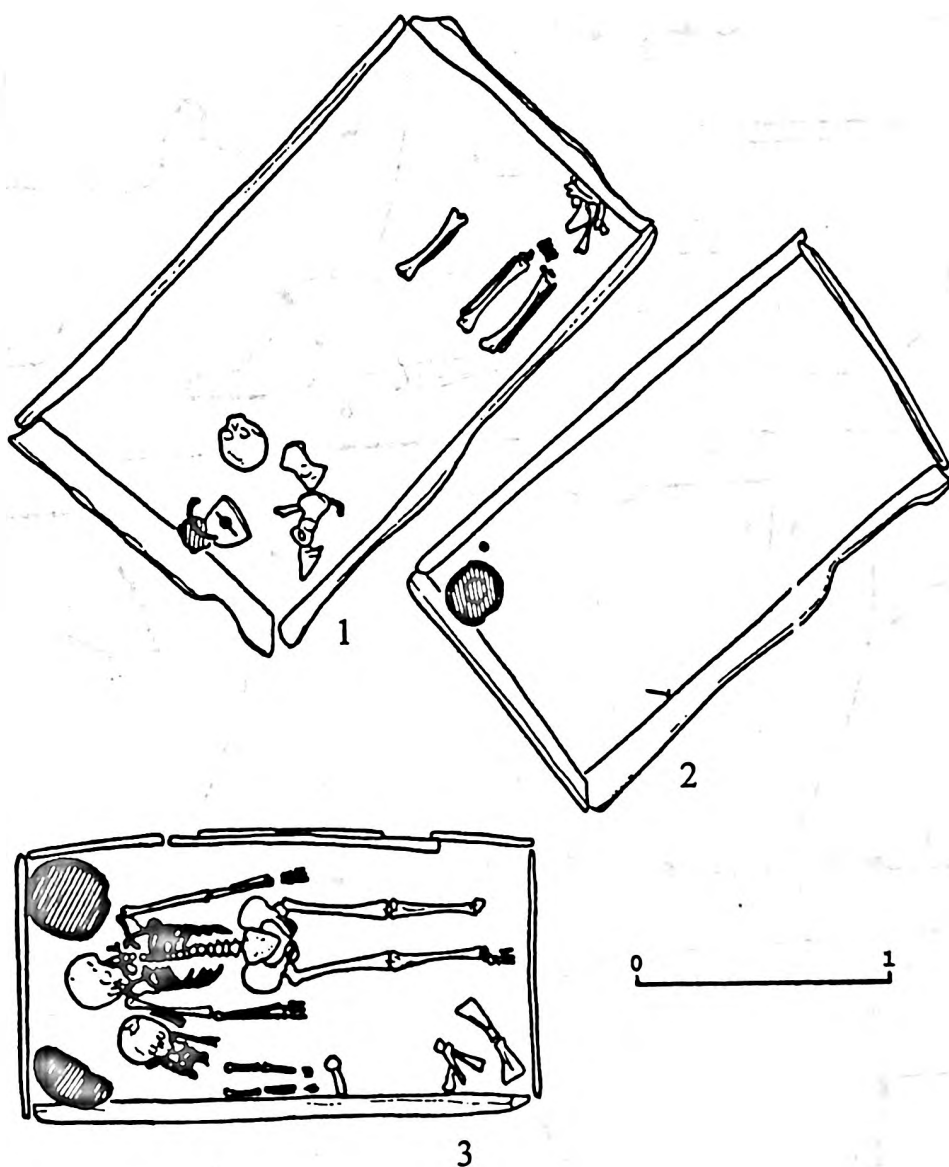

Табл. 47.

Новая Черная I: 1 — к. 20; 2 — к. 21; 3 — к. 22, м. 1

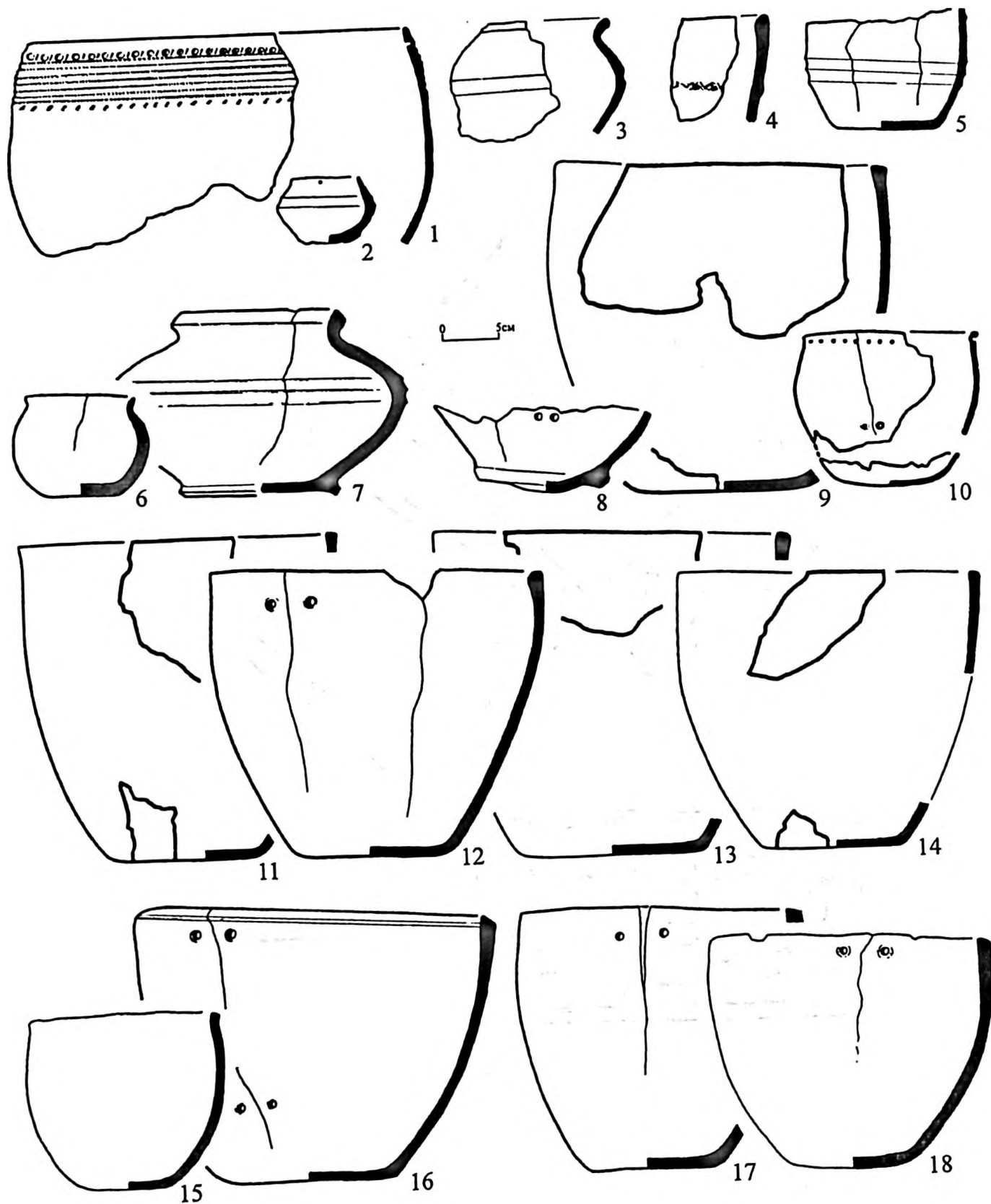

Табл. 48.

Новая Черная I: 1 — к. 3, м. 1; 2 — к. 4, м. 3; 3 — к. 21; 4 — к. 22; 5 — к. 6, м. 2; 6 — к. 6, м. 2; 7 — к. 6, м. 2; 8 — к. 22, м. 1; 9 — к. 9, м. 1; 10 — к. 3, м. 2; 11 — к. 2, м. 1; 12 — к. 6, м. 1; 13 — к. 5, м. 3; 14 — к. 11, м. 1; 15 — к. 13, м. 2; 16 — к. 22, м. 1; 17 — к. 10, м. 1; 18 к. 21

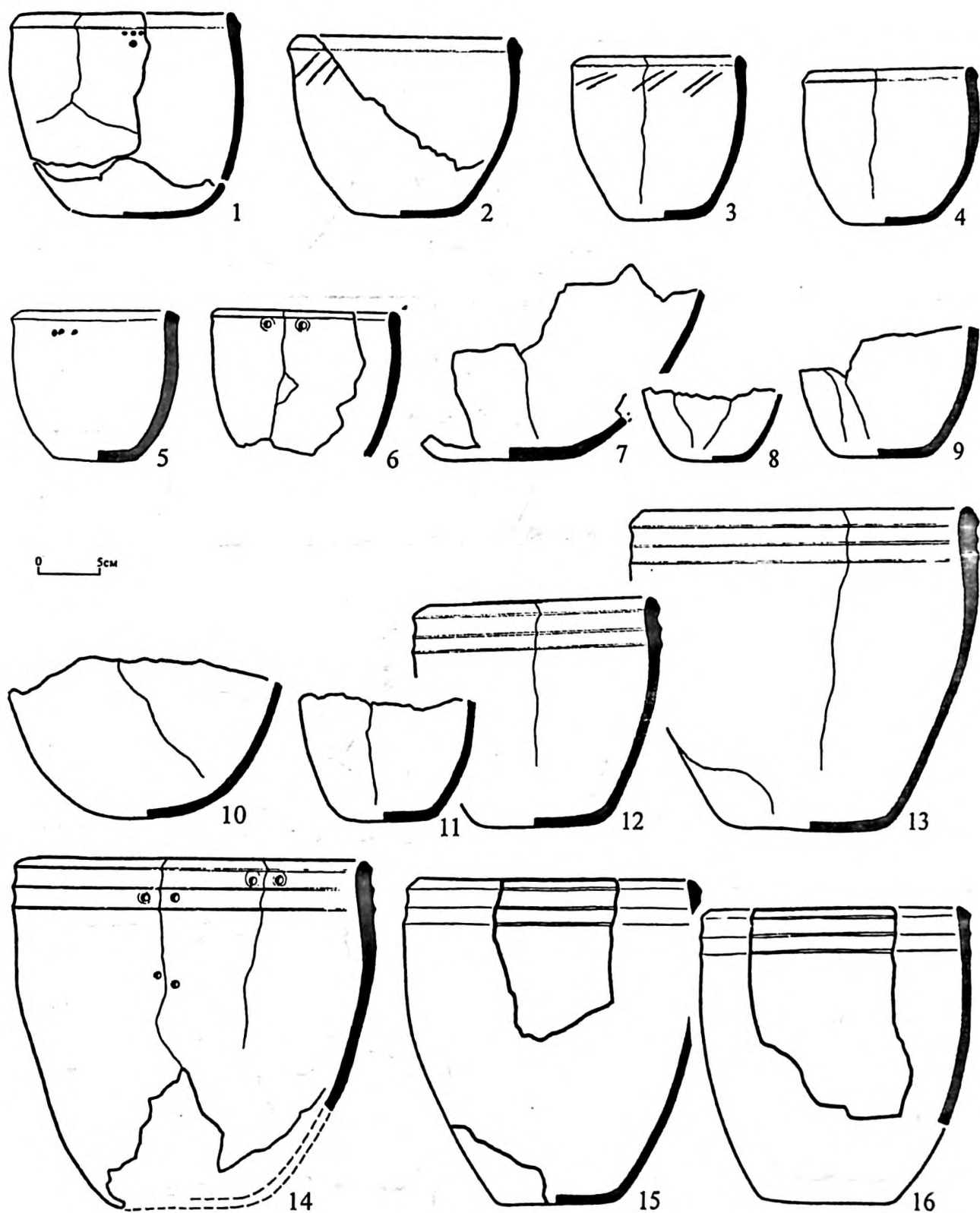

Табл. 49.

Новая Черная I: 1 — к. 2, м. 5; 2 — к. 11, м. 2; 3 — к. 9, м. 2; 4 — к. 1, м. 2; 5 — к. 4, м. 2, 5 — к. 4, м. 1; 6 — к. 9, м. 4; 7 — к. 6, м. 2; 8 — к. 6, м. 1; 9 — к. 8, м. 1; 10 — к. 13, м. 1; 11 — к. 7, м. 2; 12 — к. 10, м. 2; 13 — к. 8, м. 1; 14 — к. 1, м. 1; 15 — к. 20, м. 1; 16 — к. 7, м. 1

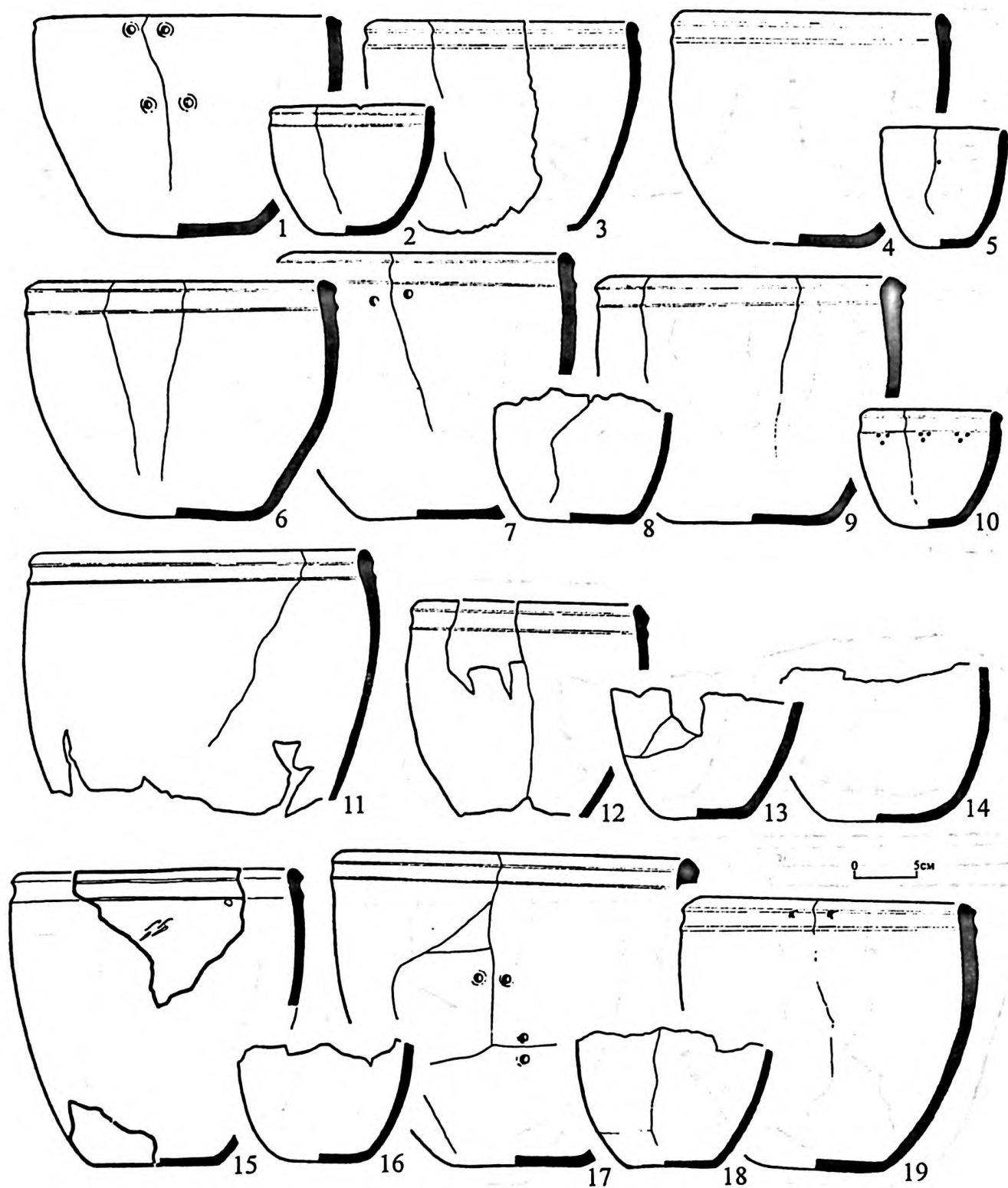

Табл. 50.

Новая Черная I: 1 — к. 19, м. 1; 2 — к. 5, м. 3; 3 — к. 4, м. 3; 4 — к. 19, м. 2; 5 — к. 10, м. 1; 6 — к. 21;
 7 — к. 13, м. 2; 8 — к. 10, м. 3; 9 — к. 14, м. 1; 10 — к. 11, м. 4; 11 — к. 10, м. 3; 12 — к. 5, м. 2;
 13 — к. 5, м. 1; 14 — к. 9, м. 3; 15 — к. 6, м. 3; 16 — к. 1, м. 1; 17 — к. 3, м. 2; 18 — к. 4, м. 3; 19 — к. 2, м. 2

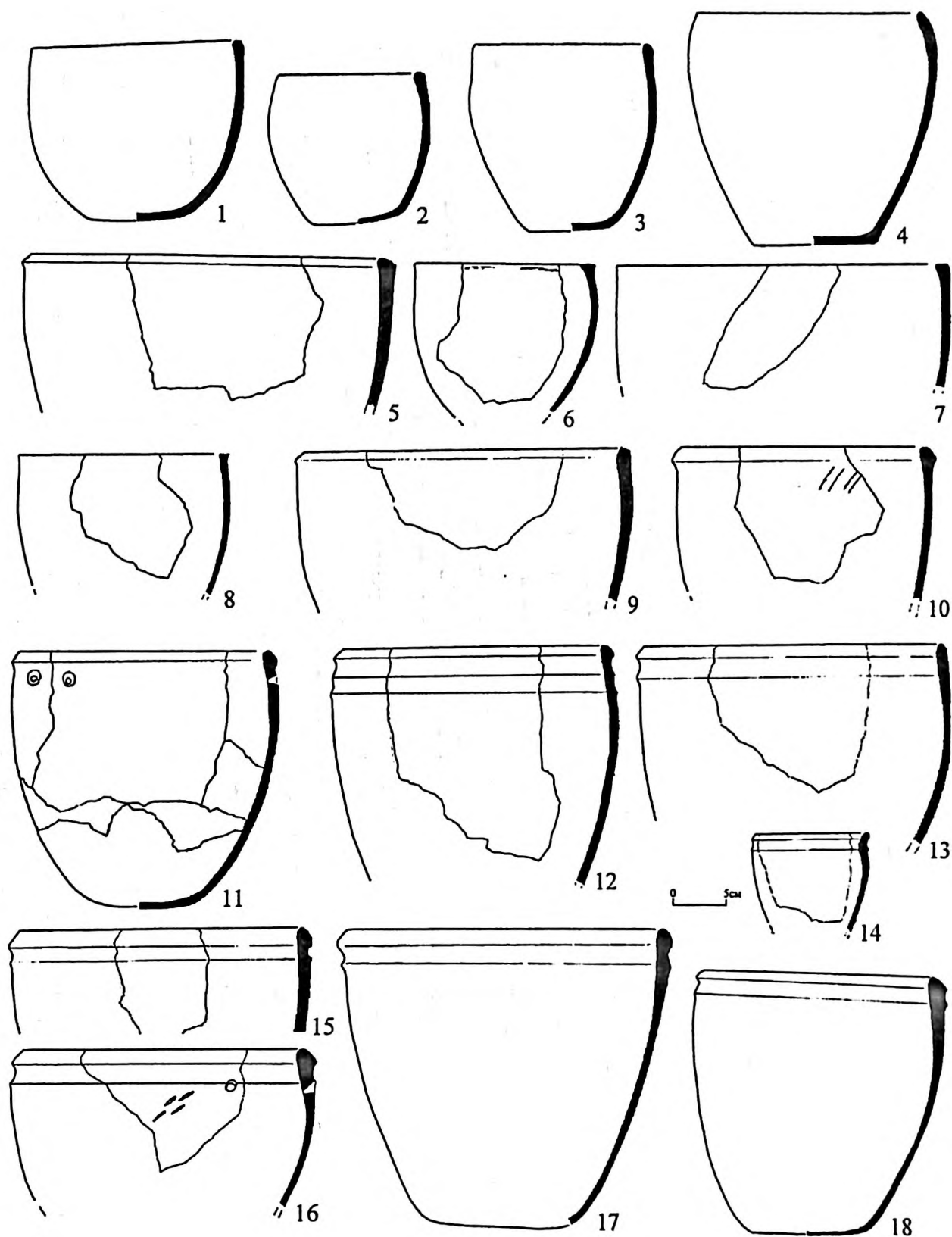
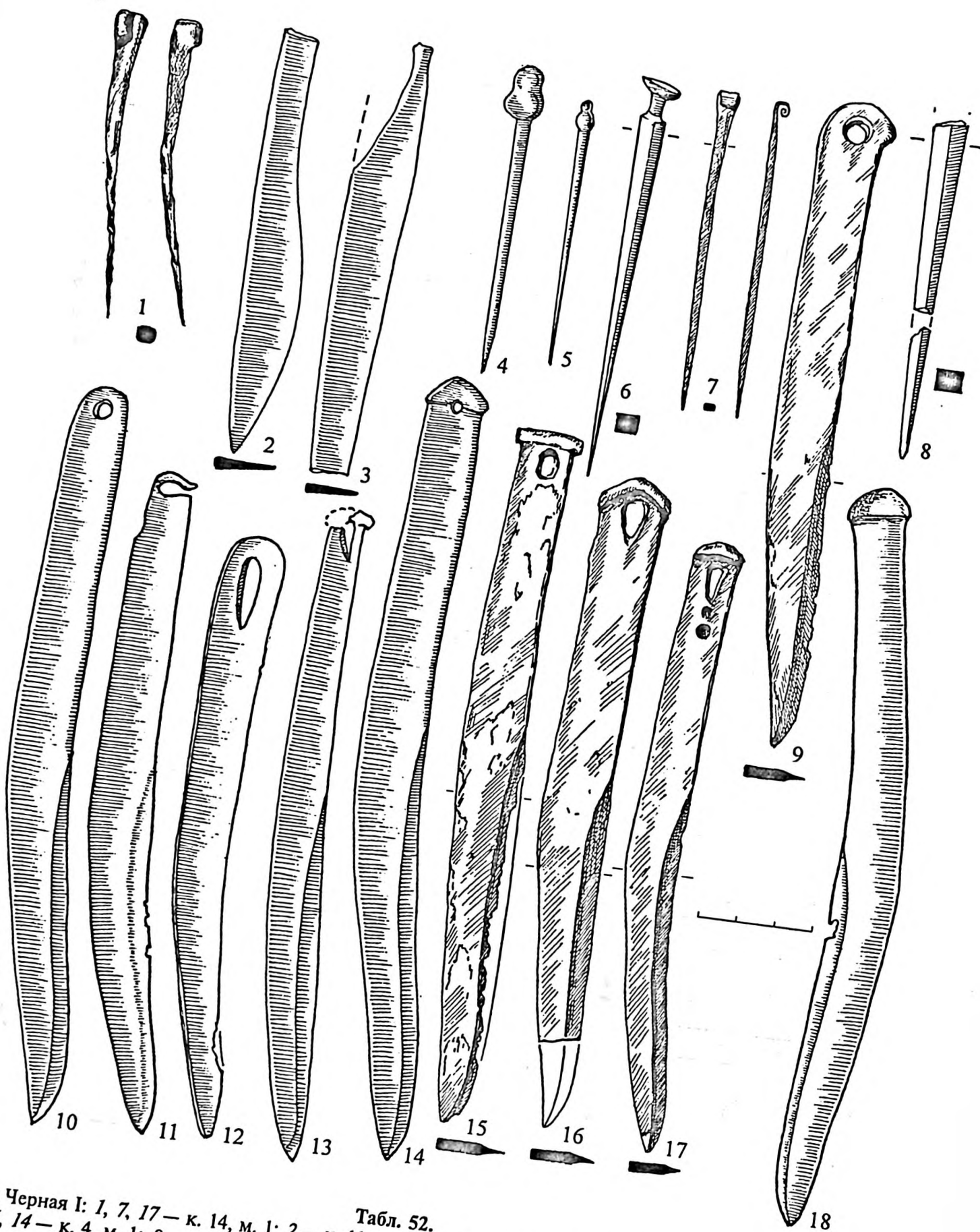

Табл. 51.

Новая Черная I: 1 — к. 3, м. 1; 2 — к. 12, м. 2; 3 — к. 15, м. 1; 4 — к. 4, м. 1; 5 — к. 16, м. 3;
 6, 7 — к. 11, м. 1; 8 — к. 2, м. 1; 9 — к. 5, м. 3; 10 — к. 16, м. 1; 11, 13 — к. 16, м. 2; 12 — к. 7, м. 2;
 14 — к. 2, м. 3; 15 — к. 14, м. 2; 16 — к. 6, м. 3; 17 — к. 5; 18 — к. 2, м. 2

Новая Черная I: 1, 7, 17 — к. 14, м. 1; 2 — к. 11, м. 3; 3, 15 — к. 10, м. 2; 4, 13 — к. 4, м. 2; 5 — к. 21, м. 1; 6, 14 — к. 4, м. 1; 8 — к. 5, м. 2; 9 — к. 16, м. 3; 10 — к. 4, м. 3; 11 — к. 22, м. 1; 12 — к. 3, м. 1; 16 — к. 15, м. 1; 18 — к. 9, м. 3.

Табл. 52.

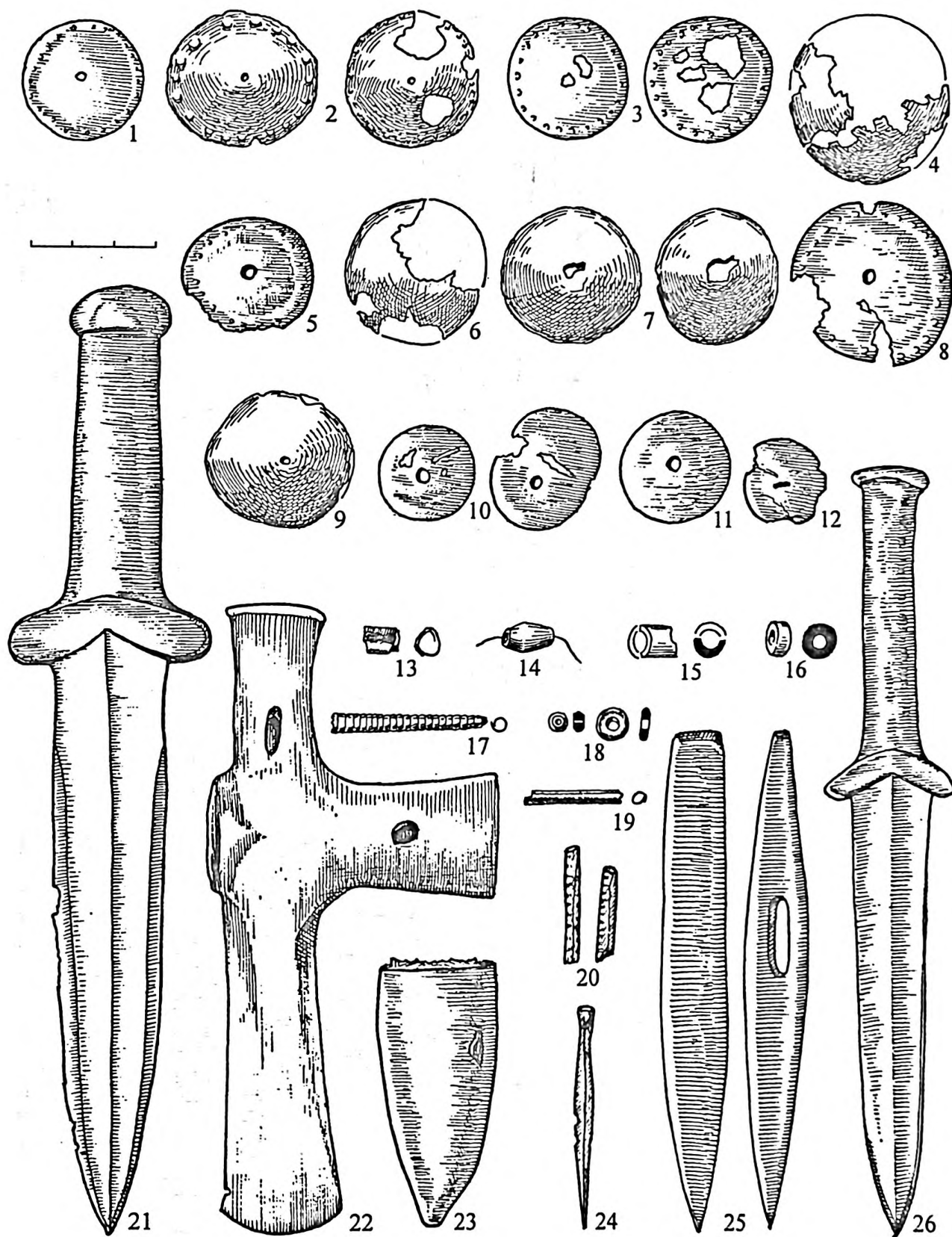

Табл. 53.

Новая Черная I: 1 — к. 5, м. 3; 2 — к. 1, м. 1; 3 — к. 4, м. 1; 5, 21, 23 — к. 9, м. 3;
 6, 17, 24 — к. 11, м. 1; 7, 13, 14 — к. 12, м. 1; 7, 13, 14 — к. 12, м. 1; 8 — к. 22, м. 1;
 9, 15, 16, 18, 19 — к. 14, м. 1; 10 — к. 17, м. 1; 11 — к. 3, м. 2; 12 — к. 21, м. 1; 20 — к. 9, м. 4;
 22 — к. 19, м. 2; 25 — к. 10, м. 3; 26 — к. 19, м. 2

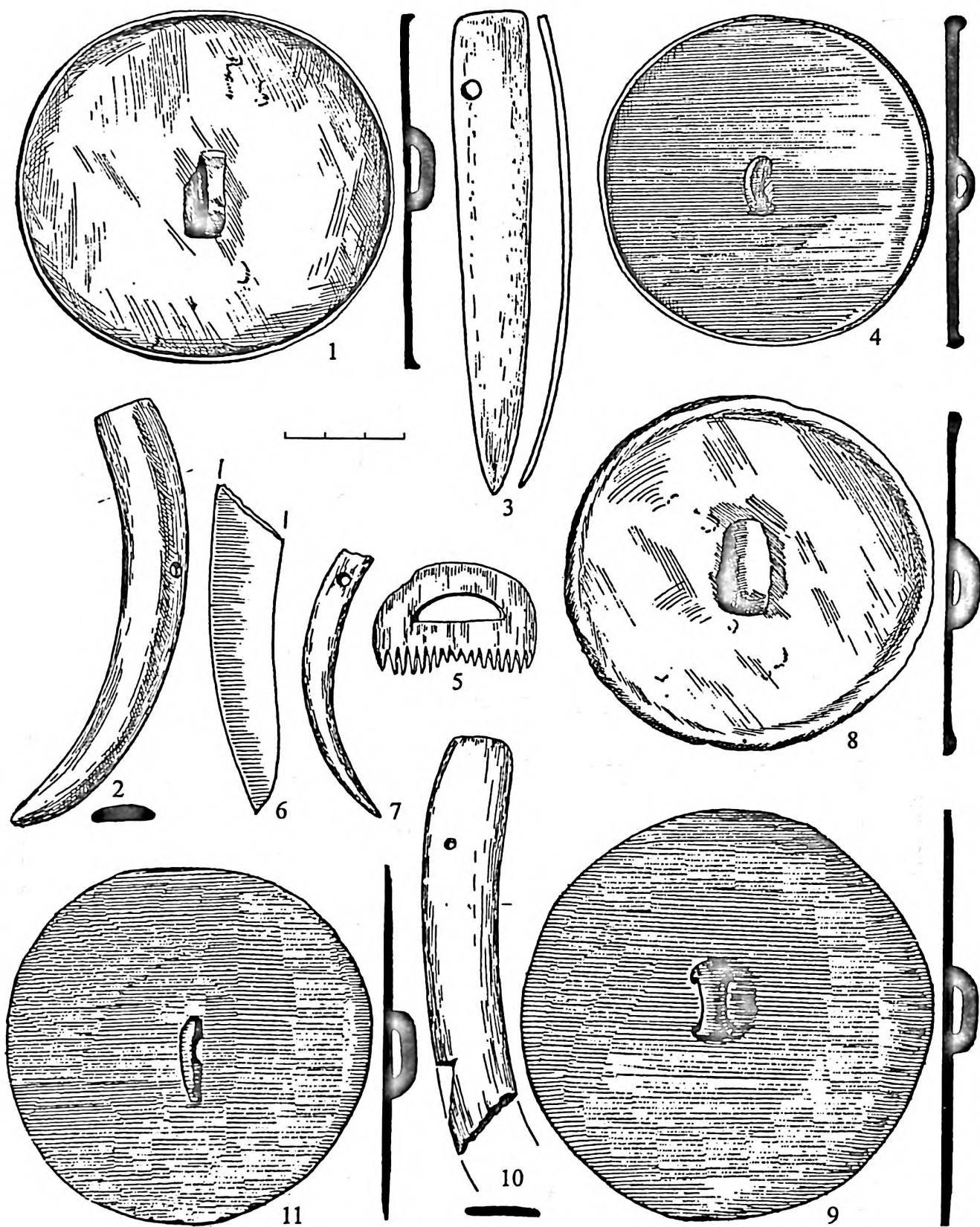

Табл. 54.

Новая Черная I: 1 — к. 5, м. 2; 2, 8 — к. 1, м. 1; 3 — к. 22, м. 1; 4, 6 — к. 3, м. 1; 5, 7 — к. 14, м. 1; 9 — к. 4, м. 1; 10 — к. 7, м. 1; 11 — к. 17, м. 1

ЛИТЕРАТУРА

- Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л., 1986.
- Грязнов М. П. Древняя бронза Минусинских степей // ТОИПК. Т. I. 1941.
- Грязнов М. П. Некоторые вопросы истории сложения и развития ранних кочевых обществ Казахстана и Южной Сибири // КСИЭ. Вып. 24. 1955.
- Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби // МИА. № 48. 1956.
- Грязнов М. П. Работы Красноярской экспедиции // КСИА. Вып. 100. 1965.
- Грязнов М. П. Аржан — царский курган раннескифского времени. Л., 1980.
- Грязнов М. П. Начальная фаза развития скифо-сибирских культур // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1983.
- Киселев С. В. Тагарская культура // ТСА РАНИОН. Т. 4. 1928.
- Киселев С. В. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г. // Ежегодник Гос. Музея им. Н. М. Мартянова. Т. 6, вып. 2. Минусинск, 1929.
- Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951.
- Козинцев А. Г. Демография тагарских могильников // СЭ. Вып. 6. 1971.
- Козинцев А. Г. Антропологический материал из могильников Туран I, II, III (предварительное сообщение) // Вопросы антропологии. Вып. 41. 1972.
- Козинцев А. Г. Антропологический состав и происхождение населения тагарской культуры. Л., 1977.
- Максименков Г. А. О значении некоторых тагарских погребений // Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1975.
- Максименков Г. А. О подходе к изучению памятников тагарской культуры // Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства. Кемерово, 1979.
- Сорокин В. С. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I в Западном Казахстане // МИА. № 120. 1962.
- Теплоухов С. А. Палеоэтнологические исследования в Минусинском крае // Этнографические экспедиции 1924 и 1925 гг. Л., 1926а.
- Теплоухов С. А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // МЭ. Т. 4, вып. 2. Л., 1929б.
- Членова Н. Л. Основные вопросы происхождения тагарской культуры // ВИСДВ. 1961.
- Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967.
- Членова Н. Л. Хронология памятников карасукской эпохи. М., 1972.
- Членова Н. Л. Центральная Азия и скифы. М., 1997.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВИСДВ	—	Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск
ГЭ	—	Государственный Эрмитаж
КСИА	—	Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР. М.
КСИЭ	—	Краткие сообщения Института этнографии Академии наук СССР. М.
МИА	—	Материалы по археологии СССР. М.; Л.
МЭ	—	Материалы по этнографии. Л.
СА	—	Советская археология. М.
СЭ	—	Советская этнография. М.
ТОИПКГЭ	—	Труды отдела истории первобытной культуры ГЭ. Л.
ТСА РАНИОН	—	Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. М.; Л.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА	5
МОГИЛЬНИК ГРИШКИН ЛОГ	
Введение	9
Глава 1. Материалы раскопок	11
Глава 2. Ограды и могилы	26
Глава 3. Посуда, инвентарь и погребальная пища	36
Глава 4. Погребальный обряд	44
Глава 5. Некоторые вопросы истории общества, оставившего могильник	60
§ 1. Демографические сведения о населении, оставившем могильник Гришкин Лог I	60
§ 2. Вопросы социальной организации	68
§ 3. Вопросы датировки могильника	73
МОГИЛЬНИК ЧЕРНОВАЯ I	
ВВЕДЕНИЕ	78
Глава 1. Материалы раскопок	79
Глава 2. Ограды и могилы	83
Глава 3. Посуда, инвентарь и погребальная пища	88
Глава 4. Погребальный обряд	92
Глава 5. Некоторые данные о социальной структуре общества, оставившего могильник	97
Глава 6. Вопросы датировки могильника	101
МОГИЛЬНИК НОВАЯ ЧЕРНАЯ I	
Введение	104
Глава 1. Материалы раскопок	105
Глава 2. Ограды и могилы	112
Глава 3. Посуда, инвентарь и погребальная пища	117
Глава 4. Погребальный обряд	122
Глава 5. Некоторые вопросы истории общества, оставившего могильник	130
§ 1. Вопросы социальной организации	130
§ 2. Вопросы датировки могильника	134
ИЛЛЮСТРАЦИИ	136
ЛИТЕРАТУРА	191
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	191